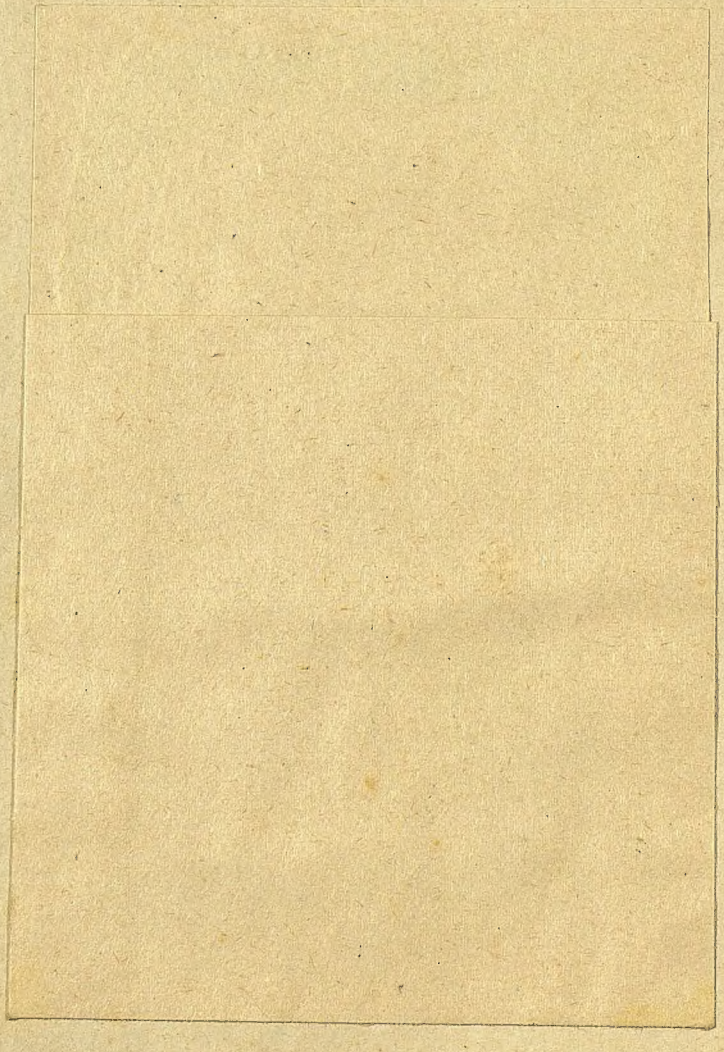
Русская Старина

№ 4

1906 г.



Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Книга на домъ не выдается

Годъ XXXVII-й. АПРѢЛЬ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки княгини Дашковой . . . . . 5 — 61
II. Въ Болгаріи. (Воспоминанія офицера генеральнаго штаба) П. Паренсова 62 — 78
III. Записки В. А. Инсарскаго. 79 — 108
IV. Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго . . . 109—156
V. Изъ семейнаго архива графа Нессельроде. II. Майкова . . . . 157—179
VI. Историческія замѣтки: Князь Сергѣй Долгоруковъ . . . . . 180—193
Масонство и французская революція. . . . . 193—231
VII. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Вл. Григорьевъ. Избирательное право и организація выборовъ (Въ связи съ положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу и съ приложеніемъ текста узаконеній 6-го августа 1905 г.). Цѣна 40 к.

Среди массы институтовъ государственнаго права вопросъ объ организаціи выборовъ пріобрѣтаетъ въ наше время все больше и больше значенія. Постигнувъ на опытѣ, что красивыя слова, написанныя на листѣ бумаги, именуемомъ конституціею,—не имѣютъ ровно никакого значенія, если не обезпечено реальное осуществленіе правъ, велерѣчиво провозглашенныхъ въ разнаго рода декларацiяхъ,—современные народы обратили свое вниманіе на разработку и проведеніе въ законодательствѣ тѣхъ мѣропріятій, которыя способны дѣйствительно гарантировать населенію пользованіе политическою свободою.

Въ виду интереса, который проявляется теперь во всѣхъ общественныхъ кругахъ ко всякаго рода вопросамъ государственной жизни,—появленіе книги г. Григорьева, составленной изъ статей его, разновременно помѣщенныхъ въ газетѣ „Слово“,—нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ.

Новаго, въ смыслѣ научной разработки вопросовъ выборной организаціи, въ этой книгѣ, конечно,—не много. Въ ней суммировано то, что давно написано въ различныхъ учебникахъ русскаго и иностраннаго государственнаго права и въ монографіяхъ о выборахъ, и нельзя не быть благодарнымъ автору за популяризацію научныхъ данныхъ по этому вопросу, въ особенности у насъ, при низкомъ уровнѣ политическаго образованія.

Книга состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ первой главѣ разсматриваются условія избирательнаго права. Первый вопросъ, который возникаетъ, разъ рѣчь заходитъ о выборахъ—вопросъ о томъ, кто и кого будетъ выбирать; кто имѣетъ право участія въ выборахъ—активное избирательное право; кого можно выбирать или кто имѣетъ право быть выбраннымъ—пассивное избирательное право; стало быть, первый вопросъ—о составѣ избирательной коллегіи.

Казалось бы,—замѣчаетъ авторъ,—если представительство имѣетъ задачею быть, такъ сказать, зеркаломъ всего населенія,—каждый долженъ имѣть право участвовать въ выборахъ. На дѣлѣ, однако же, далеко не такъ. Даже тамъ, гдѣ принято начало всеобщаго избирательнаго права (напр., во Франціи, Австріи, Германской имперіи), установлены извѣстныя общія ограниченія, въ силу которыхъ огромная масса населенія въ выборахъ не участвуетъ. Къ общимъ условіямъ участія въ политическихъ выборахъ относятся подданство. Иностранцы, по общему правилу, избирательными правами не пользуются. Оно и понятно: представители считаются представителями всего народа, а не отдѣльныхъ его группъ. Почти повсемѣстно пользованіе политическими правами предоставлено лицамъ мужескаго пола; исключенія (нѣкоторые штаты Сѣверной Америки, Новая Зеландія)—очень рѣдки. Третье ограниченіе относится къ возрасту,—дѣти и подростки нигдѣ въ выборахъ не участвуютъ. Въ-4-хъ, избирательными правами не пользуются военные, состоящіе на дѣйствительной службѣ; иначе или участіе войскъ въ выборахъ послужитъ въ подрывъ дисциплинѣ, или создастъ въ рукахъ правительства слишкомъ грозный элементъ для давленія на остальныхъ избирателей. Пятымъ условіемъ участія въ политическихъ выборахъ повсемѣстно признается неопорочennость посуду и, аналогично этому, 6-мъ условіемъ — отсутствіе умаленія гражданской дѣеспособности. Лица, подвергшіяся, по судебному приговору, уголовному наказанію, состоящія подъ опекою или конкурсомъ, банкроты—даютъ своимъ прошлымъ поведеніемъ основаніе предполагать, что они не заслуживаютъ общественнаго довѣрія и не могутъ считаться достойными избранія въ народные представители. Слѣдуетъ упомянуть еще одно общее условіе избирательнаго права, хотя нельзя съ увѣренностью сказать, что оно признается повсемѣстно: это пользованіе общественнымъ призрѣніемъ; зависимое положеніе такихъ лицъ даетъ слишкомъ много основаній опасаться, будутъ ли они на выборахъ достаточно независимы.

Кромѣ перечисленныхъ семи общихъ условій избирательнаго права, которыя признаются рѣшительнымъ большинствомъ конституцій, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ встрѣчаются еще особыя ограниченія,—цензъ имущественный и умственный. Въ основаніи имущественнаго ценза лежатъ слѣдующія соображенія. Только матеріальный достатокъ обезпечиваетъ человѣку извѣстное образованіе, необходимое для пониманія политическихъ вопросовъ, даетъ ему независимость положенія, необходимую для выработки политическихъ убѣжденій, и свободу отъ внѣшнихъ вліяній и обезпечиваетъ досугъ, который онъ можетъ посвящать общественной дѣятельности. Кромѣ имущественнаго ценза нѣкоторыя законодательства признаютъ еще умственный цензъ, который или является дополненіемъ къ имущественному, или существуетъ самостоятельно.

Вторая глава отведена авторомъ системамъ выборовъ; въ третьей говорится о порядкѣ выборовъ. Кромѣ самой системы выборовъ имѣетъ значеніе и рядъ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ ихъ организаціей. Это вопросы порядка выборовъ: о прямыхъ и косвенныхъ выбо-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Центральная Рабочая
Библіотека-Читальня
московскаго совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ.

1906.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1906.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

252574
49 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

43252

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1906 годъ.

Тридцать седьмой годъ изданія.

Если исторія народа описывается на основаніи государственныхъ документовъ, хранящихся въ пыли архивовъ, то это далеко не есть еще исторія народа и его жизни. Архивныя свѣдѣнія, на сколько они доступны для частнаго человѣка, конечно, имѣютъ свою цѣну. Но эти свѣдѣнія рисуютъ только одну сторону,—оффиціальную,—поясняютъ, такъ сказать, внѣшнюю, показную жизнь народа въ извѣстную эпоху. И если бы пришлось ограничиваться только этою стороною, то мы были бы очень далеки отъ задачи полнаго историческаго описанія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ въ разное время.

Вотъ почему дополненіемъ къ исторіи и служатъ бытовыя описанія внутренней жизни народа, а матеріалъ для этого заключается въ историческихъ воспоминаніяхъ, историческихъ изслѣдованіяхъ, мемуарахъ и запискахъ частныхъ лицъ, въ дневникахъ, въ описаніяхъ бытовой жизни въ разныя эпохи. Нерѣдко дневникъ простаго обывателя своими правдивыми разсказами лучше всякаго оффиціальнаго документа нарисуетъ бытовой характеръ русской старины и въ яркомъ свѣтѣ изобразитъ умственный и нравственный строй народа въ извѣстную эпоху.

Поэтому журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) историческія изслѣдованія; 2) записки, воспоминанія и дневники разныхъ лицъ; 3) очерки и разсказы; 4) жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи и вообще западной исторической бытовой старины; 9) народную словесность; 10) архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, какъ гражданскихъ, такъ военныхъ и духовныхъ, при благосклонномъ участіи которыхъ журналъ издается въ теченіе 36 лѣтъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка, по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

за 1897—1902 г.г.

Цѣна съ пересылкою для подписчиковъ „Русской Старины“ 1 рубль, а для всѣхъ остальныхъ 1 рубль 50 коп.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совѣта
Профессиональныхъ Союзовъ

Записки княгини Дашковой.

V [1]).

Съ отъѣздомъ двора въ Петергофъ, въ началѣ лѣта, я была болѣе свободна, чѣмъ думала, и, отдѣлавшись отъ вечернихъ собраній у императора, съ удовольствіемъ осталась въ городѣ. Въ это время многіе гвардейцы, негодуя на скорый походъ противъ Даніи, обнаруживали сильные признаки раздраженія и начали распускать молву, что жизнь императрицы въ опасности и что, слѣдовательно, присутствіе ихъ необходимо дома. Поэтому я уполномочила нѣкоторыхъ офицеровъ изъ своей партіи увѣрить солдатъ, что я каждодневно вижу государыню и ручаюсь извѣстить ихъ, когда настанетъ благопріятная минута возстанія.

Затѣмъ грозная тишина воцарилась до 27-го іюня, до того знаменитаго дня, въ который приливы надежды и страха, восторга и скорби волновали грудь каждаго заговорщика. Когда я поразмыслю о событіяхъ этого дня, о славной реформѣ, совершенной безъ плана, безъ достаточныхъ средствъ, людьми различныхъ и даже противуположныхъ убѣжденій и характеровъ, многіе изъ которыхъ едва знали другъ друга, не имѣли между собой ничего общаго, за исключеніемъ одного желанія, увѣнчаннаго случайнымъ, но болѣе полнымъ успѣхомъ, чѣмъ можно было ожидать отъ самаго строгаго и глубоко-обдуманнаго плана—когда я поразмыслю обо всемъ этомъ, нельзя не признать воли Провидѣнія, руководившей шаткими и слабыми нашими стремленіями. Если бы участники искренно сознались, какъ много они обязаны случаю и удачѣ своимъ успѣхомъ, они должны бы менѣе гордиться собственными ихъ заслугами. Что касается до

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1906 г.

меня, то я, положа руку на сердце, говорю, что хотя мнѣ принадлежала первая доля въ этомъ переворотѣ—въ низверженіи неспособнаго монарха, за всѣмъ тѣмъ я изумляюсь факту: ни историческіе опыты, ни пламенное воображеніе восемнадцати вѣковъ не представляютъ примѣра такого событія, которое осуществилось передъ нами въ нѣсколько часовъ.

Въ полдень 27-го іюня Григорій Орловъ привезъ мнѣ извѣстіе объ арестѣ Пассека. Пассекъ и Бредихинъ были у меня вечеромъ наканунѣ, предупредивъ объ опасности, которой угрожало нетерпѣніе солдатъ, въ особенности гренадеровъ; повѣривъ распущеннымъ слухамъ относительно императрицы, они открыто говорили противъ Петра III и громко требовали, чтобы ихъ вели противъ гольштинскихъ отрядовъ въ Ораніенбаумъ. Желая успокоить тревогу этихъ двухъ молодыхъ людей, я подтвердила имъ свою личную готовность встрѣтить опасность и просила ихъ еще разъ увѣрить солдатъ, прямо отъ меня въ томъ, что императрица совершенно благополучна, живетъ на свободѣ въ Петергофѣ, и что они должны быть спокойны и покорны приказаніямъ другихъ, иначе дѣло будетъ проиграно. Пассекъ и Бредихинъ немедленно отправились въ казармы съ моимъ порученіемъ, но среди общей суматохи наша тайна дошла до свѣдѣнія Преображенскаго полка, маіора Воейкова, который сейчасъ же арестовалъ Пассека и такимъ образомъ ускорилъ счастливую развязку катастрофы.

Когда Орловъ извѣстилъ меня объ этомъ арестѣ, не зная ни причины, ни подробности его, со мной находился Панинъ; со свойственной его характеру флегмой и медлительностью, а можетъ быть и изъ желанія скрыть отъ меня опасность, онъ, повидимому, считалъ это происшествіе менѣе серьознымъ, чѣмъ я, и представлялъ его, какъ слѣдствіе какого-нибудь военнаго проступка. Напротивъ, я приняла его за сигналъ рѣшительнаго дѣйствія, хотя и не могла убѣдить его въ этомъ мнѣніи. Между тѣмъ, Орловъ хотѣлъ немедленно идти въ казармы и обстоятельно разузнать, арестованъ ли Пассекъ за государственное преступленіе или за военный проступокъ? Въ первомъ случаѣ онъ обѣщалъ возвратиться ко мнѣ со всѣми подробностями и послать своего брата съ тѣмъ же увѣдомленіемъ къ Панину.

Когда Орловъ ушелъ, я попросила моего дядю оставить меня, подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ нуженъ былъ отдыхъ. Но какъ скоро онъ удалился, я накрылась большимъ мужскимъ широкимъ плащемъ и, такимъ образомъ перерядившись, пошла пѣшкомъ къ Рославлеву.

На дорогѣ я встрѣтила верховаго офицера, скакавшаго во весь

галопъ по направленію ко мнѣ. Не знаю, какъ я узнала въ немъ Орлова, хотя никогда не видѣла ни одного изъ нихъ, кромѣ Григорія; но, убѣжденная въ этомъ, я рѣшилась остановить его, назвавшись собственнымъ именемъ. Наѣздникъ сдержалъ лошадь и, когда узналъ, кто говоритъ съ нимъ, сказалъ: „Княгиня, я ѣхалъ увѣдомить васъ, что Пассекъ арестованъ, какъ государственный преступникъ; четыре часовыхъ стоятъ у его дверей, и двое у каждаго окна его комнаты. Мой братъ побѣжалъ извѣстить Панина, а я передалъ эту новость Рославлеву. „Ну что, послѣдній былъ сильно встревоженъ этимъ извѣстіемъ?“ спросила я.—„Да, нѣсколько испугался, отвѣчалъ Орловъ,—но зачѣмъ вы стоите на улицѣ? Позвольте мнѣ проводить васъ домой“.—„Мы безопаснѣе здѣсь“, замѣтила я, „чѣмъ дома, гдѣ трудно укрыться отъ наблюденія слугъ. Но теперь терять слова нечего. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобы они сію же минуту отправились въ Измайловскій полкъ и оставались при своихъ постахъ, съ цѣлью принять императрицу въ окрестностяхъ города. Потомъ вы или одинъ изъ вашихъ братьевъ молніей летите въ Петергофъ и отъ меня просите государыню немедленно сѣсть въ почтовую карету, которая уже приготовлена дня нея, и явиться въ лагерь измайловскихъ гвардейцевъ: они готовы провозгласить ее главой имперіи и проводить въ столицу. Скажите ей, что дѣло такой важности, что я даже не имѣла времени зайти домой и извѣстить ее письменно; что я на улицѣ и изустно отдала вамъ порученіе привезти ее безъ малѣйшаго замедленія. Можетъ быть, я сама пріѣду и встрѣчу ее“.

Почтовая карета, о которой я сказала, требуетъ нѣсколько словъ для поясненія моего разсказа. Послѣ того, какъ я видѣла у себя Пассека и Бредихина, и услышала отъ нихъ о тревожномъ состояніи солдатъ, можно было подумать, что они, не дожидаясь приказаній, начнутъ дѣло: на этотъ случай я написала Шкуриной, женѣ камеръ-лакея Екатерины, чтобы она отправила къ своему мужу въ Петергофъ экипажъ съ четырьмя почтовыми лошадьми, съ тѣмъ, чтобы эти лошади были постоянно готовы для императрицы, если вдругъ присутствіе ея будетъ необходимо въ Петербургѣ; я хорошо знала, какъ трудно было бы ей, въ случаѣ надобности, достать себѣ придворную карету, безъ особеннаго позволенія Измайлова, министра двора, человѣка, менѣе всѣхъ расположеннаго въ пользу государыни. Панинъ думалъ, что начало революціи еще далеко и неизвѣстно, и потому смѣялся надъ моей слишкомъ поспѣшной предосторожностью. Но еслибъ мы пренебрегли этими дальновидными мѣрами, Богъ знаетъ, когда и какъ были бы достигнуты наши надежды.

Отпустивъ Орлова, я возвратилась домой, но въ такомъ раздра-

жительномъ настроеніи духа, что рѣшилась немного отдохнуть. Между тѣмъ приказала приготовить къ вечеру мужское платье, но портной опоздалъ. Когда же я одѣлась, оно жало и стѣсняло мои движенія. Чтобы не возбуждать подозрѣнія со стороны домашней прислуги, я легла въ постель, но не прошло и часу, какъ я была поднята страшнымъ стукомъ въ ворота. Вскочивъ съ постели, я вышла въ ближайшую комнату и приказала принять, кто бы то ни былъ. Молодой человѣкъ, неизвѣстный мнѣ, явился и назвалъ себя младшимъ Орловымъ. Онъ пріѣхалъ спросить, говорилъ онъ, не рано ли посылать за императрицей, и безпокоить ее слишкомъ поспѣшнымъ требованіемъ въ Петербургъ.

Я остолбенѣла. Это такъ взбѣсило меня, что я не могла сдержать своего гнѣва, при чемъ выразилась довольно энергично, противъ самовольнаго замедленія моихъ приказаній, данныхъ Алексѣю Орлову. „Вы упустили самое драгоцѣнное время, сказала я. Вы боялись потревожить государыню и рѣшились вмѣсто того, чтобы своевременно явиться съ ней въ Петербургѣ обречь ея жизнь темницѣ или одной съ нами участи на эшафотѣ. Скажите же своему брату, чтобъ онъ немедленно скакалъ въ Петергофъ и привезъ ее въ городъ, какъ можно скорѣй; иначе Петръ III предупредитъ ее и разрушитъ всѣ наши надежды на спасеніе Россіи и императрицы“.

Орловъ, очевидно, былъ тронутъ моимъ протестомъ и увѣрилъ меня, что братъ его сію же минуту исполнитъ мое порученіе.

Когда онъ ушелъ, я предалась самому печальному раздумью. Мысль боролась съ отчаяніемъ и ужасными представленіями, я горѣла желаніемъ ѣхать навстрѣчу императрицѣ; но стѣсненіе, которое я чувствовала отъ моего мужскаго наряда, приковывало меня, среди бездѣйствія и уединенія, къ постели. Впрочемъ, воображеніе безъ устали работало, рисуя по временамъ торжество императрицы и счастіе Россіи. Но эти сладкія видѣнія быстро смѣнялись другими, страшными мечтами. Малѣйшій звукъ будилъ меня, и Екатерина, идеалъ моей фантазіи, представлялась блѣдной, обезображенной. Эта потрясающая ночь, въ которой я выстрадала за цѣлую жизнь, наконецъ, прошла; и съ какимъ невыразимымъ восторгомъ я встрѣтила счастливое утро, когда узнала, что государыня вошла въ столицу и провозглашена главой имперіи Измайловскимъ полкомъ, который проводилъ ее въ Казанскій соборъ, среди огромнаго собранія войска и гражданъ, готовыхъ принести ей обѣтъ подданства.

Было шесть часовъ. Я приказала подать себѣ парадное платье и поспѣшно отправилась въ Лѣтній дворецъ, гдѣ предполагала найти Екатерину. Трудно сказать, какъ я добралась до нея. Дворецъ былъ окруженъ множествомъ народа и войскъ, со всѣхъ концовъ города

стекавшихся и соединившихся съ измайловцами; я принуждена была выйти изъ кареты и пѣшкомъ пробиваться сквозь толпу. Но какъ скоро узнали меня нѣкоторые изъ офицеровъ и солдатъ, я была поднята на руки и отовсюду слышала привѣтствія, какъ общій другъ, и осыпана тысячами благословеній. Наконецъ, очутилась въ передней съ вскруженной головой, съ изорванными кружевами, измятымъ платьемъ, совершенно растрепанной, вслѣдствіе своего тріумфальнаго прибытія, и поторопилась представиться государынѣ. Мы были немедленно въ объятіяхъ другъ друга. „Слава Богу!“—вотъ все, что мы могли сказать въ эту минуту.

Потомъ она разсказала о своемъ побѣгѣ изъ Петергофа, о своихъ опасеніяхъ и надеждахъ передъ этимъ ударомъ. Я слушала ее съ біеніемъ сердца и въ свою очередь описала ей тоскливые часы, проведенные мной въ то же время, которые были тѣмъ тягостнѣе, что я не могла встрѣтить ее и слѣдить за успѣхомъ ея судьбы, блага или бѣдствій всей Россіи. Мы еще разъ обнялись—и я никогда такъ искренно, такъ полно не была счастлива, какъ въ этотъ моментъ. Замѣтивъ, что императрица была украшена лентой св. Екатерины и еще не надѣла Андреевской—высшаго государственнаго отличія (женщина не имѣла права на него, но царствующая государыня, конечно, могла украситься имъ), я подбѣжала къ Панину, сняла съ его плечъ голубую ленту и надѣла ее на императрицу, а ея Екатерининскую, согласно съ желаніемъ ея, положила въ свой карманъ.

Послѣ легкаго завтрака, государыня предложила двинуться въ головѣ войска въ Петергофъ и пригласила меня сопутствовать ей. Съ этой цѣлью, желая переодѣться въ гвардейскій мундиръ, она взяла его у капитана Талызина, а я, слѣдуя примѣру ея, достала себѣ отъ лейтенанта Пушкина, моего роста. Эти мундиры, между прочимъ, были древнимъ національнымъ одѣяніемъ Преображенскаго полка, со времени Петра Великаго, впослѣдствіи замѣненнымъ прусскими куртками, введенными Петромъ III. Замѣчательно, что едва императрица вошла въ городъ, какъ гвардейцы, будто по командѣ, сбросили съ себя иностранные мундиры и одѣлись въ свое старое платье.

Когда императрица стала приготовляться къ своему походу, я уѣхала домой переодѣваться; а по возвращеніи моемъ, я застала ее въ совѣтѣ, разсуждавшемъ о будущемъ манифестѣ. Съ ней находились тѣ сенаторы, которые были тогда въ городѣ, и Тепловъ, призванный въ качествѣ секретаря.

Такъ какъ извѣстія о побѣгѣ императрицы изъ Петергофа и о всѣхъ другихъ событіяхъ этого дня уже могли дойти до Петра III,

то я думала, что онъ двинется къ Петербургу, чтобы остановить возстаніе войскъ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, я рѣшилась сообщить мое мнѣніе государынѣ. Двое офицеровъ, стоящихъ на часахъ у дверей совѣта, вѣроятно удивленные моимъ смѣлымъ движеніемъ или полагавшіе, что я имѣю право всегда являться на глаза Екатерины, безпрепятственно меня пропустили въ комнату. Я подошла къ государынѣ и на ухо сообщила ей свою мысль, совѣтуя принять всевозможныя мѣры противъ прибытія Петра III. Теплову тотчасъ же было приказано написать указъ и разослать копіи его, вмѣстѣ съ другими инструкціями, въ двѣ главныя части, которыя должны были охранять два пути къ городу, по водѣ и по сушѣ. Мое нечаянное появленіе въ совѣтѣ изумило почтенныхъ сенаторовъ, изъ которыхъ никто не узналъ меня въ военномъ мундирѣ; Екатерина, замѣтивъ это, сказала имъ мое имя, прибавивъ, что она обязана моей дружбѣ указаніемъ въ эту минуту, на одну очень необходимую предосторожность, которую она совершенно упустила изъ виду. Сенаторы единодушно встали съ своихъ мѣстъ, чтобы поздравить меня, при чемъ я покраснѣла и отклонила отъ себя честь, которая такъ мало шла мальчику въ военномъ мундирѣ.

Когда засѣданіе кончилось и отданы были приказанія относительно безопасности столицы, мы сѣли на своихъ лошадей, и по дорогѣ въ Петергофъ осмотрѣли двѣнадцать тысячъ войска, кромѣ волонтеровъ, ежеминутно стекавшихся подъ наше знамя.

Въ Красномъ Кабачкѣ, въ десяти верстахъ отъ Петербурга, мы отдохнули немного, чтобы дать роздыхъ пѣхотѣ. Да и намъ необходимъ былъ покой, особенно мнѣ, ибо послѣднія пятнадцать ночей я едва смыкала глаза. Когда мы вошли въ тѣсную и дурную комнату, государыня предложила не раздѣваясь лечь на одну постель, которая при всей окружающей грязи была истинной роскошью для моихъ измученныхъ членовъ... Едва мы расположились на постели, завѣшанной шинелью, взятой у полковника Кара, я замѣтила маленькую дверь позади изголовья императрицы. Не зная, куда она вела, я попросила позволенія выйти и увѣриться, все ли безопасно; удостовѣрившись, что эта дверь сообщалась тѣснымъ и темнымъ корридоромъ съ внѣшнимъ дворомъ, я поставила у нея двухъ часовыхъ, приказавъ имъ не трогаться съ мѣста безъ моего позволенія. Потомъ я возвратилась къ императрицѣ, которая перебирала какія-то бумаги; и такъ какъ мы не могли заснуть, то она прочитала мнѣ копію будущаго манифеста. Полныя восторга, отъ котораго далеко отлетѣла всякая тревожная мысль объ опасности, мы разсуждали о томъ, что надо дѣлать далѣе.

VI.

Между тѣмъ Петръ III, не захотѣвъ послѣдовать совѣту маршала Миниха, находился въ самомъ нерѣшительномъ состояніи. Онъ скакалъ взадъ и впередъ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, до тѣхъ поръ пока, наконецъ, уступивъ просьбамъ своихъ друзей, поплылъ въ Кронштадтъ, чтобы овладѣть флотомъ. Императрица впрочемъ не забыла обратить вниманіе на это важное обстоятельство и расположить въ свою пользу морскую силу. Она послала адмирала Талызина командовать флотомъ во имя ея. Увидѣвъ, что Петръ подъѣзжаетъ къ Кронштадтскому берегу, Талызинъ не позволилъ ему высадиться. Несчастный царь принужденъ былъ плыть обратно въ Ораніенбаумъ, отправивъ Измайлова къ Екатеринѣ съ самыми покорными предложеніями и обѣщаніями отречься отъ престола.

Посолъ для этихъ переговоровъ встрѣтилъ насъ на дорогѣ въ Петербургъ; и какъ были отличны его языкъ и поведеніе отъ языка моего дяди, канцлера, который представился императрицѣ въ ту самую минуту, когда мы покидали городъ. Послѣдній возражалъ противъ поступка, начатаго Екатериной, и когда она не убѣждалась его словами, онъ оставилъ ее, не давъ присяги на подданство. „Будьте увѣрены, мадамъ, сказалъ онъ хладнокровно и съ достоинствомъ великой души, что я никогда не присягну, ни словомъ, ни дѣломъ вашему ложному правленію; а чтобы увѣриться въ справедливости моего обѣта, поставьте одного изъ вашихъ преданныхъ офицеровъ стражемъ у моихъ дверей; я никогда не измѣню клятвѣ, данной императору, пока онъ существуетъ“.

Нельзя было не удивляться этому мужеству моего почтеннаго дяди, руководимаго въ этомъ случаѣ однимъ строгимъ долгомъ къ своему государю; онъ не заискивалъ его милости, онъ не довѣрялъ его правленію, съ трудомъ повиновался ему и грустно смотрѣлъ на его будущее.

Государыня отослала назадъ генерала Измайлова, заклиная его уговорить Петра III покориться ея волѣ, изъ опасенія навлечь сопротивленіемъ страшное зло, обѣщая при томъ, что она, съ своей стороны, постарается устроить его жизнь возможно веселой въ резиденціи, имъ самимъ избранной около Петербурга.

Когда мы достигли Сергіевскаго монастыря, князь Голицынъ явился съ письмомъ отъ императора; между тѣмъ толпа, слѣдовавшая за нами, съ каждымъ часомъ прибывала, приходя съ противуположной стороны.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ Петергофъ, Петръ III, въ со-

провожденіи Измайлова и Гудовича, явился во дворецъ съ изъявленіемъ покорности. Его никто не видѣлъ; онъ былъ введенъ въ отдаленный покой, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ; и такъ какъ онъ избралъ мѣстомъ своего будущаго пребыванія замокъ Ропшу, принадлежавшій ему, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, то его немедленно отправили туда, подъ наблюденіемъ Алексѣя Орлова и подчиненныхъ ему, капитана Пассека, князя Ѳедора Барятинскаго и Баскакова, съ приказаніемъ охранять развѣнчаннаго монарха.

Я не видѣла его въ минуту паденія, хотя и могла бы; но мнѣ говорили, что онъ мало горевалъ о перемѣнѣ своего положенія. Прежде чѣмъ разстался съ Петербургомъ, онъ написалъ двѣ или три небольшихъ записки императрицѣ; въ одной, какъ я узнала, онъ произнесъ ясное и рѣшительное отреченіе отъ короны; назвавъ нѣкоторыя лица, которыхъ онъ желалъ имѣть при себѣ, онъ не забылъ упомянуть о нѣкоторыхъ необходимыхъ принадлежностяхъ своего стола, между прочимъ просилъ отпускать ему вдоволь Бургонскаго, табаку и трубокъ.

Но довольно объ этомъ злосчастномъ государѣ, котораго природа создала для самыхъ низшихъ рядовъ жизни, а судьба ошибкой вознесла на престолъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенно пороченъ, но тѣлесная слабость, недостатокъ воспитанія и естественная наклонность ко всему пошлому и грязному, еслибъ онъ продолжалъ царствовать, могли имѣть для его народа не менѣе гибельные результаты, чѣмъ самый необузданный порокъ.

Въ продолженіе всего этого дня, начиная съ вечера наканунѣ, я почти вовсе не отдыхала; впрочемъ, умъ и страсти такъ были заинтересованы настоящими обстоятельствами и событіями, что я чувствовала усталость только тогда, когда переставала дѣйствовать. Этотъ вечеръ я провела въ разнообразныхъ хлопотахъ, то на одномъ, то на другомъ концѣ дворца; потомъ между гвардейцами, разставленными на часахъ у разныхъ входовъ; возвращаясь, между прочимъ, отъ Гольштинской принцессы, родственницы императрицы, съ просьбой дозволить ей видѣть государыню, я чрезвычайно изумилась, замѣтивъ Григорія Орлова, растянувшагося во весь ростъ на диванѣ (кажется, онъ ушибъ себѣ ногу), въ одной изъ царскихъ комнатъ; передъ нимъ лежалъ огромный пакетъ бумагъ, который онъ собирался распечатать. Я замѣтила, что это были государственные акты, сообщенные изъ верховнаго совѣта, что мнѣ приводилось часто видѣть у моего дяди въ царствованіе Елисаветы. „Что такое съ вами?“ спросила я его съ улыбкой. „Да, вотъ императрица приказала распечатать это“, отвѣчалъ онъ. „Невозможно, сказала я, нельзя раскрывать ихъ до тѣхъ поръ, пока она не назначитъ лицъ, оффиціально уполномоченныхъ для этого дѣла,

и я увѣрена, что ни вы, ни я не можемъ имѣть притязанія на это право".

Въ ту самую минуту мы были прерваны докладомъ, что солдаты, томимые жаждой и усталые, вломились въ погреба и наполнили каски венгерскимъ виномъ, думая, что это водка. Я немедленно вышла, чтобы возстановить порядокъ. Къ крайнему моему удивленію, при всеобщей суматохѣ, при совершенномъ отсутствіи дисциплины, моя рѣчь такъ подѣйствовала, что они, выливъ вино на землю, положили свои кивера на мѣсто и удовольствовались утолить жажду изъ ближайшаго ручья. Я бросила имъ всѣ деньги, какія были со мной, и выворотила карманы, чтобъ показать, что я отдала имъ все, что могла; въ то же время обѣщала, что, по возвращеніи въ городъ, будутъ открыты кабаки и они могутъ пить, сколько душѣ угодно, на казенный счетъ. Эта реторика была совершенно въ ихъ вкусѣ, и они весело разошлись.

Коснувшись этого пункта, я вспомнила, что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ было напечатано, будто я получала отъ императрицы и отъ иностранныхъ дворовъ деньги на подмогу моимъ революціоннымъ проектамъ; клевета совершенная. Отъ государыни я никогда не просила и не принимала ни одного рубля, и хотя французскій министръ открывалъ мнѣ неограниченный кредитъ на этотъ случай, но я всегда отвѣчала, что для нашей революціи мы не имѣемъ нужды ни въ какихъ иностранныхъ пособіяхъ.

Проходя къ императрицѣ черезъ ту комнату, гдѣ Григорій Орловъ лежалъ на софѣ, я нечаянно замѣтила столъ, накрытый на три прибора. Обѣдъ былъ поданъ. Екатерина пригласила меня обѣдать вмѣстѣ. Вошедъ въ залу, я съ крайнимъ неудовольствіемъ увидѣла, что столъ былъ придвинутъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Орловъ. На моемъ лицѣ отразилось непріятное чувство, что не скрылось отъ Екатерины. „Что съ вами? спросила она. — „Ничего, отвѣчала я, кромѣ пятнадцати безсонныхъ ночей и необыкновенной усталости". Тогда она посадила меня рядомъ съ собой, какъ будто въ укоръ Орлову, который изъявилъ желаніе оставить военную службу. „Подумайте, какъ бы было это съ моей стороны неблагодарно, еслибъ я позволила ему выйти въ отставку". Я, конечно, была не совсѣмъ согласна съ ея мнѣніемъ и прямо замѣтила, что она, какъ государыня, много имѣетъ другихъ средствъ выразить свою признательность, не стѣсняя ни чьихъ желаній.

Съ этого времени, я первый разъ убѣдилась, что между ними была связь. Это предположеніе давно тяготило и оскорбляло мою душу.

Послѣ нашего обѣда и отъѣзда Петра III въ Ропшу, мы отпра-

вились въ Петербургъ и по дорогѣ провели два часа въ загородномъ домѣ князя Куракина, гдѣ Екатерина и я опять отдыхали на одной постели. Отсюда мы проѣхали въ Екатерингофъ, гдѣ насъ встрѣтило огромное стеченіе народа; онъ собрался на случай борьбы за насъ съ гольштинской гвардіей, ненавистной всей націи.

Затѣмъ послѣдовала сцена, выше моего описанія, превосходнѣе моего достоинства... Когда мы въѣхали въ столицу, проходя по ней торжественной процессіей, улицы и окна были загромождены зрителями; радостныя привѣтствія оглашали воздухъ; военная музыка и звонъ колоколовъ сливался съ веселымъ говоромъ толпы, бѣжавшей за поѣздомъ; двери церквей были отворены настежь, и въ глубокой перспективѣ виднѣлись группы священниковъ, стоявшихъ за блестящими алтарями; религіозная церемонія освятила народный восторгъ.

Какъ, однако жъ, ни была одушевлена и поразительна сцена вокругъ меня, но она почти меркла передъ моею собственною мыслью, полной энтузіазма; я ѣхала возлѣ императрицы, участвуя въ благословеніи революціи, незапятнанной ни одной каплей крови; съ тѣмъ вмѣстѣ объ руку со мной была не только добрая монархиня, но и первый мой другъ, которому я содѣйствовала цѣной жизни освободиться отъ гибельной неволи и взойти на престолъ возлюбленной родины.

Когда мы приблизились къ подъѣзду Лѣтняго дворца, мой духъ изнемогъ подъ вліяніемъ быстраго ряда событій; желая знать впечатлѣнія этого дня на моего отца и дядю и видѣть свое дитя, я попросила государыню отпустить меня въ одной изъ придворныхъ каретъ; она позволила, но съ тѣмъ, чтобы я какъ можно скорѣй возвратилась: я прежде заѣхала къ дядѣ, такъ какъ его домъ былъ ближе, и нашла этого достойнѣйшаго старика совершенно спокойнымъ. Онъ говорилъ, что низверженіе Петра III было событіемъ весьма вѣроятнымъ; но разговоръ его особенно живо коснулся опасности слишкомъ безусловно довѣряться дружбѣ царей: „она, замѣтилъ онъ, такъ же непродолжительна, какъ и вѣроломна“. Онъ убѣждалъ меня своимъ собственнымъ опытомъ, доказавшимъ, что самыя чистыя побужденія, самыя справедливыя дѣйствія не всегда защищаютъ отъ ядовитой зависти и интриги, даже близъ трона такого монарха, который признавалъ его заслуги и которому онъ былъ преданъ съ раннихъ лѣтъ жизни.

Отсюда я отправилась къ своему отцу и къ крайнему своему изумленію застала его домъ оцѣпленнымъ сотнею солдатъ. Это произошло вслѣдствіе ложно понятаго усердія Какавинскаго, присланнаго сюда защитить его отъ пьяныхъ гвардейскихъ солдатъ, такъ какъ казармы ихъ находились по сосѣдству. Но этотъ офицеръ, вѣроятно,

испуганный, многочисленной дворней моего отца, произвольно созвалъ весь этотъ отрядъ на помощь, зная въ то же время, что въ городѣ, послѣ отъѣзда императрицы въ Петергофъ, осталось войска не больше, чѣмъ это было необходимо для охраненія дворца и великаго князя. Незадолго передо мной приходилъ унтеръ-офицеръ отъ подполковника Вадковскаго, оставленнаго начальникомъ гарнизона въ Петербургѣ, и требовалъ тридцать человѣкъ изъ этого отряда на смѣну другихъ, простоявшихъ на часахъ вдвое больше опредѣленнаго времени, по глупости Какавинскаго. Я просила его немедленно исполнить это требованіе; проходя по дому и видя у каждой двери часоваго, я повторила ему, что онъ не понялъ приказанія государыни, которая поставила его здѣсь на службу моему отцу, а не для ареста его, какъ измѣнника; потомъ, обратившись къ солдатамъ, сказала имъ, что напрасно мучили ихъ, и еслибъ изъ нихъ осталось здѣсь десять или двѣнадцать человѣкъ, этого было бы совершенно достаточно впредь до новыхъ распоряженій.

Отецъ принялъ меня безъ всякаго ропота и неудовольствія. Онъ жаловался на обстоятельство, о которомъ я сейчасъ упомянула, и былъ недоволенъ тѣмъ, что дочь его Елисавета находилась съ нимъ подъ одной кровлей. Въ первомъ случаѣ я успокоила его, объяснивъ, что виной стѣсненія его было недоразумѣніе Какавинскаго и что къ вечеру не будетъ въ его домѣ ни одного солдата. Что же касается до втораго обстоятельства, я умоляла его поразсудить о критическомъ положеніи моей сестры, для которой домъ его обратился въ единственно-честное убѣжище, какъ онъ нѣкогда былъ естественнымъ ея пріютомъ. Скоро, впрочемъ, прибавила я, ваше покровительство ей будетъ не нужно и тогда, еслибъ была на то ваша обоюдная воля, можно разстаться совершенно прилично.

Я не могла долго пробыть у дяди и отца, потому что обѣщала скоро возвратиться къ императрицѣ; при томъ мнѣ еще было необходимо зайти домой, чтобъ увидѣть дочь и снять военный мундиръ. Отецъ жалѣлъ о томъ, что я такъ скоро покидала его, и съ трудомъ отпустилъ меня къ сестрѣ, которую я хотѣла навѣстить. Никогда онъ больше не принималъ участія въ ея судьбѣ; къ сожалѣнію, чувства его, каковы бы они ни были, отнюдь не оправдывались рѣшительнымъ неуваженіемъ дочери къ своему отцу и тѣмъ презрѣніемъ, которое онъ вынесъ вслѣдствіе ея поведенія въ общемъ мнѣніи.

Когда я вошла въ комнату своей сестры, она начала горько оплакивать бѣдствія этого дня и свое собственное несчастіе. Относительно личныхъ непріятностей, я совѣтовала ей утѣшиться, увѣривъ въ полной готовности служить ей; я въ то время замѣтила, что государыня такъ добра и благородна, что поможетъ ей, безъ всякаго съ моей

стороны участія. Въ этомъ отношеніи моя увѣренность была совершенно основательна; хотя императрица сочла отсутствіе Елисаветы Воронцовой необходимымъ во время коронаціи, но она постоянно посылала ей гонцовъ съ увѣреніемъ своего покровительства. Сестра вскорѣ удалилась въ подмосковную деревню отца; когда же послѣ коронованія дворъ оставилъ Москву, она переселилась сюда и жила здѣсь до своего замужества съ Полянскимъ; вмѣстѣ съ нимъ она переѣхала въ Петербургъ. Императрица была крестной матерью ея перваго сына, а черезъ нѣсколько лѣтъ, дочь ея, по моей просьбѣ, была назначена фрейлиной.

Простившись съ сестрой, я спѣшила поцѣловать свою крошку Настасью. Эти разъѣзды такъ много унесли времени, что я не успѣла переодѣться. При выходѣ изъ дома, служанка напомнила мнѣ, что въ моемъ карманѣ была красная лента съ бриліантовымъ значкомъ. Это былъ Екатерининскій орденъ императрицы; я взяла его съ собой.

Когда я вошла въ переднюю, ведшую въ комнаты государыни, мнѣ встрѣтились Григорій Орловъ и Какавинскій. Увидѣвъ Екатерину, я тотчасъ поняла, что Орловъ былъ мой врагъ и, кромѣ его, никто бы не ввелъ этого послѣдняго къ императрицѣ. Она стала меня упрекать за то, что я говорила по-французски съ этимъ офицеромъ въ присутствіи солдатъ, и хотѣла распустить ихъ по своимъ мѣстамъ. Отвѣтъ мой былъ энергичный, выраженный на лицѣ не совсѣмъ ласковой миной. „Съ тѣхъ поръ, какъ вы на престолѣ, сказала я, въ это короткое время ваши солдаты показали такую довѣренность ко мнѣ, что я не могла оскорбить ихъ, на какомъ бы языкѣ ни говорила“. И, чтобы покончить дальнѣйшее объясненіе, подала ей красную ленту. „Погодите, сказала она, вы, конечно, согласитесь, что вы не вправѣ распускать солдатъ съ ихъ постовъ“.—„Правда, отвѣчала я; но неужели, наперекоръ требованію Вадковскаго, я должна была позволить этому дураку Какавинскому дѣлать все, что ему ни вздумалось, и оставить безъ стражи вашъ дворецъ“.—„Ну, ладно“, прибавила она, „дѣло кончено; мое замѣчаніе относится къ вашей торопливости, а это за ваши услуги“, сказала она, повѣсивъ мнѣ екатерининскую ленту на плечо. Вмѣсто того, чтобы принять ее на колѣняхъ, я возразила: „простите мнѣ, государыня; я думаю, что уже настало время, когда истина должна быть прогнана отъ васъ; позвольте мнѣ, однако жъ, сказать, что я не могу принять этого отличія; какъ простымъ украшеніемъ, я не дорожу имъ; какъ награда, она не стоитъ ничего для меня, которой заслуги, хотя и оцѣнены нѣкоторыми, но никогда не продавались и не будутъ продаваться съ торгу“. Екатерина горячо обняла меня, промолвивъ: „По крайней мѣрѣ, дружба имѣетъ нѣкоторыя права, и неужели вы не позволите мнѣ воспользоваться ея

удовольствіемъ въ настоящую минуту?“ Я поцѣловала ея руку въ знакъ признательности.

Такимъ образомъ я была затянута въ мундиръ, съ алой лентой черезъ плечо.

Государыня сказала мнѣ, что она уже приказала отправить гвардейскаго лейтенанта къ князю Дашкову, желая немедленнаго возвращенія его въ Петербургъ. Такое вниманіе съ ея стороны и въ такое время такъ утѣшило меня, что тотчасъ же забыла о прошломъ неудовольствіи. Также отдано приказаніе, продолжала она, отвести для насъ комнаты во дворцѣ, которыя завтра будутъ готовы для меня; я просила только подождать мужа и вмѣстѣ съ нимъ переѣхать во дворецъ.

Вскорѣ за тѣмъ, когда всѣ стали расходиться, я поспѣшила домой и, раздѣливъ ужинъ съ моей маленькой Настасьей, бросилась въ постель. Но волненіе духа и крови, послѣ чрезмѣрной дѣятельности, не давали мнѣ покойно уснуть, и я провела всю ночь въ лихорадочныхъ грезахъ больнаго воображенія и раздражительныхъ нервовъ.

Я забыла упомянуть въ своемъ мѣстѣ объ одномъ небольшомъ разговорѣ съ императрицей, во время возвращенія нашего изъ Петергофа, когда государыня, графъ Разумовскій, князь Волконскій и я сошли съ лошадей, сѣли въ карету и спокойно ѣхали въ Петербургъ. Екатерина съ необыкновенно ласковымъ тономъ, обратившись ко мнѣ, сказала: „Чѣмъ я могу васъ отблагодарить за ваши услуги?“—„Чтобъ сдѣлать меня счастливѣйшей изъ смертныхъ“, отвѣчала я, „не много нужно—будьте матерью Россіи и позвольте мнѣ остаться вашимъ другомъ“.—„Все это, конечно“, продолжала она, „составляетъ мою непремѣнную обязанность, но мнѣ хотѣлось бы облегчить себя отъ чувства признательности, которымъ я обязана вамъ“.—„Я думаю, что обязанности дружбы не могутъ тяготить насъ“.—„Хорошо, хорошо“, сказала Екатерина, обнимая меня, „вы можете требовать отъ меня, что угодно; но я никогда не успокоюсь, пока вы не скажете мнѣ, и я желала бы знать именно теперь, что я могу сдѣлать для вашего удовольствія“.—„Въ такомъ случаѣ, государыня, вы можете воскресить моего дядю, хотя онъ живъ и здоровъ“.—„Что это такое значитъ?“ спросила она. Я растерялась въ самомъ началѣ моей просьбы и потому предложила потребовать объясненія отъ князя Волконскаго.—„Я думаю, сказалъ онъ, „что княгиня Дашкова разумѣетъ генерала Леонтьева, отлично служившаго противъ Пруссіи; онъ потерялъ седьмую часть своихъ помѣстій и четвертую изъ его прочей собственности, по интригамъ его жены, которая по законамъ не имѣетъ права на это имѣніе впредь до его смерти“. Императрицѣ было извѣстно желаніе Петра разорять тѣхъ изъ офицеровъ, которые усердно служили противъ

25257

Московской обл. библиотека

прусскаго короля; она поняла несправедливость и обѣщала поправить ее. „Воскресеніе его, сказала она, будетъ предметомъ моего перваго указа, который я подпишу“.—„И я совершенно буду вознаграждена вами; генералъ Леонтьевъ, единственный братъ и задушевный другъ княгини Дашковой, моей свекрови“. Я тѣмъ больше была довольна, что могла въ это время оказать услугу семейству моего мужа и отклонить отъ себя всякую личную награду, противную моимъ внутреннимъ убѣжденіямъ.

На слѣдующій день Панинъ получилъ графское достоинство, съ пенсіономъ въ пять тысячъ рублей; князь Волконскій и графъ Разумовскій тотъ же пенсіонъ; а прочіе заговорщики перваго класса по шести сотъ крестьянъ на каждаго и по двѣ тысячи рублей или вмѣсто крестьянъ двадцать четыре тысячи рублей. Я удивилась, встрѣтивъ свое имя въ этомъ спискѣ, но рѣшилась отказаться отъ всякаго подарка; за это безкорыстіе упрекали меня всѣ участники революціи. Мои друзья, впрочемъ, скоро заговорили другимъ тономъ; наконецъ, чтобы остановить всякія сплетни и не оскорбить государыню, я росписалась въ безчестіи. Составивъ счетъ всѣмъ долгамъ моего мужа, я нашла, что сумма ихъ равняется почти двадцати четыремъ тысячамъ рублей, и потому перенесла на его кредиторовъ права получить эти деньги изъ дворцовой казны.

На четвертый день послѣ революціи Бецкій просилъ свиданія съ императрицей и получилъ его. Я въ это время была одна съ Екатериной, когда онъ вошелъ и, къ общему нашему изумленію, ставъ на колѣна, умолялъ ее признаться, чьему вліянію она обязана своимъ восшествіемъ на престолъ?—„Всевышнему и избранію моихъ подданныхъ“, отвѣчала государыня.—„Послѣ этого, сказалъ онъ съ видомъ отчаянія, я считаю несправедливымъ носить это отличіе“, при чемъ онъ хотѣлъ снять Александровскую ленту съ плеча; но императрица удержала его и спросила, чего онъ хочетъ?—„Я несчастнѣйшій изъ людей, продолжалъ Бецкій, когда вы не признаете во мнѣ единственное лицо, которое приготовило вамъ корону. Не я ли возбуждалъ гвардію? Не я ли сыпалъ деньгами въ народъ?“

Мы думали, что онъ сошелъ съ ума, и начали было безпокоиться; но вдругъ императрица, съ обыкновенной своей ловкостью, обративъ протестъ въ комическую сцену и превознося самохвальство генерала до высочайшей степени, сказала: „я вполнѣ признаю ваши безмѣрныя одолженія и такъ я обязана вамъ вѣнцомъ, то кому же лучше, какъ не вамъ, я могу поручить приготовить его для моей коронаціи? Поэтому я полагаюсь въ этомъ дѣлѣ на вашу распорядительность и подъ ваше начальство отдаю всѣхъ ювелировъ моей имперіи“.

Бецкій въ восторгѣ вскочилъ и, послѣ тысячи благодарностей,

поторопился убраться изъ комнаты, побѣжавъ, вѣроятно, разсказывать о наградѣ, соотвѣтствующей его достоинству. Мы отъ всей души хохотали надъ этой выходкой, которая въ одно время показываетъ геніальную находчивость и ловкость Екатерины, и крайнюю глупость Бецкаго.

VII.

Въ это время петербургскій дворъ представлялъ особый интересъ; революція вызвала на сцену новые характеры; многіе изгнанники, сосланные въ Сибирь въ царствованіе Анны [1]), въ регентство Бирона

[1]) Примѣчаніе миссъ Уильмотъ. Имя императрицы Анны Ивановны напоминаетъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, которые я слышала изустно отъ княгини Дашковой; они стоятъ того, чтобы помѣстить ихъ здѣсь. Извѣстно, что въ царствованіе Петра I было обыкновеніемъ этого деспота наказывать провинившихся дворянъ, приказывая имъ быть дураками. Съ этой минуты несчастная жертва, при всемъ здравомъ умѣ, дѣлался посмѣшищемъ всего двора. Осужденному дураку позволялось говорить все, что попало, съ однимъ, однако жъ, условіемъ, что его можно было, при извѣстномъ случаѣ, вытянуть плетью или угостить пинкомъ. Все, что онъ ни дѣлалъ, было предметомъ общаго смѣха; его слезы обращались въ шутки, надъ его сарказмами зубоскалили или толковали ихъ, какъ чудо шутовской смѣтливости. Анна Ивановна пошла дальше Петра; она соединила съ этой жестокостью всю пошлость обстановки своего шутовства. Однажды она указала, что князь Г..... долженъ обратиться въ насѣдку, въ наказаніе за какой-то мелочной проступокъ; съ этой цѣлью, она приказала приготовить большое лукошко, наложить въ него соломы, яицъ и поставить это гнѣздо на виду въ одной изъ придворныхъ комнатъ. Потомъ было приказано князю, подъ угрозой смерти, сѣсть въ это лукошко и кудахтать курицей.

Та же царица очень любила графиню Чернышеву и часто призывала ее потѣшать себя анекдотами. Бѣдная женщина заболѣла; ноги ея такъ сильно отекли, что она положительно не могла стоять передъ императрицей. Анна Ивановна, вѣроятно, полагала невозможнымъ, чтобы подданная могла устать въ ея присутствіи, продолжала забавляться на счетъ ея страданій, нисколько не думая облегчить ихъ. Впрочемъ, однажды замѣтивъ, что Чернышева совершенно изнемогла и съ трудомъ держалась на ногахъ, она сжалилась надъ ней, не желая, впрочемъ, прекратить своей потѣхи. „Ты можешь наклониться на этотъ столъ, сказала она; служанка заслонитъ тебя, и такимъ образомъ я не буду видѣть твоей позы“.

Въ другомъ случаѣ императрица изъявила желаніе видѣть русскій танецъ и приказала четыремъ изъ первыхъ красавицъ Петербурга исполнить его въ своемъ присутствіи. Мать княгини Дашковой, замѣчательно граціозная плясунья, была въ числѣ этой партіи; какъ, однако жъ, онѣ ни желали угодить царской волѣ, но, испуганныя строгимъ взглядомъ государыни, смѣшались и позабыли фигуру танца. Среди общей суматохи императрица встала съ креселъ и, приблизившись къ нимъ съ полнымъ достоинствомъ, отвѣсила каждой по громкой пощечинѣ и велѣла снова начинать, что онѣ и исполнили, чуть живыя отъ страха.

*

и при Елисаветѣ, были прощены Петромъ III и каждодневно возвращались. Нѣкоторые изъ нихъ, занимая государственныя должности въ прежнія царствованія и зная закулисныя ихъ тайны, напоминая своими несчастіями былыя времена, наконецъ обратившіе на себя общее любопытство и вниманіе, вдругъ послѣ глухой неизвѣстности и политическаго замиранія, выступили на сцену въ яркомъ свѣтѣ и знаменитости.

Въ числѣ ихъ явился и канцлеръ Бестужевъ. Я была представлена ему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, уязвившихъ Орловыхъ.— „Это молодая княгиня Дашкова, сказала Екатерина; могли ли вы вообразить, что я буду обязана престоломъ дочери графа Романа Воронцова?“

За четыре года я видѣла Бестужева одинъ разъ и только мелькомъ. Меня поразило его умное, или лучше скрыто-лукавое лицо; на вопросъ мой, я въ первый разъ услышала имя этого знаменитаго характера. Я останавливаюсь на этомъ обстоятельствѣ потому, что въ нѣкоторыхъ разсказахъ о революціи меня обвиняли въ заговорѣ съ нимъ противъ Петра III, хотя мнѣ было не болѣе четырнадцати лѣтъ, во время изгнанія его. Послѣ этого понятно, до какой степени многіе французскіе писатели доводятъ неуваженіе къ истинѣ и невѣжество фактовъ, какъ будто они согласились лишить исторію всякаго авторитета, обративъ ее въ безумную клевету и жалкую ложь.

Между этими привидѣніями общаго воскресенія были еще двое, не менѣе замѣчательные люди—фельдмаршалъ Минихъ и Лестокъ. Я помнила ихъ съ дѣтства, видѣвъ въ домѣ моего дяди, который чрезвычайно былъ приверженъ къ нимъ. Первый, восьмидесятилѣтній старикъ отличался рыцарской вѣжливостью, еще больше замѣтной по сравненію съ грубыми манерами изъ нашихъ революціонеровъ. Онъ сохранилъ всю характеристическую твердость ума, всю свѣжесть своихъ способностей. Его разговоръ необычайно интересовалъ меня, и я съ особенной гордостью пользовалась его снисходительностью и добротой въ этомъ отношеніи. Я смотрѣла на этихъ двухъ стариковъ, какъ на живыя лѣтописи минувшихъ временъ; и сравнивая настоящее съ прошедшимъ, мой умъ обогащался новыми познаніями, хотя неопытность еще доселѣ обманывала меня юношеской мечтой видѣть въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ священный храмъ добродѣтели.

Но среди любопытныхъ событій эпохи, вдругъ душа моя съ ужасомъ встрепенулась отъ страшной дѣйствительности: я говорю о трагической смерти Петра III. Извѣстіе объ этой катастрофѣ такъ оскорбило меня, такую мрачную тѣнь бросило на славную реформу, что я хотя и далека была отъ мысли считать Екатерину участницей въ преступленіи Алексѣя Орлова, за всѣмъ тѣмъ не могла войти во дворецъ

до слѣдующаго дня. Я нашла императрицу разстроенной, видимо, огорченной подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній. „Я невыразимо страдаю при этой смерти, сказала она; вотъ ударъ, который роняетъ меня въ грязь".—„Да, мадамъ, отвѣчала я ей, смерть слишкомъ скоропостижна для вашей и моей славы".

Между тѣмъ вечеромъ, разговаривая въ передней съ нѣкоторыми лицами, я имѣла неосторожность сказать, что Алексѣй Орловъ, конечно, согласится, что съ этой поры намъ невозможно даже дышать однимъ воздухомъ и что едва-ли у него достанетъ дерзости подойти ко мнѣ, какъ къ знакомой. Отселѣ Орловы сдѣлались моими неумолимыми врагами; и надо отдать справедливость Алексѣю Орлову, несмотря на его обычную наглость, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова.

Какъ ни былъ очевиденъ поводъ къ подозрѣнію императрицы, устроившей или только допустившей убійство своего мужа, мы имѣемъ ясное опроверженіе этого подозрѣнія, его уничтожаетъ собственноручное письмо Алексѣя Орлова, писанное имъ немедленно послѣ злодѣянія. Его слогъ и безсвязность, несмотря на пьяное состояніе автора, обнаруживаютъ страхъ и укоры совѣсти; онъ умоляетъ о прощеніи въ раболѣпныхъ выраженіяхъ.

Это письмо было тщательно сбережено Екатериной II, вмѣстѣ съ другими важными документами, въ особенной шкатулкѣ; по смерти ея, Павелъ приказалъ графу Безбородко разобрать и прочитать эти бумаги въ своемъ присутствіи. Когда было окончено чтеніе этого письма, Павелъ, перекрестившись, воскликнулъ: „Слава Богу, теперь разсѣяны мои послѣднія сомнѣнія относительно матери въ этомъ дѣлѣ". Императрица и молодая Нелидова присутствовали при этомъ; государь также велѣлъ прочитать письмо великимъ князьямъ и графу Растопчину.

Кто уважалъ память Екатерины II, для того ничего не могло быть отраднѣе этого открытія. Мои убѣжденія на этотъ счетъ не нуждались въ доказательствахъ; за всѣмъ тѣмъ я радовалась находкѣ подобнаго акта, который заставлялъ молчать самую отвратительную клевету, тяготѣвшую на женщинѣ, при всѣхъ ея слабостяхъ, никогда не способной даже подумать о такомъ преступленіи.

Свиданіе мое съ княземъ Дашковымъ было верхомъ моей радости; оно обновило мое существованіе, послѣ такого бурнаго періода жизни, исполненной постоянныхъ раздраженій для души и тѣла. Императрица немедленно отпраздновала пріѣздъ его самымъ лестнымъ образомъ для князя, назначивъ его командиромъ кирасирскаго полка, въ которомъ она сама считалась полковникомъ.

Этотъ полкъ при Елисаветѣ и Петрѣ III былъ первымъ гвардей-

скимъ полкомъ и почти исключительно управлялся нѣмцами. Поэтому назначеніе русскаго въ головѣ его было явленіемъ утѣшительнымъ для всего войска; князь Дашковъ съумѣлъ такъ хорошо поставить себя въ отношеніи къ своимъ сослуживцамъ, что юноши наперерывъ искали мѣстъ въ этомъ полку, и такъ какъ князь не щадилъ никакихъ расходовъ на лошадей и обмундировку, то этотъ полкъ скоро сталъ самымъ лучшимъ, самымъ избраннымъ въ цѣлой арміи.

Мы, не теряя времени, перебрались во дворецъ; почти каждый день обѣдали съ императрицей, а ужинали въ своихъ собственныхъ комнатахъ, приглашая десять или двѣнадцать человѣкъ изъ нашихъ собственныхъ знакомыхъ каждый вечеръ.

Мечты мои относительно царской дружбы почти исчезли, и мнѣ можно остановиться больше, чѣмъ слѣдовало бы, на воспоминаніи тѣхъ задушевныхъ минутъ, въ которыя обольстительная власть императрицы часто смѣшивалась съ ребяческими шалостями.

Я пламенно любила музыку, а Екатерина напротивъ. Князь Дашковъ хотя и сочувствовалъ этому искусству, но понималъ его не больше императрицы. Несмотря на то, она любила слушать мое пѣніе; когда я продолжала его, она обыкновенно, подавая секретный знакъ Дашкову, затягивала съ нимъ дуэтъ, что называлось на ея языкѣ небесной музыкой; и такимъ образомъ, ни тотъ, ни другая, не смысля ни одной ноты, составляли концертъ, самый дикій и невыносимо раздирающій уши, вторя другъ другу, со всѣми ужимками и самымъ торжественнымъ видомъ и гримасами артистовъ. Она также искусно подражала мяуканью кошки и блеянію овцы, всегда придумывая на половину комическія и сантиментальныя выраженія, сообразно случаю; иногда вспрыгивая, подобно злой кошкѣ, она нападала на перваго мимопроходившаго, растопыривая руку въ видѣ лапы и завывая такъ рѣзко, что на мѣстѣ Екатерины Великой былъ виденъ забавный паяцъ.

Я думаю, что никто въ мірѣ не обладалъ въ равной степени съ Екатериной быстротой ума, неистощимымъ разнообразіемъ его источниковъ и, главнѣе всего, прелестью манеры и умѣніемъ скрасить самое обыкновенное слово, придать цѣну самому ничтожному предмету.

Эти мемуары должны быть зеркаломъ не только моей жизни, но и того духа, который вліялъ на меня; поэтому я желаю разсказать еще одинъ случай, гдѣ я испытала неудовольствіе со стороны государыни; ему придали гораздо больше значенія, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, и обратили его въ злонамѣренную сплетню. Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ, я не скрою ничего, что знаю; и что бы ни писали люди, пользующіеся, за неимѣніемъ другаго авторитета, обыденной молвой, я должна оговориться, что

совершеннаго разрыва между мной и Екатериной никогда не было. Что касается до денежныхъ вознагражденій, полученныхъ мной за услуги, но заподозрѣнныхъ съ противной точки зрѣнія, мнѣ достаточно напомнить, что императрица хорошо знала меня, ей было извѣстно и то, что своекорыстіе всего дальше было отъ моего сердца. Подобные разсчеты такъ были чужды мнѣ, что наперекоръ все заражающему придворному эгоизму, который образовалъ мнѣ враговъ изъ людей, обязанныхъ мнѣ и на зло всѣхъ опытовъ человѣческой неблагодарности, въ теченіе всей моей жизни, я смѣло могу утверждать, что скромныя мои средства всегда были готовы на пользу другимъ.

Между примѣрами неблагодарности, глубоко огорчившей меня, былъ между прочимъ, поступокъ молодаго офицера Михаила Пушкина; я разскажу его подробно, потому что съ нимъ соединялось неудовольствіе императрицы, о которомъ я сейчасъ замѣтила.

Этотъ молодой человѣкъ, котораго отецъ былъ какимъ-то чиновникомъ, потерявшимъ мѣсто за дурное поведеніе, былъ лейтенантомъ въ одномъ полку съ княземъ Дашковымъ; мой мужъ часто помогалъ ему деньгами. Юношество любило Пушкина за его умъ и умѣнье хорошо говорить; это обстоятельство и обыкновенная фамильярность между офицерами заставила князя, безъ дальнихъ разсужденій, допустить его въ число своихъ друзей. По просьбѣ Дашкова передъ самой нашей свадьбой, я выручила его изъ непріятнаго и очень неловкаго дѣла, въ которое онъ замѣшался съ главнымъ французскимъ банкиромъ Гейнберомъ. Пушкинъ вмѣсто того, чтобы заплатить долгъ этому послѣднему, вытолкалъ его изъ своего дома. Вслѣдствіе этого оскорбленія, столь несправедливаго, было начато слѣдствіе, въ которомъ Гейнбера жарко поддерживалъ французскій посланникъ, маркизъ Лопиталь. Такъ какъ мнѣ часто случалось встрѣчать маркиза въ домѣ моего дяди, то я попросила его окончить процессъ; онъ охотно согласился и написалъ князю Меншикову, начальнику Пушкина, увѣдомивъ его, что дѣло съ Гейнберомъ рѣшено полюбовно, и потому можно считать его навсегда оконченнымъ.

Съ этого времени карьера этого молодаго человѣка была предметомъ нашихъ заботъ; однажды въ царствованіе Петра, императрица, разговаривая со мной о своемъ сынѣ, захотѣла помѣстить, около него, по совѣту Панина, нѣсколькихъ хорошихъ юношей, въ качествѣ сверстниковъ, въ особенности, знающихъ иностранные языки и литературы; я отрекомендовала ей Пушкина, какъ самаго способнаго мальчика. Спустя нѣсколько недѣль, онъ пойманъ былъ въ шалости самаго скандалезнаго свойства, и хотя я лично не любила его, но, по настоянію своего мужа, возбудила къ нему участіе Екатерины и тѣмъ спасла его отъ бѣды.

Вскорѣ за тѣмъ, не задолго до восшествія на престолъ императрицы, я проводила съ ней одинъ вечеръ въ Петергофѣ, когда Панинъ привелъ сына показать ей; между прочимъ замѣтивъ о чрезмѣрной застѣнчивости и даже дикости своего питомца, что наставникъ приписывалъ совершенному отчужденію великаго князя отъ его однолѣтковъ, онъ опять въ числѣ другихъ напомнилъ о Пушкинѣ, о которомъ говорилъ своему дядѣ князь Дашковъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга.

Услышавъ это имя, императрица тотчасъ замѣтила, что хотя она не обвиняетъ прямо Пушкина въ его послѣднемъ поступкѣ, однако жъ, дѣло его до того было гласнымъ, что, по одному уже подозрѣнію, онъ не можетъ быть допущенъ къ ея сыну.

Искренно одобривъ возраженіе Екатерины и прибавивъ, что мы рекомендовали его прежде этого происшествія, при всемъ томъ, я просила ее поразмыслить, не ложно ли онъ обвиненъ и что было бы очень жалко, еслибъ молодой человѣкъ, по одной сомнительной молвѣ, потерялъ надежду быть полезнымъ на своемъ мѣстѣ.

Таковы были наши одолженія въ отношеніи къ Пушкину, и вотъ какъ онъ отплатилъ за нихъ.

Когда Екатерина была уже на престолѣ, а мы жили во дворцѣ, однажды вечеромъ былъ приглашенъ къ намъ Пушкинъ; онъ явился какъ обыкновенно въ дурномъ расположеніи духа; я замѣтила ему о томъ и спросила о причинѣ. Онъ сказалъ, что дѣла его съ часу на часъ идутъ хуже и, несмотря на мое обѣщаніе, онъ теряетъ всякую надежду получить мѣсто при великомъ князѣ. Я утѣшала его, желая разогнать его черныя думы, при чемъ старалась увѣрить, что, если это мѣсто не достанется ему, то государыня назначитъ его на другое мѣсто, и мое ходатайство въ его пользу всегда будетъ готово. Я утѣшила и обнадежила его съ той увѣренностью, что онъ, положится на мое обѣщаніе—такъ или иначе пособить ему. Но что же вышло? Едва онъ оставилъ меня, какъ встрѣтилъ Зиновьева, которому, съ той же грустной физіономіей, разсказалъ о своемъ несчастіи, и что будто это несчастіе происходитъ отъ недовѣрія къ нему императрицы вслѣдствіе распущенныхъ о немъ дурныхъ слуховъ, какъ онъ это сейчасъ узналъ отъ меня. Зиновьевъ немедленно предложилъ ввести его къ Григорію Орлову, своему другу. Предложеніе очень охотно было принято, и Пушкинъ попалъ подъ покровительство любовника. Орловъ спросилъ его, въ чемъ дѣло; Пушкинъ съ мастерскимъ краснорѣчіемъ повторилъ ему свою исторію; первый, замѣтивъ въ немъ человѣка, способнаго клеветать на меня, принялъ сторону Пушкина и обѣщалъ ему успѣхъ, желая доказать, какъ мало значитъ для императрицы мое ходатайство.

Въ тотъ же вечеръ князь Дашковъ получилъ письмо и, что особенно удивило насъ, оно было отъ того же Пушкина, написанное въ видѣ оправданія въ томъ, что Зиновьевъ представилъ его Орлову, что здѣсь происходилъ разговоръ—онъ не совсѣмъ хорошо его помнитъ,—но разговоръ такого свойства, что можетъ имѣть вредныя послѣдствія для меня. „Чувствую по пословицѣ, что шапка на ворѣ горитъ“, онъ хотѣлъ отречься отъ всего, что наговорилъ Орлову, и обѣщалъ подтвердить свое оправданіе письменно на слѣдующее утро.

Я такъ презирала подобныя продѣлки, что совѣтовала не упоминать объ этомъ; но Дашковъ счелъ неприличнымъ отказать ему въ такомъ невинномъ оправданіи.

На другое утро, я обычнымъ порядкомъ явилась къ императрицѣ. Рѣчь немедленно упала на Пушкина: „Съ чего вы взяли, спросила Екатерина, разрушать довѣріе подданнаго, внушая ему, что онъ потерялъ въ моихъ глазахъ мнѣніе о себѣ, и что я причиной несчастія Пушкина?“

Изумленная этимъ обвиненіемъ, раздраженная неблагодарностью, я съ трудомъ удержалась отъ гнѣва и ограничилась только однимъ возраженіемъ, что императрицѣ хорошо извѣстны мои хлопоты помочь ему; послѣ того я предоставляю ей самой судить о его подлости; я только одного не понимаю, какимъ образомъ слово утѣшенія могло быть обращено въ ябеду. Относительно же внушенія недовѣрія ея подданному я такъ была далека отъ подобной мысли, что, напротивъ, убѣждала его надѣяться, если онъ не успѣетъ получить мѣста при великомъ князѣ, найти другое по милости царской, и быть полезнымъ своимъ дарованіемъ правительству.

На этомъ прекратился нашъ разговоръ, и я думаю, мое объясненіе удовлетворило императрицу, хотя я глубоко была уязвлена слишкомъ поспѣшнымъ и незаслуженнымъ ея выговоромъ.

Когда я увидѣла своего мужа, онъ сказалъ: „ты права относительно этого бездѣльника Пушкина; мой слуга былъ у него именно въ то время, которое онъ назначилъ, и онъ отказался прислать письменное подтвержденіе, избѣгая, разумѣется, опасности оказаться лжецомъ подъ собственноручной роспиской“.

„Намъ остается одно, отвѣчала я, забыть этого коварнаго негодяя; онъ никогда не былъ достоинъ твоей дружбы“.

Послѣдующее его поведеніе оправдало мое мнѣніе и низость его характера. Опредѣленный, съ помощью Орловыхъ, начальникомъ коллегіи мануфактуръ, онъ сталъ поддѣлывать банковые билеты, за что былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ дни свои.

VIII.

Возвращаюсь къ болѣе общественнымъ дѣламъ. Коронація императрицы въ это время была предметомъ общаго вниманія. Въ сентябрѣ дворъ отправился въ Москву; я ѣхала въ одной каретѣ съ Екатериной, а князь Дашковъ находился въ ея свитѣ. По дорогѣ каждый городъ и деревня весело встрѣчали государыню.

За нѣсколько верстъ отъ Москвы мы остановились въ Петровскомъ, на дачѣ графа Разумовскаго, гдѣ собрались должностныя лица и толпы городскихъ жителей, въ ожиданіи пріѣзда императрицы.

Князь Дашковъ поспѣшилъ извѣстить свою мать, отъ которой возвратился на другое утро; я, съ своей стороны, горѣла нетерпѣніемъ обнять моего Мишу, сына, котораго я за годъ передъ тѣмъ, оставила на попеченіе своей свекрови; поэтому я просила Екатерину отпустить меня до вечера. Она старалась уговорить остаться дома, подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ необходимо отдохнуть послѣ усталости. Я, однако жъ, рѣшилась подождать не долѣе полудня. Послѣ обѣда, когда я собралась ѣхать, императрица отозвала меня и мужа въ другую комнату, и очень осторожно и нѣжно предупредила, что мой Мишенька умеръ.

Это несчастіе было для меня выше всякой мѣры. Я бросилась въ домъ, гдѣ онъ скончался, и не могла больше возвратиться въ Петровское и жить во дворцѣ, тѣмъ болѣе участвовать въ церемоніяхъ торжественнаго въѣзда въ Москву. Императрицу я посѣщала каждый день, но избѣгала всѣхъ общественныхъ собраній, продолжая жить въ домѣ старой княгини Дашковой; ея любовь и доброе расположеніе ко мнѣ были источникомъ моего утѣшенія.

Въ это самое время, Орловы, съ ихъ обыкновеннымъ пронырствомъ, искали случая унизить меня. Они устроили церемоніалъ вѣнчанія, на основаніи нѣмецкаго этикета, введеннаго Петромъ I, военное сословіе первенствовало на подобныхъ выставкахъ; поэтому они назначили мнѣ мѣсто въ соборѣ, не какъ другу императрицы, украшенному орденомъ св. Екатерины, а какъ женѣ полковника, которая могла быть допущена въ самыхъ низшихъ рядахъ.

Внутри собора была поставлена высокая платформа для зрителей этого класса; съ нея ясно былъ виденъ каждый посѣтитель: такимъ образомъ, замыселъ Орловыхъ вполнѣ достигалъ своей цѣли. Мои друзья единодушно совѣтовали мнѣ не являться; поблагодаривъ, я замѣтила имъ, что было бы странно увлекаться самолюбіемъ въ то время, когда всѣ мои дружескія и патріотическія надежды готовы

осуществиться; та же самая гордость, которую враги стараются оскорбить, возвыситъ меня среди толпы, и въ виду церемоніи, которой я скорѣе дамъ, чѣмъ приму отъ нея истинное достоинство. Увы, кто могъ разсчитывать на безчувственность этикета въ такую минуту.

Забывая всѣ личныя чувства, я искренно встрѣтила 22-е сентября, день коронаціи. Раннимъ утромъ я вошла къ императрицѣ и, за отсутствіемъ великаго князя, находилась близъ нея во время процессіи въ соборъ; по приходѣ я заняла свое скромное мѣсто между неизвѣстными людьми низшихъ военныхъ рядовъ. Можетъ быть убѣжденія мои въ этомъ отношеніи не были поняты тѣми, кто измѣрялъ мои чувства по спискамъ адресъ-календаря, но какъ я ни была молода, истинная норма всякаго отличія для меня заключалась въ личномъ достоинствѣ; и если трудно унизить меня, то, конечно, потому, что я полагала настоящимъ униженіемъ нашу собственную безнравственность.

Когда кончилось вѣнчаніе, императрица возвратилась во дворецъ и сѣла подъ царскимъ балдахиномъ.

Началось длинное производство; между первыми назначеніями, князь Дашковъ былъ пожалованъ камергеромъ, что̀ дало ему чинъ бригадира и не лишило полка; я была сдѣлана статсъ-дамой.

Москва представляла рядъ безпрерывныхъ празднествъ. Народъ, казалось, веселился отъ души, и вся зима прошла среди пировъ и праздниковъ. Мы не раздѣляли ихъ по причинѣ семейнаго горя. Младшая сестра моего мужа занемогла, и, несмотря на крѣпкое тѣлосложеніе, только продолжившее ея страданія, наконецъ, скончалась жертвой невѣжества своего медика. Я тяжело скорбѣла за эту милую дѣвушку, которая передъ смертью не отпускала меня отъ себя ни днемъ, ни ночью; кромѣ того, мое собственное хилое здоровье и беременность заставили избѣгать всего, что выходило за кругъ этой траурной жизни. Князь Дашковъ, оплакивая смерть любимой сестры и утѣшая горюющую мать, также не имѣлъ ни времени, ни желанія являться въ общество, и, чтобъ не безпокоить себя пріемомъ посѣтителей, мы никого не принимали, за исключеніемъ самыхъ близкихъ родственниковъ.

При такой отшельнической жизни, придворныя событія были намъ извѣстны мало, кромѣ общегласныхъ происшествій, какъ, напримѣръ, просьбы Бестужева, которую онъ представилъ Екатеринѣ, относительно ея втораго брака.

Этотъ шарлатанскій актъ, облеченный въ форму національнаго адреса, умолялъ императрицу почтить усердныя желанія любезныхъ ея подданныхъ избраніемъ супруга, достойнаго ея царской руки. Этому акту мужественно и благородно противодѣйствовалъ мой дядя,

канцлеръ. Когда Бестужевъ принесъ ему адресъ, подписанный многими сановниками, дядя просилъ не безпокоить его даже именемъ этого глупаго и опаснаго проекта. За всѣмъ тѣмъ, Бестужевъ началъ читать бумагу, при чемъ канцлеръ всталъ съ кресель и, разсердившись противъ нелѣпости такой просьбы, вышелъ изъ комнаты.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ велѣлъ подать себѣ карету и, несмотря на то, что былъ боленъ, отправился во дворецъ. Онъ немедленно хотѣлъ видѣть императрицу и просить ее отвергнуть предложеніе, придуманное Григоріемъ Орловымъ и основанное на его собственныхъ честолюбивыхъ замыслахъ. Канцлеръ требовалъ аудіенціи, которая тотчасъ была дана ему. Онъ явился и говорилъ вслѣдствіе открытія, сдѣланнаго ему Бестужевымъ, который хотѣлъ придать своей собственной вздорной фабрикаціи санкцію всего народа, будто желающаго для себя и для своей монархини царя. Такая мѣра, продолжалъ онъ, оскорбительна для ея подданныхъ, которые имѣютъ много причинъ, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, не желать такого мужа ей, а себѣ повелителя, какъ Григорій Орловъ.

Императрица отвѣчала ему такъ: „Я никогда не уполномочивала этого стараго интригана на этотъ поступокъ; что же касается до васъ, я вижу въ вашемъ откровенномъ и честномъ поведеніи слишкомъ много привержености ко мнѣ, хотя вы всегда невпопадъ ее употребляете“.

Мой дядя возразилъ, что онъ дѣйствуетъ по долгу совѣсти, и увѣренъ, что государыня сама, по доброй волѣ, отклонитъ это гибельное обстоятельство. Затѣмъ онъ ушелъ.

Такая твердость со стороны канцлера удивила всѣхъ и пріобрѣла ему новое уваженіе въ общественномъ мнѣніи; но Бестужевъ приписалъ ее предварительному согласію съ императрицей, которая будто бы хотѣла, съ помощью этого протеста, отдѣлаться отъ настойчивости Григорія Орлова. Это подозрѣніе, впрочемъ, было совершенно ложное, потому что болѣзнь не выпускала моего дядю изъ комнаты и не позволяла ему заниматься дѣлами. Во всякомъ случаѣ, чистота его характера защищаетъ его отъ всякаго нареканія въ подложномъ поступкѣ.

Между тѣмъ, Григорій Орловъ, разочарованный въ своихъ заносчивыхъ мечтахъ, былъ возведенъ въ достоинство князя германской имперіи; и въ то время, какъ канцлеръ обличалъ интригу его адептовъ, другіе, негодуя на его надменныя желанія, искали паденія временщика. Въ числѣ ихъ находился Гетрофъ, одинъ изъ самыхъ безкорыстныхъ заговорщиковъ противъ Петра III; изящныя его манеры и прекрасная его наружность разжигали ревность, возбужденную безкорыстіемъ его въ душѣ Орловыхъ. Одинъ изъ двоюродныхъ

братьевъ Гетрофа, Ржевскій, участникъ революціи со стороны обѣихъ партій, пользовался обоюднымъ ихъ довѣріемъ, но любившій больше всего личную пользу, измѣнически открылъ Алексѣю Орлову замыселъ Гетрофа, который готовилъ вопіющій протестъ противъ просьбы Бестужева и успѣлъ скрѣпить его подписью всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ Екатеринѣ взойти на престолъ, въ то же время, онъ предупредилъ его, что въ случаѣ неудачи протеста любимцу угрожаетъ месть. Гетрофъ былъ арестованъ, Алексѣй Орловъ допрашивалъ его, говорятъ, съ крайнимъ безстыдствомъ и жестокостью, при чемъ, Гетрофъ съ гордостью произнесъ, что онъ первый лучше вонзилъ бы ножъ въ сердце Григорія Орлова и послѣ того умеръ, чѣмъ согласился бы признать его своимъ монархомъ и быть свидѣтелемъ бѣдствія страны, только-что освобожденной отъ тирана.

При другомъ слѣдствіи, производимомъ Суворовымъ, отцомъ славнаго фельдмаршала, Гетрофъ былъ спрошенъ, не имѣлъ ли онъ сношеній со мной, и какія мои мнѣнія въ этомъ отношеніи: „Я три раза, отвѣчалъ онъ, являлся къ княгинѣ Дашковой, съ намѣреніемъ попросить ея совѣта, но она никого не принимала. Но еслибъ я увидѣлъ ее, вполнѣ открылъ бы свои чувства, я убѣжденъ, что она посовѣтовала бы все, что долженъ внушить истинный патріотизмъ и нелицемѣрное великодушіе“.

Этотъ благородный отвѣтъ Гетрофа былъ подъ секретомъ сообщенъ Суворовымъ моему мужу, когда они на другой день встрѣтились во дворцѣ; Суворовъ, обязанный отцомъ Дашкова, съ удовольствіемъ ему передалъ столь лестный отзывъ обо мнѣ.

Возвращаюсь къ своимъ домашнимъ дѣламъ. По смерти моей сестры, уговорили княгиню Дашкову переѣхать съ печальнаго пепелища въ домъ ея брата, генерала Леонтьева; между тѣмъ я продолжала жить инвалидомъ въ городѣ, среди хандры и безполезныхъ занятій.

Наконецъ, 12-го мая, стараго стиля, родился у меня сынъ, а на другой день, мой мужъ заболѣлъ простудой, которой онъ часто подвергался. При такомъ порядкѣ вещей, черезъ три дня императрица прислала Дашкову письмо съ своимъ секретаремъ, Тепловымъ.

Дяди мои, Панины, сидѣли у насъ, когда явился Тепловъ; не желая встрѣтиться съ ними, или ему приказано было исполнить порученіе съ глазу на глазъ, онъ попросилъ Дашкова выйти на улицу, чтобы здѣсь переговорить съ нимъ.

Князь лежалъ въ постели въ одной комнатѣ со мной; онъ потихоньку всталъ, одѣлся въ шинель, сошелъ съ лѣстницы и принялъ отъ Теплова письмо Екатерины слѣдующаго содержанія:

„Я отъ всей души желала бы не забыть заслуги княгини Даш-

ковой вслѣдствіе ея собственной забывчивости; напомните ей объ этомъ, князь, такъ какъ она позволяетъ себѣ угрожать мнѣ въ своихъ разговорахъ".

Я ничего не знала объ этомъ дѣлѣ до вечера, когда я подслушала совѣщанія Паниныхъ съ мужемъ въ его спальнѣ и замѣтила безпокойное выраженіе лица моей сестры, Александры, проходившей черезъ мою комнату къ брату. Эта грустная тайна въ высшей степени встревожила меня; я боялась, что болѣзнь мужа приметъ дурной оборотъ; поэтому желала видѣть моихъ дядей: они подошли къ постели и, чтобъ успокоить меня, передали мнѣ содержаніе царскаго письма.

Я гораздо больше была недовольна Тепловымъ, который вызвалъ мужа изъ постели, подвергая его опасности, чѣмъ несправедливости этого страннаго обвиненія. Впрочемъ, я желала прочитать письмо. Генералъ Панинъ сказалъ, что Дашковъ поступилъ съ этимъ письмомъ такъ, какъ онъ самъ сдѣлалъ бы въ этомъ случаѣ, разорвавъ его въ клочки и отвѣтивъ на него очень рѣзко.

Я чувствовала себя, сверхъ ожиданія, въ спокойномъ состояніи духа и не роптала на императрицу; при такихъ врагахъ, какими она была окружена, всегда надо было ожидать подобныхъ несправедливостей. Поэтому я хладнокровно поручила графу Панину спросить Екатерину, когда ей угодно будетъ назначить крещеніе моего ребенка, такъ какъ она обѣщала быть крестной его матерью. Сдѣлавъ это предложеніе, я хотѣла знать, вспомнитъ ли она о своемъ обѣщаніи, среди ложныхъ обвиненій, которыми старались возмутить ее противъ меня.

Когда дяди удалились, князь Дашковъ вошелъ въ мою комнату; несмотря на его видимое хладнокровіе и желаніе разсѣять мой страхъ, я изумилась его исхудалому лицу, такъ что, когда онъ возвратился въ постель, я долго не могла заснуть. Наконецъ, я заснула подъ вліяніемъ лихорадочнаго сна, но меня разбудилъ крикъ и буйныя пѣсни пьяной толпы подъ окномъ; эта толпа высыпала на улицу послѣ увеселеній Орловыхъ, которыхъ домъ, къ несчастью, былъ по сосѣдству съ нашимъ. Неистовыя вакханаліи съ кулачными бойцами были любимымъ развлеченіемъ Орловыхъ. Я такъ испугалась, потрясенная этимъ шумомъ, что тотчасъ же почувствовала параличъ въ лѣвой рукѣ и ногѣ. Предвидя опасность, я послала кормилицу за полковымъ лѣкаремъ, нашимъ домашнимъ другомъ, приказавъ провести его такъ, чтобъ не будить мужа. Когда онъ пришелъ и взглянулъ на меня, потерялъ всякую надежду и немедленно потребовалъ на помощь доктора и князя Дашкова: я, однако жъ, никого не впустила къ себѣ до шести часовъ утра; въ это время я совершенно

отчаялась въ моей жизни; поэтому я позвала князя, поручила ему дѣтей, умоляла его всего больше позаботиться о воспитаніи ихъ; потомъ поцѣловала его въ знакъ вѣчной нашей разлуки.

Взоръ, выраженіе лица, съ которымъ онъ принялъ мой холодный поцѣлуй, доселѣ живутъ въ моемъ сердцѣ; и эта предсмертная минута была для меня почти счастіемъ; но Богу угодно было отвести ударъ, который я ожидала съ такой покорностью, и продолжить мою безутѣшную жизнь, послѣ смерти моего милаго мужа.

Императрица и великій князь были воспріемниками моего сына, названнаго Павломъ, но они не спросили о моемъ здоровьѣ ни прежде, ни послѣ церковнаго обряда.

Вскорѣ, затѣмъ, дворъ возвратился въ Петербургъ. Мое выздоровленіе шло очень тихо, и я продолжала жить въ Москвѣ, принимая съ нѣкоторой пользой холодныя ванны до іюля. Между тѣмъ Дашковъ обязанъ былъ соединиться съ своимъ полкомъ въ Петербургѣ и Дерптѣ, гдѣ онъ стоялъ, а я переѣхала на дачу, въ семи верстахъ отъ Москвы.

Дѣвица Каменская и сестры ея дѣлили мое уединеніе до декабря, когда, чувствуя себя совершенно здоровой, я вмѣстѣ съ Каменской отправилась въ Петербургъ къ своему мужу. Мы поселились въ наемномъ домѣ.

IX.

Я пишу исторію своей жизни, а не исторію своего времени; потому я не считаю нужнымъ подробно говорить о политическихъ событіяхъ этой эпохи, а коснусь ихъ въ той мѣрѣ, въ какой необходимо для ясности моего разсказа.

Смерть Августа, короля польскаго и курфюрста саксонскаго, открыла широкое поле дипломатическимъ интригамъ Европы. Саксонская династія хотѣла удержать польскую корону въ своихъ рукахъ; прусскій король домогался другихъ цѣлей. Нѣкоторые изъ магнатовъ Посполитой Рѣчи, подкупленные золотомъ и обѣщаніями Саксоніи, поддерживали права этого дома; между тѣмъ какъ другіе, руководимые болѣе патріотическими побужденіями и подозрительно посматривая на опасную политику, утвердившую, наперекоръ конституціоннымъ началамъ, почти наслѣдственно польскій престолъ за Саксонской династіей, упорно стояли за національное избраніе. Вѣнскій кабинетъ, заискивая дружбы русской императрицы, объявилъ себя въ пользу избранія, можетъ быть имѣя въ виду притязанія князя Чарторыйскаго,

такъ какъ Екатерина еще не обнаружила своихъ желаній—представить Понятовскаго кандидатомъ упраздненнаго престола. Когда ея намѣреніе сдѣлалось извѣстнымъ совѣту, князь Орловъ воспротивился ему;—военный министръ, графъ Захарій Чернышевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ, замѣтивъ возраставшее вліяніе Орлова, хотя не открыто, но стали на его сторонѣ и употребили всевозможныя средства остановить движенія войскъ и тѣмъ помѣшать исполненію желаній Екатерины.

Наконецъ, когда наступило время собранія, она поставила князя Дашкова въ головѣ войска, посланнаго въ Польшу; этимъ выборомъ она хотѣла разрушить интригу Орловыхъ и дать лучшую опору своимъ собственнымъ интересамъ. Согласно съ тѣмъ, она отдала Дашкову тайное приказаніе и отправила его такъ секретно, что почти никто не зналъ о его назначеніи до самаго отъѣзда.

Князь, обрадованный такимъ довѣріемъ, принялся за дѣло съ необыкновеннымъ усердіемъ и дѣятельностью, и восторжествовалъ надъ всѣми препятствіями, поставленными на пути его. Князь Волконскій, главнокомандующій арміею, первый былъ посланъ въ Польшу поддержать народный вопросъ; ему приказано было не двигаться дальше Смоленска, князь же Дашковъ прошелъ до самой Варшавы, предводительствуя корпусомъ, достаточнымъ для достиженія предположенной цѣли этого похода; власть, данная ему, прежде чѣмъ онъ достигъ мѣста назначенія, была такъ безгранична, что генералы и бригадиры, изъ которыхъ нѣкоторые были старше его, безусловно подчинились ему.

Сильная раздражительность души и двойное безпокойство за отсутствующаго мужа и больную дочь снова разстроили мое здоровье; мнѣ было предписана перемѣна воздуха; къ счастью я получала съ каждой почтой очень важныя письма отъ мужа и потому не хотѣла слишкомъ далеко удаляться отъ Петербурга. Съ позволенія своего брата, князя Куракина, я заняла одну изъ его загородныхъ дачъ, ту самую прекрасную Гатчину, которая по смерти его была куплена императрицей. Она тогда не имѣла того близкаго сообщенія съ Петербургомъ, которое впослѣдствіи было установлено. Я жила здѣсь съ двумя дѣтьми и Каменской, совершенной отшельницей, до самаго пріѣзда государыни изъ Риги, и выѣзжала изъ дому только для верховыхъ прогулокъ по окрестностямъ; избѣгая большихъ расходовъ и не принимая къ себѣ почти никого, въ отсутствіи мужа, я заняла только одно крыло этой обширной дачи, гдѣ была устроена холодная ванна для моихъ дѣтей. Большую же часть покоевъ я уступила генералу Панину, назначенному теперь сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта: онъ оставался здѣсь до отъѣзда Екатерины въ

Ригу, куда онъ сопровождалъ ее. Когда онъ жилъ со мной, каждое утро являлось къ нему множество просителей по дѣламъ службы; но хотя мы занимали одинъ домъ, у насъ было отдѣльное хозяйство и особенные входы на противоположныхъ концахъ зданія. Дядя вставалъ для занятій раньше меня, и потому я не видѣла и не слышала никого, кто приходилъ къ нему; я отнюдь не догадывалась, что въ числѣ его посѣтителей былъ Мировичъ — личность, замѣчательная безумнымъ замысломъ посадить на тронъ юнаго Ивана, съ младенчества заключеннаго въ Шлиссельбургской крѣпости. Посѣщенія Мировича возбудили подозрѣніе противъ меня и бросили новую ложную тѣнь на мой характеръ и убѣжденія, и безъ того уже извращенныя. Я, разумѣется, досадовала, забывъ о томъ, что я слишкомъ много сдѣлала для Екатерины и слишкомъ мало для своей личной пользы, чтобы избѣжать зависти и клеветы.

Скоро, послѣ возвращенія государыни изъ Риги, я перебралась въ Петербургъ; генералъ Панинъ, какъ только онъ устроился въ собственномъ домѣ, соединился со своей любезной женой, прежде жившей въ Москвѣ. Я была искреннимъ другомъ этой уважаемой женщины, съ которой я провела много времени, за отсутствіемъ ея мужа, занятаго при дворѣ или разъѣздами по разнымъ порученіямъ. Съ единственной природной кротостью она соединяла достоинства, завидныя для ея пола; но слабое здоровье, вслѣдствіе грудныхъ болѣзней, увеличившихся съ переѣздомъ ея въ Петербургъ, заставили ее ограничиться самымъ тѣснымъ кругомъ близкихъ людей, среди которыхъ она была чудомъ прелести; къ сожалѣнію она не долго прожила.

Дядя мой, Панинъ, говоря мнѣ однажды о Мировичѣ, сообщилъ, что катастрофа, рѣшившая участь несчастнаго Ивана, была доведена до свѣдѣнія императрицы въ Ригѣ, письмомъ Алексѣя Орлова. Она прочитала ее съ большой тревогой, сообщивъ содержаніе первому секретарю, Елагину. Въ концѣ этого письма было упомянуто, что Мировича часто видѣли приходившимъ по утру въ домъ княгини Дашковой. Когда Елагинъ выслушалъ императрицу, онъ замѣтилъ, что это несомнѣнно ложь. Невѣроятно, сказалъ онъ, чтобъ Дашкова, жившая въ уединеніи, стала дѣлать заговоры съ такимъ лицомъ, какъ Мировичъ; она должна была принять его за дурака, еслибъ только коротко его знала.

Справедливый и честный порывъ Елагина въ защиту мою не остановился на этомъ; онъ немедленно явился въ домъ генерала Панина и увѣдомилъ его объ этомъ обстоятельствѣ. Дядя объяснилъ эти таинственныя посѣщенія, уполномочивъ Елагина увѣрить императрицу, что Мировичъ дѣйствительно часто бывалъ у него, но по своему

дѣлу, производившемуся въ Сенатѣ, и что если бы государыня желала подробно познакомиться съ этимъ загадочнымъ характеромъ, никто не въ состояніи удовлетворить ея любопытству въ такой степени, какъ онъ, потому что Мировичъ долго служилъ въ его полку. Елагинъ, не теряя времени, доложилъ Екатеринѣ обо всемъ этомъ. Она послала за моимъ дядей, и если я была совершенно оправдана, то, конечно, обязана тѣмъ отвратительному портрету Мировича, въ которомъ представилъ его Панинъ, ибо въ человѣкѣ безъ всякаго воспитанія, надменномъ своимъ невѣжествомъ и неспособномъ даже оцѣнить послѣдствій своего предпріятія, трудно ей было не узнать разительную характеристику Григорія Орлова.

Грустно и жалко было видѣть ложное вліяніе, отуманившее мозгъ Екатерины до того, что она готова была подозрѣвать своихъ истинныхъ патріотовъ и самыхъ преданныхъ ей друзей; и когда казнили Мировича, я, не имѣя причинъ оплакивать участь его, благословляла свою судьбу за то, что никогда не видѣла его; иначе это первая голова, на моей памяти, упавшая подъ топоромъ въ Россіи, безъ сомнѣнія, преслѣдовала бы мое воображеніе.

Судъ надъ Мировичемъ, веденный чрезвычайно гласно, при полномъ Сенатѣ, въ присутствіи всѣхъ президентовъ и вице-президентовъ департаментовъ и всѣхъ дивизіонныхъ генераловъ Петербурга, открывалъ дѣло въ ясномъ свѣтѣ передъ цѣлой Россіей. Конечно, вслѣдствіе необыкновенной удачи послѣдняго переворота, Мировичу казалось низверженіе Екатерины предпріятіемъ легкимъ, и, вообразивъ прослыть героемъ, онъ рѣшился предоставить корону сумасшедшему принцу.

Вообще, думали и писали въ Европѣ, что все это дѣло ни больше, ни меньше, какъ ужасная интрига Екатерины, которая будто бы подкупила Мировича на злодѣяніе, и потомъ пожертвовала имъ. Во время моего перваго путешествія, въ 1770 году, мнѣ часто случалось говорить объ этомъ заговорѣ и защищать императрицу отъ двойной клеветы. Особенно Франція убѣдила меня въ томъ, что народы, съ завистью взирающіе на колоссальную силу Россіи, обратили ее, какъ бы для политическаго равновѣсія, въ предметъ всякой клеветы противъ ея образованной и дѣятельной царицы. Помнится, разговаривая объ этомъ происшествіи въ Парижѣ, я выразила удивленіе подобно тому, какъ прежде г-ну и г-жѣ Неккеръ, въ Спа, что трудно понять, какимъ образомъ французы, имѣвшіе министромъ кардинала Мазарини, затрудняются въ объясненіи этого факта, когда ихъ собственныя лѣтописи полны подобныхъ тайнъ и трагическихъ придворныхъ событій.

Графъ Ржевускій, польскій посланникъ, былъ единственный ино-

странецъ, принимаемый въ моемъ домѣ; отъ него я узнавала новости о моемъ мужѣ.

Онъ говорилъ мнѣ, какъ дѣятельно князь Дашковъ привелъ въ исполненіе планы императрицы, и какія важныя услуги онъ оказалъ Понятовскому; что его поведеніе и усердная служба пріобрѣли ему общую довѣренность и любовь въ войскѣ. Это все, по его словамъ, извѣстно Екатеринѣ и она не нахвалится своимъ маленькимъ фельдмаршаломъ, какъ она называла его. Но Богу не угодно было продолжить его жизнь, чтобъ воспользоваться наградой за его услуги и безкорыстіе, вездѣ и всегда отличавшее его.

Въ сентябрѣ, вслѣдъ за тѣмъ, какъ было получено извѣстіе о восшествіи на престолъ Понятовскаго, курьеръ, отправленный графомъ Кейзерлингомъ, нашимъ посланникомъ въ Варшавѣ, привезъ печальнѣйшее извѣстіе. Дашковъ, слѣдуя усиленными маршами и не давая себѣ отдыха, несмотря на лихорадку, скончался жертвой ея, посвятивъ всю свою жизнь ревностному и неутомиму исполненію своихъ обязанностей. Это событіе, самое ужасное въ моей жизни, грустной вѣстью разнеслось по всему городу прежде, чѣмъ оно дошло до меня.

Однажды утромъ, тетка моя, жена генерала Панина, заѣхала ко мнѣ и предложила прогуляться въ ея каретѣ. Она была болѣе, чѣмъ обыкновенно блѣдна—и на лицѣ ея отражалось внутреннее волненіе. Я пожалѣла, что болѣзнь ея сильно возрастаетъ, и потому готова была сопутствовать ей куда угодно, не подозрѣвая того, что истинно жалкимъ существомъ въ эту минуту была я сама. Мы пріѣхали въ ея домъ, гдѣ встрѣтили насъ двое дядей, также съ печальными и озабоченными лицами. Роковая тайна была готова, но прошелъ обѣдъ и никто не осмѣлился заикнуться о ней. Наконецъ, мало-по-малу, со всей теплотой дружескаго участія, я выслушала ее и совершенно омертвѣла.

Въ этомъ безчувственномъ, но относительно счастливомъ состояніи, я пробыла нѣсколько часовъ. Наконецъ, я опамятовалась и только теперь сознала всю тяжесть моего несчастія. Я съ глубокой тоской обняла своихъ дѣтей, которыхъ мнѣ привезли, и снова оцѣпенѣла; и въ этомъ полуживомъ, полумертвомъ состояніи оставалась нѣсколько дней. Моя тетка — эта рѣдкая женщина, въ первыя минуты моего горя не только послала за моими дѣтьми и слугами, но уложила меня въ своей постели и при всемъ своемъ нездоровьи не отходила отъ меня ни днемъ, ни ночью, пока не миновала опасность.

Дѣвица Каменская была не менѣе добра и внимательна, и только съ помощью ихъ и моего искуснаго и добросовѣстнаго доктора, Кразе, жизнь моя была спасена — но, къ чему? Я ожила для слезъ о своей потерѣ и горькихъ думъ на дальнѣйшемъ пути жизни.

*

Изъ этого летаргическаго состоянія я была поднята для новой дѣятельности новымъ приливомъ скорби. Обязанная горячимъ участіемъ теткѣ, теперь я, въ свою очередь, стояла у ея постели. Она сильно заболѣла и уже болѣе не вставала. Каждый день я являлась въ ея спальню до тѣхъ поръ, пока я имѣла несчастіе лишиться этого добраго друга.

Едва я устроилась въ своемъ домѣ, въ которомъ поселилась послѣ похоронъ тетки, какъ узнала о разстроенномъ состояніи Дашкова. Его щедрость и, можетъ быть, надежда на вознагражденіе за его послѣднія услуги запутали его въ большіе долги и расходы; онъ давалъ деньги и поручительства за низшихъ офицеровъ, чтобъ облегчать, сколько возможно, обременительныя нужды своихъ сослуживцевъ во время похода.

Въ отсутствіе моего брата, Александра, жившаго уполномоченнымъ министромъ въ Голландіи, я жалѣла о немъ, какъ объ единственномъ членѣ нашего семейства, котораго искренняя и неизмѣнная любовь ко мнѣ могла быть дѣйствительнымъ утѣшеніемъ въ эту пору. Въ двадцать лѣтъ я осталась одна, безутѣшной въ своемъ несчастіи, и если меня не щадила клевета, заражающая верхніе слои жизни, то съ другой стороны я осуждена была бороться съ трудностями и лишеніями, отравляющими низшіе ряды человѣческаго существованія.

Единственную опору и покровительство я находила въ дружбѣ моихъ дядей, графовъ Паниныхъ; старшаго изъ нихъ просилъ мой умирающій мужъ—принять подъ свою опеку дѣтей и поправить его разстроенныя дѣла, при чемъ онъ завѣщалъ ему удовлетворить своихъ многочисленныхъ заимодавцевъ безъ особеннаго обремененія для его семейства. Эта просьба, благодаря доброму расположенію дяди, не осталась напрасной. Оба брата взялись за исполненіе возложенной на нихъ обязанности и настояли на томъ, чтобъ я вмѣстѣ съ ними приняла опеку надъ дѣтьми и ихъ собственностью. Переселившись въ подмосковное имѣніе, я могла лучше заняться имъ и устроить его интересы, чѣмъ они; потому что, при всей ихъ благонамѣренности, они не въ состояніи были успѣшно управлять помѣстьемъ изъ Петербурга.

Старшій Панинъ, зная, что императрица только выжидала случая помочь мнѣ, предупредилъ ее о состояніи моихъ финансовъ и просилъ уполномочить насъ, какъ попечителей, указомъ на продажу нѣкоторой части имѣнія, чтобы расплатиться съ долгами мужа. Меня удивило подобное распоряженіе и, когда Екатерина утвердила его, я рѣшительно отвергла предложеніе, соглашаясь лучше питаться цѣлую жизнь хлѣбомъ и водой, чѣмъ продать хоть одинъ дюймъ изъ наслѣдственныхъ помѣстій моихъ дѣтей.

Первую зиму моего вдовства я провела въ Петербургѣ, среди недуговъ и печали. Несмотря на то, я усердно занялась своими новыми обязанностями, привела къ точной цифрѣ всѣ долги Дашкова и тремъ главнымъ кредиторамъ отдала въ счетъ уплаты всѣ свои бриллианты, серебро, оставивъ себѣ нѣсколько ложекъ и вилокъ, необходимыхъ для четырехъ лицъ; съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшилась ввести строгую экономію, чтобы безъ вреда своимъ дѣтямъ и безъ всякаго пособія со стороны императрицы раздѣлаться съ кредиторами.

Въ началѣ зимы, до снѣжнаго пути, я хотѣла отправиться въ Москву; но моя собственная болѣзнь, потомъ нездоровье малютки удержало меня до первыхъ чиселъ марта. Прибывъ сюда, я немедленно желала поселиться въ нашемъ сосѣднемъ имѣніи; къ сожалѣнію, домъ его совершенно развалился. Но такъ какъ строевой матеріалъ еще былъ годенъ, то я построила изъ него небольшую деревянную хижину, такъ скоро срубленную, что въ началѣ лѣта я могла въ нее перебраться.

Серебро и драгоцѣнныя бездѣлушки, какъ я уже сказала, были обращены въ уплату долговъ; теперь я ограничила свои годичные расходы пятью стами рублями, и съ этой суммой должна была сообразоваться въ своемъ образѣ жизни. Я была сама нянькой, кормилицей и гувернанткой своихъ дѣтей и, такимъ образомъ, къ концу пяти лѣтъ по смерти Дашкова, съ помощью неослабной экономіи и постояннаго надзора за имѣніемъ дѣтей, я расплатилась со всѣми долгами.

Обращаясь къ этому періоду моей жизни, я не могу не отдать справедливости своимъ материнскимъ заботамъ, строго выдержаннымъ, и терпѣливому выполненію своихъ обязанностей, соединенныхъ съ несчастіемъ, несмотря на то, что я была двадцатилѣтняя вдова, привыкшая съ юности къ роскоши. Но это такъ, и всякая жертва, вознагражденная сознаніемъ чистой совѣсти, была источникомъ самаго лучшаго утѣшенія для меня.

На второмъ году моего затворничества, я испытала нѣкоторое неудовольствіе со стороны моихъ родственниковъ: домъ, въ которомъ я прежде жила въ Москвѣ, по моему мнѣнію, принадлежалъ вмѣстѣ съ другимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ моимъ дѣтямъ; но вслѣдствіе какой-то ошибки или недосмотра въ купчей, онъ былъ перекупленъ отцемъ Дашкова и отказанъ въ распоряженіе его матери; а она, заключивши себя навсегда въ монастырь, передала его своей внучкѣ, дѣвицѣ Глѣбовой. Лично для меня въ этомъ не было большой потери; за всѣмъ тѣмъ мнѣ крайне необходимо было имѣть жилище на зиму въ самомъ городѣ; поэтому я принуждена была купить небольшой участокъ земли съ полуразвалившимся строеніемъ, и на мѣстѣ его

поставить другое деревянное зданіе, болѣе удобное для меня, чѣмъ то, котораго я лишилась. Хотя я нисколько не сердилась на свою свекровь, но, во всякомъ случаѣ, она поступила несправедливо. Чтобы не упоминать объ этомъ предметѣ, я дала себѣ обѣщаніе никогда не произносить въ ея присутствіи слова „домъ“, это обѣщаніе, кажется, только одинъ разъ было нарушено черезъ два или три года послѣ, и вотъ по какому случаю; комнаты въ ея монастырѣ требовали нѣкоторой поправки; внукъ ея, Глѣбовъ, не имѣлъ у себя свободныхъ покоевъ; я съ большимъ удовольствіемъ предложила ей поселится по сосѣдству со мной въ домѣ, который я незадолго передъ тѣмъ очень дешево купила.

X.

Въ 1768 г. я просила позволенія отправиться за границу, надѣясь, что перемѣна воздуха и окружающаго міра будетъ благопріятна слабому здоровью моихъ дѣтей, но просила напрасно; мои письма оставались безъ отвѣта. Впрочемъ, этимъ лѣтомъ я предприняла прогулку въ Кіевъ, часто сворачивая съ прямой дороги для осмотра любопытныхъ мѣстъ и предметовъ по окрестностямъ; всего интереснѣе показались мнѣ нѣмецкія колоніи, населенныя императрицей. Въ Кіевѣ я встрѣтила радушный пріемъ со стороны генералъ-губернатора Воейкова, родственника моего мужа, отлично образованнаго человѣка; онъ болѣе полжизни провелъ на дипломатическомъ поприщѣ при разныхъ дворахъ, много путешествовалъ и научился понимать людей въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Его увлекательная бесѣда, согрѣтая веселостью добраго старика, была полна ума и жизни. Я каждый день бывала у него, и онъ былъ моимъ проводникомъ въ пещеры, вырытыя въ центрѣ горы, на которой раскидывалась часть города. Въ этихъ подвалахъ хранятся мощи святыхъ, уже нѣсколько вѣковъ умершихъ и какимъ-то чудеснымъ образомъ нетлѣнныхъ.

Онъ также показалъ мнѣ соборъ Печерскаго монастыря, замѣчательный по его древней мозаикѣ на стѣнахъ. Въ одной изъ богатыхъ церквей, столь многочисленныхъ въ этомъ городѣ, уцѣлѣла фресковая живопись, представляющая соборы, бывшіе въ Кіевѣ до отдѣленія русской іерархіи отъ константинопольской. Здѣсь есть и академія, въ которой образовываются нѣсколько сотъ юношей на казенный счетъ. Между школьниками доселѣ сохранился обычай расходиться вечеромъ толпами по городу и пѣть псалмы и гимны подъ окнами; жители бросаютъ имъ деньги, и студенты отдаютъ въ нихъ точный отчетъ своимъ наставникамъ.

Лучъ науки заброшенъ въ Кіевъ изъ Греціи раньше, чѣмъ онъ засвѣтилъ надъ многими изъ европейскихъ народовъ, которые нынѣ такъ щедро расточаютъ моимъ соотечественникамъ слово „варваръ“. Здѣсь даже имѣютъ понятіе о философіи Ньютона, которую римско-католическое духовенство не хотѣло допустить во Франціи.

Въ продолженіе трехмѣсячнаго путешествія, я проѣхала около трехъ тысячъ верстъ и была довольна тѣмъ, что оно совершенно отвѣчало моей цѣли и не требовало большихъ издержекъ.

Въ слѣдующемъ 1769 году, я отправилась въ Петербургъ и была намѣрена выхлопотать позволеніе уѣхать за границу. Какъ русская дворянка, я имѣла полное право путешествовать, гдѣ мнѣ угодно; но, какъ статсъ-дамѣ, мнѣ необходимо было получить позволеніе. Впрочемъ я отложила просьбу до личнаго свиданія съ государыней и рѣшилась представить ее въ годовщину революціи, празднуемую въ Петергофѣ.

Въ день этого торжества я пріѣхала во дворецъ и во время бала, чтобъ занять болѣе видное мѣсто, я постаралась замѣшаться въ кругъ иностранныхъ министровъ; когда я разговаривала съ нѣкоторыми изъ нихъ, къ намъ подошла императрица. Сказавъ нѣсколько словъ посланникамъ, она обратилась ко мнѣ. Пользуясь этимъ случаемъ, я просила ее отпустить меня на два года въ чужіе края, по причинѣ хилаго здоровья моихъ дѣтей. „Я очень жалѣю—сказала Екатерина,—что вы хотите оставить насъ; впрочемъ, вы можете располагать собою, какъ вамъ угодно“.

Когда императрица отошла, я поручила камергеру Талызину попросить министра графа Панина изготовить мнѣ паспортъ, такъ какъ согласіе Екатерины уже дано. Уладивъ это обстоятельство, я спѣшила возвратиться въ Москву, чтобы устроить свои дѣла и собраться въ путешествіе.

Относительно издержекъ, о чемъ позаботились мои дяди и друзья, я уже разсудила. Рѣшившись путешествовать подъ именемъ Михалковой,—назвавъ себя по имени одной деревни, принадлежавшей моимъ дѣтямъ — я подвела свои будущіе расходы къ возможно малой суммѣ. Инкогнито какъ нельзя лучше согласовалось съ моими финансами и главнымъ планомъ путешествія. Я хотѣла видѣть собственными глазами вещи, съ намѣреніемъ остановиться тамъ, гдѣ больше удобствъ для воспитанія дѣтей; я была убѣждена, что дома баловство родственниковъ, лакейская лесть и, главное, недостатокъ въ учителяхъ разрушили бы всѣ мои надежды и планы, самые близкіе моему сердцу.

Возвратившись въ Петербургъ въ декабрѣ, я въ томъ же мѣсяцѣ готова была оставить отечество. Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Пе-

тербурга, въ одно утро, посѣтилъ меня помощникъ государственнаго секретаря, посланный ко мнѣ императрицей съ подаркомъ въ четыре тысячи рублей. Я была изумлена и не могла удержаться отъ гнѣва при такой презрѣнной подачкѣ, за всѣмъ тѣмъ сочла неудобнымъ раздражать Екатерину рѣзкимъ отказомъ. Поэтому я просила секретаря подождать нѣсколько минутъ и, показавъ ему два небольшіе списка нѣкоторыхъ необходимыхъ вещей для моего путешествія, поручила ему составить итогъ ихъ на моемъ столѣ, а остальные положить себѣ въ карманъ.

Такимъ образомъ я разсталась съ Петербургомъ въ декабрѣ. Со мной ѣхали дѣти, Каменская и Воронцовъ, мой близкій родственникъ, состоявшій при нашемъ посольствѣ въ Гагѣ.

Мы остановились на нѣсколько дней въ Ригѣ, гдѣ наняли русскую повозку до Берлина, но прежде тѣмъ оставить Кенигсбергъ, гдѣ мы провели цѣлую недѣлю съ графиней Кейзерлингъ, нашъ возокъ сняли съ полозьевъ и поставили на колеса, что̀ очень затруднило нашу поѣздку по прусскимъ песчанымъ дорогамъ.

Въ Данцигѣ, пробывъ двѣ ночи, мы остановились въ русскомъ отелѣ, самомъ лучшемъ въ городѣ. Вошедъ въ столовую, я замѣтила двѣ картины, изображавшія двѣ битвы, проигранныя нашими войсками въ сраженіяхъ съ Пруссіей; на нихъ были разбросаны группы убитыхъ и умирающихъ солдатъ или на колѣняхъ умоляющихъ о пощадѣ побѣдоносныхъ пруссаковъ. Мнѣ показался слишкомъ обиднымъ этотъ позоръ моихъ соотечественниковъ, выставленный передъ путешественниками всѣхъ націй, посѣщавшими этотъ отель, и я серьезно выговорила Ребиндеру, нашему уполномоченному, за дозволеніе выставлять публично подобныя картины. Но онъ важно отвѣчалъ, что совершенно не въ его волѣ преслѣдовать подобныя злоупотребленія. „Мадамъ, сказалъ онъ, вы не однѣ обижаетесь этими картинами: Алексѣй Орловъ, проѣзжая Данцигомъ, жилъ въ томъ же отелѣ и не менѣе васъ былъ оскорбленъ ими“.—„Но почему же онъ не купилъ ихъ, сказала я, и не бросилъ въ огонь? Еслибъ я была такъ же богата, какъ онъ, я немедленно поступила бы такъ, но, за неимѣніемъ этого, я должна приступить къ другому средству, можетъ быть, столь же успѣшному“.

Когда резидентъ ушелъ отъ насъ, я попросила двухъ молодыхъ людей, Волчкова и Штелина, служившихъ при русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ и провожавшихъ насъ сюда, купить мнѣ масляныхъ красокъ, голубой, зеленой, красной и бѣлой. Послѣ ужина затворивъ двери, эти молодые люди, знакомые съ искусствомъ живописи, помогли мнѣ подкрасить на этихъ картинахъ голубые и бѣлые мундиры прусскихъ побѣдителей въ зеленые и красные—русскихъ солдатъ. Эта

работа стоила намъ цѣлой ночи и возбудила не малое любопытство между домашними слугами, которые, конечно, замѣтили, что наша комната была освѣщена до утра и обратилась въ пріютъ какой-то таинственной забавы. Что касается до меня, я дрожала и радовалась съ дѣтскимъ увлеченіемъ. На другой день я въ той же комнатѣ приготовила свои уложенные чемоданы и подъ этимъ предлогомъ никого въ нее не впускала, кромѣ своихъ спутниковъ и участниковъ моего дурачества.

Мы, однако жъ, отправились изъ Данцига не прежде, какъ я увѣдомила Ребиндера объ искупленіи патріотической чести съ помощью кисти; и долго смѣялись мы, думая, какъ изумится хозяинъ отеля, увидя чудесную перемѣну въ судьбѣ двухъ сраженій на его картинахъ.

Въ Берлинѣ я пробыла два мѣсяца, самымъ пріятнымъ образомъ. Князь Долгоруковъ былъ посланникомъ при этомъ дворѣ, человѣкъ онъ былъ достойный, всѣми любимый и уважаемый. Мы обязаны ему единственнымъ вниманіемъ, которымъ онъ почтилъ насъ дружески и радушно, безъ всякой парадности и жеманности.

Чѣмъ я обратила вниманіе королевы и принцессы—я не знаю; но онѣ вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ и его ласковой супругой часто просили нашего посланника привезти меня ко двору. Я извинялась подъ предлогомъ прусскаго этикета, который не допускалъ въ королевскій дворецъ никого подъ ложнымъ именемъ; и я сочла бы страннымъ, съ моей стороны, измѣнять своему инкогнито ради чести быть при дворѣ. Графъ Финкенштейнъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, доложилъ королю о моемъ извиненіи. „Скажите ей, отвѣчалъ Фридрихъ, что этотъ этикетъ глупая вещь; княгиня Дашкова можетъ быть принята въ нашемъ дворцѣ подъ всякимъ именемъ и какъ ей угодно“.

На слѣдующій день я обѣдала въ домѣ англійскаго посланника, мистера Митчельса, гдѣ встрѣтила графа Финкенштейна и узнала отъ него о благосклонномъ отвѣтѣ Фридриха. Отказываться дальше было невозможно; поэтому я разорилась на черное новое платье и поѣхала во дворецъ. Король необыкновенно ласково принялъ меня и оставилъ ужинать. Принцъ и его жена также были очень милы, и съ этого времени, въ продолженіе всего моего пребыванія въ Берлинѣ, я получала постоянныя приглашенія отъ королевской семьи, такъ что рѣдко могла навѣщать другихъ знакомыхъ.

Если не ошибаюсь, королева и ея сестра полюбили меня по поводу слѣдующаго обстоятельства. Онѣ обѣ говорили очень дурно, такъ что камергеръ обыкновенно служилъ толмачемъ между ними и иностранцемъ, который представлялся имъ. Къ счастью, я такъ скоро угадывала ихъ мысль и такъ развязно отвѣчала имъ, что недостатокъ

ихъ едва былъ замѣтенъ въ моемъ присутствіи; вслѣдствіе чего онѣ были совершенно довольны и, конечно, пользовались этимъ счастіемъ очень не рѣдко.

Вдовствующая сестра королевы была мать Оранской принцессы и наслѣдника Фридриха Великаго; я говорю Великаго, потому что онъ вполнѣ заслуживаетъ этого эпитета, если только военный геній и постоянныя заботы его о народномъ счастіи, передъ которыми смирялись даже собственныя его страсти, даютъ ему право на это названіе.

Наступила пора пить воды въ Э-ля-Шапель и Спа; поэтому я съ сожалѣніемъ оставила Берлинъ, о которомъ всегда буду вспоминать съ особеннымъ удовольствіемъ. Мы проѣхали черезъ Вестфалію, и она показалась мнѣ вовсе не такой грязной, какъ представилъ ее баронъ Баръ въ своихъ очень умныхъ письмахъ.

Мы остановились въ Ганноверѣ именно на столько времени, сколько было необходимо для починки нашихъ каретъ. Въ самый вечеръ нашего пріѣзда давали здѣсь оперу; мы отправились съ Каменской въ театръ, оставивъ больнаго Воронцова дома. Надо замѣтить, что единственный нашъ слуга былъ русскій, не знавшій ни одного иностраннаго языка, и, слѣдовательно, неспособный выдать нашего инкогнито. Я нарочно приняла эту предосторожность, ибо мекленбургскій принцъ Эрнестъ сказалъ мнѣ, что старшій братъ его, правитель города, хотѣлъ узнать, кто мы такія—чего я вовсе не желала въ Ганноверѣ. Когда насъ ввели въ ложу, здѣсь уже сидѣли двѣ дамы, онѣ очень вѣжливо пропустили насъ, и мы заняли лучшія мѣста. Послѣ перваго акта явился къ намъ изъ королевской ложи, какъ я замѣтила, молодой офицеръ. Обратившись къ намъ, а не къ сосѣдкамъ нашимъ, онъ сказалъ съ нѣкоторою небрежностью въ голосѣ и манерѣ: „вы, кажется, иностранки?“—„Да“, отвѣчала я.—„Его высочество желаетъ знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?“—„Я думаю, что въ этомъ нѣтъ особеннаго интереса ни для васъ, ни для его высочества; и, пользуясь правомъ женщины, мы можемъ на этотъ разъ смолчать и оставить вашъ вопросъ безъ отвѣта“. Онъ, повидимому, сконфузился и вышелъ изъ ложи. Наши сосѣдки посмотрѣли на насъ съ удивленіемъ. Мой отказъ былъ, конечно, немного грубъ, но я не могу сдерживать своей антипатіи къ подобному нахальству дураковъ. Къ концу пьесы я просила Каменскую не противорѣчить мнѣ и, обратившись къ ганноверскимъ дамамъ, сказала имъ, что хотя мы и не отвѣчали на глупый вопросъ королевскаго адъютанта, при всемъ томъ, изъ уваженія къ ихъ вѣжливости, мнѣ не хотѣлось бы скрыть отъ нихъ, что я театральная пѣвица, а моя подруга—танцовщица; мы пріѣхали сюда искать выгодныхъ мѣстъ на сценѣ. Каменская взглянула на меня во всю ширину

своихъ глазъ, а наши любезныя лэди, перемѣнивъ тонъ, поворотились къ намъ задомъ, какъ только было можно покруче.

Наша остановка въ Ганноверѣ продолжалась такъ не долго, что я ничего не могу сказать о немъ, развѣ только то, что здѣсь, кажется, воспитывается хорошая порода лошадей, даже крестьянскихъ, и земля прекрасно воздѣлана.

Въ Э-ля-Шапель (Аахенъ) я наняла домъ противъ самыхъ ваннъ. Съ этимъ мѣстомъ соединяются пріятныя воспоминанія моего знакомства съ двумя превосходными ирландцами, Колиномъ и полковникомъ Неджентомъ; оба они были въ отставкѣ и первоначально служили въ Голландіи. Эти джентльмены (послѣдній изъ нихъ былъ братъ вѣнскаго посланника) каждый день находились въ нашемъ обществѣ, котораго они были душой и украшеніемъ.

Изъ Аахена я поѣхала въ Спа, гдѣ провела время также очень пріятно. Между прочимъ, я познакомилась здѣсь съ мистрисъ Гамильтонъ, дочерью архіепископа, и съ мистеромъ Тайсдэлемъ, генералъ-прокуроромъ Ирландіи. Эти связи скоро обратились въ истинную дружбу, которую не измѣнило ни время, ни отсутствіе и которая въ теченіе тридцати пяти лѣтъ сохранила для насъ всю первоначальную прелесть.

Здѣсь же я познакомилась съ Неккерами. Но мой истинно дружескій кружокъ состоялъ почти исключительно изъ англичанъ; въ числѣ ихъ были лорды Суссексъ. Съ большимъ трудомъ я выучилась англійскому языку, хотя я немного знала его и прежде; и этимъ обязана дружбѣ мистрисъ Гальмитонъ и Морганъ; онѣ приходили ко мнѣ каждое утро читать англійскія книги и поправлять мое произношеніе, и я, съ помощью ихъ, французскаго и нѣмецкаго языковъ, оказала быстрые успѣхи.

Семейство Тайсдэля возвращалось осенью домой; я рѣшилась вмѣстѣ съ ними посѣтить Англію, на нѣсколько недѣль, предполагая наступающую зиму провести съ мистрисъ Гамильтонъ въ Провансѣ, куда она поджидала своего дряхлаго отца. Такимъ образомъ, я проводила своихъ друзей до Кале, и отсюда мы поплыли въ Дувръ. Я въ первый разъ путешествовала по морю, и едва-ли кто больше меня страдалъ отъ морской болѣзни, несмотря на всѣ услуги и заботы моей мистрисъ Морганъ.

Прибывъ въ Лондонъ, я поселилась въ домѣ, приготовленномъ мнѣ нашимъ посланникомъ, графомъ Пушкинымъ, по сосѣдству съ нимъ—и имѣла счастье встрѣтить въ его первой супругѣ добрѣйшую женщину, одну изъ самыхъ лучшихъ друзей.

Въ Лондонѣ я наслаждалась обществомъ мистрисъ Морганъ и графини Пушкиной, пока первая не уѣхала со своимъ отцомъ въ

Дублинъ. Тогда, оставивъ своихъ дѣтей подъ надзоръ Пушкиной, достойной такого довѣрія, я осмотрѣла Оксфордъ и Бристоль.

Разлучившись въ первый разъ, не больше какъ на тридцать дней, съ дѣтьми, я съ каждой почтой получала письма отъ своего сына; онъ лепеталъ мнѣ на своемъ дѣтскомъ языкѣ о лошадиныхъ породахъ, о томъ, что видѣлъ съ помощью Пушкиной, о своихъ визитахъ герцогинѣ Квинсбери, и все это описывалъ съ удивительнымъ мастерствомъ для семилѣтняго мальчика.

По возвращеніи въ Лондонъ, я оставалась здѣсь только десять дней и все это время отдала обозрѣнію въ высшей степени интересной для иностранца столицы. Я не была при дворѣ и завела немного знакомствъ. Между прочимъ познакомилась съ герцогомъ и герцогиней Нортумберлэндъ.

XI.

Къ несчастію для такого жалкаго мореплавателя, какъ я, паше обратное плаваніе въ Кале было очень неудачно. Вѣтеръ хорошо бы служилъ намъ по направленію къ Индіи, но былъ такъ противенъ и буренъ для нашего переѣзда, что мы принуждены были двадцать шесть часовъ провести въ каютѣ.

Волны хлестали въ окна корабля, угрожая каждую минуту потопить насъ; дѣти мои, необыкновенно перепуганныя, горько плакали. Я рѣшилась въ настоящемъ случаѣ дать имъ почувствовать всѣ выгоды храбрости надъ трусостью; съ этой цѣлью я указала имъ на матросовъ, которые мужественно одолѣвали опасности, и потомъ замѣтивъ, что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни надобно поручать себя волѣ Провидѣнія, я приказала имъ замолчать. Они повиновались, сверхъ всякаго чаянія, покорно, и, несмотря на порывы вѣтра и качку, заснули глубокимъ сномъ, между тѣмъ, какъ я внутренно трепетала за нихъ.

Наконецъ, мы достигли Кале, совершенно благополучно и отправились по Брюссельской дорогѣ въ Провансъ. Въ Брюсселѣ мы остановились только на нѣсколько дней и отсюда, безъ всякаго промедленія, поѣхали въ Парижъ.

Въ Парижѣ я находилась не болѣе трехъ недѣль, жила вдали отъ свѣта, занятая обозрѣніемъ церквей, монастырей, статуй, картинныхъ галлерей и вообще всѣхъ памятниковъ искусства. Я избѣгала всякихъ знакомствъ, исключая знаменитаго Дидро. Въ театры я являлась такъ, чтобы не быть замѣченной—одѣтая въ изношенное черное платье, старомодный чепчикъ, и садилась среди народа, въ партерѣ.

Однажды вечеромъ, почти передъ отъѣздомъ изъ Парижа, я сидѣла наединѣ съ Дидро, когда служанка доложила о мадамъ Неккеръ и Жофрэнь. Дидро съ обыкновенной его живостью, не давъ мнѣ произнести ни одного слова, приказалъ отказать. „Но, сказала я, мадамъ Неккеръ моя знакомая, а Жофрэнь переписывается съ русской императрицей, и потому я очень была бы рада познакомиться съ ней".

„Да вѣдь вы увѣряли меня, продолжалъ Дидро, что не болѣе двухъ или трехъ дней останетесь въ Парижѣ. Поэтому она увидитъ васъ два или три раза никакъ не больше, и, слѣдовательно, характера вашего не узнаетъ. Нѣтъ, я не хочу, чтобы мой идолъ былъ преданъ злословію. Еслибъ вы прожили здѣсь два или три мѣсяца, я первый познакомилъ бы васъ съ мадамъ Жофрэнь—она превосходная женщина; но, будучи трубой Парижа, она затрубитъ о вашемъ характерѣ, не узнавъ его хорошенько, на что̀ я вовсе не согласенъ".

Убѣжденная замѣчаніемъ Дидро, я велѣла дѣвушкѣ сказать, что я не здорова. Этого, однакожъ, было мало; на другое утро я получила отъ Неккеръ записку; она писала о страстномъ желаніи ея друга увидѣть меня и познакомиться съ той личностью, о которой она составила самое высокое понятіе. Я отвѣчала, что болѣзненное мое состояніе лишаетъ меня удовольствія принять ихъ, тѣмъ болѣе, что я хотѣла бы сохранить ихъ лестное мнѣніе о себѣ и не потерять ихъ нѣжнаго пристрастія къ моей особѣ.

Вслѣдствіе этого, я должна была просидѣть весь день дома и послала карету за Дидро. Послѣ утреннихъ прогулокъ, отъ восьми до трехъ часовъ по полудни, я обыкновенно сама подъѣзжала къ его двери и брала его съ собой обѣдать, заговариваясь съ нимъ иногда за полночь.

Однажды, мнѣ помнится, мы коснулись въ разговорѣ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи. „Вы знаете, сказала я, что у меня не рабская душа; слѣдовательно, я не могу быть и тираномъ; поэтому я имѣю нѣкоторое право на ваше довѣріе относительно этого вопроса. О свободѣ нашихъ крестьянъ я нѣкогда разсуждала съ вами и потому старалась, по возможности, облегчить положеніе моихъ мужиковъ, предоставивъ имъ больше воли. Но опытъ доказалъ, что тамъ, гдѣ прекращается надъ ними власть помѣщика, начинается произволъ правительства, или лучше, самоуправство каждаго мелкаго чиновника, который подъ маской службы дозволяетъ себѣ и грабить и развращать ихъ. Богатство и счастье крѣпостныхъ людей составляетъ единственный источникъ нашего собственнаго благосостоянія и матеріальной прибыли; при такой аксіомѣ надо быть дуракомъ, чтобы истощать родникъ личнаго нашего интереса. Помѣщики образуютъ переходную власть между престоломъ и крѣпостнымъ сословіемъ, и

потому для насъ выгодно защищать послѣднее отъ хищнаго произвола провинціальныхъ начальниковъ".

„Но, княгиня, возразилъ Дидро, вы не можете оспаривать меня въ томъ, что свобода необходима ихъ образованію и развитію промышленныхъ силъ".

„Если бъ государь, разбивъ цѣпи, приковывающія крѣпостныхъ къ ихъ помѣщикамъ, въ то же время ослабилъ кандалы, наложенныя его деспотической волей на дворянское сословіе, я первая бы подписала этотъ договоръ своей собственною кровью. Но вы извините меня, если я замѣчу, что вы смѣшиваете дѣйствіе съ причиной; образованіе ведетъ за собой свободу, а не свобода творитъ образованіе; первое безъ второй никогда не въ состояніи породить анархію и возмущенія. Когда низшіе классы моихъ соотечественниковъ будутъ просвѣщены, тогда они сами захотятъ быть свободными; потому что поймутъ, какъ надо пользоваться свободой безъ вреда для другихъ и плодами ея, столь неизбѣжными каждому цивилизованному обществу".

„Вы отлично доказываете, милая княгиня, но я еще далеко не убѣжденъ".

„Въ нашихъ основныхъ законахъ, продолжала я, существуютъ нѣкоторыя гарантіи тиранства помѣщиковъ, хотя Петръ I уничтожилъ многія изъ нихъ и, между прочимъ, главную оборону бѣднаго крестьянина—жаловаться на своего владѣтеля. Впрочемъ, въ настоящее царствованіе, губернаторъ съ согласія маршала и дворянскаго предводителя можетъ наказать жестоко помѣщика, лишая его власти управленія и отдавая имѣніе его подъ опеку другаго лица, избраннаго самими же дворянами". Этотъ предметъ сильно занималъ мою мысль, и я могу объяснить его слѣдующимъ примѣромъ: представьте себѣ слѣпца, лежащаго на скалѣ, висящей надъ бездной; естественный недостатокъ лишаетъ его возможности видѣть всю опасность его положенія, но онъ можетъ пользоваться благомъ другихъ чувствъ—онъ веселъ, онъ ѣстъ, пьетъ, спитъ, слушаетъ чириканье птицъ и самъ поетъ въ минуты безсознательнаго самодовольствія. Но вдругъ является окулистъ, и, не освободивъ его отъ прежняго положенія, снимаетъ съ его глазъ повязку. Что должно послѣдовать за тѣмъ? Потокъ открытаго свѣта только долженъ увеличить несчастіе прозрѣвшаго слѣпца; онъ перестанетъ ѣсть, пить или спать, и весь погрузится въ созерцаніе окружающей его опасности, которой избѣжать ему невозможно. На нѣкоторое время онъ забудется, а потомъ, въ цвѣтѣ силъ, предастся отчаянію".

Дидро, по какому-то механическому движенію, вскочилъ съ креселъ, пораженный мѣткостью моего объясненія. Онъ быстро заходилъ

по комнатѣ и въ припадкѣ страстнаго увлеченія произнесъ: „Вы удивительная женщина. Вы разомъ опрокинули всѣ мои идеи, которыя я лелѣялъ двѣнадцать лѣтъ“. Это истинная характеристика Дидро, которому я не переставала удивляться даже въ бурныхъ порывахъ его пламенной природы.

Искренность и теплота его сердца, блескъ генія, вмѣстѣ съ его вниманіемъ и уваженіемъ ко мнѣ, привязали меня къ этому человѣку на всю его жизнь, и даже въ настоящую минуту и свято чту память его. Міръ не сумѣлъ оцѣнить достойно этого необыкновеннаго человѣка. Простота и правда проникали каждое дѣйствіе его, и главная задача всей его жизни состояла въ томъ, чтобъ содѣйствовать благу своихъ ближнихъ. Если онъ иногда увлекался заблужденіями, то никогда не шелъ противъ своихъ убѣжденій; впрочемъ, не мнѣ превозносить его рѣдкія качества, это было дѣломъ болѣе достойныхъ почитателей его.

Въ одинъ вечеръ, также въ присутствіи Дидро, мнѣ доложили о Рюльерѣ. Этотъ господинъ состоялъ въ миссіи барона Бретеля, въ Петербургѣ, гдѣ я часто видѣла его какъ у себя, такъ и въ домѣ Каменской.

Я изъявила желаніе принять его; но Дидро, схвативъ меня за руку, съ необыкновеннымъ жаромъ сказалъ: „Одну минуту, княгиня; позвольте мнѣ узнать, думаете ли вы возвратиться въ Россію, когда кончится ваше путешествіе?“

„Но что за вопросъ?“ сказала я, „неужели вы считаете меня въ правѣ лишать моихъ дѣтей отечества?“.

„Въ такомъ случаѣ не пускайте Рюльера, а почему?—я скажу вамъ послѣ“.

Это движеніе было такъ живо и искренно, что я невольно повиновалась ему и немедленно приказала отказать очень любезному знакомому, вполнѣ полагаясь на предусмотрительность Дидро.

„Вы развѣ не знаете“, продолжалъ онъ, „что Рюльеръ написалъ мемуары о русской революціи?“

„Нѣтъ“ отвѣчала я, „но если это такъ, то тѣмъ болѣе вы подстрекаете мое желаніе видѣть его“.

„Я разскажу вамъ“, сказалъ Дидро „содержаніе ихъ. Вы представлены во всей прелести вашихъ талантовъ, въ полной красѣ женскаго пола. Но императрица обрисована совершенно въ иномъ свѣтѣ, точно такъ, какъ польскій король, съ которымъ связь Екатерины раскрыта до послѣдней подробности. Вслѣдствіе этого императрица поручила Бецкому и вашему уполномоченному князю Голицыну перекупить это сочиненіе; торгъ, однако жъ, такъ глупо былъ поведенъ, что Рюльеръ успѣлъ сдѣлать три копіи своего сочиненія и одну передать въ ка-

бинетъ иностранныхъ дѣлъ, другую въ библіотеку мадамъ де Граммонъ, а третью поднесъ парижскому архіепископу. Послѣ этой неудачи, Екатерина поручила мнѣ заключить условіе съ Рюльеромъ; но все, что я могъ сдѣлать, взять съ него обѣщаніе не издавать этихъ записокъ, во время жизни какъ автора, такъ и государыни. Теперь вы видите, что вашъ пріемъ, сдѣланный Рюльеру, далъ бы авторитетъ его книгѣ, въ высшей степени противной императрицѣ, тѣмъ болѣе, что ее уже читали у мадамъ Жофрэнь, у которой собираются всѣ наши знаменитости, всѣ замѣчательные иностранцы, и, слѣдовательно, эта книга уже въ полномъ ходу: это впрочемъ не мѣшаетъ мадамъ Жофрэнь быть другомъ Понятовскаго, котораго она все время пребыванія его въ Парижѣ осыпала всевозможными ласками и потомъ писала ему, какъ своему любимому сыну".

„Но какъ же это согласить со здравымъ смысломъ?" спросила я.

„Что касается до этого", отвѣчалъ Дидро, „мы мало заботимся о томъ во Франціи; думаемъ и дѣйствуемъ подъ вліяніемъ минутныхъ впечатлѣній; нашего легкомыслія не исправляетъ ни старость, ни продолжительные опыты жизни".

Послѣ этого Рюльеръ еще два раза толкнулся въ мои двери, но его не пустили. Меня глубоко тронула эта искренняя дружба Дидро, и не осталась безъ хорошихъ послѣдствій, когда я, по прошествіи пятнадцати мѣсяцевъ, возвратилась въ Петербургъ; здѣсь я узнала отъ одного лица, нѣкогда обязаннаго моей услугой и близкаго Ѳедору Орлову, что Дидро, по отъѣздѣ моемъ изъ Парижа, писалъ императрицѣ; онъ превознесъ до небесъ мою задушевную преданность ей, упомянувъ и о томъ, что я рѣшительно отказалась принять Рюльера и тѣмъ уронила авторитетъ его книги гораздо ниже, чѣмъ она упала бы отъ критики десяти Вольтеровъ или пятнадцати бѣдныхъ Дидро. Онъ даже не заикнулся мнѣ о своемъ намѣреніи увѣдомить императрицу, руководствуясь единственно своей прозорливостью и дружбой ко мнѣ; я никогда не перестану вспоминать съ величайшею признательностью этого деликатнаго поступка.

Прежде чѣмъ я думала оставить Парижъ, мнѣ хотѣлось видѣть Версаль, и я желала отправиться туда одна, никому не говоря объ этомъ. Несмотря на доказательства Хотинскаго, нашего уполномоченнаго, представившаго мнѣ тысячи затрудненій ускользнуть отъ наблюденія французской полиціи, я все-таки рѣшилась. Да помилуйте, говорилъ уполномоченный, какъ бы ни былъ мелокъ иностранецъ, но онъ не можетъ повернуться въ Парижѣ безъ того, чтобы не знали о всякомъ его движеніи.

За всѣмъ тѣмъ я попросила Хотинскаго вывести своихъ лошадей за городъ; потомъ, давъ занятіе своему французскому слугѣ на нѣ-

сколько часовъ, я взяла съ собой своего русскаго лакея и одного стараго маіора, лѣчившагося въ Парижѣ, сѣла съ дѣтьми въ карету и приказала кучеру везти насъ за городъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ; подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ дожидался Хотинскій, я соединилась съ нимъ и покатила въ Версаль. Уполномоченный проводилъ насъ до дверей Версальскаго сада, куда мы вошли и гуляли до самаго обѣда.

Около этого времени, король съ своимъ семействомъ обѣдалъ въ общественномъ мѣстѣ. Мы замѣшались въ толпу, состоявшую, впрочемъ, изъ лучшаго общества, и вмѣстѣ съ ней очутились въ сальной и оборванной комнатѣ: сюда скоро явился Людовикъ XV, дофинъ и дофина, потомъ двѣ другія его дочери, Аделаида и Викторія, сѣли за столъ и кушали съ большимъ аппетитомъ.

Всякое замѣчаніе, выраженное мной моимъ спутникамъ, комментировалось нѣкоторыми достойными дамами, стоявшими близъ насъ; напримѣръ, когда я замѣтила, что принцесса Аделаида пила супъ изъ чашки, вдругъ обратились ко мнѣ въ два-три голоса:

„Неужели король и королева въ вашей странѣ не то же дѣлаютъ?“

„Въ моей странѣ нѣтъ ни короля, ни королевы“, отвѣчала я.

„Такъ вы, должно быть, нѣмка?“ сказалъ мнѣ кто-то изъ нихъ.

„Можетъ быть“, отвѣчала я и отвернулась, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ.

Когда кончился королевскій обѣдъ, мы юркнули въ карету и прибыли въ Парижъ, такъ что никому не было извѣстно, гдѣ мы были; мы отъ всей души потѣшались надъ прославленной бдительностью французской полиціи.

Герцогъ Шуазель, въ то время государственный министръ, едва повѣрилъ, когда ему разсказали о нашемъ похожденіи. Онъ былъ хорошо знакомъ всѣмъ русскимъ, какъ неумолимый врагъ императрицы и ея правленія, онъ посылалъ мнѣ черезъ нашего уполномоченнаго разные комплименты, приглашая посѣтить одинъ изъ его блистательныхъ вечеровъ, который онъ хотѣлъ составить нарочно для меня; но я благодарила и извинялась, что Михалкова вовсе не заслуживаетъ вниманія такой великолѣпной личности, еслибъ даже досуги и позволили ей участвовать на его праздникахъ.

XII.

Пробывъ въ Парижѣ менѣе трехъ недѣль, я отправилась въ Провансъ. Здѣсь къ полному моему удовольствію, я поселилась въ превосходномъ домѣ маркиза Гидона, заранѣе приготовленномъ для

меня Воронцовымъ; еще болѣе была рада встрѣтиться здѣсь съ другомъ Гамильтонъ, съ которой находился отецъ ея архіепископъ, братъ ея деканъ Райдеръ и родственница ихъ лэди Райдеръ.

Прованскій парламентъ былъ уже распущенъ, и поэтому Э представлялъ величайшія удобства; между моими знакомыми англичанами здѣсь жили также лэди Карлейль и ея сестра Оксфордъ.

Зима прошла очень пріятно, я продолжала совершенствоваться въ англійскомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ Гамильтонъ посѣтила Монпелье, Марсель и проѣхала по берегамъ королевскаго канала.

Въ путешествіи нашемъ отъ Э до Ліона ничего особеннаго замѣчательнаго не случилось. Въ Ліонѣ мы осмотрѣли нѣкоторыя фабрики, которыя вступили въ состязаніе другъ съ другомъ, чтобы поднести Піемонтской принцессѣ самые лучшіе образцы своихъ мануфактурныхъ произведеній.

Французскій герцогъ, капитанъ гвардіи, посланный передовымъ, уже пріѣхалъ и очень вѣжливо приказалъ, чтобы квартира, нанятая мной, оставалась въ моемъ распоряженіи.

Наконецъ, сама великолѣпная принцесса явилась. Ее приняли съ восторгомъ, каждый спѣшилъ выставить себя впередъ передъ будущимъ членомъ королевской фамиліи.

Патріотическій энтузіазмъ еще былъ національной гордостью; идея о монархѣ и гильотинѣ еще такъ была темна, что Людовикъ, хотя исподтишка и называлъ его „королемъ по ошибкѣ“, былъ предметомъ народнаго обоготворенія.

Герцогъ, о вѣжливости котораго я сказала, но имя его, къ сожалѣнію забыла, предложилъ мнѣ ложу въ театрѣ; я отправилась вмѣстѣ съ Райдеръ, Гамильтонъ и Каменской на одно изъ первыхъ представленій, на которое была приглашена піемонтская гостья. Но когда мы вошли въ свою ложу, въ ней уже были четыре ліонскихъ дамы; онѣ подобно статуямъ остолбенѣли при взглядѣ на насъ, не слушая нашего проводника, который не одинъ разъ повторилъ имъ, что эта ложа отдана знаменитымъ иностранкамъ. Спорить не стоило, и потому я и Гамильтонъ, оставивъ Райдера и Каменскую на заднемъ планѣ съ этими неблаговоспитанными женщинами, рѣшились уйти, не предвидя всѣхъ трудностей нашего выхода.

Подъ портикомъ театра мы очутились среди гвардейскихъ солдатъ; чтобы остановить народъ, ломившійся впередъ, они выставили ружейные штыки, и въ припадкѣ усердія или милости, такъ щедро надѣляли ударами направо и налѣво, что я не миновала толчка; вѣроятно за нимъ послѣдовали и другіе, еслибъ я не объявила своего имени.

Титулъ княгини имѣлъ свое дѣйствіе; раздались тысячи извиненій, что̀ дало мнѣ истинное понятіе о французской вѣжливости. Я

замѣтила, что они лучше поступили бы, еслибъ вмѣсто уваженія къ имени „княгиня“ обратили вниманіе на мой полъ. Чтобъ искупить ошибку и предупредить жалобу, одинъ часовой провелъ насъ сквозь толпу, съ полнымъ раскаяніемъ за себя и за своихъ товарищей.

Наконецъ лэди Райдеръ согласилась оставить Ліонъ, и мы направились къ Швейцаріи. Я не стану описывать эту восхитительную страну; ея красоты уже извѣстны міру изъ сочиненій другихъ болѣе талантливыхъ авторовъ; я скажу только о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ личностяхъ, съ которыми успѣла познакомиться. Главнымъ лицомъ былъ Вольтеръ.

Черезъ день послѣ нашего пріѣзда въ Женеву, я послала попросить у него позволенія посѣтить его, вмѣстѣ съ моими друзьями. Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ; за всѣмъ тѣмъ, съ удовольствіемъ готовъ былъ принять меня и позволилъ явиться, съ кѣмъ угодно.

Въ назначенный вечеръ, Гамильтонъ, Райдеръ, Каменская, Воронцовъ, Кэмбель и я отправились въ его домъ. За ночь передъ тѣмъ, ему пустили кровь и, несмотря на крайнюю слабость, онъ запретилъ говорить о томъ, чтобъ не остановить нашего визита.

Когда мы вошли въ его комнату, онъ лежалъ въ большихъ креслахъ истомленный и, повидимому, страдающій. Я подошла къ нему и упрекнула его въ томъ, что онъ позволилъ безпокоить себя въ такую минуту; всего лучше онъ докажетъ намъ свое уваженіе, прибавила я, если повѣритъ, что мы умѣемъ цѣнить его здоровье и ради удовольствія видѣть его можемъ подождать нѣсколько дней.

Онъ смутилъ меня, поднявъ съ театральнымъ жестомъ руку, и тономъ удивленія произнесъ: „Что я слышу? даже ея голосъ—голосъ ангела“ [1]).

Я пришла удивляться Вольтеру и вовсе не думала слышать отъ него такую приторную лесть: я высказала ему свою мысль; затѣмъ нѣсколько вѣжливыхъ фразъ, и потомъ мы заговорили о русской императрицѣ.

Пробывъ у него довольно долго, я хотѣла возвращаться домой, но онъ очень настоятельно просилъ зайти къ его племянницѣ, мадамъ Денисъ, гдѣ онъ пригласилъ насъ отужинать. Мы согласились; Вольтеръ не замедлилъ присоединиться къ намъ.

При разительномъ контрастѣ племянницы съ дядей, мадамъ Денисъ показалась мнѣ самой обыкновенной женщиной.

---

[1]) Я должна напомнить моимъ читателямъ, что этимъ запискамъ суждено явиться въ свѣтъ послѣ моей смерти; потому было бы несправедливо обвинять меня въ тщеславіи: какъ здѣсь, такъ и вездѣ я передаю буквально слова другихъ.

*

Вольтеръ былъ принесенъ въ столовую слугой и поставленъ на колѣна въ его большихъ креслахъ, на задокъ которыхъ онъ оперся и въ этомъ положеніи противъ меня пробылъ все время ужина. Можетъ быть это стѣсненіе его или присутствіе въ нашемъ кругу двухъ генераловъ-фермеровъ изъ Парижа, которыхъ портреты висѣли въ нижнемъ залѣ, значительно разочаровали меня въ ожиданіяхъ этого посѣщенія.

Когда мы прощались, Вольтеръ просилъ меня видѣться съ нимъ почаще, пока я въ Женевѣ. Я обѣщала навѣстить его когда-нибудь утромъ и побесѣдовать наединѣ въ его кабинетѣ или въ саду; онъ былъ очень радъ, но я избѣгала частыхъ визитовъ. Въ это время Вольтеръ былъ другимъ существомъ, онъ дѣйствительно показался мнѣ тѣмъ, чѣмъ я представляла его по его сочиненіямъ.

Въ Женевѣ мы также познакомились съ Губеромъ, „птицеловомъ“, какъ, обыкновенно, называли его за любовь къ охотѣ на коршуновъ. Онъ былъ необыкновенно умный человѣкъ, обладавшій самыми разнообразными талантами; онъ былъ поэтъ, музыкантъ, живописецъ и съ свѣтской любезностью соединялъ всю прелесть вполнѣ благовоспитаннаго добряка. Вольтеръ сильно побаивался его, потому что Губеръ зналъ многія слабости философа и живо воспроизводилъ ихъ въ глазахъ фернейскаго чуда. Они часто состязались въ шахматы; Вольтеръ почти всегда проигрывалъ и при этомъ обыкновенно сердился.

Губеръ имѣлъ у себя любимую собачку, съ которой онъ забавлялся на счетъ другихъ; онъ бросалъ ей кусокъ сыру, который она, повертѣвъ во рту, выбрасывала его съ совершеннымъ подражаніемъ Вольтеру, такъ что иной могъ принять ее за миніатюръ славнаго бюста Пигаля.

Мы часто проводили свои вечера на Женевскомъ озерѣ. Губеръ руководилъ нашими прогулками, навязывая русскій флагъ на мачту швейцарской лодки. Онъ былъ очарованъ нашими заунывными пѣснями, которыя я съ Каменской пѣли ему, и которыя онъ, благодаря удивительному слуху, скоро перенялъ.

Съ истиннымъ сожалѣніемъ оставили мы Женеву и многихъ нашихъ друзей. Между нами было семейство Веселовскаго, одного русскаго, который былъ посланъ Петромъ I въ Вѣну и немедленно отозванъ; не желая подвергаться жестокости строгаго царя, онъ оставилъ навсегда отечество, убѣжавъ въ Голландію; потомъ женился и устроился въ Женевѣ. Старшая его дочь была замужемъ за Крамеромъ, славнымъ живописцемъ, который былъ сначала знаменитымъ другомъ, а потомъ врагомъ Вольтера.

Покидая Швейцарію, мы взяли двѣ большихъ лодки, чтобы

плыть внизъ по теченію Рейна; въ одной помѣщались наши кареты, вещи и кухонный приборъ; въ другой, раздѣленной на маленькія каюты, мы плыли сами; женщины спали подъ занавѣсомъ, укрываясь отъ глазъ матросовъ и слугъ, а мужчины проводили ночи на берегу.

Если представлялся намъ какой-нибудь замѣчательный предметъ, мы приставали къ берегу и осматривали его. Каменская и я ходили въ черныхъ платьяхъ и соломенныхъ шляпахъ, очень оригинальныхъ, и иногда, ради потѣхи, закупали провизію для стола у мѣстныхъ жителей. Кэмпбель былъ нашимъ толмачомъ въ этомъ случаѣ, но онъ ошибался часто, и я рѣшилась побѣдить въ себѣ стыдъ и начала говорить по-нѣмецки; послѣ нѣсколькихъ опытовъ, по общему признанію, я сдѣлалась для всѣхъ переводчикомъ и во все время нашего путешествія.

Мы предприняли хорошую прогулку къ славному Карлсруэ, загородному имѣнію, принадлежавшему Баденскому маркграфу, куда насъ подвезли двѣ нанятыя кареты; но едва мы достигли гостиницы, какъ придворный управитель сообщилъ намъ желаніе ихъ высочествъ—видѣть насъ во дворцѣ. Я извинилась, потому что вовсе не была приготовлена къ такому визиту, предполагая провести нѣсколько часовъ въ паркѣ, въ своемъ дорожномъ костюмѣ. Прошло не болѣе часу, когда мы увидѣли великолѣпную карету, въ шесть лошадей, подъѣхавшую къ воротамъ сада, съ придворнымъ конюшимъ, который передалъ намъ очень любезное приглашеніе маркграфини. Она знаетъ, сказалъ онъ, что подъ именемъ Михалковой путешествуетъ княгиня Дашкова, съ которой она желала бы познакомиться; и такъ какъ она приняла орденъ св. Екатерины отъ русской императрицы, то этотъ залогъ дружбы служитъ достаточнымъ поводомъ моего посѣщенія; если жъ маркграфиня не будетъ имѣть удовольствія видѣть насъ, то, по крайней мѣрѣ, она проситъ воспользоваться ея каретой для прогулки по саду, гдѣ конюшій ея покажетъ намъ все замѣчательное.

Невозможно было отказаться на такое милое приглашеніе; мы сѣли въ карету; между тѣмъ я старалась объяснить своему проводнику, какъ я глубоко чувствую такое обязательное вниманіе геніальной и образованной маркграфини.

Мы въѣхали въ первую аллею парка, и навстрѣчу намъ показался другой, подобный нашему экипажъ. Въ немъ маркграфъ и маркграфиня Баденскіе; наслѣдный принцъ и другія придворныя кареты, съѣхавшись, остановились; маркграфиня поклонилась намъ и, съ непритворной добротой и лаской, предложила сама показать мнѣ лучшія мѣста сада, „которымъ мы, прибавила она, дѣйствительно гордимся“.

Я немедленно вышла изъ кареты и, обмѣнявшись мѣстомъ съ наслѣдникомъ, поѣхала съ ея высочествомъ по чудному парку; я, однако жъ, не могла вполнѣ наслаждаться имъ, увлеченная умнымъ разговоромъ маркграфини; между тѣмъ мы подъѣхали къ дворцу, и, я не подумала извиниться въ томъ, что хотѣла отклонить мое посѣщеніе ея высочеству.

Очаровательный концертъ, великолѣпный ужинъ, но главнѣе всего бесѣда и искреннее гостепріимство нашихъ знаменитыхъ друзей оживили этотъ пріятный вечеръ. Намѣреваясь проститься, мы были предупреждены, что наши слуги уже во дворцѣ, гдѣ приготовлены намъ постели и, если намъ не угодно пробыть дольше, то остается только назначить часъ; завтракъ, лошади и проч. все будетъ готово на другое утро.

Я и мои друзья, переночевавъ здѣсь съ истиннымъ комфортомъ, рано до зари, оставили дворецъ, подарившій насъ такимъ непредвидѣннымъ удовольствіемъ.

Въ другой разъ мы отдалились отъ Рейнскихъ береговъ въ Дюссерльдорфъ, чтобы взглянуть на его славную картинную галлерею; но о предметахъ, столь извѣстныхъ всѣмъ, я не стану распространяться.

Во Франкфуртѣ мнѣ пріятно было встрѣтить Вейнахтъ, вдову одного банкира, жившаго двѣнадцать лѣтъ въ Россіи. Я близко знала ее еще въ дѣтствѣ и, ради прошлыхъ воспоминаній, рѣшилась удѣлить ея обществу одинъ или два дня лишнихъ: воображеніе любитъ обращаться къ прошедшему, жить первыми и юношескими мечтами.

Въ томъ же городѣ я познакомилась съ младшимъ Орловымъ, Владиміромъ, пустымъ юношей; все, что онъ вынесъ изъ нѣмецкихъ университетовъ—это надменную самоувѣренность въ своемъ необыкновенномъ образованіи. Вслѣдствіе этого онъ принялъ заносчивый и педантическій тонъ, въ чемъ я убѣдилась изъ нѣкоторыхъ диспутовъ—я не говорю разговоровъ—которые мнѣ привелось имѣть съ нимъ. Спорить съ кѣмъ бы то ни было—составляло его наслажденіе и, повидимому, главный предметъ его жизни; не было ни одного дикаго софизма Ж.-Ж. Руссо, въ которомъ бы онъ не подмѣтилъ глубокой истины и нагло не усвоилъ бы себѣ идею этого краснорѣчиваго, но опаснаго писателя.

Трудно было вообразить, чтобы впослѣдствіи назначили его во главу Петербургской академіи наукъ и потомъ смѣнили одной изъ его креатуръ, Домашневымъ, человѣкомъ глупымъ и ничтожнымъ, подобно Орлову; и еще меньше я могла вообразить, что со временемъ мнѣ придется быть ихъ преемницей.

XIII.

Возвратившись въ Спа, я познакомилась съ Мекленбургъ-Стрелицкимъ принцемъ Эрнестомъ, Карломъ Шведскимъ, впослѣдствіи герцогомъ Зудерманландскимъ, который занималъ часть того отеля, гдѣ я жила въ Э-ля-Шапель.

Молодой принцъ страдалъ ревматизмомъ и для излѣченія былъ посланъ въ Спа, въ сопровожденіи своего дяди Шверина и двухъ офицеровъ, капитана Гамильтона и другаго. Онъ жилъ очень скромно, вѣроятно, вслѣдствіе самыхъ ограниченныхъ путевыхъ издержекъ. Я видѣла его каждый день и совершенно освоилась съ образомъ его мыслей. Онъ не любилъ королеву, свою мать; главной его мечтой была мысль современемъ взойти на престолъ въ силу того обстоятельства, что старшій братъ его былъ бездѣтный.

Эти свѣдѣнія относительно молодаго принца пригодились мнѣ послѣ: во время нашей войны со Швеціей я подала идею императрицѣ, что герцогъ Зудерманландскій, адмиралъ флота, легко можетъ быть отвлеченъ отъ интересовъ короля и противопоставленъ ему.

Когда наступало время разлуки съ моими друзьями—они возвращались въ Англію, а я въ Россію—мы грустно разставались. Однажды вечеромъ мы бродили въ „Promenade de sept heure“ и горевали отъ предстоящей разлуки; передъ нами лежалъ фундаментъ просторнаго дома, только-что строющагося. Я остановилась при взглядѣ на него, и, въ надеждѣ еще разъ побывать здѣсь, о чемъ мечтала и мистрисъ Гамильтонъ, торжественно обѣщала ей черезъ пять лѣтъ возвратиться въ Спа и поселиться въ этомъ самомъ домѣ, если только она согласится здѣсь увидѣться со мной. Обѣщаніе взаимно было исполнено, въ буквальномъ смыслѣ: по прошествіи этого періода, я наняла именно тотъ домъ и приготовилась встрѣтить въ немъ пріѣздъ моего друга.

Наконецъ, сказавъ другъ другу печальное „прости“, я возвратилась въ Дрезденъ, гдѣ пробыла не долго, занимаясь большію частью осмотромъ и изученіемъ удивительнаго собранія художественныхъ произведеній.

Кюрфюрстскій музеумъ составлялъ второй предметъ любопытства; но въ эту пору онъ находился въ жалкомъ положеніи, потому что главное его богатство было отдано въ залогъ Голландіи, снабдившей Дрезденскій дворъ деньгами.

Въ Берлинѣ съ прежнимъ гостепріимствомъ я была принята королевской семьей; тою же предупредительностью и вниманіемъ я обязана была и князю Долгорукову. Отсюда я немедленно поѣхала въ Ригу, гдѣ ожидали меня письма отъ брата Александра и управ-

ляющаго, подробно описавшаго ужасное опустошеніе заразой, господствовавшей въ Москвѣ. Братъ мой принужденъ былъ укрыться въ своемъ селѣ Андреевскомъ; опасеніе за его жизнь гораздо больше обезпокоило меня, чѣмъ бѣдственное положеніе моего собственнаго дома.

Изъ отчета управляющаго я узнала, что смерть унесла сорокъ пять человѣкъ изъ моихъ крестьянъ. Страшная болѣзнь, какъ думали, способна была заражать все въ домѣ; поэтому не могли послать моихъ вещей въ Петербургъ, и пережившіе слуги должны были выдержать шестинедѣльный карантинъ, прежде чѣмъ ихъ отпустили въ Петербургъ.

Это несчастіе такъ сильно поразило меня, что я заболѣла и пролежала въ Ригѣ три недѣли, подъ вліяніемъ самой тяжелой тоски.

Въ это время я написала своей сестрѣ Полянской, попросивъ ее пополнить мой недостатокъ въ прислугѣ и дать мнѣ пріютъ въ ея домѣ, пока я не пріищу себѣ квартиры. Домъ, который я имѣла въ Петербургѣ, былъ проданъ Панинымъ, согласно съ моимъ желаніемъ; я думала этой продажей покрыть издержки моего путешествія, на которое не доставало моихъ общихъ доходовъ съ дѣтьми; но, къ несчастію, дядя, подъ вліяніемъ Талызиной, уступилъ этотъ домъ одному изъ ея пріятелей за половину его настоящей цѣны.

Наконецъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, я поселилась у своей сестры, а Каменская возвратилась къ себѣ. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, императрица прислала спросить о моемъ здоровьѣ и моихъ дѣлахъ; извѣщенная о послѣднемъ несчастіи въ моемъ имѣніи, она подарила мнѣ, по случаю моихъ потерь, десять тысячъ рублей.

Я рада была увидѣть своего отца; хотя отъ него я и не ожидала помощи въ настоящемъ случаѣ, но, что было въ тысячу разъ отраднѣе для меня, я встрѣтила со стороны его полное доказательство любви и уваженія, которыхъ на долгое время лишила меня ложная и ядовитая клевета, о чемъ, впрочемъ, нѣтъ надобности распространяться теперь. Я говорю нѣтъ надобности распространяться объ этой клеветѣ, потому что отецъ убѣдился въ неправдѣ придуманныхъ нареканій; при томъ, что за радость оправдываться въ обстоятельствахъ, которыхъ ложь потеряла для меня всякое значеніе. Но я долго скорбѣла отъ ея отравляющихъ послѣдствій: ибо лишиться добраго мнѣнія въ глазахъ такого человѣка, какъ мой отецъ, было для меня верхомъ несчастія, еслибъ даже онъ не имѣлъ святаго права на любовь своей дочери. Вмѣстѣ съ этимъ правомъ, у него были качества, во всякомъ случаѣ, достойныя уваженія; съ здравымъ и образованнымъ умомъ онъ соединялъ благородный и добрый характеръ, и былъ совершенно чуждъ того чванства и жеманности, которыми обыкновенно отличаются слабыя и мелкія душонки.

По пріѣздѣ къ сестрѣ, я была не совсѣмъ здорова и не выходила изъ дому; но нельзя было не замѣтить, что горизонтъ моей жизни началъ проясняться съ тѣхъ поръ, какъ Григорій Орловъ потерялъ привилегію фаворита Екатерины. Такъ какъ мнѣ невозможно было скоро перебраться въ Москву, по причинѣ разстройства въ домашнемъ хозяйствѣ, то я наняла себѣ небольшой домъ въ Петербургѣ, купила мебель, завелась необходимой прислугой и устроилась здѣсь, хотя и не совсѣмъ удобно.

Какъ только я оправилась, явилась ко двору и очень ласково была встрѣчена Екатериной. Вслѣдъ за тѣмъ, императрица прислала мнѣ шестьдесятъ тысячъ рублей для покупки имѣнія. Можетъ быть, она доселѣ не знала, что, за исключеніемъ клочка земли близъ Петербурга и дома въ Москвѣ, я болѣе ничего не имѣла въ мірѣ; или, вѣроятно, освободившись отъ вліянія Орлова, она хотѣла показать мнѣ свое благоволеніе, обставивъ меня болѣе удобной жизнью. Какъ бы то ни было, этотъ подарокъ удивилъ меня; вмѣстѣ съ тѣмъ, я замѣтила перемѣну въ ея обращеніи со мной; оно было совершенно не то, которое я привыкла видѣть въ ней въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ, отъ ея восшествія на престолъ.

Эти деньги помогли мнѣ выручить отца моего изъ затруднительнаго положенія; я заплатила за него тридцать три тысячи рублей, вслѣдствіе жалобы, поданной на него.

Въ началѣ весны, я переѣхала на свою маленькую дачу, гдѣ вдругъ тяжело заболѣлъ мой сынъ гнилой лихорадкой, такъ что я отчаялась въ его жизни. Медики, лѣчившіе его, не помогали; я предложила имъ посовѣтоваться съ молодымъ докторомъ, Роджерсономъ, который недавно прибылъ изъ Шотландіи. Онъ былъ присланъ ко мнѣ въ полночь и, хотя не скрылъ опасной болѣзни моего сына, но отнюдь и не отчаявался въ его выздоровленіи.

Семнадцать дней я не отходила отъ постели больнаго; и благодаря Провидѣнію и искусству этого превосходнаго медика, по прошествіи этого времени, мой Павлуша былъ внѣ всякой опасности. Съ этой минуты я начала уважать Роджерсона, который со временемъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ преданныхъ и вѣрныхъ моихъ друзей.

Въ то время, какъ я сидѣла въ спальнѣ своего больнаго сына, генералъ Потемкинъ возвратился изъ арміи съ извѣстіемъ о славной побѣдѣ надъ турками и о предложеніи самаго выгоднаго для насъ мира.

Несмотря на все мое желаніе поздравить императрицу съ ея блистательнымъ успѣхомъ, я не могла явиться во дворецъ; но написала ей письмо и приложила картину Анджелики Кауфманъ, представлявшую прекрасную греческую фигуру; подарокъ мой отвѣчалъ содержанію письма, въ которомъ я говорила въ пользу Греціи и ея

политическаго возстановленія. Въ Россіи это былъ первый опытъ Кауфманъ, очаровательной артистки и еще болѣе очаровательной женщины; я радовалась, что императрицѣ чрезвычайно понравилась картина.

Осенью этого года (1773), я отправилась въ Москву и нашла старую княгиню Дашкову удивительно здоровой для ея возраста. Деньги, подаренныя мнѣ императрицей, я отдала въ вѣрное сохраненіе на пользу моей дочери, такъ, чтобъ наслѣдственное состояніе моего сына осталось неприкосновеннымъ; сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, я переѣхала въ Троицкое, откуда черезъ каждыя двѣ недѣли возила моихъ дѣтей въ Москву на свиданіе съ ихъ бабушкой. Въ одинъ изъ этихъ визитовъ, я познакомилась, въ домѣ моего дяди Еропкина, съ генераломъ Потемкинымъ, которому суждено было съиграть такую баснословную роль въ Россіи, получить степень князя отъ германскаго императора, послѣ того, какъ Екатерина приблизила его къ себѣ въ качествѣ друга и любимца.

Графъ Румянцевъ былъ уполномоченъ заключить миръ съ турками; въ 1775 году государыня пріѣхала въ Москву отпраздновать это событіе съ необычайной роскошью. Фельдмаршалъ Румянцевъ былъ осыпанъ почестями и наградами, вмѣстѣ съ прочими генералами арміи, выше обыкновенной щедрости Екатерины. Братъ мой Семенъ былъ произведенъ, а полкъ его былъ удостоенъ чести называться гвардейскимъ гренадерскимъ.

Императрица, во время своего пребыванія въ Москвѣ, предпринимала нѣсколько путешествій въ окрестныя провинціи; между прочимъ, она посѣтила Калугу, остановившись ненадолго въ прекрасномъ имѣніи моего дяди, графа Ивана Воронцова. Я не участвовала въ этихъ поѣздкахъ, потому что неотлучно находилась съ свекровью, Дашковой, которая послѣ трехнедѣльной тяжкой болѣзни, умерла на моихъ рукахъ.

Въ послѣднее время ея любовь ко мнѣ, ея одобреніе всѣхъ моихъ распоряженій относительно дѣтей вполнѣ вознаграждали меня за всѣ мои хлопоты. Послѣднее ея желаніе состояло въ томъ, чтобъ похоронили ее въ Спасскомъ монастырѣ, среди фамильныхъ гробовъ, гдѣ погребенъ и ея мужъ. Я просила позволенія на то, но напрасно; не задолго передъ тѣмъ было изданo новое постановленіе, въ силу котораго было запрещено обывателямъ Москвы хоронить покойниковъ въ чертѣ города, исключая одного монастыря, въ видѣ снисхожденія людямъ богатымъ и суевѣрнымъ, не хотѣвшимъ разстаться съ городомъ даже послѣ смерти.

Не имѣя положительно никакой возможности выполнить завѣщаніе свекрови, я полубольная рѣшилась проводить ея прахъ до мо-

пастыря, въ семидесяти верстахъ отъ Москвы, гдѣ лежали предки ея мужа. Эти грустные проводы я предприняла, какъ непремѣнную свою обязанность: послѣ смерти моего мужа я поставила себѣ правиломъ и никогда не измѣняла ему — дѣйствовать въ отношеніи къ его роднымъ точно такъ, какъ дѣйствовалъ бы онъ самъ, руководимый чувствомъ уваженія и преданности своему семейству.

Съ самаго возвращенія моего изъ-за границы, я жила большею частію въ уединеніи, несмотря на увеличившіяся средства моей жизни, по милости государыни; расходы мои были самые ограниченные; я хотѣла съ помощью благоразумной экономіи дать воспитаніе моему сыну въ иностранномъ университетѣ.

Прежде чѣмъ императрица оставила Москву, я просила ее о позволеніи опять уѣхать въ чужіе края съ спеціальною цѣлью—воспитанія дѣтей. Екатерина согласилась, но приняла мою просьбу необыкновенно холодно, вѣроятно, недовольная тѣмъ, что я искала образованія заграницей, когда она гордилась его развитіемъ дома; можетъ быть, это неудовольствіе вытекало изъ другого источника, о которомъ я не знала. Нѣтъ сомнѣнія, что я не имѣла никакого повода оставлять Екатерину, за исключеніемъ одного случая, когда жители Москвы были допущены къ цѣлованію ея руки въ публичной залѣ, нарочно для того назначенной.

По поводу этого обстоятельства, принцъ Ангальтскій, близкій родственникъ императрицы, сказалъ мнѣ съ нѣкоторымъ жаромъ: „я этого ожидалъ; это совершенно гармонируетъ со всѣмъ остальнымъ, но повѣрьте, придетъ время, измѣнятся обстоятельства, и вамъ отдадутъ справедливость“.

Я разсчитывала пробыть за границей девять или десять лѣтъ, чтобъ въ это время вполнѣ окончить образованіе сына; поэтому я сочла необходимымъ сначала устроить свою дочь. За нее посватался бригадиръ Щербининъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойный женихъ. Онъ былъ человѣкомъ серьезнаго, но мягкаго характера, что ручалось за спокойствіе моей дочери въ семейномъ быту. Хотя этотъ бракъ не совсѣмъ удовлетворялъ моимъ материнскимъ желаніямъ, но онъ представлялъ ту единственную выгоду, что моя дочь еще нѣкоторое время останется подъ моимъ надзоромъ.

Я намѣрена была взять ихъ съ собой въ путешествіе: эта мысль охотно была принята отцомъ моего зятя, особенно, когда я обѣщала, что они будутъ жить со мной, и что на содержаніе ихъ достанетъ однихъ процентовъ состоянія моей дочери.

По случаю этого брака поднялись противъ меня пересуды и возгласы, которые я вполнѣ пренебрегала съ полнымъ сознаніемъ всей нелѣпости ихъ; были и другія непріятности, но, не желая раскрывать

старыхъ ранъ, я пройду ихъ молчаніемъ и разскажу о своемъ путешествіи.

Мы отправились по дорогѣ въ Псковъ, съ намѣреніемъ заглянуть въ богатое имѣніе старшаго Щербинина. На пути случилось съ нами непріятное обстоятельство. Слуга Танѣевой, находившійся при насъ, упалъ съ козелъ и, прежде чѣмъ замѣтили это, пара саней переѣхала черезъ него. Достать лѣкаря не было никакой возможности; бѣдный малый былъ ужасно раненъ въ бокъ и руку, хотя кости остались цѣлы; дальше ѣхать онъ не могъ. Ему необходимо было пустить кровь; вспомнивъ, что въ портфелѣ моего сына былъ англійскій ланцетъ, я просила кого-нибудь изъ нашихъ спутниковъ приступить къ операціи; никто не взялся. Тогда я рискнула сама попробовать; и, побѣдивъ на время чувство отвращенія, я открыла вену такъ удачно, что, къ величайшему моему удовольствію, жизнь больнаго была спасена.

Скоро за тѣмъ мы прибыли въ помѣстье Щербинина, куда собрались многіе изъ повыхъ родственниковъ моей дочери; но это общество такъ утомило меня, что я поспѣшила выѣхать въ Гродно, въ Ливонію.

Путешествіе наше по этому варварскому и дикому краю, покрытому непроходимой грязью и бѣдностью, было въ высшей степени утомительно, къ тому же мой сынъ заболѣлъ корью. Въ дополненіе несчастія, намъ пришлось пробираться сквозь лѣса, по такой глухой дорогѣ, что я принуждена была нанять тридцать казаковъ—прорубать намъ путь. Наконецъ, мы достигли Гродно, гдѣ я имѣла счастье найти отличнаго лѣкаря, присланнаго изъ Брюсселя и служившаго въ Гроднепскомъ кадетскомъ корпусѣ. Здѣсь я должна была пробыть пять недѣлъ, потому что мадамъ Щербинина захватила отъ брата ту же самую болѣзнь.

Путь нашъ лежалъ черезъ Вильну въ Варшаву. Здѣсь праздновали юбилей, и если мы не нашли никакого пріятнаго для себя общества, то я тѣмъ больше была рада пользоваться умной и веселой бесѣдой короля: онъ приходилъ ко мнѣ два или три раза въ недѣлю, просиживая со мной наединѣ долгое время; между тѣмъ, какъ его племянникъ, князь Станиславъ, очень милый и образованный человѣкъ, генералъ Конаржевскій и прочая свита оставались въ другой комнатѣ съ моими дѣтьми. Ради этого любезнаго пріема, я пробыла въ Варшавѣ больше, чѣмъ думала.

Признаюсь, Станиславъ Понятовскій произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Съ благороднымъ и нѣжнымъ сердцемъ онъ обладалъ высокообразованнымъ умомъ. Его пламенная любовь къ изящнымъ искусствамъ была строго классической; и его разговоръ объ этихъ предметахъ былъ и занимателенъ, и глубокъ. Вѣроятно,

его природные инстинкты вовсе не прельщали его этимъ избитымъ величіемъ, на которое судьба такъ неудачно призвала его. Какъ частное лицо, онъ и по врожденнымъ наклонностямъ и по воспитанію, могъ бы быть счастливѣйшимъ смертнымъ; но, какъ глава буйнаго народа и вѣтряной конституціи, онъ никогда не могъ пріобрѣсть народную любовь, потому что поляки не были способны оцѣнить ни его характера, ни его положенія. Для аристократіи онъ былъ предметомъ постоянной зависти; они такъ оплели его своими интригами, что онъ былъ принужденъ запутаться въ неприличные споры съ двумя сильными магнатами. По убѣжденіямъ, онъ не можетъ быть оправданъ, но его извиняетъ необходимость.

Мое знакомство съ этой прекрасной, но несчастной личностью и съ его любезнымъ племянникомъ, которые уважали память моего мужа, заставило меня пожалѣть Варшаву—хотя я ѣхала въ Берлинъ.

Въ Берлинѣ по-старому я встрѣтила самое радушное гостепріимство. Отсюда я написала своему банкиру въ Спа приготовить мнѣ тотъ самый домъ въ „Promenade de sert heures“, который за пять лѣтъ передъ тѣмъ на нашихъ глазахъ строился, и въ которомъ я точно была первымъ жильцомъ, по прошествіи условленнаго времени.

Я скоро увидѣла своего друга, мистрисъ Гамильтонъ, которая, съ своей стороны, почти также была вѣрна своему обѣщанію: разлука наша не измѣнила искренней дружбы.

Во время нашего пребыванія въ Спа, Щербининъ получилъ письма отъ отца и матери; они требовали немедленнаго возврата его въ Россію. Онъ колебался и скучалъ, но волей-неволей долженъ былъ покориться родительскому приказанію; между тѣмъ дочь моя осталась со мной, не желая разставаться съ семействомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

VIII [1]).

Возвращеніе въ Софію.—Перемѣны въ личномъ составѣ русскихъ офицеровъ.—Отношеніе князя къ этому вопросу.—Назойливыя требованія иностранныхъ офицеровъ поступить въ болгарское войско.—Вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ княжества.—Успѣшный ходъ упорядоченія войска.—Внутреннее положеніе страны.—Письмо А. А. Шепелева графу Д. А. Милютину отъ 4-го ноября 1879 года.

Возвратясь въ Софію, я узналъ, что князь ожидаетъ съ нетерпѣніемъ моего пріѣзда, надѣясь получить черезъ меня благопріятные отвѣты на различныя его ходатайства. Ожидали меня и другіе, предполагая узнать о взглядахъ, существующихъ въ Россіи и у русскаго правительства на все, совершающееся въ Болгаріи. Позже узналъ я, что графъ Кевенгюллеръ, участвуя въ разговорахъ, касавшихся моей поѣздки и моего возвращенія, рекомендовалъ обратить вниманіе на то, какъ буду я называть князя, по моемъ возвращеніи: „свѣтлостью“ или „высочествомъ“. Первый варіантъ будетъ служить показателемъ того, что мое поведеніе русскимъ правительствомъ одобряется и при томъ, понятно, не только въ этомъ вопросѣ, но и вообще; во второмъ же случаѣ — надо будетъ признать торжество взглядовъ и желаній князя. Графъ, къ сожалѣнію, при всемъ своемъ умѣ и дипломатической опытности, не додумался до того или, по крайней мѣрѣ, не высказывалъ, что, если бы государь императоръ не одобрилъ, вообще, моихъ воззрѣній, то, вѣроятно, я и совсѣмъ не вернулся бы, что по моимъ личнымъ дѣламъ было гораздо легче сдѣлать тогда, когда я жилъ въ Софіи безъ семьи, чѣмъ позже.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1906 г.

Явившись по приглашенію князя въ самый день моего пріѣзда, вечеромъ, я нашелъ его не въ хорошемъ расположеніи духа; онъ былъ сильно разстроенъ происходившимъ въ Болгаріи броженіемъ, вслѣдствіе предвыборной, въ народное собраніе, агитаціи, неспособностью министровъ, усиленіемъ оппозиціи и томившей его необходимости рѣшиться на что-либо опредѣленное: согласиться разстаться съ непопулярнымъ министерствомъ и призвать къ власти не симпатичныхъ ему либераловъ, или же, слѣдуя навѣтамъ враговъ Болгаріи, совершить государственный переворотъ, измѣнивъ, или даже уничтоживъ конституцію.

Доложивъ всѣ результаты моей поѣздки, мнѣ пришлось коснуться вопроса объ офицерахъ. Слова мои, что государь императоръ возложилъ на меня отвѣтственность за русскихъ офицеровъ-инструкторовъ, произвели на князя самое неблагопріятное впечатлѣніе. Будучи очень властолюбивъ, князь не хотѣлъ вникнуть въ то, что русскіе офицеры, служа въ Болгаріи, отвѣтственны передъ русскимъ императорскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что въ Болгаріи они временно и, окончивъ свое порученіе, постепенно вернутся домой; не хотѣлъ онъ вникнуть и въ то, что конституціонному монарху нѣтъ возможности заниматься оцѣнкой службы ротныхъ и дружинныхъ командировъ, къ тому же не болгаръ, его подданныхъ, а иностранцевъ, временно служащихъ въ войскѣ. Я надѣялся, что созданная съ соизволенія государя императора двойная моя отвѣтственность за русскихъ офицеровъ: передъ княземъ страны и передъ русскимъ правительствомъ, укажетъ ему, насколько я серьезно отношусь къ дѣлу, и получитъ его одобреніе, тѣмъ болѣе, что самому князю извѣстно было несоотвѣтствіе многихъ офицеровъ возложенной на нихъ обязанности.

Случилось обратное. Выслушавъ мой докладъ, князь, въ большомъ волненіи, сказалъ: alors c'est vous qui commandez l'armée, mais pas moi [1]). Я старался его успокоить, объясняя, что безъ его согласія ни одной перемѣны сдѣлано быть не можетъ, что я буду подробно и обстоятельно докладывать ему мотивы моихъ представленій, наконецъ, что рѣшеніе вопроса, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, будетъ зависѣть отъ него и т. д.; ничто не помогало и, начиная съ этого разговора, внутренній разрывъ между княземъ и мной окончательно состоялся.

Въ ближайшіе же дни по моемъ пріѣздѣ я усиленно занялся дѣлами войска и выслушалъ обстоятельные доклады Тимлера, осмотрѣвшаго, во время моего отсутствія, много частей. Взгляды мои совершенно совпали съ результатами осмотровъ Тимлера. Выдающимися командирами дружинъ оказались: два брата Поповы, бывшіе гвардейскіе

[1]) Слѣдовательно, вы командуете арміей, а не я.

артиллеристы, георгіевскіе кавалеры, служившіе въ болгарскомъ ополченіи; штабъ-офицеры: Бѣляевъ, Логвеновъ, Тизенгаузенъ, Гурскій и другіе. Командовавшій Восточнымъ отдѣломъ Куртьяновъ, очень хорошій, но слабый человѣкъ, оказался несоотвѣтствующимъ должности начальника отдѣла, и рѣшено было замѣнить его полковникомъ Боборыкинымъ, вызваннымъ изъ Вильны [1]). Въ артиллеріи обращалъ на себя вниманіе отличный офицеръ, капитанъ Декенлейнъ [2]), а изъ молодыхъ строевыхъ офицеровъ выдавался ротный командиръ I Софійской дружины поручикъ Даниловъ, бывшій гвардейскій егерь [3]).

Уѣзжая, я просилъ Тимлера внимательно присмотрѣться къ командиру I Софійской дружины майору Чиляеву, который, казалось мнѣ, при многихъ выдающихся боевыхъ качествахъ, совершенно не соотвѣтствовалъ должности не только начальника Софійскаго отдѣла, но даже и командира дружины *въ мирное время*. Безусловно храбрый, отличившійся въ послѣднюю войну, популярный какъ боевой офицеръ, добрый отъ природы, Чиляевъ, тѣмъ не менѣе, былъ въ мирное время совершенный баши-бузукъ, не признававшій никакихъ законовъ. На бѣду, князь его очень любилъ, какъ веселаго собесѣдника, баловалъ его и избаловалъ совершенно. Будучи начальникомъ цѣлаго отдѣла, что соотвѣтствовало, примѣрно, нашей дивизіи, Чиляевъ былъ, въ то же время, начальникомъ гарнизона Софіи и при исполненіи этой должности, опираясь на особое благоволеніе къ нему князя, сдѣлался совершенно невыносимъ; я рѣшилъ начать съ него, вполнѣ сознавая трудность предпринимаемаго мною шага, но, съ другой стороны, взявшись за дѣло упорядоченія русскаго офицерскаго состава, не хотѣлъ начинать съ маленькихъ людей, съ „стрѣлочниковъ“, которые иногда только брали примѣръ съ верховъ. Я надѣялся, ударивъ по головѣ, сразу установить надлежащее разумѣніе и у остальныхъ.

Обсудивъ все это щекотливое, по отношенію къ князю, дѣло съ Тимлеромъ, Шепелевымъ и Давыдовымъ, какъ русскимъ представителемъ, я доложилъ князю о необходимости отпустить Чиляева съ миромъ, прибавивъ, что дальнѣйшее прохожденіе имъ службы въ Россіи нисколько не потерпитъ отъ вынужденнаго ухода изъ Болгаріи, что для выѣзда я помогу ему матеріально [4]), по сдачѣ имъ дружины, его преемнику, полковнику Попову, командиру Тырновской дружины. На-

---

[1]) Впослѣдствіи командиръ Александрійскаго драгунскаго и Кирасирскаго ея величества полковъ.

[2]) Участвовалъ въ русско-японской войнѣ.

[3]) Отличился въ русско-японской войнѣ, командуя дивизіей и получивъ Георгія.

[4]) Хотя вопросъ этотъ не былъ предусмотрѣнъ.

чальникомъ же Софійскаго военнаго отдѣла и гарнизона былъ предназначенъ полковникъ л.-гв. Литовскаго полка П. П. Логиновъ.

Князь, конечно, былъ недоволенъ моимъ докладомъ и сказалъ мнѣ: vous vous attaquez à mes amis [1]), а потомъ, согласившись утвердить мое представленіе, прибавилъ: vous n'avez rien à dire si je lui fait un dîner d'adieu, en qualité d'ami [2])? Это было для меня несомнѣнное оскорбленіе по службѣ, но я рѣшилъ съ этимъ не считаться, хотя и понялъ, что война мнѣ объявлена. Я доложилъ князю, что не могу входить въ разсмотрѣніе личныхъ отношеній его свѣтлости къ его друзьямъ.

Фактъ удаленія Чиляева произвелъ большое впечатлѣніе не только среди офицеровъ, но и среди болгаръ, при чемъ большинство было на моей сторонѣ, осуждая поступокъ князя и находя его безтактнымъ.

Одновременно съ уходомъ Чиляева вновь поднялся и обострился вопросъ о принятіи на службу въ войска иностранныхъ офицеровъ. Князь спросилъ меня, кѣмъ я намѣренъ замѣнять удаляемыхъ мною офицеровъ, на что получилъ естественно отвѣтъ, что у меня много кандидатовъ, или лично мнѣ извѣстныхъ, или рекомендованныхъ мнѣ людьми, заслуживающими довѣрія. На это князь возразилъ мнѣ, что я, понятно, буду приглашать русскихъ офицеровъ, но что придетъ время, когда всѣ русскіе уйдутъ, и онъ не желаетъ остаться: „seul avec ces bratouschkis“ [3]). Это выраженіе весьма характерно выясняло взглядъ князя на Болгарію и болгаръ и всегда приходило мнѣ на память, когда я слышалъ заявленія нѣкоторыхъ, правда немногочисленныхъ болгаръ, воображавшихъ, что князь „любитъ Болгарію“, или когда я читалъ, въ телеграммахъ и письмахъ князя, выраженія, въ родѣ: „mon pays“, „ma nouvelle patrie“, „mon peuple aimé“ [4]).

Мнѣ удалось и на этотъ разъ отдѣлаться отъ нѣмецкихъ офицеровъ указаніемъ на то, что теперь, въ виду предстоящихъ выборовъ въ собраніе и скораго его созыва, было бы крайне неполитично поднимать антиконституціонный вопросъ, къ тому же весьма непопулярный.

Несмотря на это, наплывъ иностранныхъ офицеровъ въ Болгарію возросъ чрезвычайно. Чтобы судить объ этомъ количествѣ, достаточно сказать, что съ октября 1879 г. до марта 1880 г. мною было отклонено 509 просьбъ иностранныхъ офицеровъ и солдатъ, преимущественно прусскихъ. Тѣ, которые являлись безъ особыхъ рекомендацій, полу-

[1]) Вы нападаете на моихъ друзей.

[2]) Вы ничего не имѣете противъ того, что я сдѣлаю ему прощальный обѣдъ, въ качествѣ друга?

[3]) Одинъ съ этими братушками.

[4]) Моя страна, мое новое отечество, мой возлюбленный народъ.

чали въ отвѣтъ краткое: unmöglich или impossible [1]), смотря по тому, на какомъ языкѣ была изложена словесная просьба, но были случаи очень затруднительные. Нѣкоторые офицеры пріѣзжали въ Софію лично и обращались непосредственно къ князю съ словесной и письменной просьбой, а потомъ являлись ко мнѣ и, получивъ словесный отказъ, иногда очень нахально указывали на надпись, сдѣланную рукой князя, наверху прошенія: recomandé à l'attention spéciale du ministre de la guerre [2]). Я помню одно замѣчательное, по своему нахальству, прошеніе Вестфальскаго артиллерійскаго полка унтеръ-офицера Роста, который заявлялъ, что, выйдя въ отставку унтеръ-офицеремъ и не имѣя средствъ къ жизни, желаетъ поступить въ болгарскую артиллерію, но не иначе, какъ поручикомъ, пр ичемъ любезно увѣдомлялъ, что умѣетъ дѣлать хорошіе фейерверки. Въ особенности трудно было, когда князь лично просилъ за кого-нибудь, не стѣсняясь говорить, что: „c'est un bravegarçon, qui a des difficultés d'argent [3]). Усиленно настаивалъ князь на принятіи прусскаго офицера Келлера, племянника генерала Альбедиля, бывшаго тогда начальникомъ военнаго кабинета германскаго императора Вильгельма I-го.

По распущеніи перваго народнаго собранія, вопросъ о принятіи иностранныхъ офицеровъ на службу въ войска обострился до крайности, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, далѣе.

Въ это же время возникъ въ совѣтѣ министровъ вопросъ, обострившій мои отношенія къ другому сильному дѣятелю того времени въ Болгаріи, къ графу Кевенгюллеру.

Зашла рѣчь о проведеніи новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Прежде всего надо было рѣшить ихъ направленіе, а затѣмъ и способъ приведенія проекта въ исполненіе.

Относительно направленія дорогъ существовало два мнѣнія: 1) соединить Адріанопольско-Филиппопольскую желѣзную дорогу съ сербскими и австрійскими желѣзными дорогами, проведя путь черезъ Софію, и 2) соединить Софію и Тырново съ Рущукомъ и далѣе съ румынскими и русскими, а также австрійскими желѣзными дорогами. Я стоялъ очень энергично за второй проектъ, доказывая, что при принятіи перваго проекта мы отдадимъ Болгарію, а вмѣстѣ съ нею и весь Балканскій полуостровъ въ полное экономическое порабощеніе Австріи, и безъ того уже сильное и, кромѣ того, это направленіе пройдетъ только черезъ южную часть Болгаріи, захвативъ самую незначительную часть территоріи княжества, совсѣмъ не коснувшись всей сѣверной, придунайской его части, не связывая Болгарію съ Румыніей и оставивъ

[1]) Невозможно.
[2]) Рекомендуется особому вниманію военнаго министра.
[3]) Добрый малый, запутался въ денежныхъ дѣлахъ.

совершенно въ сторонѣ такой важный во всѣхъ отношеніяхъ центръ, какъ Тырново. Кромѣ того, принимая во вниманіе слабыя финансовыя средства княжества и малое развитіе его въ экономическомъ отношеніи, было очевидно, что, рѣшившись на южное направленіе и приступивъ къ его исполненію, мы на долгіе годы откладывали бы соединеніе княжества желѣзными дорогами съ Россіей.

Второй проектъ внесъ бы оживленіе во всю придунайскую Болгарію, облегчилъ бы сношенія съ Дунаемъ, этой важной для Болгаріи водной артеріей, связалъ бы Болгарію съ Румыніей, Россіей да и съ Австріей, черезъ Румынію и Трансильванію. Я сначала стоялъ за направленіе на Рущукъ, исходя изъ того, что на противоположномъ берегу Дуная, въ Журжевѣ, находится конечная станція румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, а кромѣ того я мечталъ тогда создать въ Рущукѣ арсеналъ и артиллерійскія мастерскія, возобновивъ, бывшіе уже тамъ, турецкіе заводы и мастерскія. Дунай, въ этомъ отношеніи, игралъ для меня весьма важную роль. Но затѣмъ я склонился на убѣжденія министра финансовъ Начовича, который тоже стоялъ за сѣверное направленіе, но примыкалъ его къ Дунаю не въ Рущукѣ, а въ Систовѣ, имѣвшемъ очень важное экономическое значеніе для Болгаріи. Я поступился Рущукомъ еще и потому, что переговоры съ Румыніей клонились къ постройкѣ ею желѣзной дороги отъ Зимницы къ Краіову, чѣмъ достигалась прямая связь желѣзныхъ дорогъ обоихъ государствъ, а также потому, что устройство арсенала въ Рущукѣ было только въ зародышѣ.

Весьма естественно, что въ этомъ вопросѣ антагонистомъ мнѣ и моимъ единомышленникамъ выступилъ австрійскій дипломатическій агентъ, усиленно агитировавшій за скорѣйшее установленіе прямого сообщенія Константинополь—Будапештъ—Вѣна. Это было понятно, въ порядкѣ вещей, но опять борьба—съ Паренсовымъ.

По вопросу о выполненіи того или другого проекта княжество не могло взять на себя постройку какой бы то ни было желѣзной дороги по неимѣнію ни средствъ, ни людей; пришлось обратиться за границу къ извѣстнымъ строителямъ, которые не заставили себя долго ждать. Явились два крупныхъ предпринимателя: австрійскій еврей, извѣстный баронъ Гиршъ и нашъ, русскій человѣкъ—Губонинъ. Понятно, что я стоялъ за Губонина, а Кевенгюллеръ за Гирша. Губонинъ скоро передалъ всѣ свои права русскому еврею, барону Горацію Гинсбургъ, и я сталъ на сторону барона Гинсбурга. Тутъ мои недруги подняли вопль, что я, въ вопросѣ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, стою за еврея и желаю сдать это выгодное и государственное дѣло въ еврейскія руки. Я, конечно, не отрицалъ и не скрывалъ, что провожу барона Гинсбурга; для меня вопросъ сводился къ слѣдующему: своихъ, болгар-

скихъ предпринимателей нѣтъ и не скоро еще они народятся; являются два еврея, оба солидные, но одинъ—австріецъ, другой—русскій, всѣ дѣла котораго въ Россіи и который вдобавокъ пользуется безусловно прекрасной репутаціей. Но понятно, что и тутъ Кевенгюллеръ стоялъ за Гирша, слѣдовательно, противъ меня. Самъ князь Александръ очень симпатизировалъ барону Гинсбургу, который велъ его личныя денежныя дѣла, а кромѣ того, кажется, велъ дѣла и другихъ членовъ Гессенскаго дома въ Россіи.

Одно время, при мнѣ, дѣла барона Гинсбурга шли настолько удачно, что онъ выслалъ въ Софію своего представителя Николая Исаковича Утина, бывшаго эмигранта, получившаго прощеніе за работы по постройкѣ Рени-Галацкой желѣзной дороги въ войну 1877—78 гг., весьма энергично взявшагося за дѣло. Гинсбурга и Утина очень поддерживалъ смѣнившій въ 1880 г. Давыдова, новый дипломатическій агентъ Россіи, Александръ Михайловичъ Кумани, замѣчательная личность, о которой мнѣ придется говорить далѣе. Но съ моимъ уходомъ, скоро затѣмъ послѣдовавшимъ уходомъ Кумани и совершившимся въ Систовѣ государственнымъ переворотомъ, дѣло барона Гинсбурга кончилось ничѣмъ.

Справедливость требуетъ, однако, упомянуть, что рядомъ съ этими непріятными и крайне тяжелыми минутами, бывали и другія,—утѣшительныя.

Особенно порадовалъ меня по возвращеніи моемъ изъ Россіи начальникъ артиллеріи полковникъ Лѣсовой, который, условившись со мной еще лѣтомъ, представилъ мнѣ готовые проекты о слѣдующихъ мѣропріятіяхъ по артиллерійской части.

По его предположенію рѣшено было держать временно всѣ 8 орудій батарей запряженными, а ящиковъ только одинъ рядъ. Изъ образовавшагося запаса людей и лошадей сформировали одну скорострѣльную батарею, изъ оставленныхъ Болгаріи турецкихъ скорострѣльныхъ орудій и артиллерійскую лабораторію. Россія оставила Болгаріи турецкія дальнобойныя орудія, взятыя за Балканами, но безъ замковъ. Такъ какъ всѣ орудія имѣли заводскій № и клеймо Круппа, то мы заказали у Круппа по этимъ №№ и клеймамъ замки, и я имѣлъ наслажденіе, уходя изъ Болгаріи, оставить болгарской артиллеріи отличныя дальнобойныя орудія. Круппу заказаны были снаряды для этихъ орудій, по расчету боеваго комплекта, 500 снарядовъ на орудіе; ему же заказаны нѣкоторые недостающіе предметы, какъ-то: дистанціонныя трубки и прицѣлы. Но что, въ особенности, меня порадовало—это успѣшный ходъ работъ по устройству въ Рущукѣ арсенальныхъ мастерскихъ съ механическими станками и машинами. Мастерскія эти предназначались для исправленія матеріальной части батарей, состоящихъ на

службѣ, для изготовленія нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ, взамѣнъ пришедшихъ въ негодность и т. п. Все это долженъ былъ оборудовать бельгійскій заводчикъ Кокериль, мастерскія должны были быть открыты въ маѣ 1880 года и должны были состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) механическій съ слесарнымъ; 2) кузнечный; 3) литейный—для чугуннаго и мѣднаго литья; 4) столярный и плотничный; 5) малярный и 6) шорный. Мастера были выписаны изъ Россіи, а для обученія будущихъ мастеровъ—болгаръ, устроена школа.

Радовала меня также хозяйственная часть въ войскахъ. Выше я уже сказалъ, что довольствія болгарскихъ войскъ вещами не существовало. Почти случайно удалось открыть въ разныхъ городахъ склады имущества, оставленнаго русскимъ интенданствомъ и сданнаго городскимъ властямъ, но эти гражданскія власти о складахъ молчали, можетъ быть, просто по забывчивости или недоразумѣнію. Случайно открыли такой складъ въ одной изъ закрытыхъ мечетей, и я приказалъ произвести ревизію во всѣхъ городахъ и селахъ, гдѣ долго квартировали русскія войска, поручивъ все дѣло это генеральнаго штаба подполковнику Каменецкому, а распредѣленіе всего имущества возложено было мною на полковника Тимлера, отличавшагося административными и хозяйственными способностями. Къ созыву народнаго собранія я имѣлъ удовольствіе видѣть, что всѣ нижніе чины снабжены 2 рубашками въ натурѣ, а на третью отпущены деньги и т. д. [1]).

Обрадованный этими, да и многими другими успѣхами по упорядоченію войска, я пошелъ однажды къ князю съ обширнымъ докладомъ о всемъ сдѣланномъ и достигнутомъ, въ сравнительно короткій срокъ, заранѣе предвкушая наслажденіе видѣть, какъ я порадую князя, любившаго военное дѣло. Я заранѣе торжествовалъ и входилъ во дворецъ тріумфаторомъ. Князь очень благосклонно слушалъ, не перебивая меня, а когда я кончилъ, то какъ-то очень индифферентно сказалъ: „c'est très bien, et voilà j'ai aussi préparé quelque chose“ [2]) и при этомъ подалъ мнѣ рисунокъ новой формы офицерскихъ погонъ, на которыхъ звѣздочки должны быть не нашего, а прусскаго образца, большія, и при томъ, въ обратномъ нашему, порядкѣ, т. е.: генералъ-маіоръ не долженъ былъ имѣть звѣздочекъ вовсе, генералъ-лейтенантъ—2, а полный генералъ—три, такъ что мнѣ лично пришлось передѣлать всѣ мои погоны и эполеты.

Входилъ я съ моими проектами тріумфаторомъ, а уходилъ—иначе.

Внутри страны шло броженіе, соединенное съ выборной, въ народное собраніе, агитаціей. Страшнаго ничего не было, хотя борьба

[1]) Полотна не хватило полностью на 8 дружинъ, которымъ и отпущено натурой на 1 рубашку, а на 2—деньгами.

[2]) Очень хорошо, а вотъ и я тоже приготовилъ нѣчто.

партій была горячая. Только въ двухъ мѣстахъ, селяки (крестьяне), отказавшись платить подати до рѣшенія народнаго собранія, не послушались властей, но немедленно успокоились, какъ только появились войска съ русскими офицерами.

Главнымъ аргументомъ оппозиціи въ борьбѣ съ министерствомъ было нарушеніе министрами конституціи. Эта почва была очень благодарная. Большинство населенія знало одно: было 500 лѣтъ турецкаго ига; явилась Россія, отъ турокъ освободила и ушла, но, уходя, оставила Болгаріи—конституцію. Что такое „конституція“, понятно, большинство и не знало; знали только, что это дано Россіей-освободительницей, а потому ненарушимо и священно; всякій на нее покушающійся—врагъ. Очень характерный случай произошелъ въ Виддинѣ при избраніи депутата въ народное собраніе. Избранъ былъ блаженный Анфимъ, бывшій экзархъ, сидѣвшій въ турецкихъ тюрьмахъ Малой Азіи, почтенный старикъ, пользовавшійся большимъ, повсемѣстнымъ уваженіемъ. Онъ обратился къ своимъ выборщикамъ съ вопросомъ объ ихъ нуждахъ и что они поручатъ ему проводить и отстаивать въ собраніи. Отовсюду полученъ былъ одинъ отвѣтъ: „пàзи конституцію“, т. е. блюди конституцію.

При производствѣ выборовъ произошло много ошибокъ, недоразумѣній и злоупотребленій, обычныхъ спутниковъ выборовъ, да еще въ первое народное собраніе и въ такой политически-младенческой странѣ, какою тогда была Болгарія. Выдающимся и всѣмъ извѣстнымъ злоупотребленіемъ было избраніе Стамбулова въ депутаты. Ему не было 30 лѣтъ и въ его документахъ была сдѣлана очевидная подчистка. Имѣя въ виду описать первое народное собраніе въ слѣдующей главѣ, помѣщаю здѣсь письмо А. А. Шепелева къ графу Д. А. Милютину, отъ 4 ноября 1879 года, превосходно рисующее положеніе дѣлъ того времени.

Письмо полковника Шепелева графу Д. А. Милютину.

Софія, 4-го ноября 1879 г. Секретно.

Милостивый государь графъ Дмитрій Алексѣевичъ. Путешествіе князя Александра въ Бухарестъ, а затѣмъ посѣщеніе имъ придунайскихъ городовъ Болгаріи и сверхъ того Разграда, Шумлы и Бѣлградчика совершилось при самой благопріятной обстановкѣ. Какъ въ Румыніи, такъ и въ собственныхъ владѣніяхъ молодой князь встрѣтилъ самый радушный и сочувственный пріемъ, произведшій

на него отрадное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, съ возвращеніемъ князя въ свою столицу, пріятное впечатлѣніе, вынесенное изъ поѣздки, должно было скоро изгладиться передъ серьезными затрудненіями, возникшими по поводу депутатскихъ выборовъ въ нѣкоторыхъ округахъ, и въ виду положенія, занятаго по отношенію къ этимъ выборамъ какъ министерствомъ, такъ и оппозиціей.

Какъ я уже имѣлъ случай докладывать вашему сіятельству въ предъидущемъ письмѣ, оппозиціонная партія воспользовалась избирательнымъ періодомъ, чтобы перенести свои нападки на министерство изъ газетной сферы на болѣе практическую почву словесной пропаганды, преимущественно среди сельскаго населенія. Главною темою для возбужденія агитаціи противъ нынѣшняго кабинета послужили опять таки указы о пониженіи цѣнности серебрянаго рубля и о пошлинѣ на ввезенную уже соль. Маневръ этотъ какъ нельзя болѣе удался оппозиціи, такъ какъ масса плательщиковъ, на карманахъ которыхъ чувствительно отражались эти двѣ неосторожныя мѣры министерства, была очень рада случаю отказаться отъ взноса податей подъ предлогомъ, что правительство не имѣло права, помимо народнаго собранія, устанавливать новыя пошлины и, посредствомъ депреціаціи рубля, увеличивать, косвеннымъ образомъ, налоги. Низшіе агенты оппозиціи пошли въ своемъ усердіи еще гораздо дальше, чѣмъ, вѣроятно, того желали вожаки ея, проповѣдуя населенію, что если нынѣшній кабинетъ будетъ замѣненъ, такъ называемымъ, либеральнымъ, то подати будутъ сокращены, оставшіяся отъ бѣжавшихъ турокъ земли распредѣлятся между болгарами, и нуждающейся части сельскаго населенія выданы будутъ денежныя вспомоществованія для возстановленія разстроеннаго хозяйства. Послѣдствіемъ этого было то, что поселяне отказываются вносить подати, наивно объясняя, что они предпочитаютъ обождать какъ выскажется народное собраніе, а до того времени не желаютъ отдавать правительству своихъ денегъ. Вотъ, отчасти причина, почему, до настоящей поры, въ государственныя кассы поступило всего около 6 милліоновъ франковъ въ счетъ разсчитаннаго на этотъ годъ 23-хъ милліоннаго бюджета; и если этой агитаціи не будетъ скоро положенъ предѣлъ, можно серьезно опасаться, что бюджетъ нынѣшняго года приведетъ не только къ большому дефициту, но что даже наступитъ моментъ, когда княжество окажется несостоятельнымъ удовлетворить самымъ насущнымъ потребностямъ правительственнаго организма.

Пока оппозиція усердно работала, подготовляя себѣ всѣми средствами побѣду на выборахъ, министерство пальцемъ не шевельнуло, чтобы сильнѣе сплотить свою, считаемую консервативною, партію, полагаясь на то, что представители администраціи въ губерніяхъ и

округахъ сумѣютъ и безъ того, посредствомъ искусственнаго давленія на избирателей, послать въ народное собраніе благопріятныхъ правительству депутатовъ. Вообще со стороны кабинета не было сдѣлано ничего, чтобы разъяснить населенію ни значенія предстоявшихъ выборовъ, ни самый порядокъ производства ихъ, такъ что избраніе депутатовъ во многихъ округахъ происходило крайне неправильно и противно избирательному закону, который даже не былъ толково усвоенъ самою администраціей. Путаница, проявившаяся при выборахъ, въ связи съ раздраженіемъ партій, повела къ открытымъ безпорядкамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ Кулѣ и Сельви, гдѣ министерство потребовало содѣйствія войскъ, съ цѣлью запугать населеніе и парализовать вліяніе оппозиціи; благодаря лишь осмотрительному дѣйствію военнаго начальства все обошлось благополучно и порядокъ былъ легко возстановленъ. Я имѣю серьезные поводы вѣрить, что министерство искало случая, чтобы, если не вызвать, то, по крайней мѣрѣ, раздуть неизбѣжныя при выборахъ волненія, чтобы тѣмъ склонить князя къ крутымъ мѣрамъ противъ своихъ противниковъ и къ отсрочкѣ, на неопредѣленное время, созыва народнаго собранія. Въ этой именно надеждѣ на то, что князь ни за что не разстанется съ нынѣшнимъ кабинетомъ, хотя бы для этого пришлось распустить палату представителей, и слѣдуетъ, по моему мнѣнію, искать объясненія той бездѣятельности, которую обнаружила на выборахъ консервативная партія, и отсутствія руководительства ею со стороны министерства.

Надо, впрочемъ, признать, что кабинетъ Бурмова-Балабанова не безосновательно расчитывалъ на такую поддержку со стороны князя, которая не остановилась бы даже передъ государственнымъ переворотомъ, т. е. распущеніемъ народнаго собранія и пріостановленія дѣйствія конституціи. Князь Александръ, поддавшись ежедневнымъ убѣжденіямъ министровъ, будто бы въ нихъ однихъ заключается спасеніе страны отъ радикаловъ и нигилистовъ, изъ которыхъ, по ихъ словамъ, якобы составлена оппозиція, легко склонялся къ этимъ взглядамъ министерства и былъ даже не прочь, въ случаѣ враждебнаго настроенія палаты къ кабинету, рѣшиться на coup d'état со всѣми опасными его послѣдствіями, на которыя я не переставалъ ему указывать во время нашего путешествія по Дунаю. Одно, что озабочивало князя и еще сдерживало его порывы къ рѣзкимъ мѣропріятіямъ для поддержанія нынѣшняго министерства, это—неизвѣстность, въ которой тогда князь находился, относительно воззрѣній государя императора на счетъ предстоявшаго ему образа дѣйствій. Между княземъ и мною происходилъ по этому поводу частый обмѣнъ мыслей, при чемъ князь доказывалъ, что государь императоръ не можетъ не же-

лать упроченія власти за консервативнымъ элементомъ въ Болгаріи, и потому, несомнѣнно, изволитъ одобрить всякія мѣры, которыя князь приметъ для торжества государственной власти надъ конституціонными доктринами. Я замѣчалъ на это, что не можетъ быть спора о томъ, какая изъ существующихъ партій представляетъ большія гарантіи для поддержанія авторитета власти въ странѣ и что, безъ сомнѣнія, необходимо стараться доставить преобладаніе элементу консервативному; но для этого нужно, прежде всего, отрѣшиться отъ предвзятыхъ мнѣній и безпристрастно обсуждать, какія могутъ быть наиболѣе пригодныя къ тому средства. Распущеніе народнаго собранія, говорилъ я князю, было бы, при настоящихъ обстоятельствахъ, не только несвоевременнымъ, но и политическою ошибкою, неоправдываемою вѣроятными результатами подобнаго акта. Предположивъ, что большинство палаты окажется на сторонѣ оппозиціи, то съ распущеніемъ собранія, предшествовавшая его созванію агитація въ населеніи не только бы не прекратилась, но приняла бы еще болѣе широкіе размѣры, при чемъ къ враждѣ противъ министерства невольно примѣшивалось бы уже и неудовольствіе на самого князя. Сверхъ того, по дѣйствующей конституціи, спустя четыре мѣсяца послѣ распущенія народнаго собранія, должно быть непремѣнно созвано новое, которое, почти навѣрное, оказалось бы столь же оппозиціоннымъ, какъ и первое, потому что, при неумѣлости нынѣшнихъ министровъ организовать сплоченную и искусно руководимую партію, весьма мало шансовъ на то, чтобы они успѣли это сдѣлать въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Слѣдовательно, затрудненія, съ которыми болгарскому правительству придется теперь бороться, въ случаѣ неблагопріятнаго состава камеры, окажутся вовсе неустраненными съ распущеніемъ оной, а лишь отсроченными на четыре мѣсяца; между тѣмъ, въ этотъ четырехъ-мѣсячный періодъ времени страна будетъ находиться еще въ болѣе возбужденномъ состояніи, чѣмъ теперь, и населеніе, вовлекаясь въ раздоры партій и безтолковое политиканство, утратитъ и послѣдніе слѣды уваженія къ авторитету власти.

Распущеніе собранія имѣло бы, по моему мнѣнію, смыслъ лишь въ томъ крайнемъ случаѣ, если бы того дѣйствительно требовали важныя государственныя причины, по которымъ княжеское правительство нашлось бы вынужденнымъ совершенно отказаться отъ созыва новой палаты, или, другими словами, уничтожить конституцію. Но, во-первыхъ, по искреннему моему убѣжденію, никакихъ подобныхъ причинъ не существуетъ, и управленіе Болгаріею могло бы идти самымъ мирнымъ и спокойнымъ путемъ, если бы нѣкоторыя лица болѣе безпристрастно относились къ мелочамъ парламентской борьбы и не усматривали въ сторонникахъ строгаго исполненія кон-

ституціи какихъ-то радикаловъ и нигилистовъ. Во-вторыхъ, распущеніе перваго же народнаго собранія было бы рискованнымъ шагомъ еще потому, что правительство не имѣетъ пока въ народѣ достаточно сильной опоры для того, чтобы не опасаться возникновенія внутреннихъ неурядицъ, быть можетъ желательныхъ для противниковъ балканскихъ славянъ. Кромѣ того, всякая насильственная мѣра противъ конституціи лишитъ Болгарію сразу, въ глазахъ ея населеній, той роли собирательнаго ядра для отторженныхъ ея частей, которая должна принадлежать ей на Балканскомъ полуостровѣ. Тогда оправдается предсказаніе одного изъ бывшихъ моихъ коллегъ по Филиппопольской международной коммиссіи, что тяготѣніе болгаръ приметъ направленіе не къ сѣверу, какъ мы должны того желать, а къ югу, т. е. къ Восточной Румеліи, гдѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, и правительство и представители населенія крѣпко держатся своего органическаго устава и дружно работаютъ для пользы страны.

Исходя изъ приведенныхъ выше соображеній, я счелъ долгомъ убѣждать князя въ томъ, что для успокоенія страстей и прекращенія волнующей страну агитаціи, ему самому необходимо стать въ сторонѣ отъ борьбы партій и не давать повода думать, что онъ тѣсно связанъ съ одною изъ нихъ. Если бы даже оппозиція одержала верхъ надъ министерствомъ, то и тогда нѣтъ никакой причины опасаться какихъ-либо внутреннихъ осложненій, потому что, добившись власти, такъ называемый либеральный, или, вѣрнѣе сказать, конституціонный кабинетъ станетъ, по самому существу своей новой роли, дѣйствовать въ консервативномъ духѣ, понимая подъ этимъ одинаково строгое охраненіе какъ конституціи, такъ и прерогативъ верховной власти. Главное, къ чему я стремился, это отклонить князя отъ мысли о распущеніи собранія, въ угоду нынѣшнимъ министрамъ, и напротивъ, дать ихъ противникамъ, стремящимся стать во главѣ управленія, возможность доказать на дѣлѣ, на что они способны и въ какой мѣрѣ они отвѣчаютъ высказанному къ нимъ довѣрію страны.

Возвратясь изъ своей поѣздки обратно въ Софію, князь нашелъ министровъ крайне озабоченными результатомъ выборовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и на другой же день министерство явилось съ предложеніемъ вовсе не созывать собранія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, настоящему кабинету, по всѣмъ вѣроятіямъ, невозможно будетъ сохранить свой постъ. Въ этомъ предложеніи уже совершенно ясно выразилось стремленіе министерства выставить князя вполнѣ солидарнымъ съ нимъ, хотя бы для того потребовалось вовлечь его въ открытое столкновеніе съ населеніемъ, отказывающимъ министерству въ довѣріи. Къ счастью, князь не поддался на предложенный ему рискованный шагъ и заявилъ, что онъ выскажетъ окончательно

свое рѣшеніе лишь по полученіи указаній государя императора въ отвѣтъ на письмо къ его величеству. Между тѣмъ, слухъ о намѣреніи министерства прибѣгнуть къ отсрочкѣ народнаго собранія только усиливалъ броженіе умовъ и служилъ въ пользу цѣлямъ оппозиціи.

Собственноручное письмо государя императора къ князю и словесныя объясненія возвратившагося изъ Ливадіи Давыдова не замедлили разсѣять ту томительную неизвѣстность относительно рѣшеній князя, которая одно время тяготѣла какъ надъ министерствомъ, такъ и надъ интеллигентною частью населенія. Не скрою отъ вашего сіятельства, что князь разсчитывалъ получить отъ его величества полное одобреніе своихъ взглядовъ и поощреніе къ рѣзкому образу дѣйствій противъ конституціонной партіи, если бы она оказалась въ большинствѣ въ народномъ собраніи; того же самаго ожидало и министерство, убѣжденное въ безусловной поддержкѣ его со стороны русскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, князь заявилъ, что онъ намѣренъ сообразовать свой дальнѣйшій образъ дѣйствій съ указаніями и совѣтами своего августѣйшаго дяди и открыто высказалъ министрамъ, что если они не съумѣютъ оправдать своей дѣятельности передъ народнымъ собраніемъ, то онъ не считаетъ возможнымъ нарушать ради ихъ конституціонное теченіе дѣлъ.

Такимъ образомъ, благодаря вліянію мудрыхъ совѣтовъ нашего государя на молодого князя, дѣла стали принимать болѣе успокоительный характеръ и устранялась опасность, грозившая, на первыхъ же порахъ, политической жизни Болгаріи почти неминуемымъ столкновеніемъ между народной властью и верховнымъ представительствомъ.

Открытіе первой законодательной сессіи состоялось 21-го октября, недѣлею позже противъ первоначально назначеннаго срока, по причинѣ неприбытія къ тому дню достаточнаго числа депутатовъ. Княжеская рѣчь, экземпляръ которой, на французскомъ языкѣ, имѣю честь при семъ представить, была встрѣчена всѣми, безъ различія, вполнѣ сочувственно. Число присутствовавшихъ въ собраніи представителей было лишь немногимъ болѣе половины узаконеннаго числа депутатовъ, но большинство оказалось на сторонѣ оппозиціи, хотя наканунѣ еще князь сказалъ мнѣ, что, по увѣренію министровъ, они имѣютъ въ палатѣ „une majorité écrasante“. По удаленіи князя изъ залы собранія, приступлено было къ выбору постояннаго бюро и, послѣ оживленныхъ споровъ, значительнымъ большинствомъ голосовъ, предсѣдателемъ избранъ Каравеловъ, глава оппозиціи, остальные члены бюро избраны также изъ числа такъ называемыхъ либераловъ. Министры, пораженные этимъ результатомъ, до того растерялись, что вечеромъ того же дня поспѣшили вручить князю просьбы объ отставкѣ. Князь спра-

ведливо отклонилъ ихъ ходатайства, считая, что выборъ президента палаты, хотя бы изъ противнаго лагеря, не составляетъ еще парламентскаго пораженія министерства. Кромѣ того, можно было ожидать, что, съ прибытіемъ въ Софію запоздавшихъ депутатовъ, большинство въ камерѣ перемѣстится на сторону министерства. Ожиданія эти, однако, не оправдались, и вновь прибывшіе представители только усилили собою ряды оппозиціи.

Мы, слѣдовательно, находимся теперь въ самомъ разгарѣ кризиса, который, не сегодня-завтра, можетъ принять острый характеръ. Князь, до сихъ поръ, еще не уклонялся отъ пути, указаннаго государемъ императоромъ, и намѣренъ, въ случаѣ паденія нынѣшняго министерства, предложить вождю парламентскаго большинства, т.-е. Каравелову, образовать новый кабинетъ. Зная, что князь, которому нѣкоторыя лица не переставали представлять Каравелова за яраго демагога (что, въ сущности, несправедливо), лично не расположенъ къ нему; съ другой стороны, считая своимъ долгомъ употребить всѣ усилія къ устраненію полнаго разлада между княземъ и народнымъ представительствомъ,—я, не далѣе какъ вчера, настойчиво убѣждалъ князя не отказываться отъ попытки составленія кабинета сліянія, будучи увѣренъ въ возможности склонить къ тому самого Каравелова, такъ и двухъ изъ нынѣшнихъ министровъ, менѣе другихъ ненавистныхъ оппозиціи.

Князь, пожалуй, и не прочь былъ бы изъявить согласіе на эту комбинацію, если бы другія вліянія, къ сожалѣнію, слишкомъ пристрастныя, не поддерживали въ немъ, до сей поры, мысли о предпочтительности распущенія собранія передъ возможностью компромисса съ оппозиціею. Если эти вліянія возьмутъ верхъ, то дай Богъ, чтобы они только не отразились вредными для Болгаріи послѣдствіями.

Положеніе дѣлъ, въ настоящую минуту, слѣдующее: народное собраніе, почти полнымъ своимъ составомъ, принадлежитъ конституціонной партіи, т.-е., оппозиціи; по личному мнѣ заявленію одного изъ министровъ, приверженцы ихъ, бывшіе въ числѣ 40 человѣкъ, также перешли въ противный лагерь, за исключеніемъ какихъ-нибудь 5—8 лицъ. Можно положительно сказать, что передъ народнымъ собраніемъ дни министерства Бурмова—Балабанова уже сочтены; это фактъ, игнорировать который было бы неблагоразумно. По парламентскимъ обычаямъ, будущій кабинетъ долженъ принадлежать нынѣшней оппозиціи, и она вправѣ была бы настаивать на томъ, чтобы всѣ портфели были розданы исключительно ея приверженцамъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы ослабить въ умѣ князя непріятный для него характеръ новаго министерства съ Каравеловымъ въ числѣ его членовъ,—удалось, наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ состоящаго при мнѣ

г. Рогге съ названнымъ главою опозиціи, склонить послѣдняго принять въ будущій кабинетъ двухъ изъ теперешнихъ министровъ: г. Грекова для иностранныхъ дѣлъ и г. Начовича — для финансовъ; оба эти лица весьма симпатичны князю.

Какъ ни желательно было бы осуществленіе этой министерской комбинаціи, я, однако, далеко не увѣренъ въ ея конечномъ успѣхѣ, который зависитъ отъ нѣсколькихъ причинъ. Прежде всего, князь долженъ рѣшить принципіальный вопросъ: распустить ли собраніе, или составить новый кабинетъ? Я откровенно высказываюсь въ пользу послѣдняго, видя въ немъ единственный спокойный исходъ изъ нынѣшнихъ затрудненій. Имѣя во главѣ управленія нѣсколькихъ выдающихся членовъ въ либеральной партіи, мы можемъ держать ее всю въ рукахъ, и отъ личнаго такта князя будетъ зависѣть сдѣлать изъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыхъ ему выдаютъ за радикаловъ, самыхъ преданныхъ ему сторонниковъ. Стоитъ только захотѣть, и нѣтъ ничего легче, какъ достигнуть такого результата, который тѣмъ самымъ послужитъ и къ усиленію консервативнаго элемента. Нынѣшніе либералы (по другимъ понятіямъ тоже, что радикалы и нигилисты) всегда рѣзко обособляли не отвѣтственнаго князя отъ отвѣтственнаго министерства, нападая на послѣднее, они продолжаютъ всегда и всюду высказывать самую преданную любовь и глубокое уваженіе къ своему государю. Строго держась на почвѣ конституціи, они готовы сдѣлать для князя всѣ тѣ уступки, которыя не потребуютъ отъ нихъ рѣзкаго отреченія отъ принципа ихъ партіи. Такъ, зная, что князь настаиваетъ на измѣненіи своего титула „свѣтлости“ на „высочество“,— Каравеловъ уже нѣсколько дней ломаетъ себѣ голову, чтобы найти способъ удовлетворить желаніе князя безъ явнаго нарушенія конституціи; онъ даже подсылалъ ко мнѣ, стороной, узнать, угодна ли будетъ государю императору эта перемѣна княжескаго титула; я отклонилъ отъ себя этотъ запросъ, но совѣтовалъ, по возможности, сдѣлать угодное князю.

Но если я считаю полезнымъ и желательнымъ для страны не отвергать соглашенія съ оппозиціею, то, съ другой стороны, признаю его возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда ее не будутъ раздражать напрасными уколами ея самолюбію. Такъ, напр., на обѣдъ, данный княземъ митрополитамъ, избраннымъ въ депутаты, нарочно не былъ приглашенъ бывшій экзархъ Анфимъ за то, что при принесеніи присяги въ собраніе, сказалъ, что обѣщаетъ строго охранять конституцію [1]). Это понято было за умышленное оскорбленіе конституціонной партіи и повело къ извѣстной контръ-демонстраціи въ со-

[1]) Т.-е. неприглашеніе на обѣдъ; П. П.

браніи, выразившейся привѣтственными кликами въ честь престарѣлаго Анфима, когда имя его провозглашено было въ числѣ избранныхъ депутатовъ.

Представленная мною, вполнѣ откровенно, оцѣнка современнаго политическаго кризиса служила мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и руководствомъ въ исполненіи порученной мнѣ здѣсь задачи. Я былъ бы счастливъ получить отъ вашего сіятельства указаніе о томъ, въ какой мѣрѣ мой взглядъ на совершающіяся здѣсь событія и образъ дѣйствій отвѣчаютъ волѣ августѣйшаго государя.

А. Шепелевъ.

Вслѣдствіе путешествія государя письмо это дошло по назначенію только 14 ноября, одновременно съ слѣдовавшими за нимъ телеграммами.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки В. А. Инсарскаго.

X [1]).

Дуэль князя съ Да—вымъ. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ нашемъ кружкѣ и вообще въ Петербургѣ.—Подробности дуэли.—Впечатлѣніе, произведенное дуэлью князя на Кавказѣ.—Переѣздъ мой въ Павловскъ.—Возвращеніе Барятинскаго.—Графъ Мусинъ-Пушкинъ гофмаршалъ двора.

Надо прежде замѣтить, что вся романическая исторія князя съ Л. Д—ою, начало и темное продолженіе ея не только не находила сочувствія въ нашемъ кружкѣ, но даже подверглась положительному порицанію. Одни изъ насъ порицали ее въ томъ отношеніи, что князь, такъ высоко поставленный, обязанный уже своимъ положеніемъ служить примѣромъ нравственныхъ дѣлъ, дурно сдѣлалъ, что далъ безнравственный примѣръ; другіе находили, что князь дурно дѣлаетъ, пускаясь, въ санѣ фельдмаршала, въ подвиги, свойственные прапорщикамъ; третьи, наконецъ, порицали князя за то, что послѣ великолѣпныхъ и возвышенныхъ любовныхъ похожденій, князь связался съ грузинкой, у которой безчисленныя толпы родни въ краѣ, ввѣренномъ ему, какъ намѣстнику царя, въ управленіе. Однимъ словомъ, было много порицающихъ толковъ. Но, съ другой стороны, принималось во вниманіе всѣмъ извѣстное непостоянство князя во всѣхъ его привязанностяхъ и способность быстро охлаждаться при самыхъ, повидимому, горячихъ увлеченіяхъ. Если онъ не затруднился покинуть свою многолѣтнюю подругу, красавицу А. М—ю, то весьма естественно было предполагать, что еще съ бо́льшею легкостью онъ оставитъ и Да—ву, не имѣвшую еще и времени отличиться продолжительностью службы...

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1906 г.

Среди этихъ-то разнообразныхъ толковъ, мнѣній, ожиданій—орсиніевскою бомбой упала среди Петербурга вѣсть, что князь дрался на дуэли съ Да—ымъ.

Я живо помню, какъ въ одно прекрасное утро вошелъ ко мнѣ умный князь Георгій Мухранскій и, весь блѣдный, сообщилъ первый мнѣ извѣстіе о дуэли князя Барятинскаго съ Да—вымъ, то и на меня она не могла не произвести тогда сильнаго впечатлѣнія. Порицанія наши усилились. Обстоятельство это окончательно показало намъ, что намѣстникъ царскій, генералъ-фельдмаршалъ, блистательный князь Барятинскій, положительно превратился въ прапорщика и, какъ прапорщикъ, стрѣляется предъ лицомъ Европы и цѣлой Россіи за женщину. Вѣсть эта взволновала не только нашъ кружокъ, но весь Петербургъ. Поднялись толки ужасающихъ размѣровъ, и нѣтъ сомнѣнія, что высокіе враги князя не замедлили воспользоваться. Къ величайшему счастью, добрый государь, какъ тогда извѣстно было, не только не отнесся враждебно къ этому событію, вслѣдъ общественному мнѣнію, но какъ-то взглянулъ даже на него благосклонно, какъ-то со стороны рыцарства или военной чести, или чего-то въ этомъ родѣ.

Въ то время я зналъ, по различнымъ свѣдѣніямъ и разсказамъ, всѣ подробности этой дуэли; теперь же съ трудомъ ихъ припоминаю. Кажется, дѣло было такъ: Да—овъ получилъ отъ князя чрезвычайно рѣзкій отвѣтъ на какое-то письмо его, относительно своей жены, и едва-ли не тотъ именно отвѣтъ, о которомъ я упоминалъ, обозрѣвая Дрезденскія наши похожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что Да—въ спокойно проглотилъ бы и этотъ отвѣтъ, точно такъ же, какъ онъ глоталъ несравненно горчайшія пилюли, которыми князь, почти постоянно, угощалъ его; но на этотъ разъ онъ окруженъ былъ своими знатными родными французами, въ числѣ которыхъ былъ какой-то, особенно горячій, Граммонъ. По настоянію этихъ родныхъ и, вѣроятно, противъ своей воли, Да—овъ вынужденъ былъ сдѣлать князю вызовъ, который и былъ принятъ. Мѣстомъ дуэли выбранъ былъ Страсбургъ, находившійся въ одинаковомъ разстояніи отъ Парижа, гдѣ находился Да—въ, и того мѣста, гдѣ продолжалъ князь свое лѣченіе. Въ назначенное время противники съѣхались тамъ. Да—въ пріѣхалъ съ двумя секундантами изъ своихъ родныхъ. Князь пріѣхалъ съ однимъ Зиновьевымъ, вслѣдствіе чего они должны были поймать на улицѣ какого-то чужого полковника, въ качествѣ втораго секунданта. Потомъ враги стали на указанныя мѣста. Такъ какъ князь, съ своей больной ногой, не могъ обходиться безъ помощи палки, то онъ требовалъ настоятельно, чтобы и Да—въ, для уравненія шансовъ, тоже подперся палкой. Князь, разумѣется, стрѣлялъ первый, потомъ стрѣлялъ Да—въ. Результатъ ихъ стрѣлянія вышелъ самый паскудный. Оба промахнулись,

оба остались цѣлы и невредимы, и оба, въ тотъ же день, преблагополучно разъѣхались, по своимъ мѣстамъ. Прибавляютъ, что послѣ дуэли Да—въ бросился обнимать князя, вѣроятно, отъ радости, что вышелъ цѣлъ изъ этого тяжкаго испытанія. Прибавляютъ также, что среди французской арміи поступокъ князя, т. е. рѣшимость его, несмотря на высокое его званіе, драться съ простымъ офицеромъ, да еще бывшимъ своимъ подчиненнымъ, заслужилъ сильное одобреніе. Здѣсь тоже находились господа, которые утверждали, что князь молодецъ!

Во всякомъ случаѣ, Петербургъ если и можетъ взволноваться чѣмъ-нибудь, то на самое короткое время. Какъ глубокое море, послѣ шквала,—онъ опять становится спокойнымъ. Трудно даже и представить себѣ такое событіе, которое способно было бы оставить въ немъ рѣзкіе слѣды или заставить говорить о себѣ болѣе трехъ, много пяти дней. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, обреченный странною судьбою участвовать въ погребеніи императора Николая, я былъ истинно пораженъ, когда въ самый день смерти этого великаго царя и человѣка, высшіе наши чины и царедворцы, нисколько не останавливаясь на значеніи этой утраты для Россіи, метались изъ стороны въ сторону, чтобы попасть на дежурство къ гробу во время панихиды, т. е. во время присутствія императорской фамиліи и представить свою физіономію благоусмотрѣнію новаго царя, или помѣститься въ какой-нибудь церемоніи на болѣе видное мѣсто, чтобы толпа видѣла,—какой, дескать, я знатный господинъ! Едва-ли не въ этотъ моментъ зародилось у меня, на бѣду мою, презрѣніе къ человѣчеству и глубокое убѣжденіе, что только одно слѣпое самолюбіе могло увѣрить его, что оно—вѣнецъ творенія, царь природы и т. п., тогда какъ въ сущности оно не что иное, какъ особая порода животныхъ, и еще значительно погрязнѣе, чѣмъ многія другія породы.

Вся задача жизни этихъ царей природы: побрякушки! Чѣмъ болѣе побрякушекъ,—тѣмъ болѣе царь природы выше носъ деретъ! Приливъ этого новаго и горестнаго сознанія я также не замедлилъ выразить на дѣлѣ, насколько хватило силъ и, какъ я говорилъ уже въ своемъ мѣстѣ, безъ церемоніи удалялъ изъ рабочей комнаты, отведенной мнѣ во дворцѣ, толпы генералъ-адъютантовъ, разныхъ царедворцевъ, носящихъ званіе шталмейстеровъ и гофмейстеровъ и вообще, такъ называемыхъ, знатныхъ лицъ.

Петербургъ о дуэли сначала прошумѣлъ, а потомъ и забылъ. Въ нашемъ маленькомъ петербургско-кавказскомъ кружкѣ эта ухарская исторія произвела самое неблагопріятное впечатлѣніе. Такое же впечатлѣніе произвела она и на мѣстѣ, т. е. на Кавказѣ. Я говорилъ, какимъ обяніемъ окружена была тамъ персона намѣстника. По понятіямъ этой страны, еще довольно азіатскимъ, намѣстникъ могъ

убить кого ему вздумается, и такое распоряженіе признано было бы вполнѣ естественнымъ, правильнымъ и законнымъ, — на то онъ и намѣстникъ! но драться съ бывшимъ своимъ подчиненнымъ — этого кавказецъ не понималъ, а если понималъ, то рѣшительно въ другую сторону. Кромѣ того, извѣстно, что въ азіатскомъ мірѣ вообще женщина не пользуется большимъ почетомъ и если перестала быть чѣмъ-то въ родѣ товара, вещи или рабочей силы, то далеко еще не достигла той равноправности, о которой такъ хлопочутъ европейскія женщины. Поэтому кавказецъ скорѣе бы помирился, если бы дуэль была изъ мести, изъ оскорбленія; но дуэль за женщину, да еще за женщину замужнюю, да еще опять-таки не царицу или царевну какую-нибудь, а просто за жену офицера, похищенную у него, — не могла умѣститься въ его понятіяхъ. Однимъ словомъ, нравственное значеніе этого событія должно было подѣйствовать на страну дурно. Наконецъ, героиня этой романтической исторіи была изъ рода князей Орбеліановъ, который развѣтвляется на безконечныя отрасли и враждовалъ не только съ другими родами, какъ, напр., князей Мухранскихъ, но и внутри самого себя, посредствомъ различныхъ отраслей. Такимъ образомъ, предполагаемое и ожидаемое заключеніе этой исторіи посредствомъ законнаго брака князя обѣщало разомъ породнить его съ безконечнымъ и многочисленнымъ родомъ всевозможныхъ Орбеліановъ и въ то же время поставить въ непріязненныя отношенія къ нему, во-первыхъ, всѣ другіе роды, враждовавшіе отъ сотворенія міра съ родомъ Орбеліановъ, а во-вторыхъ, отрасли этого самаго рода, враждовавшія съ тою отраслью, къ которой принадлежала Д—ва. Все это вело къ тому заключенію, что возвращеніе князя, при такихъ сложныхъ условіяхъ, на Кавказъ, просто невозможно и что онъ, уронивъ свое значеніе въ странѣ, значительно попортилъ свое блестящее положеніе.

Едва-ли нужно говорить, какъ полезна была эта продѣлка для петербургскихъ благопріятелей князя, если туповатыхъ и мало полезныхъ для государственныхъ дѣлъ, то удивительно тонкихъ и искусныхъ въ царедворскихъ интригахъ и необыкновенно ловкихъ подставлять благопріятелю ногу такимъ образомъ, чтобъ онъ непремѣнно упалъ... Петербургскій кружокъ съ грустью разсматривалъ и перевертывалъ на всѣ стороны этотъ вопросъ... Находились, однако, господа, которые рѣшительно утверждали, что все это вздоръ и что какъ только князь возвратится—и въ Петербургѣ и въ Тифлисѣ попрежнему начнутъ стучать объ полъ головами предъ нимъ... Оставалось предоставить времени рѣшить, кто правъ: большинство ли нашего кружка, недовѣрчиво и мрачно смотрѣвшее на будущее—или эти рѣшительные господа?

Между тѣмъ наступала весна и мнѣ надобно было подумать: гдѣ провести лѣто? Кочевое мое положеніе, со всѣмъ моимъ семействомъ, было столько же разорительно, сколько и непріятно, и надоѣло мнѣ въ высшей степени. Вопросъ о томъ, гдѣ нанять дачу—былъ переданъ на обсужденіе моихъ друзей и пріятелей и, по обыкновенію, при изслѣдованіи и рѣшеніи его, явилось множество разнородныхъ мнѣній. Большинство было, однако жъ, въ пользу Павловска, гдѣ знаменитый Страусъ, по-прежнему, обѣщалъ подпрыгивать на своей капельмейстерской эстрадѣ, по-прежнему наполнять павловскій паркъ кадрилями и польками и по-прежнему плѣнять своею музыкою и своею маленькою фигурою престарѣлыхъ дѣвъ и развратныхъ барынь. Въ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ дней, которые иногда выдаются въ Петербургѣ, ясный, свѣтлый и истинно весенній, я отправился въ Павловскъ и скоро плѣнился коварнымъ уединеніемъ одной довольно помѣстительной и меблированной дачи. Дача эта стояла на дорогѣ между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ, окружена была старыми деревьями и принадлежала одной старой дѣвѣ, Романовой, которая при переговорахъ и наемной платѣ старалась содрать съ меня побольше, по тому особенно уваженію, что она, какъ сама объявила, выходитъ замужъ. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листья деревъ, рисовали на обширномъ зеленомъ полотнѣ, гдѣ стояла дача, роскошные узоры и дѣйствительно придавали этому жилищу поэтическій видъ.

Увы! этотъ поэтическій видъ она и имѣла только въ тотъ моментъ, когда я ее нанималъ. Когда я съ семействомъ поселился тамъ, вся поэзія пропала. Прежде всего оказалось, что дача стоитъ на самой сырой точкѣ всего Павловска. Лѣто началось дождливѣйшее, и многіе сторожилы утверждали, что такого и не припомнятъ. Тѣ громадныя деревья, которыя, окружая дачу, особенно плѣнили меня, сдѣлались рѣшительно моими врагами. Въ то время, когда переставалъ дождь, проглядывало солнце, и дачи, стоявшія на открытыхъ мѣстахъ, успѣвали сколько-нибудь обсохнуть, огромныя деревья, закрывавшія нашу дачу, сохраняли сырость, въ которой она пребывала неприкосновенною. Я говорилъ уже выше, что сырость самый злѣйшій мой непріятель и непріятель, всегда и неотразимо побѣждающій меня. Тамъ, гдѣ сырость, я рѣшительно уничтожаюсь: желтѣю, теряю хорошее расположеніе духа, однимъ словомъ, хирѣю самымъ отвратительнымъ образомъ. Понятно, что одного этого обстоятельства было достаточно, чтобъ отравить мое лѣтнее пребываніе въ Павловскѣ до крайней степени, такъ что даже самъ плѣнительный Страусъ съ своими польками, галопами, кадрилями и подпрыгиваньемъ, восхищавшимъ старыхъ дѣвъ и развратныхъ барынь,

опротивѣлъ мнѣ хуже горькой рѣдьки. Вообще объ этомъ лѣтѣ непріятно, вспомнить тѣмъ болѣе, что, кромѣ моего личнаго хирѣнья, въ моемъ семействѣ являлись почти безпрерывно другія болѣзни и время у насъ проходило большею частію въ постоянныхъ сношеніяхъ съ докторами и аптеками. Ничего рельефнаго, замѣчательнаго я рѣшительно не могу припомнить за этотъ періодъ, если не считать новаго проявленія опять таки признаковъ глупости человѣчества. Именно 9 іюля явились предо мною два громаднѣйшіе изъ этихъ признаковъ, въ видѣ двухъ нелѣпѣйшихъ свадебъ, на которыхъ я долженъ былъ лично не только присутствовать, но и дѣйствовать.

Гдѣ-то и когда-то я говорилъ уже о пріятелѣ моихъ молодыхъ лѣтъ—Титовѣ, въ которомъ замѣчательнымъ образомъ соединялись страсти къ кутежамъ и величайшая прирожденная даровитость. Увлекаясь кутежами, онъ получилъ нѣсколько ударовъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, особенныхъ послѣдствій; увлекаясь надеждами на свою даровитость, онъ потерялъ мѣсто пермскаго вице-губернатора. Титовъ струсилъ и сконфузился и въ этомъ незавидномъ положеніи тянулъ невеселое существованіе въ Петербургѣ дотолѣ, пока мнѣ не удалось пристроить его въ Тифлисѣ, гдѣ онъ и доселѣ достославно процвѣтаетъ. Стѣсняемый до крайности въ средствахъ, онъ вынужденъ былъ проживать и питаться въ томъ довольно обширномъ мірѣ, который образуютъ разныя нѣмки, снимающія у домохозяевъ квартиры и раздающія ихъ по мелочамъ мелкимъ чиновникамъ и другимъ личностямъ съ легкими карманами, кухмистеры, предлагающіе этимъ же личностямъ дешевые табльдоты и т. п. Именно въ этомъ мірѣ умный и даровитый Титовъ успѣлъ открыть какую-то прощалыгу, въ видѣ сорокалѣтней дѣвы, убѣжавшей отъ своей матери и шатавшейся тоже по кухмистерамъ, возгорѣлъ къ ней пламенемъ страсти и, что́ всего хуже, предложилъ ей руку и сердце. Когда я узналъ объ этомъ—дѣло было кончено и разрушить этого глупѣйшаго изъ всевозможныхъ союзовъ было уже невозможно. 9 іюля назначена была свадьба, и я долженъ былъ исполнять роль посаженаго отца Титова. Исполнивъ съ достоинствомъ эту роль, я долженъ былъ въ тотъ же день возвратиться изъ города въ Павловскъ, чтобы присутствовать на другомъ свадебномъ пирѣ у своей хозяйки, тоже, несмотря на свои преклонныя лѣта, вышедшей за своего обожателя.

Обожателемъ этимъ явился какой-то старый, сѣдой, военный докторъ съ солдатскими манерами, ясно говорившими, что этотъ господинъ прошелъ огонь и воду и мѣдныя трубы. Если въ бракѣ Титова ни съ той, ни съ другой стороны, при обоюдной нищетѣ не могло существовать никакихъ разсчетовъ на какое-либо матеріальное

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совѣта
Профессіональныхъ Союзовъ.

обогащеніе, то здѣсь, напротивъ, эти разсчеты существовали на первомъ планѣ. У моей прелестной хозяйки, кромѣ Павловской дачи, матеріально зримой, былъ еще какой-то громадный, по ея удостовѣрѣнію процессъ, который рано или поздно долженъ былъ обогатить ее. По всѣмъ признакамъ сѣдовласый женихъ, соединяя въ своемъ умѣ зримое и незримое, разсчитывалъ пристроиться, на старости лѣтъ, комфортабельно, прилѣпившись, по слову апостола, къ женѣ своей. Съ другой стороны и престарѣлая невѣста, въ какихъ бы громадныхъ размѣрахъ ни предположить въ ней женскую никогда не угасающую страсть выйти замужъ, едва-ли нашла бы достаточными въ своемъ женихѣ одни личныя свойства его, крайне непривлекательныя, если бы тоже не предполагала совершенно естественнымъ, что такой тертый калачъ, по всей вѣроятности, успѣлъ сколотить порядочную копѣйку на черный день. Все это подтверждалось тѣми оживленными спорами, которые завязались между этою парою на парадномъ обѣдѣ, данномъ мною обѣимъ сочетавшимся парамъ, по вопросу о томъ: въ чьихъ рукахъ должно находиться общее достояніе: мужа или жены? Каждый тянулъ въ свою сторону, и соглашенія не послѣдовало.

Послѣдствія, какихъ на здоровые глаза можно было ожидать отъ этихъ нелѣпыхъ браковъ, не замедлили обнаружиться. Посѣтивъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ въ послѣдній разъ Кавказъ, куда еще прежде перебрался Титовъ, я былъ свидѣтелемъ, какъ страдалъ умный Титовъ подъ гнетомъ глупостей, претензій, капризовъ и разныхъ нелѣпостей, которыя выдѣлывала его благовѣрная, и даже долженъ былъ принимать участіе, конечно, безплодное въ устройствѣ ихъ супружескаго благоденствія. Потомъ, возвратившись въ Петербургъ, я узналъ безъ удивленія, что Павловская парочка перегрызлась на взаимныхъ разсчетахъ и обманутыхъ надеждахъ и разошлась.

Между тѣмъ въ то время, когда эти двѣ пары налагали на себя брачныя оковы, вопреки всѣмъ законамъ благоразумія, въ Царскомъ Селѣ, именно въ то лѣто, о которомъ говорю, совершилась драма, имѣвшая совершенно противоположный характеръ, драма, въ которой сбрасывались эти оковы съ пожертвованіемъ жизни. О Г—чѣ, помощникѣ Буткова по кавказскому комитету, я тоже говорилъ уже въ моихъ запискахъ. Дѣло въ томъ, что онъ тоже былъ женатъ; но какъ и гдѣ я, рѣшительно не знаю. Жена его, по отзыву нѣкоторыхъ, нѣкогда прелестная дѣвушка, была уже довольно жалкимъ созданіемъ въ то время, когда, по отношеніямъ моимъ къ Г—чу, узналъ ее. Весьма бѣдная наружностью, видимо загнанная мужемъ, она проявляла въ своихъ манерахъ, въ своихъ разговорахъ, что-то

порывистое, нервное. Я видѣлъ ее нѣсколько разъ и замѣтилъ, что она любила со мной говорить. Говорунья она была страшная! Предъ наступленіемъ весны стало извѣстно, что она не совсѣмъ здорова. Потомъ съ наступленіемъ весны стало извѣстно, что мужъ переселилъ ее въ Царское Село, куда и самъ пріѣзжалъ по праздникамъ. Однажды вечеромъ одинъ общій нашъ пріятель, жившій въ Павловскѣ, заѣзжаетъ ко мнѣ и объявляетъ, что жена Г—ча утопилась! Вмѣстѣ съ нимъ мы бросились въ Царское и застали панихиду по только-что вынутой изъ бассейна насчастной женщинѣ. Событіе это произошло, по словамъ самого Г—ча, слѣдующимъ образомъ: первое состояніе жены его, еще въ городѣ, достигло такого крайняго разстройства, что, по совѣту докторовъ, признано было нужнымъ переселить ее въ Царское Село, въ надеждѣ на лучшій климатъ, на чистый воздухъ. Въ Царскомъ Селѣ она была помѣщена въ семействѣ одного изъ родственниковъ Г—ча и окружена была всевозможными попеченіями. Несмотря, однако жъ, на все это, дѣло не только не улучшалось, а шло все хуже и хуже, нервные припадки, по словамъ Г—ча, самаго ужаснаго свойства, увеличивались, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась въ ней тоска и ненависть къ жизни. Стали замѣчать попытки къ самоубійству и, разумѣется, приняты были всѣ противудѣйствующія мѣры. Наконецъ, страдалица возненавидѣла Царское Село и стала требовать, чтобы ее перевезли опять въ городъ. Назначенъ былъ день для этого переѣзда, приготовлены экипажи, а хозяинъ, т. е. родственникъ Г—ча, далъ прощальный обѣдъ. Когда кончился этотъ обѣдъ и стало приближаться время отъѣзда, жена Г—ча взяла мужа подъ руку и объявила ему, что она чувствуетъ извѣстную надобность, а такъ какъ исполнить ее въ комнатахъ, гдѣ было много гостей, неудобно, то она и просила его свести ее для этого въ садъ. Ничего не подозрѣвая, Г—чъ спустился съ ней изъ втораго этажа во дворъ, перешелъ его и приблизился вмѣстѣ съ нею ко входу въ садъ. Тутъ она сказала, чтобы онъ возвратился въ комнаты и прислалъ ей горничную. Г—чъ спокойно вернулся и послалъ женѣ ея горничную. Когда горничная вошла въ садъ, она издали увидѣла или услышала, что барыня барахтается въ бассейнѣ... Испуганная, съ страшными визгами, она побѣжала въ комнаты и объявила объ ужасномъ происшествіи. Когда всѣ сбѣжались къ бассейну—погибшая страдалица покойно уже лежала на днѣ его. Началась исторія вытаскиванія, которая и кончилась только-что предъ нашимъ пріѣздомъ.

Когда мы вошли въ садъ, утопленица лежала въ деревянной бесѣдкѣ, на длинномъ столѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ мокрыми распущенными волосами и исцарапаннымъ лицомъ. Панихида только-что

началась. Г—чъ стоялъ спокойно и безъ слезъ. Когда онъ увидалъ меня, мы заключили другъ друга въ объятія, и если тутъ явилось проявленіе глубокаго чувства, то, конечно, не съ его стороны. Г—чу, конечно, не было никакого интереса разсказывать, откуда и изъ какихъ началъ развились болѣзненные припадки въ его женѣ, заставившіе ее такъ рѣшительно разстаться съ жизнью. Между тѣмъ, злые языки утверждаютъ, что все это произошло отъ его сухости, необъятнаго эгоизма и страшнаго давленія его деспотизма надъ этой женщиной. Что у нихъ не существовало, такъ называемаго, супружескаго счастія—это доказывается собственными его словами. Когда онъ вторично собирался жениться и выслушивалъ мои добрыя пожеланія, онъ сказалъ, между прочимъ, обращаясь къ прошедшему: „да, десять лѣтъ я несъ тяжелый крестъ!“ Тѣ же злые языки замѣчаютъ, что этотъ тяжелый крестъ несъ не онъ, а жена его, которая именно и погибла отъ того, что не могла больше нести его.

Сосредоточивая всѣ свои мысли и ожиданія на князѣ Александрѣ Ивановичѣ, я, весьма естественно, старался слѣдить внимательно за всѣми извѣстіями, до него относящимися. Среди лѣта стали распространяться свѣдѣнія о предстоящемъ прибытіи его въ августѣ въ Петербургъ. Свѣдѣнія эти принимали большую и большую силу вѣроятія. Наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Царскосельскомъ дворцѣ приготовлены уже комнаты для его помѣщенія, которыя я и не замедлилъ обозрѣть во всей подробности. Все, что было кавказскаго въ Петербургѣ, зашевелилось и принимало оживленный видъ. Многіе изъ кавказскихъ личностей въ справедливомъ предчувствіи, что я опять присоединюсь къ князю съ прежнимъ своимъ значеніемъ, стали усердно посѣщать мою дачу. Потомъ явился Харитоновъ, искавшій за границей капиталовъ для Кавказской желѣзной дороги, и, послѣ личнаго доклада князю о неудачныхъ результатахъ своихъ поисковъ, присланный имъ сюда впередъ для нѣкоторыхъ предварительныхъ распоряженій. Въ числѣ этихъ распоряженій былъ и отводъ для меня помѣщенія, по-прежнему, въ извѣстномъ циркулѣ Царскосельскаго дворца.

Днемъ пріѣзда князя, если не ошибаюсь, было назначено 26-е августа, т. е. день коронаціи. Съ утра уже пошла значительная суетня между всѣми, до которыхъ касалось это событіе, хотя поѣздъ желѣзной дороги, съ которымъ слѣдовалъ князь, долженъ былъ придти вечеромъ. Съ приближеніемъ извѣстнаго часа, мы съ Харитоновымъ, облеченные въ парадную форму, отправились на Царскосельскую станцію Варшавской желѣзной дороги. Вечеръ былъ темный, сырой и холодный. Станція горѣла огнями. Когда мы вошли въ парадныя комнаты, мы нашли тамъ нѣкоторую толпу ожидающихъ, впрочемъ,

очень незначительную. Тутъ были нѣкоторые изъ родныхъ князя— Барятинскіе, Давыдовы и нѣкоторые изъ бывшихъ и настоящихъ кавказцевъ. Во главѣ этой толпы находился Д. А. Милютинъ. У меня тотчасъ явилась мысль, что бѣдность встрѣчи не можетъ не произвести на князя, привыкшаго къ прежнимъ тріумфальнымъ въѣздамъ своимъ сюда, нѣкотораго невыгоднаго впечатлѣнія. И дѣйствительно, самымъ лучшимъ доказательствомъ, что толпа встрѣчающихъ была незначительна, служитъ то, что самъ князь, на другой день, высказывалъ мнѣ свое удивленіе относительно ея „многочисленности“. Я говорилъ уже, что у него было какое-то наивное правило маскировать такимъ, на его только глаза, искуснымъ образомъ всѣ слабыя мѣста. Когда, при содѣйствіи свистковъ и огней, летящій поѣздъ сталъ виденъ, всѣ мы вышли на платформу и вытянулись въ струнку. Сдержанный поѣздъ, пропыхтѣвъ нѣсколько разъ, остановился: всѣ бросились къ вагону, въ которомъ находился князь.

Привѣтствовавъ толпу нѣсколькими словами, онъ тяжело, съ прихрамываньемъ, вышелъ изъ вагона и тутъ же на платформѣ со всѣми перецѣловался, и потомъ, опираясь на палку, медленно поплелся къ экипажамъ, которые его ожидали. Видъ князя, сколько можно было замѣтить при невѣрномъ освѣщеніи огней, былъ нехорошъ и отражалъ въ себѣ что-то скучное, болѣзненное. Само собою разумѣется, что вслѣдъ за княземъ ринулась къ экипажамъ и вся толпа, и направилась въ дворцовое его помѣщеніе. Комнаты князя были ярко освѣщены и обставлены всѣмъ дворцовымъ великолѣпіемъ. Князь прошелъ въ свой кабинетъ, пригласивъ туда съ собою Милютина и еще кого-то изъ наиболѣе капитальныхъ личностей; толпа осталась въ первой комнатѣ, которой предназначено было играть роль пріемной или дежурной. Едва только начала, по обыкновенію, жужжать эта толпа, какъ должна была смолкнуть, потому что по корридору, ведущему къ помѣщенію князя, раздались шаги государя, и нѣсколько придворныхъ личностей, съ какимъ-то оторопѣлымъ выраженіемъ, крикнули на насъ: „Государь! Государь!“... Вслѣдъ затѣмъ величественно вошелъ государь, поклонился намъ и, встрѣченный княземъ, вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ его комнату. Бесѣда ихъ, однако, продолжалась недолго, потому что у государя въ этотъ день былъ, вѣроятно, по случаю коронаціи, какой-то вечеръ, который онъ оставилъ собственно для того, чтобы повидаться съ княземъ. Выходя изъ помѣщенія князя, государь былъ очень веселъ, медленно прошелъ по нашей комнатѣ, разсматривалъ отдѣльно наши личности и любезно отвѣчалъ на наши почтительные поклоны. Князь провожалъ государя до самыхъ дверей.

Проводивъ государя, князь остановился въ нашей комнатѣ, пого-

зорилъ нѣсколько минутъ съ нами гуртомъ и въ частности и потомъ отпустилъ насъ, ссылаясь на собственное утомленіе отъ дороги. Отпуская меня, онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ: „а мы съ вами опять поработаемъ“.

При лучшемъ освѣщеніи въ комнатахъ князя, я пристально смотрѣлъ на него, привыкнувъ читать на лицѣ его внутреннія его ощущенія, и опять остался недоволенъ его внѣшнимъ видомъ, въ которомъ всего замѣтнѣе было отсутствіе обычной его величавой самоувѣренности; видно было, что у него есть что-то на душѣ, томящее, несовсѣмъ пріятное и стѣсняющее. Относилось ли оно къ прошедшимъ какимъ-нибудь обстоятельствамъ, напр., къ неудачному вмѣшательству его въ политическія дѣла или къ будущимъ планамъ князя, разумѣется, это одному Богу да ему самому было извѣстно; но что дѣйствительно, при появленіи въ этотъ разъ въ Петербургѣ, князь испытывалъ неспокойное состояніе, это подтвердилось всѣми послѣдующими его дѣйствіями, которыя отличались странною неопредѣленностью и колебаніемъ дотолѣ, пока не заключились окончательнымъ разрывомъ его съ Кавказомъ. Какъ бы то ни было, и я возвратился въ этотъ вечеръ на свою Павловскую дачу въ весьма нехорошемъ расположеніи духа; встрѣча князя почему-то не принесла мнѣ тѣхъ радостей, на которыя я разсчитывалъ.

На другой день я долженъ былъ перебраться въ Царское Село въ отведенное мнѣ въ циркулѣ помѣщеніе. Помѣщеніе это хотя далеко не было такъ роскошно, какъ петергофское, которое я нѣкогда занималъ, тѣмъ не менѣе обставлено было тоже богато и комфортабельно въ высшей степени. Мое помѣщеніе было рядомъ съ помѣщеніемъ Харитонова. Начать съ того, что въ нашемъ распоряженіи, или, лучше сказать, въ распоряженіи нашихъ камердинеровъ, была бездна народу, въ качествѣ истопниковъ и другихъ служителей. Малѣйшее наше желаніе исполнялось мгновенно. Часть продовольствія отличалась величайшимъ великолѣпіемъ. Этого мало, что мы сами роскошно обѣдали и ужинали, постоянно съ конфектами и шампанскимъ, мы могли приглашать и угощать кого хотѣли. Какъ и въ Петергофѣ, мы большею частью обѣдали за однимъ столомъ, къ которому и приглашали всѣхъ заѣзжающихъ изъ Петербурга. Случалось нерѣдко такъ, что товарищи уѣдутъ въ городъ, а пріѣзжающихъ оттуда никого нѣтъ, и потому садится за столъ, приготовленный для многихъ, одинъ. Просто совѣстно было видѣть, что мнѣ одному служитъ нѣсколько человѣкъ, мнѣ одному подаютъ громаднѣйшія блюда и за каждымъ изъ нихъ откупориваютъ бутылки дорогаго вина. Отъ каждаго изъ насъ зависѣло обѣдать и отдѣльно въ своихъ комнатахъ и приглашать къ обѣду своихъ интимныхъ знакомыхъ. Непостижи-

мымъ казалось, какъ все это дѣлается и откуда все это берется? Ясно было одно, что при такихъ распорядкахъ должны были существовать величайшія злоупотребленія со стороны придворной челяди всевозможныхъ разрядовъ и наименованій. Вотъ черта, подтверждающая это, само по себѣ несомнѣнное предположеніе. Мнѣ показалось какъ-то, что комнаты, занимаемыя мною и Харитоновымъ, сыры, и я, такой записной трусъ всякой сырости, высказалъ мысль о переходѣ въ другое помѣщеніе, куда-то въ Лицей, гдѣ жили нѣкоторые изъ нашихъ товарищей. Мысль эта сдѣлалась извѣстна челяди, насъ окружающей, и, Боже мой, какимъ волненіямъ предалась она! Во всемъ составѣ она явилась ко мнѣ просить меня не переходить, увѣрять, что никакой сырости здѣсь нѣтъ и что тамъ гораздо сырѣе, обѣщать, что наши комнаты будутъ тщательнѣе протапливаемы и освѣжаемы и т. п. Я не понималъ сначала, почему ей такъ нужно, чтобъ я жилъ здѣсь, а не тамъ. Разъясненіе этого вопроса сдѣлалось совершенно понятнымъ, когда камердинеръ мой сказалъ мнѣ, что при тѣхъ комнатахъ, куда я хотѣлъ перейти, будетъ служить другая челядь, собственно при нихъ находящаяся, и что челядь, намъ теперь услуживающая, останется ни при чемъ... Сюда же относится и слѣдующій фактъ. Одинъ изъ моихъ товарищей, Пиленко, человѣкъ съ неудержимымъ стремленіемъ все разнюхивать и изслѣдовать, узналъ и высчиталъ, что къ столу князя ежедневно отпускается или считается отпущеннымъ разныхъ винъ на 250 р., тогда какъ, конечно, онъ не выпиваетъ и на 25 р. Самъ князь, такъ хорошо знавшій и критиковавшій дворцовыя злоупотребленія, ужаснулся этому факту, когда онъ сдѣлался ему извѣстенъ.

Когда мнѣ приходится быть во дворцѣ, мнѣ и доселѣ кланяются многія улыбающіяся физіономіи тѣхъ лакеевъ, которые, вѣроятно, порядкомъ пощетились около меня. Съ моимъ камердинеромъ многіе изъ нихъ и доселѣ продолжаютъ дружескую пріязнь. Когда я, однажды, спросилъ его: по-прежнему ли воруютъ его пріятели?—онъ истинно возрадовалъ меня слѣдующимъ отвѣтомъ: „нѣтъ, прошли прежнія времена! Такъ сдѣлалось на все строго, что страсть. Все усчитываютъ до копѣйки. Всѣ служителя ужасно жалуются!“. И слава Богу, что они жалуются, подумалъ я про себя. Дѣйствительно ли все перемѣнилось и стало на болѣе экономную ногу, при нашемъ, ужъ черезчуръ роскошномъ дворѣ, я, конечно, убѣдиться положительно не имѣлъ ни случая, ни возможности; но нисколько не считаю невѣроятнымъ, что въ придворныхъ хозяйственныхъ расходахъ могли послѣдовать значительныя сокращенія, и вотъ почему.

Въ числѣ многоразличныхъ моихъ наблюденій надъ треволненіями житейскаго моря, я много разъ замѣчалъ, что человѣкъ, повидимому, пустой во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ оказывался безцѣннымъ въ

какой-нибудь отрасли человѣческой дѣятельности. Когда процвѣтало наше общество посѣщенія бѣдныхъ, изъ числа членовъ его считался пустѣйшимъ изъ пустыхъ графъ А. И. М.-П., въ то время еще молодой человѣкъ. Онъ страшно суетился, всѣмъ надоѣдалъ и постоянно просилъ порученій.

Само собою разумѣется, что никакихъ серьезныхъ дѣлъ ему не поручали; но когда устраивалось какое-нибудь благотворительное предпріятіе—вродѣ театра, концерта, аллегри и т. п., графъ А. И. выдвигался на сцену и цѣлый день суетился и рыскалъ во всѣ концы, какъ угорѣлый. По правдѣ сказать, дѣятельность его въ этихъ случаяхъ была преимущественно курьерская; каждый изъ солидныхъ членовъ могъ его послать куда угодно и за чѣмъ угодно, онъ летѣлъ не только съ готовностью, но и съ убѣжденіемъ, что дѣлаетъ государственное дѣло. Если ему давался какой-нибудь постъ во время самаго вечера, въ который исполнялось предпріятіе, напримѣръ, отбирать входные билеты, вертѣть колесо, стоять у эстрады, по которой размѣщены всѣ выигрышныя вещи, онъ былъ счастливъ невыразимо и исполнялъ обязанности, сопряженныя съ его постомъ, съ такимъ достоинствомъ и усердіемъ, которому должны позавидовать всѣ тѣ, которые занимаютъ какіе-либо посты... Однимъ словомъ, онъ былъ, какъ говорится, „великимъ человѣкомъ на малыя дѣла“. Понятно, что, при такихъ свойствахъ и дарованіяхъ, онъ не могъ пріобрѣсти среди серьезныхъ и дѣльныхъ людей, составлявшихъ общество, большаго уваженія и эти люди, вообще, поглядывали на него какъ-то свысока и насмѣшливо.

Во время коронаціи этотъ господинъ добился камеръ-юнкерства, котораго добивался страшнѣйшимъ образомъ и которому радъ былъ невыразимо, что́ и высказалъ мнѣ лично тамъ же, въ Москвѣ. Особенно удивительнаго въ этомъ еще ничего не было. Каждый графъ есть уже прирожденный камеръ-юнкеръ. Удивительно было то, что спустя лѣтъ пять, не болѣе, когда въ свитѣ князя я поселился въ Петергофѣ, по возвращеніи изъ Дрездена, этотъ господинъ исправлялъ должность гофмаршала. Какъ это сдѣлалось, я хорошо не знаю. Я говорилъ уже, кажется, что князь Михаилъ Кочубей, втащенный въ званіе гофмаршала на дамскомъ шлейфѣ графини Тизенгаузенъ, недовольствуясь этимъ успѣхомъ, вздумалъ интриговать противъ стараго придворнаго воробья, графа Шувалова и сломилъ себѣ шею. Когда его удалили отъ двора, его мѣсто заступилъ нашъ М.-П. Для графа Шувалова такая личность соединяла всѣ необходимыя условія: во-первыхъ, ограниченность, исключающую всякую возможность интригъ, подобныхъ тѣмъ, на которыя позволилъ себѣ пуститься князь Кочубей, и, во-вторыхъ, суетливость и хлопотливость въ мелкихъ дѣлахъ,

столь пригодную въ придворномъ мірѣ, гдѣ едва-ли и есть крупныя дѣла. Какъ бы то ни было, графъ М.-П. и въ сію минуту не только процвѣтаетъ въ этомъ мірѣ, но, повидимому, сдѣлался уже тамъ весьма сильнымъ человѣкомъ, и я убѣжденъ, что если, дѣйствительно, въ придворныхъ расходахъ введена большая экономія, то этимъ дворъ обязанъ именно ему и никому другому. Онъ именно изъ тѣхъ людей, которые лучше и яснѣе всего понимаютъ цѣну денегъ и важность экономіи.

Когда я взгляну на жену какого-нибудь господина, то, по степени ея красоты, опредѣляю свойства самого господина. Если жена уродъ—значитъ, господинъ дрянь и скряга. Нѣсколько абонементовъ въ Итальянской оперѣ мнѣ доводилось сидѣть почти рядомъ съ ложею, занимаемою графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ. Безъ отвращенія я не могъ смотрѣть на его маленькую, безобразную, костлявую жену, урожденную графиню Кушелеву-Безбородко, дочь того графа Кушелева, который тоже былъ извѣстенъ своею глупостью и скупостью. Такимъ образомъ, не было ничего удивительнаго, что графъ Алексѣй Ивановичъ внесъ разсчетливость въ придворный міръ и разорилъ, такъ сказать, придворныхъ лакеевъ. Направленныя разъ къ извѣстной цѣли, эти господа не церемонятся уже; я самъ видѣлъ, какъ однажды, въ крещенскій праздникъ, графъ Алексѣй Ивановичъ немилосердно гналъ отъ столовъ, на которыхъ приготовленъ былъ обычный въ этотъ день завтракъ,—нѣкоторыхъ неопытныхъ и неосторожныхъ господъ, громогласно доказывая имъ, что они не имѣютъ права завтракать, и принуждая ихъ съ кусками во рту удалиться въ другую комнату. И тутъ же подумалъ: „молодецъ нашъ фля, фля!“ Кому неизвѣстно, что оскорбить человѣка безнаказанно нужно гораздо болѣе храбрости, нежели сразиться съ нимъ. Сразиться готовъ каждый порядочный человѣкъ, когда это нужно;—оскорбить могутъ рѣшительно только глупцы! Если графъ Алексѣй Ивановичъ не поколебался публично и торжественно защитить двѣ, три котлеты, подвергавшіяся неправильному съѣденію, то не трудно представить, съ какою энергіею защищаетъ онъ придворныя крохи отъ расхищенія придворными лакеями.

XI.

Вящшее пониженіе фондовъ князя Барятинскаго.—Пиленко, простой офицеръ, новый любимецъ князя.—Равнодушіе князя къ кавказскимъ дѣламъ.—Упроченіе общества возстановленія христіанства на Кавказѣ и устройство тамъ желѣзной дороги, единственные предметы его вниманія.—Дѣло Всеволожскихъ.—

Отсутствіе посѣтителей въ пріемной князя.—Равнодушіе къ нему министровъ и сановниковъ.—Замѣтное желаніе князя укрѣпиться въ Петербургѣ.—Отношенія князя къ двору.—Сильное впечатлѣніе, произведенное на князя тѣмъ, что государь не утвердилъ его доклада.—Колебаніе вопроса объ отъѣздѣ князя.—Начало болѣзней князя.—Печальная обстановка при нашемъ отъѣздѣ.

Послѣ этого обширнаго отступленія, я долженъ возвратиться къ нашему житью-бытью въ Царскомъ Селѣ въ этотъ періодъ. Возвращаюсь,—но неохотно. Весь этотъ періодъ представляется въ моихъ воспоминаніяхъ какимъ-то туманнымъ, сумрачнымъ, неопредѣленнымъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Хотя и не совсѣмъ кстати, но чтобы не забыть, я здѣсь же считаю нужнымъ сказать, что этотъ періодъ былъ еще слабѣе, сравнительно съ предъидущимъ, т. е. прибытіемъ князя изъ Дрездена, нежели тотъ, сравнительно, съ прибытіемъ князя съ Кавказа въ 1859 году. Въ этомъ году появленіе князя здѣсь было появленіемъ тріумфатора, покорителя страны, побѣдителя страшнаго врага, и почти каждый моментъ пребыванія его здѣсь исполненъ былъ величайшихъ почестей, какъ со стороны государя, такъ и со стороны общества. Всѣ видѣли въ князѣ великаго человѣка. Въ промежутокъ, лежащій между этимъ появленіемъ и прибытіемъ князя изъ Дрездена — обаяніе князя значительно ослабѣло. Государь былъ такъ же внимателенъ къ нему, но общественное сочувствіе къ нему замѣтно охладѣло. За всѣмъ тѣмъ, однако, осыпанный ласками царя, князь раздѣлался съ этимъ періодомъ довольно пріятно и величаво отправился на царскомъ пароходѣ. Третій періодъ былъ уже положительно неудаченъ. Можно думать, что вмѣшательство князя въ политическія и, преимущественно, въ польскія дѣла все испортило. Съ первыхъ дней пребыванія здѣсь князя, замѣтна была во всѣхъ его дѣйствіяхъ какая-то неопредѣленность, сбивчивость, какія-то заднія мысли. Перемѣна ли придворной и, вообще, петербургской погоды, перемѣна ясная для всѣхъ, тотчасъ подѣйствовала на него; обдумывалъ ли онъ окончательно затѣянные имъ за границею планы и высматривалъ, удобенъ ли моментъ для ихъ предъявленія и проведенія; стѣсняли ли его какія-либо романическія обязательства, данныя Д—ой, безъ сомнѣнія, жаждущей заключить свои похожденія „законнымъ бракомъ“, наконецъ, сбивали ли его съ толку зловѣщія угрозы по поводу его возвращенія на Кавказъ, разосланныя въ пасквиляхъ по Тифлису и чрезъ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, сообщенныя князю, — рѣшить, по крайней мѣрѣ, для меня трудно; но нисколько не трудно для меня заявить тотъ несомнѣнный и положительный фактъ, что съ первыхъ дней прибытія князя, среди его публичной свиты, возсталъ и продолжалъ постоянно существовать вопросъ: „поѣдетъ ли князь на Кавказъ или

не поѣдетъ?“ Понятно, что такой вопросъ не могъ бы имѣть мѣста, если бы князь не проявлялъ той неопредѣленности во всемъ, о которой я говорилъ. Этою же неопредѣленностью отличались и дѣловыя занятія князя.

Говоря о занятіяхъ князя, надо предварительно замѣтить, что предъ самымъ его пріѣздомъ сюда, сюда же прискакалъ курьеромъ съ какими-то бумагами тотъ самый Пиленко, о которомъ я уже имѣлъ случай нѣсколько разъ упоминать. Онъ въ своей личности представлялъ какое-то смѣшеніе поляка и хитраго малоросса. Не кончивъ курса въ Горномъ институтѣ, онъ загнанъ былъ судьбою на Кавказъ и былъ тамъ сначала однимъ изъ маленькихъ чиновниковъ. Смѣтливый, ловкій, хитрый и, въ то же время, довольно красивый, онъ женился на сестрѣ Иваницкаго, который былъ начальникомъ Алагирскаго серебро-свинцоваго завода, учрежденія, дорого стоющаго и совершенно безплоднаго. Женившись, онъ получилъ какое то мѣстечко на этомъ заводѣ и, пользуясь лѣнью Иваницкаго, былъ главнымъ и полнымъ распорядителемъ. При одномъ изъ посѣщеній завода княземъ, Пиленко умѣлъ произвести на него выгодное впечатлѣніе и, пользуясь имъ, перепросился въ число лицъ, состоящихъ при князѣ. Завѣтною мечтою его, по его собственнымъ словамъ, было, какъ и мечтою промышленнаго Зиссермана, получить казачью бригаду. Получить казачью бригаду, по ихъ удостовѣренію, значило попасть „Христу за пазуху“, по пословицѣ. Самый безгрѣшный доходъ, по ихъ словамъ, простирался, если не ошибаюсь, тысячъ до 20. Въ ожиданіи осуществленія этой благодатной цѣли, онъ на-ряду съ другими, состоящими при князѣ, употреблялся для нѣкоторыхъ порученій и, такимъ образомъ, былъ отправленъ къ князю курьеромъ.

Князь, во время своихъ путешествій и, особенно, во время пребыванія въ Петербургѣ, имѣлъ всегда надобность, во-первыхъ, въ статскомъ чиновникѣ, для гражданскихъ дѣлъ, и во-вторыхъ, въ военномъ офицерѣ, для дѣлъ военныхъ. Въ настоящій моментъ для дѣлъ гражданскихъ были у него я и Харитоновъ, а въ отношеніи военныхъ дѣлъ онъ воспользовался прибытіемъ Пиленко и поручилъ ихъ ему. Въ занятіяхъ какъ съ нами, такъ и съ Пиленко, князь, быть можетъ, противъ воли, обнаруживалъ какое-то непонятное равнодушіе къ кавказскимъ дѣламъ собственно. Особенное вниманіе его сосредоточивалось только на тѣхъ дѣлахъ, которыя, по его мнѣнію, должны были служить ему памятникомъ на Кавказѣ. Такъ со мною онъ возился, почти исключительно, по дѣлу упроченія общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, и именно по этому дѣлу мы пригласили было къ участію коварнаго министра народнаго просвѣщенія, Головина, который, однако жъ, не понялъ или

не хотѣлъ понять, чего отъ него ожидали и требовали, и которымъ поэтому князь остался совершенно недоволенъ. Впрочемъ, вся исторія этого дѣла такъ подробно разсказана мною въ своемъ мѣстѣ, что прибавлять къ ней рѣшительно нечего. Возня князя съ Харитоновымъ относилась до устройства желѣзной дороги на Кавказѣ. Вопросъ былъ о деньгахъ, на это потребныхъ. Харитоновъ ѣздилъ за ними въ Парижъ и Лондонъ, денегъ, однако же, не нашелъ.

Послѣдствіемъ этихъ неудачъ была атака, поведенная княземъ, купно съ Харитоновымъ, на его доморощеннаго финансиста Рейтерна, который, по приглашенію князя, пріѣзжалъ къ нему нѣсколько разъ и выдерживалъ его нападенія. Но и тутъ удачи было мало. Министръ финансовъ не поддался и денегъ не далъ, обѣщая „журавля въ небѣ“. Самъ князь, такъ любившій украшать неудачныя дѣла, говорилъ намъ потомъ, что „Рейтернъ очень ему понравился, хотя отказалъ во всемъ“. Дѣйствительно, кромѣ денегъ на желѣзную дорогу, Рейтернъ отказалъ князю во всякомъ снисхожденіи къ дѣламъ Всев—скихъ, за которыхъ князь стоялъ сильнѣйшимъ образомъ.

Дѣла Всев—скихъ представляли невообразимую путаницу. Былъ какой-то знаменитый Никита Вс—скій, придворный егермейстеръ, страшный богачъ и страшный кутила. Владѣя обширными помѣстьями въ разныхъ губерніяхъ и особенно въ Пермской, гдѣ у него были желѣзные заводы, онъ такъ успѣлъ устроить свое достояніе, что, закабаливъ его въ страшнѣйшихъ долгахъ, казенныхъ и частныхъ, еще при жизни своей успѣлъ сдѣлаться нищимъ. Князь Александръ Ивановичъ, кажется, былъ пріятелемъ его по придворной части и преимущественно по части охотъ, которыми наслѣдникъ съ своими адъютантами любилъ заниматься точно такъ же, если еще не болѣе, какъ и теперь, сдѣлавшись царемъ. Во время коронаціи государя, когда вокругъ князя, только-что назначеннаго кавказскимъ намѣстникомъ, стала группироваться будущая свита его, я замѣтилъ въ составѣ ея статскаго молодаго человѣка съ наипріятнѣйшими, до приторности іезуитскими, манерами, худаго и тонконогаго. Это и былъ старшій сынъ Всеволодъ. Во время обоюднаго пребыванія нашего на Кавказѣ мы, разумѣется, очень сблизились, при чемъ я нашелъ въ немъ юношу съ обширнѣйшимъ образованіемъ; онъ говорилъ на многихъ языкахъ въ совершенствѣ, былъ отличный музыкантъ и пѣвецъ, хотя безъ голосу, однимъ словомъ, имѣлъ видъ и свойства артиста. Вслѣдствіе его многоязычія, онъ состоялъ при князѣ по части иностранной переписки, а вслѣдствіе артистическихъ его свойствъ, назначенъ былъ однимъ изъ членовъ театральной дирекціи, существовавшей въ первое время, до передачи италіанской оперы въ руки одного антрепренера. Въ составѣ этой оперы появилась примадонна Пантеролли, плохая

пѣвица, но замѣчательная красавица. В—скій, какъ говорится, врѣзался въ нее по уши. Когда за свою безталанность красавица была уволена изъ оперы и должна была уѣхать изъ Тифлиса, Вс—скій бросился за нею, жертвуя блестящею карьерою, которая несомнѣнно его ожидала.

Я живо помню сцену, сюда относящуюся, свидѣтелемъ которой я сдѣлался совершенно неожиданно. Это было во время знаменитаго похода 1859 г. Всѣ мы, товарищи Вс—скаго, знали, что онъ безъ своей подруги жить не можетъ, и ждали, что дѣло кончится законнымъ бракомъ. Ужъ не помню, на какой это позиціи, я являюсь однажды утромъ въ палатку князя съ своимъ докладомъ и застаю тамъ Вс—скаго. Онъ былъ красенъ и видимо смущенъ. Сдѣлавъ мнѣ привѣтливый знакъ, князь продолжалъ, обращаясь къ Вс—скому: „я вамъ говорю, не дѣлайте глупостей! Я опытнѣе васъ. Повѣрьте мнѣ. Поѣзжайте, если ужъ вамъ не въ терпежъ, и возвращайтесь ко мнѣ такимъ же точно, какимъ поѣдете. Если надѣлаете глупостей— лучше не показывайтесь ко мнѣ на глаза“. Мнѣ тотчасъ сдѣлалось понятно, что Вс—скій просилъ отпуска и дозволенія жениться. Князь давалъ отпускъ и не давалъ этого дозволенія. Конецъ былъ тотъ, что Вс—скій пропалъ съ кавказскаго поприща, и гдѣ онъ пребывалъ, что съ нимъ сдѣлалось, никто не зналъ. Надо замѣтить, что прежде удаленія своего съ Кавказа, онъ перетащилъ туда брата своего отъ другой матери, Андрея, нѣчто въ родѣ милаго и добродушнаго недоросля, который и былъ куда-то втиснутъ въ управленіе съ чиномъ канцеляриста. Братья эти не только не походили другъ на друга, но представляли двѣ совершенно противоположныя личности. Сколько одинъ былъ худъ, — столько другой былъ толстъ. Сколько одинъ отличался утонченностью въ своихъ пріемахъ,—столько другой наивностью и простодушіемъ. Спустя нѣкоторое время и Андрей тоже уѣхалъ съ Кавказа и пропалъ безъ вѣсти.

Въ этотъ именно пріѣздъ князя, о которомъ говорю, оба они какъ изъ земли выросли и предстали нашимъ взорамъ, но предстали въ самомъ печальномъ видѣ; особенно Всеволодъ, имѣвшій самый оборванный видъ. Его измятая проломленная шляпенка была постояннымъ предметомъ нашихъ злокачественныхъ наблюденій и изслѣдованій. Когда наступили холода и даже морозы, онъ продолжалъ ходить въ холодной шинели. Только предъ нашимъ отъѣздомъ изъ Петербурга у него появилась шуба, довольно невысокаго качества. Когда я спросилъ его, гдѣ онъ досталъ ее? онъ отвѣчалъ, что ихъ мужики, находящіеся въ Петербургѣ, преподнесли ее, не стерпѣвъ, чтобъ ихъ баринъ мерзнулъ въ холодной шинели. Оказалось, что онъ все время пребывалъ за границей, частію у ногъ своего идеала, а частію

въ заточеніи за долги, которые онъ вынужденъ былъ дѣлать и которыхъ заплатить былъ не въ состояніи. Въ дружескихъ бесѣдахъ, которыя онъ любилъ вести со мной, онъ разсказывалъ, между прочимъ, что подруга его удалилась съ артистическаго поприща, живетъ съ ребенкомъ гдѣ-то близъ Флоренціи и ждетъ перемѣны его печальной участи. Потомъ изъ разсказовъ его видно было, что его батюшка, также загрязшій гдѣ-то за границей, въ страшныхъ долгахъ, умиралъ. Жена его, мать Андрея, прискакала туда и выручила его изъ заточенія своимъ поручительствомъ. Старикъ скоро умеръ; но по окончаніи погребенья его, на самомъ кладбищѣ, арестована была вдова его и также засажена въ тюрьму. Въ этихъ-то благопріятныхъ обстоятельствахъ, Вс—скіе появились здѣсь и привезли съ собою проектъ учрежденія какой-то французской компаніи, которая брала въ свою администрацію, на извѣстный срокъ и на извѣстныхъ условіяхъ, всѣ богатства Вс—скихъ и принимала на себя уплату долговъ, лежащихъ на нихъ. Въ этой компаніи они видѣли свое спасеніе и единственный путь къ возстановленію ихъ благоденствія. Такимъ образомъ, имъ необходимо было: во-первыхъ, утвержденіе этой компаніи, а, во-вторыхъ, дарованіе имъ новой ссуды 50 т. руб. Князь сильно сталъ на ихъ сторону, говорилъ много разъ съ министромъ финансовъ, много разъ докладывалъ государю, который самъ принималъ во Вс—скихъ живѣйшее участіе. Однако же, именно вслѣдствіе упорства Рейтерна, того упорства, которымъ онъ, повидимому, намѣревался прославить себя на первыхъ порахъ, ничего не вышло, и мы уѣхали изъ Петербурга, оставивъ Вс—скихъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи.

Когда совершился переходъ Кавказа въ руки великаго князя Михаила Николаевича и когда, вслѣдъ затѣмъ, я долженъ былъ совершить послѣднюю мою поѣздку на Кавказъ, я помню, что на обратномъ пути оттуда, въ Москвѣ, въ театрѣ я встрѣтилъ Всеволода Вс—скаго, веселаго и цвѣтущаго. Онъ торжественно объявилъ мнѣ, что онъ снова богатый человѣкъ, что дѣла устроились и компанія учредилась. На вопросъ мой, какими чудесами все это сдѣлалось, онъ отвѣчалъ, что всѣ мы жестоко ошибались, дѣйствуя сверху; что послѣ нашего отъѣзда онъ началъ дѣйствовать снизу, сошелся съ нѣсколькими чиновниками, обѣдалъ съ ними по трактирамъ и этимъ путемъ достигъ всего, чего хотѣлъ. Я отъ души поздравилъ его съ такими существенными успѣхами. Вслѣдъ затѣмъ онъ назначенъ былъ состоять при князѣ Александрѣ Ивановичѣ и дѣйствительно жилъ у него въ Англіи нѣкоторое время; потомъ появился опять въ Петербургѣ, окружилъ себя итальянцами, сталъ писать музыкальныя композиціи и давалъ артистическіе вечера, на которыхъ и я нѣсколько

разъ присутствовалъ. Среди этой музыкальной и артистической сферы, въ которую всецѣло погрузился Вс—скій, я замѣтилъ красивую даму, которая имѣла видъ хозяйки дома, и которой онъ самъ меня представилъ. Эта дѣйствительно милая дама оказалась г-жею Морозъ, вдовою какого-то господина, забравшею нашего Вс—скаго въ свои красивыя руки. Потомъ оказалось, что французская компанія, на которую Вс—скій возлагалъ такія надежды, жестоко надула его, такъ что онъ долженъ былъ открыть противъ нея какой-то сложный и нескончаемый процессъ. Потомъ оказалось, что Вс—скій, удалившійся отъ князя и отъ свѣта, вынужденъ влачить печальные дни въ одной изъ петербургскихъ гостиницъ и дѣлать снова самые безобразные долги. Такъ, напр., извѣстно, что какой-то ростовщикъ, вмѣсто денегъ, далъ ему восемнадцать роялей, которыя Вс—скій и долженъ былъ сбывать за половинную, а можетъ быть еще за меньшую цѣну. Что дальше съ нимъ будетъ, одному Аллаху извѣстно. Хорошаго, конечно, ожидать нечего, и нельзя не пожалѣть, что такая бездна самыхъ блестящихъ знаній гибнетъ такъ безплодно. Братъ его, Андрей, женился на красивой дѣвушкѣ Саломирской и перебивается кое-какъ то около своихъ пермскихъ заводовъ, то за границей. На артистическихъ вечерахъ Всеволода Вс—скаго я узналъ и другаго брата его, юнкера кавалергардскаго полка, юношу замѣчательной красоты и, по отзывамъ близко знающихъ его людей, тоже замѣчательнаго кутилу.

Кромѣ Головнина и Рейтерна у князя былъ раза два или три представительный Валуевъ, тоже по приглашенію. По какимъ дѣламъ понадобился князю министръ внутреннихъ дѣлъ, я уже не помню. Помню только, что всѣ эти господа не лѣзли къ князю сами, чтобы имѣть счастіе представиться, какъ было въ 1859 г., а шли къ нему какъ-то лѣниво, по его просьбамъ и приглашеніямъ. Вся ихъ осанка, всѣ пріемы ихъ говорили, что князь для нихъ—ничего! Я уже говорилъ о невѣжествѣ, съ которымъ Головнинъ входилъ къ князю и выходилъ отъ него. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ намѣренно облекалъ свою фигуру въ какой-то дрянной сюртучишко. Пріемная князя, въ которой нѣкогда толпились кучей золотые мундиры, военные и статскіе, была большею частію пуста и оживлялась единственно свитскими личностями.

Что касается Буткова, этого нѣкогда „неизмѣннаго копья“ князя, этого ревностнѣйшаго „секретаря его“, какъ онъ самъ тоже нѣкогда называлъ себя, этого, наконецъ, флюгера, по которому лучше и вѣрнѣе всего познавалось состояніе политической погоды, то онъ съ самаго начала выкинулъ, такъ сказать, самую безцеремонную штуку въ отношеніи князя. Я сказалъ уже, что пріѣздъ князя состоялся въ какой-то табельный день. Утромъ этого дня многія знаменитыя

лица пріѣзжали изъ города въ Царское для принесенія своихъ поздравленій. Въ числѣ ихъ былъ и Бутковъ. Почему-то онъ вообразилъ или притворился, что вообразилъ, что пріѣздъ князя долженъ былъ послѣдовать утромъ, вслѣдствіе чего, по его словамъ, онъ и разсчитывалъ за одинъ разъ и принести поздравленіе во дворцѣ, и представиться князю. Когда же князя не оказалось налицо, Бутковъ выразилъ непріятное удивленіе и объявилъ Харитонову, что пріѣзжать въ другой разъ собственно для того, чтобы представиться князю, онъ рѣшительно не имѣетъ времени. И дѣйствительно, я даже не могу сказать, былъ ли онъ у князя, но знаю и помню хорошо, что мы вовсе не видѣли его въ пріемной князя, гдѣ нѣкогда онъ находился постоянно почти безвыходно.

Нѣтъ сомнѣнія, что все это не могло не производить на князя самаго тяжелаго впечатлѣнія. Паденіе его фондовъ было такъ осязательно, что оно составляло предметъ постоянныхъ разсужденій нашей свиты, въ связи съ вопросомъ: поѣдетъ ли князь на Кавказъ или нѣтъ? Вопросъ этотъ естественно истекалъ изъ того равнодушія, съ которымъ князь относился собственно къ кавказскимъ дѣламъ. Видно было, что все его вниманіе сосредоточено было на петербургскихъ дѣлахъ. Изъ тысячи разнородныхъ, отдѣльно почти неуловимыхъ, но въ совокупности довольно выразительныхъ признаковъ видно было, что князь не прочь укрѣпиться среди петербургской административной сферы и останавливался предъ вопросомъ: „какъ укрѣпиться“. Вмѣстѣ съ его колебаніями и недоумѣніями колебалась и испытывала недоумѣнія пристально и зорко слѣдящая за нимъ свита. Въ этотъ періодъ Всеволодъ Все—скій, вращавшійся въ высшихъ сферахъ, въ особенности какъ-то льнулъ ко мнѣ, быть можетъ вслѣдствіе того искренняго и горячаго участія, которое я принималъ въ его стѣсненномъ положеніи. Несмотря, однако, на это стѣсненное положеніе, онъ, по старымъ высокимъ связямъ своимъ, болтался въ большомъ свѣтѣ и такимъ образомъ имѣлъ возможность слѣдить за мнѣніемъ этого свѣта относительно положенія князя. Отъ этого происходило, что если я могъ быть полезенъ ему въ его дѣлахъ, то въ свою очередь и онъ былъ мнѣ полезенъ тѣмъ, что передавалъ мнѣ явленія изъ сферы, такъ сказать, присущей положенію князя. Свѣдѣнія объ этихъ явленіяхъ тоже не были нисколько благопріятны.

Я помню, что я предлагалъ ему на разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: какимъ образомъ это дѣлается, что вся эта сфера начинаетъ сочувствовать или охлаждаться къ кому-либо вдругъ, сразу, какъ одинъ человѣкъ? Я понималъ, что одинъ, два, три человѣка, разузнавъ какія-либо исключительныя обстоятельства, могутъ, подъ влія-

*

ніемъ ихъ, измѣнить свои отношенія къ извѣстной личности; но какъ измѣняются отношенія къ этой личности цѣлой среды, цѣлаго міра, придворнаго, напр., или административнаго, для меня оставалось рѣшительно непонятнымъ... Не сговариваются же, думалъ я, различные господа, составляющіе эту среду, дѣйствовать по отношенію къ тому такъ, а къ этому—этакъ, сегодня, напр., выразить сочувствіе, а завтра охлажденіе. Не составляютъ же они для этого общихъ собраній и не пишутъ протоколовъ, для всѣхъ обязательныхъ? Какъ же это дѣлается? Я понимаю, напр., что какое-нибудь невыгодное для какой-нибудь личности событіе можетъ разомъ отдалить отъ нея всѣхъ; но тутъ, напр., въ отношеніи князя Александра Ивановича, не было рѣшительно никакого событія въ этомъ родѣ. Этого мало. Государь, повидимому, точно такъ же, какъ и прежде, осыпалъ его своими ласками, а между тѣмъ всѣ охладѣли къ нему. Я понималъ также, что какой-нибудь Бутковъ, по тѣмъ или другимъ разсчетамъ, перемѣнился, но не понималъ, какъ и зачѣмъ перемѣнились всѣ? Умный и тонкій Все—скій старался разрѣшить мои недоумѣнія различными остроумными доводами и объясненіями, но въ чемъ они состояли, я рѣшительно не помню, и это самое показываетъ, что они имѣли мало успѣха и мои недоумѣнія остались неразрѣшенными.

Доказательствомъ желанія князя упрочиться здѣсь можетъ служить то, что онъ внимательно выслушивалъ тѣ соображенія по этой части, какія удавалось высказывать мнѣ и Харитонову. Основная мысль самого князя въ этомъ отношеніи состояла въ томъ, что фельдмаршалъ есть, такъ сказать, естественный начальникъ всѣхъ войскъ въ государствѣ, и что военный министръ есть не что иное, какъ секретарь. Мысль эту онъ подтверждалъ примѣромъ военной администраціи въ Англіи. Конечно, не мое дѣло доказывать основательность или невѣрность этой мысли; ясно было только то, что проведеніе и осуществленіе ея представлялось весьма затруднительнымъ или по крайней мѣрѣ несовременнымъ въ тотъ моментъ. Харитоновъ, излагалъ какую-то, по его обычаю, сложную комбинацію о томъ, чтобы преобразовать I отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, съ подчиненіемъ его князю такимъ образомъ, чтобъ всѣ дѣла военныя и гражданскія выходили къ государю чрезъ руки князя. Именно къ этой-то комбинаціи князь и прислушивался благосклонно и внимательно. Само собою разумѣется, что этого мало: сочинить комбинацію, надобно, чтобы она достигла до государя и была утверждена имъ, а въ этомъ-то, кажется, и встрѣчался камень преткновенія. Я, съ своей стороны, какъ и всегда, старался укрѣплять въ князѣ довѣріе къ собственнымъ его силамъ, въ

которыхъ онъ постоянно сомнѣвался. „Гдѣ мнѣ?“ всегда говорилъ онъ, когда заходила рѣчь объ упроченіи его здѣсь, „я говорить вовсе не умѣю, а здѣсь надо говорить. Посмотрите-ка, какъ здѣсь говорятъ“. Я старался доказывать, что здѣшняя сфера страшна для князя только до тѣхъ поръ, пока онъ не войдетъ въ нее, а что какъ только переступитъ черезъ порогъ, то передъ нимъ окажутся тѣ же Харитоновы, Инсарскіе, Крузенштерны и т. п. Подобные споры не рѣдко загорались между нами, и именно при одномъ изъ нихъ князь произнесъ достопамятную фразу, которую я привелъ уже гдѣ-то выше: „что вы говорите?“ сказалъ нетерпѣливо князь, „вѣдь я сижу по желанью государя въ совѣтѣ министровъ. Я по рожамъ ихъ вижу, что мнѣ ихъ не одолѣть; да не даромъ же и въ заграничныхъ газетахъ пишутъ, что изъ всѣхъ бездарностей нашихъ самый бездарный—фельдмаршалъ!“.

Однако я чувствую, что увлекся опять и забѣжалъ впередъ. Мнѣ давно надобно было сказать о занятіяхъ князя военными дѣлами; но, право, не знаю, что сказать. Хотя эти дѣла не относились до меня, однако всѣмъ намъ положительно было извѣстно, что ничего важнаго и въ этомъ отдѣлѣ тоже не совершалось, и надъ нами царствовало то же равнодушіе князя, о которомъ я говорилъ. Все ограничивалось переговорами и сношеніями по просьбамъ различныхъ личностей, служившихъ или служащихъ на Кавказѣ. Къ просьбамъ этимъ князь былъ вообще очень благосклоненъ и старался удовлетворить всему, что не представлялось безобразною нелѣпостью. Но если въ дѣлахъ этого рода не было ничего замѣчательнаго, то замѣчательными становились отношенія князя къ лицу, завѣдующему ими, хитрому и ловкому П—о. Я говорилъ уже и не разъ, какъ скоръ и не постояненъ былъ князь въ своихъ привязанностяхъ. Отношенія къ П—о представляютъ рѣшительное тому доказательство. Онъ былъ, безспорно, неглупый и способный малый. Но ничего блестящаго ни въ его личности, ни въ его дарованіяхъ рѣшительно не было, а между тѣмъ онъ становился у князя первымъ человѣкомъ. Такія заслуженныя, испытанныя личности, какъ я и Харитоновъ, несмотря на свои чины и звѣзды, положительно становились на второй планъ и заслонялись незначительнымъ и дотолѣ совершенно неизвѣстнымъ капитаномъ. Въ глубокой и своеобразной натурѣ князя все предполагать можно. Поэтому и я позволяю себѣ предполагать, что князю непріятно было видѣть, что пониженіе его фондовъ не можетъ не производить и на насъ невыгоднаго впечатлѣнія. Мы видѣли его озареннымъ блестящей славой, окруженнымъ безпримѣрными почестями; теперь видимъ его совсѣмъ въ другомъ положеніи; мы можемъ сравнивать, и результаты этого сравненія, волею-неволею,

могли отражаться въ нашихъ фигурахъ, и вслѣдствіе этого самыя фигуры наши не только не представляли для князя ничего пріятнаго, но вели къ воспоминаніямъ, довольно не утѣшительнаго свойства. П—о, напротивъ, былъ человѣкъ новый, не имѣвшій возможности дѣлать сравненія, безконечно счастливый новымъ своимъ положеніемъ, въ которое попалъ такъ счастливо и неожиданно. Быть можетъ, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что здѣсь именно кроется первое основаніе возвышенія П—о и нашего, далеко не паденія, но замѣтнаго отдаленія. Понятно, что ловкій П—о, воспользовавшись такимъ благопріятнымъ для него расположеніемъ обстоятельствъ, успѣлъ сдѣлаться впослѣдствіи необходимымъ для князя, такъ что, во время пребыванія нашего въ Вильнѣ, пріязнь къ нему князя достигала степени, положительно смѣшной и невѣроятной...

О томъ, какъ держался князь собственно во дворцѣ, я могу говорить только по различнымъ свѣдѣніямъ и слухамъ, до меня доходившимъ. Извѣстно было, что у императрицы учреждены были какія-то ежедневныя вечернія собранія, куда и князь, часовъ въ 9-ть, постоянно отправлялся. Собирались ли туда по приглашеніямъ, каждый разъ дѣлаемымъ, или по приглашеніямъ, разъ навсегда сдѣланнымъ, или вовсе безъ приглашеній, я не знаю. Сначала мнѣ казалось, что князь посѣщалъ эти собранія безъ особыхъ приглашеній, потому что въ извѣстный часъ просто-на-просто туда отправлялся. Между тѣмъ случалось иногда, что князь сидѣлъ и ждалъ приглашенія. Когда наступалъ извѣстный часъ, и князь сидѣлъ дома и ждалъ приглашенія— мы заключали, что „во дворцѣ для него что-нибудь не совсѣмъ здорово“. Такъ ли это или нѣтъ, Богъ знаетъ! Въ то же время ходили слухи, что императрица оказываетъ на этихъ вечерахъ князю особенное вниманіе. Такъ, напр., когда всѣмъ присутствующимъ чай раздавался фрейлинами, окружающими императрицу, князю Александру Ивановичу она передавала чашку чаю своими руками, что̀ составляло, будто бы, особенную почесть и за что, конечно, я ручаться никакъ не могу. Вообще какъ ни насилую я свою память, никакъ не могу припомнить ничего замѣчательнаго, ничего рельефнаго за этотъ періодъ, который, какъ я сказалъ уже, представляется какимъ-то безцвѣтнымъ, покрытымъ какимъ-то туманомъ. Въ этомъ туманѣ, лично для меня, блестятъ алмазами тѣ незабвенные моменты, когда добрый и милостивый государь, встрѣчая меня въ саду или гдѣ-нибудь около дворца, непремѣнно удостоивалъ меня нѣсколькими привѣтливыми словами...

Въ опредѣленный придворными обычаями и преданіями терминъ, весь дворъ переѣхалъ въ Гатчино, а вмѣстѣ съ нимъ и князь. Уже не помню, по какимъ дѣламъ и причинамъ князь желалъ, чтобы и

я туда пріѣхалъ въ извѣстный день. Гатчина вообще и сырой дворецъ въ особенности произвели на меня самое непріятное впечатлѣніе. Я пріѣхалъ вмѣстѣ съ П. Во время нашего пріѣзда князь былъ съ докладомъ у государя. Насъ провели въ его помѣщеніе, смежное съ необъятною галлереею, ведущею въ комнаты, назначенныя для общихъ сборищъ. Въ ожиданіи князя, мы видѣли, какъ шмыгали по этой галлереѣ различныя придворныя личности, а изъ комнатъ, лежащихъ за галлереею, неслись дуэты, исполняемые женскими голосами. Наконецъ, князь пришелъ въ свое помѣщеніе, какъ всегда блестящій, но съ лицомъ краснымъ и вообще на мои глаза нехорошимъ. Меня онъ принялъ перваго и говорилъ со мною чрезвычайно долго.

Изучивъ такъ подробно князя, я могъ, точно такъ же, какъ по виду его узнавать состояніе его здоровья, по тону, которымъ онъ начиналъ говорить со мною, узнавать то или другое настроеніе его духа. Когда обстояло все благополучно, князь постоянно удерживалъ положительный, твердый тонъ, къ которому онъ любилъ примѣшивать, въ нѣкоторой степени, юмористическій оттѣнокъ. Въ лицѣ и манерахъ его сохранялась величавая самоувѣренность. Когда дѣла были неладны— самая внѣшность князя измѣнялась, и на мои глаза никогда онъ не былъ такъ хорошъ, такъ поэтиченъ, какъ именно въ эти вообще рѣдкія минуты. Величавая самоувѣренность его исчезала, и на мѣсто ея водворялся какой-то грустный характеръ, конечно, замѣтный только для опытнаго глаза. Прекрасные великолѣпные голубые глаза его покрывались какъ будто какою-то мечтательною задумчивою пеленою. Разговоръ его проникался какою-то задушевностью, человѣчностью, стремленіемъ раздѣлить свои мысли съ человѣкомъ преданнымъ и сочувствующимъ. Я никогда не забуду этихъ минутъ и считаю себя истинно счастливымъ, что мнѣ удалось раздѣлять ихъ. Въ такомъ именно настроеніи князь находился и въ ту минуту, когда онъ возвратился отъ государя и принялъ меня

Онъ встрѣтилъ меня обычнымъ: „поговоримте!“ и въ слѣдъ затѣмъ пустился въ отвлеченныя умозрѣнія, которымъ онъ такъ любилъ предаваться въ моемъ присутствіи. Эти именно воззрѣнія, быть можетъ, никому неизвѣстныя, высказываемыя съ глазу на глазъ, и поселили во мнѣ глубокое убѣжденіе, что этотъ человѣкъ — дѣйствительно великій человѣкъ! Какъ я ни привыкъ къ нему, но, слушая его въ подобныя минуты, я проникался безпредѣльнымъ благоговѣніемъ предъ этою ясностью взгляда, предъ этими воззрѣніями, полными величайшей мудрости и самаго возвышеннаго благородства. Какъ жалки и ничтожны мнѣ казались въ эти минуты наши государственные люди, пигмеи предъ этимъ человѣкомъ, самимъ Богомъ созданнымъ для власти, для управленія другими. Къ несчастью для князя, все это оста-

валось у него почти мертвымъ капиталомъ. Одаренный громаднѣйшими умственными силами, далеко превосходящій другихъ своею мудростью, онъ трепеталъ предъ какимъ-нибудь ловкимъ болтуномъ Валуевымъ. Незнаніе чиновническихъ пріемовъ и обычаевъ, плохое знакомство съ нашими узаконеніями и безчисленными постановленіями—связывали его по рукамъ и по ногамъ. Громадное самолюбіе съ одной стороны, а съ другой пагубное недовѣріе къ собственнымъ силамъ и особенно искусству говорить, окончательно затягивали тѣ пути, на которыхъ онъ могъ проявить себя во всей полнотѣ, и дѣйствительно представляли его человѣкомъ ограниченнымъ предъ нашими доморощенными свѣтилами. Можно думать, что, если кто и понималъ его именно во всей полнотѣ, такъ это только одинъ государь, рѣшившійся назначить его намѣстникомъ въ то время, какъ наши умники считали его ни болѣе, ни менѣе, какъ красивымъ кавалерійскимъ офицеромъ. Что назначеніе государя не было ошибочно и не истекало изъ одной личной пріязни, укрѣпившейся на лисинскихъ охотахъ, и что довѣріе къ дарованіямъ князя не было обмануто—это доказываетъ покореніе страны и плѣнъ Шамиля, за которымъ такъ усердно и такъ безплодно гонялись такіе капитальные старики, какъ Воронцовы, Муравьевы и др.

Но чтобъ не отдаляться отъ нити разсказа, я долженъ сказать, что какъ ни восхитительны, какъ ни мудры были гатчинскія размышленія князя, они не столько по содержанію, сколько по тону своему, показывали, что въ дѣлахъ высшей сферы у князя должно быть что-то не ладно. Гатчинскій докладъ князя государю, т. е. дѣловыя его объясненія съ государемъ, былъ, если не совсѣмъ послѣднимъ, то однимъ изъ послѣднихъ. По разнымъ признакамъ видно было, что князь придавалъ именно этому докладу особенную важность и значеніе, такъ что и намъ всѣмъ извѣстно было отъ него самого, что въ Гатчинѣ князь будетъ имѣть докладъ государю. Значительную часть дѣлъ и вопросовъ, приготовленныхъ къ этому докладу, я зналъ—тутъ было опять дѣло общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, опять дѣло Все—скихъ и др.; но, нѣтъ сомнѣнія, что тутъ были дѣла и вопросы, не только мнѣ, но никому другому, кромѣ государя и князя, неизвѣстные. Быть можетъ, былъ даже и вопросъ о собственномъ положеніи князя, т. е. вопросъ о томъ, долженъ ли онъ возвратиться на Кавказъ, ибо до этого момента вопросъ этотъ оставался по-прежнему въ колебательномъ положеніи. Послѣ этого понятно, какъ важенъ былъ исходъ этого доклада. Самый видъ возвратившагося отъ государя князя, какъ я сказалъ уже, показывалъ, что исходъ былъ неблагопріятенъ... Отвлеченныя размышленія, которымъ предался князь, еще болѣе подтверждали

это. Но самымъ положительнымъ и несомнѣннымъ разрѣшеніемъ всякихъ недоумѣній въ этомъ отношеніи было то, что, среди своихъ общихъ разсужденій и именно въ тотъ моментъ, когда они приняли самый интимный характеръ, князь, какъ я говорилъ уже, вдругъ подошелъ ко мнѣ и съ особеннымъ значеніемъ сказалъ мнѣ: „знаете, что я скажу вамъ?“ Потомъ, помолчавъ минуту, какъ бы для того, чтобы я лучше приготовился къ предстоящему объявленію, прибавилъ: „государь не утвердилъ моего доклада!“

Признаюсь, я не былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ и не находилъ ничего удивительнаго, что государь не утвердилъ доклада князя точно такъ же, какъ самъ князь зачастую не утверждаетъ доклады своихъ докладчиковъ. Вслѣдъ за тѣмъ князь, указавъ мнѣ на кучу звѣздъ, лежавшихъ на столѣ вмѣстѣ съ принесенными отъ государя бумагами, объяснилъ, что онъ представлялъ объ учрежденіи для общества, въ дополненіе тѣхъ знаковъ, которые ему уже присвоены, еще высшаго знака со звѣздою и лентою, на что государь не согласился. Князь, дѣйствительно, любилъ общество и считалъ его лучшимъ своимъ созданіемъ; но я никакъ не могъ понять, чтобы такой незначительный предметъ, какъ неутвержденіе звѣзды, которую онъ испрашивалъ, могъ такъ сильно его растревожить, и невольно думалъ, что, вѣроятно, были другіе вопросы, несравненно большей важности для князя, на которые государь не соизволилъ дать своего согласія. Во всякомъ случаѣ ясно было, что этотъ докладъ имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшія дѣйствія князя, хотя и эти дѣйствія не чужды были значительнаго колебанія.

Колебаніе это болѣе всего и яснѣе всего относилось къ вопросу объ отъѣздѣ князя. Время и способы этого отъѣзда много разъ назначались и опредѣлялись и столько же разъ отмѣнялись. Дѣлается, напр., извѣстнымъ, что князь отправляется такого-то числа, и все начинаетъ готовиться къ этому сроку. Срокъ приближается, наступаетъ, и дѣлается извѣстнымъ, что князь по желанію государя остается еще на двѣ недѣли. Проходятъ эти двѣ недѣли, объявляется новая отсрочка, и эти отсрочки дѣлались много разъ, такъ что, наконецъ, сбили всѣхъ съ толку. Дѣйствительно ли онѣ дѣлались по желанію государя или князь только ссылался на это желаніе—неизвѣстно; но ясно было, что самъ князь нисколько не былъ расположенъ къ отъѣзду, замедлявъ его, и все ждалъ чего-то, чего, однако, достигнуть и дождаться было невозможно. При такомъ колебаніи главнаго вопроса, само собою разумѣется, колебались и всѣ частности, къ нему относящіяся. Такъ, напр., самые способы предстоящаго пути тоже установлялись и отмѣнялись нѣсколько разъ. Первоначально явилась мысль ѣхать на Нижній, а оттуда водою на Астрахань и Баку.

Хлопотливому Харитонову поручено было переговорить съ директорами пароходнаго общества „Кавказъ и Меркурій“ на счетъ пароходовъ, которые должны были насъ везти. И Боже мой! Какъ надоѣли князю всѣ эти господа, встревоженные Харитоновымъ. И массой и въ одиночку, они почти ежедневно являлись къ князю съ различными предложеніями, планами и смѣтами. Кончилось тѣмъ, что вслѣдствіе тѣхъ отсрочекъ нашего отъѣзда, о которыхъ я говорилъ, наступили морозы, Волга замерзла, и, такимъ образомъ, сама природа прекратила усердныя хлопоты этихъ смѣшныхъ директоровъ.

Затѣмъ явился другой планъ, на основаніи котораго нашъ путь направлялся чрезъ иностранныя земли, чрезъ Вѣну и т. д. Въ нѣкоторыхъ точкахъ мы должны были переѣзжать моремъ, для чего и сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія о приготовленіи въ извѣстныхъ мѣстахъ пароходовъ. Князь опять сталъ приглашать къ переѣзду на этихъ пароходахъ различныя личности, которыя также должны были возвращаться на Кавказъ, предлагая имъ ожидать его на назначенныхъ мѣстахъ. Если князь дѣйствительно, какъ потомъ говорили, имѣлъ твердую рѣшимость не возвращаться на Кавказъ и только, какъ говорится, разыгрывалъ комедію, то эти приглашенія служатъ доказательствомъ значительнаго его жестокосердія, потому что многіе имъ повѣрили и пустились въ путь по направленію, имъ указанному. Когда князь потомъ засѣлъ въ Вильнѣ, нѣкоторые изъ этихъ господъ вздумали было дождаться тамъ продолженія его пути; но были приглашены ѣхать впередъ; потомъ они ждали въ Вѣнѣ и другихъ лежащихъ по пути мѣстахъ, откуда и штурмовали меня постоянными вопросами на счетъ отъѣзда князя. Потомъ, когда отъѣздъ этотъ вовсе не состоялся, господа эти должны были двинуться впередъ одни и, разумѣется, не найдя въ извѣстныхъ мѣстахъ пароходовъ, на которые, по приглашенію князя, разсчитывали, очутились въ самомъ затруднительномъ положеніи.

„Въ какомъ же отношеніи находились вы ко всему этому, почтеннѣйшій авторъ многословныхъ и нескладныхъ записокъ?“ спроситъ, быть можетъ, тотъ, кто можетъ имѣть терпѣніе читать ихъ... „Да ни въ какомъ!“ отвѣчу я. Я жилъ преспокойно въ Царскомъ Селѣ и, какъ всегда, былъ центромъ свиты князя. Когда зашла рѣчь объ отъѣздѣ князя, мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы и я не ѣхалъ съ нимъ. Я какъ-то забылъ уже о претензіяхъ моихъ на петербургское устройство. Соглашеніе, состоявшееся у меня съ добрымъ Д. А. Милютинымъ, рѣшительно вышло изъ моей памяти, не говоря уже о томъ, что оно далеко не соотвѣтствовало моимъ вкусамъ. Съ своей стороны, и князь смотрѣлъ на свои отношенія ко мнѣ рѣшительно такимъ же точно образомъ. Ни онъ

мнѣ, ни я ему и не напоминали другъ другу о торжественной разлукѣ, состоявшейся между нами въ Тифлисѣ, о переговорахъ его относительно меня съ графомъ Лумбергомъ и т. п. Казалось, что какъ будто бы ничего этого не было, и князь съ видимымъ удовольствіемъ говорилъ о совокупномъ нашемъ отъѣздѣ, когда только заходила рѣчь объ этомъ отъѣздѣ. Однажды, не помню по какому-то ничтожному дѣлу, рано утромъ я вошелъ къ нему въ кабинетъ и началъ словами: „я имѣю покорнѣйшую просьбу къ вашему сіятельству“; князь уставилъ на меня испуганные глаза и съ величайшею тревогою спросилъ: „вѣрно не хотите ѣхать со мной?“... „Нѣтъ, ваше сіятельство! дѣло вотъ въ чемъ“... Князь очень обрадовался и, разумѣется, тотчасъ исполнилъ просьбу, какую я высказалъ. Я и самъ не могу объяснить, откуда происходило это странное забвеніе моихъ прежнихъ плановъ. Нѣтъ сомнѣнія, что огромное вліяніе на это имѣла моя возмущенная гордость. Привыкнувъ сознавать въ себѣ, по отношенію къ Кавказу, великолѣпнаго дѣятеля, я съ непріятнымъ удивленіемъ видѣлъ, что здѣсь рѣшительно никто не спѣшитъ предлагать мнѣ ни министерскихъ, ни даже директорскихъ мѣстъ. Кромѣ того, избалованный всеобщимъ уваженіемъ на Кавказѣ, я замѣчалъ, что здѣсь не только никто не спѣшитъ ко мнѣ навстрѣчу, съ почтительными изъявленіями, какъ было въ Тифлисѣ, но многіе даже позволяли себѣ посматривать на меня свысока. Паденіе фондовъ самого князя не могло не отражаться на его приближенныхъ и въ особенности на мнѣ, какъ на самомъ приближенномъ. Кто не знаетъ, что когда начинаетъ падать какое-нибудь знаменитое лицо, прежде всего достается лицамъ, его окружающимъ. Я не могъ не видѣть, что въ эти минуты князь имѣетъ наименьшую возможность устроить меня здѣсь, и потому какъ-то безотчетно отлагалъ свое устройство до того времени, когда князь, возвратившись на Кавказъ, возстановитъ свою силу и могущество, и когда съ наибольшимъ успѣхомъ можно будетъ напомнить ему и наши переговоры, и его прежнія обѣщанія въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, князь въ обратный путь взялъ съ собою меня, П—о, Зиновьева и вновь назначеннаго къ нему адъютанта, графа Чернышева-Кругликова.

Такимъ образомъ, дорожную свиту князя составляли: я, Зиновьевъ, графъ Чернышевъ-Кругликовъ и П—о. Харитоновъ, какія ни употреблялъ усилія попасть въ составъ этой свиты, не успѣлъ въ этомъ. Князь рѣшительно не хотѣлъ взять его съ собою и самымъ деликатнымъ образомъ доказывалъ ему, что для него несравненно удобнѣе и пріятнѣе совершить обратный путь въ Тифлисъ вмѣстѣ съ семействомъ, которое находилось тогда въ Петербургѣ. Незави-

симо отъ свиты, князя должно было провожать до Вильны все семейство графа Орлова-Давыдова. За нѣсколько дней до отъѣзда князь, а вмѣстѣ съ нимъ, разумѣется, и всѣ мы перебрались въ Петербургъ. Князь помѣстился въ Зимнемъ дворцѣ, и именно въ томъ отдѣленіи, которое онъ занималъ въ 1859 году. О томъ, какъ назначено было на эту поѣздку князя 10 т. р. изъ казны, о томъ, какъ я въ послѣдній день предъ отъѣздомъ ѣздилъ къ Рейтерну и въ главное казначейство выручать эти деньги, какъ мѣнялъ ихъ на золото и какъ раздѣлилъ два мѣшка съ этимъ золотомъ между П—о и моимъ камердинеромъ, я говорилъ уже въ различныхъ мѣстахъ. Здѣсь остается сказать, что по мѣрѣ приближенія къ моменту отъѣзда, лицо князя начинало краснѣть и принимать тѣ зловѣщіе признаки, которые предвѣщали появленіе жесточайшихъ подагрическихъ припадковъ. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что моральное состояніе имѣетъ громаднѣйшее вліяніе на физическое наше положеніе, и это вліяніе, какъ я говорилъ уже, положительно признавалъ самъ князь. Поэтому, съ нѣкоторою достовѣрностью можно заключить, что обычныя неудачи князя ускорены были безпокойными и непріятными мыслями, которыя осаждали его во время отъѣзда. Хотя смутно и неопредѣленно, однако, все показывало, что отъѣздъ этотъ не только не приноситъ ему ничего радостнаго, но имѣетъ какой-то насильственный характеръ. Видно было, что князь хотѣлъ или чего-нибудь другаго, или, по крайней мѣрѣ, того, чтобъ отъѣздъ этотъ обставленъ былъ иными условіями. И, дѣйствительно, въ обстановкѣ нашего отъѣзда не было ничего радостнаго и великолѣпнаго. Царская фамилія и большая часть придворнаго міра осталась еще въ Царскомъ Селѣ. Изъ другихъ высокихъ личностей въ послѣдніе дни у князя почти никого не было, такъ что, оставаясь еще въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, князь, казалось, былъ уже въ дорогѣ гдѣ-то на станціи...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1865 — 1880.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I [1]).

Путь отъ Казани до Тобольска.—Самовольное завладѣніе ночлегомъ въ чужомъ домѣ.—Тюмень и мѣстная промышленность.—Плаваніе на пароходѣ до Тобольска.—Описаніе Тобольска.—По широкому раздолью сибирскихъ рѣкъ.—Будущность Сибири.

Въ первый разъ я выѣхалъ изъ Казани въ Томскъ 14 мая 1880 г. Такая отдаленная поѣздка въ неизвѣстный для меня край, о которомъ много разъ приходилось читать и слышать самые разнорѣчивые разсказы, естественно возбуждала живое любопытство. Лица, возвращавшіяся изъ Сибири, сообщали о ней свои впечатлѣнія, то скорбныя и угрюмыя, то полныя очарованія и свѣтлыхъ надеждъ на будущее этой страны, смотря по тому, при какихъ условіяхъ совершалось добровольное или невольное пребываніе въ этой, прославившейся ссылкою и золотомъ, русской окраинѣ. Человѣкъ, попавшій въ Сибирь не по своей волѣ, или испытавшій въ ней много нужды и горя, неизбѣжно будетъ окрашивать свои воспоминанія темными красками. Болѣе правдивыя свѣдѣнія сообщали добровольные туристы, или служившіе тамъ образованные чиновники, но и ихъ описанія не всегда вѣрны и безпристрастны. Въ данномъ случаѣ много зависитъ отъ точки зрѣнія наблюдателя и, отчасти, отъ его расположенія духа. Чтобы лично провѣрить все мною прежде слышанное и читанное о Сибири, съ которою судьба, повидимому, связываетъ меня на продолжительный срокъ, я запасся на дорогу письменными принадлежностями, чтобы занести въ тетрадь живыя свѣдѣнія и личныя впечатлѣнія.

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1906 г.

Сибирское путешествіе начинается собственно съ Екатеринбурга, какъ перваго города Азіатской Россіи, гдѣ приходится собираться въ путь на азіатскій ладъ, запасаясь тарантасами и другими дорожными принадлежностями. По этой причинѣ здѣсь пришлось остановиться на цѣлыя сутки. Съ городомъ я былъ давно знакомъ, и еще съ дѣтства онъ производилъ на меня пріятное впечатлѣніе своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, отличными постройками, правильностью и чистотою улицъ. На этотъ разъ мнѣ было особенно пріятно показать Екатеринбургъ въ возможно лучшемъ свѣтѣ своей семьѣ, которая здѣсь еще не бывала. Мы посѣтили болѣе замѣчательныя мѣста—женскій монастырь, соборы, гранильную фабрику, городской садъ, лучшіе улицы и магазины.

Около 5 ч. вечера 19 мая отправились въ дальнѣйшій путь, въ двухъ проходныхъ экипажахъ, въ одномъ ѣхали сами, въ другомъ дорожныя вещи и горничная дѣвушка. Первыя 3—4 станціи путешествіе было очень пріятно: дорога хорошая, везутъ отлично, окрестныя мѣста живописны и разнообразны. Ночь была ясная и теплая. Несмотря на нѣкоторое утомленіе, первая половина тарантаснаго пути, до Камышлова, имѣла видъ пріятной прогулки; но въ Камышловѣ съ ранняго утра пошелъ дождь, преслѣдовавшій насъ до самой Тюмени. По Пермской губерніи виденъ былъ еще благоустроенный путь, но, начиная съ Марковской станціи, мы сразу почувствовали, что въѣзжаемъ въ Сибирь. Долго буду помнить это первое впечатлѣніе. Отъ Марковой мѣстность рѣзко мѣняется: дорога проходитъ густымъ лѣсомъ по отлогой покати. Такъ и кажется, что съ каждой верстой мы углубляемся въ какую-то засасывающую трясину. Густой хвойный лѣсъ смѣнился болотомъ, черезъ которое безобразной, изрытой, черной полосой извивается скверная хлябь, называемая большимъ сибирскимъ трактомъ. При въѣздѣ въ эту болотину поставленъ каменный столбъ, обозначающій границу между Пермскою и Тобольскою губерніями (въ 9—10 верстахъ отъ Марковой). У ямщиковъ почему-то принято за обычай непремѣнно остановиться на этомъ пунктѣ. Многіе путешественники выходятъ изъ экипажа, чтобы посмотрѣть на этотъ печальный столбъ и воочію убѣдиться, что отсюда начинается Сибирь. Для людей, не бывавшихъ въ Сибири, знакомыхъ съ нею только по разсказамъ и описаніямъ, Тобольская пограничная черта производитъ удручающее впечатлѣніе. Новаго человѣка здѣсь сразу обдаетъ холодомъ послѣ благоустроенныхъ, привольныхъ и веселыхъ мѣстъ Пермской губерніи. Прежде всего поражаетъ злосчастный столбъ, испещренный нацарапанными безграмотными надписями бродягъ и бѣглыхъ каторжниковъ. Подобно тому, какъ счастливые туристы оставляютъ на память свои имена на посѣщенныхъ ими, болѣе замѣ-

чательныхъ пунктахъ прославленныхъ мѣстъ Западной Европы, — сибирскіе бродяги, или по-здѣшнему варнаки, избрали мѣстомъ для такихъ же отмѣтокъ вышеупомянутый столбъ. Очень сожалѣю, что не списалъ дословно помѣщенныхъ здѣсь характерныхъ изреченій. Они были въ такомъ родѣ: „Иванъ изъ Кары, прошелъ здѣсь 27-го іюня". Или: „Здрастуй Рассія, прощай Сибирь". Попадались также надписи ругательнаго или угрожающаго свойства. Общій колоритъ ихъ далеко не веселый.

Отъ границы Тобольской губ. до Тюмени приходится проѣхать три утомительныхъ и длинныхъ станціи. По случаю дождя, дорога была невозможная; хуже всего по болотистымъ мѣстамъ, гдѣ настланы гати, большею частію разбитыя, исковерканныя. Впрочемъ, и по мѣстамъ болѣе возвышеннымъ взрытый колеями черноземный грунтъ былъ не многимъ лучше. Ѣхать приходилось почти шагомъ, съ опасностью на каждомъ шагу опрокинуться. Не видно никакихъ признаковъ, чтобы дорога ремонтировалась: ни песку, ни гальки, ни щебня нѣтъ на ней и слѣда; мосты устроены грубо, аляповато, большею частію не крашеные. При сравненіи съ пермскимъ шоссированнымъ и исправнымъ трактомъ, невольно приходишь къ заключенію, что дрянное состояніе тюменскаго участка зависитъ не столько отъ природныхъ условій, сколько отъ сибирскаго неряшества.

Въ Тюмень пріѣхали 21 мая около 4-хъ часовъ утра. Единственная въ городѣ „Европейская гостиница" оказалась переполненной чающими движенія парохода. По совѣту ямщика отправились искать пріюта въ какихъ-то номерахъ но тамъ оказалось нѣчто невозможное. Въ дрянномъ деревянномъ домѣ, вродѣ постоялаго двора, сонный мужикъ (хозяинъ или дворникъ) указалъ мнѣ большую комнату безъ всякой мебели, полъ которой былъ покрытъ спящими человѣческими тѣлами. Надо было шагать черезъ эту живую настилку, чтобъ добраться до другой смежной комнаты, въ которой тоже были спящіе на полу, но одинъ уголокъ оставался свободнымъ. Его-то и предлагали намъ занять въ ожиданіи прибытія томскаго парохода. Понятно, что я отказался отъ такой чести и былъ не мало удивленъ, что многіе изъ ночующихъ въ этомъ ночлежномъ домѣ, судя по разложеннымъ туалетнымъ принадлежностямъ, были не изъ чернорабочаго класса. Неужели необходимость заставила ихъ, за неимѣніемъ другаго помѣщенія, довольствоваться такимъ грязнымъ сараемъ. Не веселое предзнаменованіе въ началѣ нашего сибирскаго странствованія!

Остановиться все-таки гдѣ-нибудь было нужно. Почтовая станція слишкомъ далеко отъ пароходной пристани, на противуположномъ концѣ города (болѣе трехъ верстъ). Ѣхать туда по невылазной уличной грязи, съ слабой надеждой найти какое-нибудь временное по-

мѣщеніе, мы не рѣшались. Въ раздумьѣ, не зная, что дѣлать и куда преклонить голову, мы рѣшились, по совѣту опытнаго сибиряка, горнаго инженера Н. Григ. Пермикина, очутившагося въ томъ же положеніи и случайно съ нами познакомившагося на одной изъ предыдущихъ станцій,—заѣхать въ ближайшій обывательскій домъ. Какъ ни казалось страннымъ съ непривычки такое самовольное вторженіе въ чужую, ни мало не знакомую намъ квартиру, но мы поступили именно такъ. Ямщики отворили ворота, въѣхали па дворъ и стали развязывать багажный возокъ. Мы съ Пермикинымъ тѣмъ временемъ вошли въ незапертыя сѣни. Въ первыхъ трехъ комнатахъ не оказалось ни одной живой души; въ четвертой на двухспальной широкой кровати, мирно почивалъ хозяинъ съ хозяйкой. Будить ихъ было неудобно. Возвратившись назадъ, мы увидѣли, что нашъ багажъ уже распакованъ и вынесенъ на крылечко. Послѣ того, по совѣту Н. Гр., мы преспокойно расположились въ трехъ пустыхъ комнатахъ, какъ у себя дома, и, утомленные путешествіемъ и проведенными передъ тѣмъ двумя безсонными ночами, уснули крѣпкимъ сномъ, кто на дощатомъ диванчикѣ, или на составныхъ стульяхъ, кто на полу, разостлавъ пледы. Около 8 часовъ утра слышу, пріотворяется дверь, высовывается голова вставшаго домохозяина. Онъ проситъ позволенія войти въ занятую нами комнату, чтобы взять какія-то нужныя вещи. Я извиняюсь за нашъ самовольный поступокъ; но оказывается, что въ Тюмени, дѣйствительно, это дѣло привычное. Хозяинъ не только не былъ въ обидѣ, а напротивъ, былъ радъ посѣтителямъ. Такъ мы и остались здѣсь на цѣлыя сутки въ ожиданіи парохода. Выбранный нами домъ, не далеко отъ пристани, на горѣ около спуска, принадлежалъ одному изъ гласныхъ городской думы, тюменскому мѣщанину, человѣку, очень любезному, словоохотливому и не особенно корыстолюбивому. За постой съ обѣдомъ я заплатилъ ему 10 руб., и онъ остался этимъ очень доволенъ.

Сутки, проведенныя въ Тюмени, мы употребили на осмотръ города. По правдѣ сказать, и осматривать было нечего, кромѣ строющагося реальнаго училища (на средства купца Подаруева) и загороднаго сада. Училище вчернѣ было уже окончено. Оно представляетъ собой красивое каменное двухъэтажное зданіе, въ лучшей части города, на такъ называемой Царской улицѣ. Для Тюмени такое щедрое пожертвованіе—большая находка. Оно было бы въ пору любому губернскому городу. Меня, естественно, болѣе всего интересовали условія строительныхъ работъ. По этому поводу я велъ переговоры съ десятникомъ строющагося зданія и съ нѣкоторыми рабочими. Оказалось, что кирпичъ въ Тюмени стоитъ 6—8 руб. 1.000, кладка 4—5 р. съ тысячи, известь 20—25 к. пудъ; бутоваго камня

совсѣмъ нѣтъ, фундаменты выложены изъ кирпича, каменщики выписаны изъ Екатеринбурга, чернорабочимъ платятъ 60—80 коп. въ день. Все это не лишне принять къ свѣдѣнію при предстоящей постройкѣ университета.

Кромѣ зданія реальнаго училища, тотъ же Подаруевъ выстроилъ на свой счетъ и подарилъ городу водопроводъ. Вода взята изъ рѣки Туры и разведена по площадямъ въ бассейны и разборные краны. Принимая въ разсчетъ очень высокій и крутой берегъ, на которомъ расположенъ городъ, такое снабженіе водою весьма важно, особенно въ пожарномъ отношеніи. Жаль, что туринская вода очень загрязнена кожевенными заводами. Въ ней попадаются волосы отъ вымачиваемыхъ кожъ и блестки жира, но жители увѣряютъ, что для питья она безвредна.

Въ Тюмени много старинныхъ каменныхъ церквей, нѣкоторыя изъ нихъ довольно красивы. Не мало хорошихъ каменныхъ домовъ, но они разбросаны въ одиночку между массою деревянныхъ зданій, потому не даютъ общаго впечатлѣнія. Улицы широкія, но невообразимо грязныя. Въ дождливую пору по нимъ, какъ по грунтовымъ дорогамъ сибирскаго тракта, едва возможно проѣхать. Черноземныя колеи глубиной чуть не въ полъ-аршина. Никакихъ слѣдовъ мощенія нѣтъ и не было. По сторонамъ главныхъ улицъ проложены деревянные мостки, содержимые далеко не исправно. Нерѣдко линія ихъ прерывается, или они настолько ветхи, что опасно ходить. По главной улицѣ, которая носитъ названіе Царской, есть хорошіе магазины. Гостиный дворъ каменный, но безобразный. Изъ мѣстныхъ произведеній извѣстны тюменскіе ковры, не дурныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, но очень не прочные. Цѣна ихъ отъ 3 до 10 руб., смотря по величинѣ. Ихъ употребляютъ чаще всего для покрыванія сундуковъ въ купеческихъ и мѣщанскихъ домахъ, а также вмѣсто попонъ для лошадей. Мы купили въ Екатеринбургѣ для дороги два такихъ ковра.

Загородный садъ представляетъ собой частью естественную, частью подсаженную рощицу, преимущественно хвойныхъ деревьевъ (пихта и ель) съ просѣками, площадками и двумя или тремя аллеями. Здѣсь же устроенъ деревянный ресторанчикъ и кегли. Тѣни достаточно. Видъ на Туру довольно красивъ, но ѣхать въ этотъ садъ (версты двѣ отъ города) по дурной дорогѣ не составляетъ никакого удовольствія. Въ самой Тюмени, при домахъ, садовъ почти совсѣмъ нѣтъ. Только въ нѣкоторыхъ церковныхъ оградахъ можно еще найти по десятку старыхъ развѣсистыхъ березъ. Крытыхъ извозчичьихъ экипажей нѣтъ ни одного; даже нѣтъ обыкновенныхъ дрожекъ. Всѣ ѣздятъ на такъ называемыхъ долгушахъ, тряскихъ и неудобныхъ. На нихъ садятся съ одной стороны, какъ на скамейку. Для упора

ногъ имѣются подножки во всю длину линейки (долгуши). Фартуковъ не полагается, поэтому сѣдока со всѣхъ сторонъ обдаетъ грязью. Такія же долгуши на деревянныхъ дрожинахъ въ большомъ ходу у пермскихъ извозчиковъ. Въ Екатеринбургѣ ихъ гораздо меньше (тамъ предпочитаются линейки, иногда даже крытыя, съ откиднымъ верхомъ). Большинство тюменскихъ обывателей-мѣщанъ ѣздятъ по городу въ простыхъ телѣгахъ. Этотъ, болѣе надежный и безопасный способъ передвиженія вполнѣ соотвѣтствуетъ состоянію городскихъ улицъ.

Самъ по себѣ городъ (Тюмень) далеко не бѣденъ и внѣшнее его благоустройство могло бы быть доведено до значительнаго совершенства, если бы люди, заправляющіе городскимъ хозяйствомъ, были пограмотнѣе и поэнергичнѣе. Между тѣмъ, несмотря на 300-лѣтнюю исторію города, онъ до сихъ поръ остается не болѣе, какъ обширнымъ торговымъ селомъ, гдѣ о городскихъ потребностяхъ никто не думаетъ и даже никто ихъ не сознаетъ. Занимая очень выгодное положеніе, какъ начальный пунктъ пароходнаго движенія по системѣ сибирскихъ рѣкъ, Тюмень держитъ въ своихъ рукахъ обширную операцію по доставкѣ грузовъ между Камою и Турою. Милліоны пудовъ, доставляемыхъ ежегодно на пристань, или проходящихъ зимой черезъ Тюмень по главному сибирскому тракту, даютъ въ пользу города весьма значительный повозный сборъ. Къ этой же транспортной операціи пріурочена кустарная промышленность тюменскихъ мѣщанъ, именно заготовка громаднаго числа телѣгъ и обозной сбруи. Издавна существующіе въ Тюмени кожевенные заводы дали возможность развить здѣсь другую немаловажную отрасль кустарнаго дѣла—приготовленіе обуви и рукавицъ. Тюменскіе ковры даютъ работу преимущественно женщинамъ, не только въ самомъ городѣ, но и по окрестнымъ деревнямъ. Работницы, занимающіяся тканіемъ ковровъ, называются въ Тюмени плетеи, отъ слова плести.

Изъ частныхъ предпріятій въ Тюмени выдающееся значеніе имѣетъ заводъ Игнатова и Курбатова для постройки пароходовъ. Онъ находится на лѣвомъ берегу Туры въ 3—4 верстахъ ниже города. Здѣсь работаютъ не только корпуса, но и всѣ машинныя металлическія части, такъ что плавающіе нынѣ по Обской системѣ рѣкъ пароходы и баржи съ полною отдѣлкою выпускаются по преимуществу изъ этого завода. Это полезное предпріятіе Игнатова и Курбатова дало весьма замѣтный толчекъ развитію судоходства по сибирскимъ рѣкамъ, которое съ каждымъ годомъ должно развиваться больше и больше. Въ настоящее время всѣхъ дѣйствующихъ здѣсь пароходовъ считается около 30, изъ нихъ наилучшіе принадлежатъ товариществу Игнатова и Курбатова, именно: „Рейтернъ“, „Косаговскій“, „Беленченко“

(существующіе съ 1871 года; каждый изъ нихъ въ 120 силъ, длина корпуса 220 футовъ). Той же компаніи принадлежатъ мелко сидящіе пароходы: „Капитановъ“ и „Фортуна“, въ 35—40 силъ и 140—150 футовъ длины, предназначенные для плаванія по Турѣ на случай мелководья.

Только одна эта компанія поддерживаетъ срочное пассажирское пароходство между Тюменью и Томскомъ, вмѣстѣ съ перевозкою арестантовъ на особой баржѣ, остальные же пароходы (купцовъ Корнилова, Плотникова, Ширкова и др.) служатъ исключительно для буксированія грузовъ, а срочныхъ рейсовъ не дѣлаютъ. Пароходы Курбатова и Игнатова отходятъ изъ Тюмени разъ въ двѣ недѣли; въ Томскъ приходятъ черезъ 9—10 дней. Навигація по сибирскимъ рѣкамъ открывается около 20-го мая и прекращается въ концѣ сентября.

22-го мая услышали свистокъ подходящаго парохода. То былъ, дѣйствительно, давно ожидаемый „Рейтернъ“, на которомъ мы должны были совершить наше путешествіе до Томска. Билетами на отдѣльную каюту мы запаслись заблаговременно по телеграфу изъ Перми, и въ этомъ отношеніи были покойны. Пароходы Курбатова и Игнатова отходятъ изъ Тюмени по росписанію въ 3 часа ночи, но мы, конечно, перебрались туда съ вечера, чтобы устроиться не торопясь въ новомъ помѣщеніи, гдѣ предстояло провести не менѣе 8—9 сутокъ. Послѣ роскошныхъ волжскихъ и камскихъ пароходовъ, сибирскій ихъ собратъ по первому впечатлѣнію показался очень невзрачнымъ. Рубка тѣсна, каюты убогія, вся обстановка болѣе чѣмъ скромная. Но, все-таки, мы благодарили судьбу, что имѣемъ возможность плыть по водѣ, а не по грунтовой грязи сибирскаго тракта. За трехмѣстную каюту перваго класса пришлось заплатить отъ Тюмени до Томска 75 р., за мѣсто во 2-мъ классѣ для горничной дѣвушки 15 р. и за багажъ по 1 р. съ пуда. Мѣста на пароходѣ были всѣ заняты. Особенно оказался переполненнымъ 3-й классъ, въ которомъ, на палубѣ, подъ открытымъ небомъ, расположились преимущественно переселенцы съ женами и дѣтьми. Ихъ было принято столько, сколько можно было втиснуть, такъ что вся поверхность палубы буквально была покрыта сидящими и лежащими человѣческими тѣлами и кошелями ихъ убогаго скарба. За билетъ въ 3-мъ классѣ взрослые платили по 7 р., не пользуясь рѣшительно никакими удобствами. Во второмъ классѣ также было переполнено; въ рубкѣ и въ общей каютѣ перваго класса нѣсколько посвободнѣе, но все же тѣсно. За пароходомъ на буксирѣ идетъ арестантская баржа, въ которой помѣщается до 700 человѣкъ ссыльныхъ. За перевозку ихъ до Томска правительство уплачиваетъ компаніи Курбатова и Игнатова по 8 руб. съ человѣка, но арестанты помѣщаются лучше переселенцевъ. Надъ палубой ихъ баржи имѣется

крыша, защищающая ихъ отъ дождя, боковыя стороны затянуты рѣшетками изъ толстой проволоки и парусиннымъ брезентомъ, а въ холодныя ночи они могутъ укрыться внутри баржи, гдѣ устроены нары для спанья. Съ арестантами отправляется конвойный офицеръ, докторъ или фельдшеръ; есть лазаретъ и аптечка.

Если справедливо, какъ мнѣ передавали, что на баржѣ помѣщается 700 человѣкъ, съ платою по 8 р., то на одной этой статьѣ компанія должна выручить въ одинъ конецъ болѣе 5 т. р. и примѣрно столько же съ пассажировъ парохода. Операція крайне выгодная, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что вольные и невольные пассажиры здѣсь гарантированы на всю навигацію, а отопленіе парохода (дрова) на пути его слѣдованія крайне дешево. При всемъ томъ говорятъ, что на постройку пароходовъ и арестантскихъ баржъ компанія Курбатова получила еще значительную субсидію отъ м—ва внутр. дѣлъ. По этой причинѣ и выстроеннымъ пароходамъ дали названіе въ честь лицъ, оборудовавшихъ это дѣло (Рейтернъ мин. финансовъ, Косаговскій и Беленченко чиновники, вѣдающіе пересыльною частью).

До поздней ночи на пароходѣ продолжалась невообразимая суетолока. Кромѣ отправляющихся въ дальній путь, суетящихся по поводу дорожныхъ сборовъ и припасовъ, было не мало провожающихъ и еще больше праздныхъ зѣвакъ. То и дѣло приходили и уходили новыя лица, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этой суматохѣ каждый пассажиръ долженъ былъ зорко охранять свои вещи. Утомленные этимъ гамомъ, часовъ около 11, мы отправились въ каюту спать. Выйдя въ рубку къ утреннему чаю, мы были уже близъ устья Туры (у деревни Артамоновой), а на слѣдующій день прибыли въ Тобольскъ.

Издали Тобольскъ довольно красивъ. Расположенный, какъ большинство русскихъ городовъ, при сліяніи двухъ рѣкъ — величественнаго Иртыша и Тобола, въ половодье онъ кажется точно приморскимъ городомъ: лѣвый берегъ настолько залитъ весеннимъ разливомъ, что совсѣмъ не видно твердой земли. Только выдающіеся кустарники, какъ острова, показываютъ, что здѣсь была суша.

Городъ расположенъ по правой сторонѣ Иртыша и раздѣляется на двѣ половины: верхняя на крутой и высокой горѣ, гдѣ красуется бѣлый кремль, съ высокими зубчатыми стѣнами и башнями,—многоглавые соборы и зданія присутственныхъ мѣстъ. Нижняя, или торговая часть лежитъ у подошвы горы, у самаго берега рѣки. Здѣсь также прежде всего бросаются въ глаза многочисленныя каменныя церкви, семинарія, большой губернаторскій домъ и много хорошихъ каменныхъ обывательскихъ построекъ. Стоявшіе у пристани (слу-

чайно) два парохода, десятокъ баржъ и барокъ, толпы народа и извозчиковъ на берегу давали впечатлѣніе заправскаго, торговаго, оживленнаго города. Вспоминая прошлую исторію Тобольска, можно было подумать, что онъ и до сихъ поръ служитъ столицею Сибирскаго царства. Но этотъ миражъ исчезаетъ, какъ только вы сходите на берегъ и ознакомитесь съ закулисною стороною отжившаго величія. То, что казалось красивымъ и величественнымъ издали, дѣйствительно красиво,—это храмы Божіи и старыя правительственныя постройки; все же остальное, новое, обывательское, носитъ печать мелкаго мѣщанскаго пошиба. Тобольскъ видимо падаетъ. Созданный и возвеличенный административною властью, въ ней одной онъ находилъ источникъ жизни; но съ уничтоженіемъ намѣстничества, а въ новѣйшее время съ переводомъ генералъ-губернаторства въ Омскъ, онъ превратился въ будничный захолустный городокъ.

Нашъ пароходъ останавливается въ Тобольскѣ на 3 часа. Выйдя на берегъ, мы тотчасъ же взяли извозчика осматривать городъ. Первое, что здѣсь бросается въ глаза,—это своеобразная мостовая изъ толстыхъ плахъ (досокъ), которыми выстланы всѣ улицы нижнихъ кварталовъ. Такая настилка напоминаетъ сибирскіе постоялые дворы. Если бы она содержалась исправно, то такія мостовыя можно было бы считать цѣлесообразными; но бѣда въ томъ, что доски, укладываемыя на болотистой почвѣ, очень скоро гніютъ и проваливаются; поэтому, при неаккуратномъ ремонтѣ, ѣзда по нимъ хуже, чѣмъ по испорченной части. Колесо то и дѣло попадаетъ въ выбитыя щели и ямы. Въ лѣтніе жары деревянныя мостовыя должны быть очень опасны въ пожарномъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что большая часть городскихъ строеній также деревянныя. Не оттого ли Тобольскъ такъ прославился грандіозными историческими пожарами?

Въ нижней части города нѣтъ ничего достопримѣчательнаго. Улицы содержатся неопрятно, площади изображаютъ собой болотистые пустыри; тамъ, гдѣ нѣтъ досчатой настилки, невозможно ни пройти, ни проѣхать. По главной улицѣ, гдѣ стоитъ губернаторскій домъ, наберется 5—6 купеческихъ каменныхъ домовъ приличной наружности, остальныя постройки маленькія, деревянныя. Замѣчательно, что стѣны многихъ каменныхъ строеній дали большія трещины. Такія прорѣхи свѣжему человѣку невольно бросаются въ глаза; тоболяки, вѣроятно, къ этому привыкли и не боятся, что зданія могутъ обрушиться. Надо полагать, что трещины происходятъ вслѣдствіе осадки болотистаго грунта, или дурнаго качества фундаментовъ. Твердаго бутоваго камня въ фундаментахъ Тобольска такъ же, какъ и въ Тюмени, совсѣмъ нѣтъ. Фундаменты строятъ кирпичные.

Изъ нижней части города извозчикъ повезъ насъ на гору, по-

смотрѣть памятникъ Ермаку и ссыльный углицкій колоколъ. Это, кажется, единственныя достопримѣчательности Тобольска. Въѣздъ на гору устроенъ довольно удобно. Почти въ отвѣсной кручѣ сдѣлана громадная выемка земли, откосы обложены дерномъ, а полотно дороги такъ же, какъ и улицы, вымощены досками. Это и есть, извѣстный въ лѣтописяхъ Тобольска, прямской въѣздъ, сооруженный еще въ цвѣтущее время тобольскаго намѣстничества. Безъ такого подъема сообщеніе между верхней и нижней частью города было бы крайне затруднительно, хотя и теперь подъемъ все же очень крутъ. По лѣвую сторону этой искусственной траншеи, на самой горѣ, стоитъ кремль и соборы, а по правую сторону, на мысу—памятникъ Ермаку, вокругъ котораго разбитъ небольшой скверъ. Видъ съ этого пункта очень красивъ: подъ ногами раскидывается панорама нижняго города, а далѣе стелется необозримая площадь воды (при весеннемъ разливѣ) и широкая, величественная лента Иртыша. Самый памятникъ не представляетъ ничего особеннаго. Это мраморный обелискъ екатеринбургской работы, довольно значительныхъ размѣровъ, но не выражающій собою ни художественнаго вкуса, ни идеи. Въ такомъ родѣ зачастую можно встрѣтить на провинціальныхъ кладбищахъ могильные памятники,—разница только въ размѣрахъ, но не въ формѣ. Можетъ быть и это правильнѣе считать могильнымъ монументомъ въ память исчезнувшаго величія Тобольска. Вмѣсто имени Ермака здѣсь слѣдовало бы написать: „sic transit gloria mundi!“

Мысъ, на которомъ стоитъ памятникъ, довольно узокъ. По одну его сторону лежитъ вышеупомянутая выемка прямскаго въѣзда, по другую—глубокій оврагъ, вродѣ ущелья, по дну котораго течетъ скудная рѣченка Курдюмка. За этимъ оврагомъ такой же вышины другой мысъ, называемый Паней бугоръ. Онъ совершенно пустой, обнаженный, какъ голый черепъ, съ крайне крутымъ подъемомъ. Названіе свое онъ получилъ, говорятъ, отъ того, что здѣсь когда-то существовало католическое кладбище. Слѣдуетъ замѣтить, что прозвище этого бугра существовало уже въ концѣ VII вѣка, какъ это обозначено на планѣ Тобольска того времени. Въ имѣющемся у меня точномъ снимкѣ съ этого плана (1698 года) бугоръ носитъ имя Банина и на немъ отмѣчена стоящая часовня.

Второю примѣчательностью Тобольска считается ссыльный углицкій колоколъ. Этотъ колоколъ, $19^1/_2$ пуд. вѣсу, въ настоящее время виситъ на особой деревянной колоколенкѣ (4 столба, покрытые навѣсомъ съ помостомъ), близъ архіерейскаго дома, въ Кремлѣ. Вниманіе проѣзжающихъ привлекается къ нему надписью, вырѣзанною въ концѣ прошлаго столѣтія по приказанію тобольскаго архіепископа Варлаама. Надпись эта слѣдующая: „Сей колоколъ, въ который били въ набатъ

при убіеніи царевича Димитрія, въ 1593 г. присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку, въ городъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостивѣйшаго Спаса, что на торгу, и потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитный". Воспроизведенная здѣсь исторія колокола, очевидно, передается по преданію, а не на основаніи какихъ-либо документовъ. Преданіе же, по моему мнѣнію, здѣсь не вполнѣ согласно съ исторіей. Извѣстно, что Тобольскій острогъ (деревянная крѣпость) былъ основанъ Чулковымъ въ 1587 году. Трудно предположить, чтобы спустя 4 года послѣ этого (убіеніе царевича Димитрія, 15 мая 1591 г.), у Годунова явилась мысль о такой необыкновенной ссылкѣ въ только-что возникавшій городъ. Правдоподобнѣе было бы предполагать, что это былъ не ссыльный колоколъ, наказанный кнутомъ съ отсѣченіемъ одного уха, а одинъ изъ тѣхъ дарственныхъ вкладовъ, которые нерѣдко благочестивые цари посылали въ отдаленные города и инородческія земли, гдѣ предполагалось водворить христіанство. Можетъ быть, это, дѣйствительно, былъ первый колоколъ, присланный въ новосозданную деревянную крѣпость. Въ 1643 г. Тобольскій острогъ постройки Чулкова весь выгорѣлъ. Пожары повторялись и послѣ того много разъ. Можетъ быть, при одномъ изъ нихъ колоколъ упалъ и отбилъ себѣ ухо, что̀ и послужило поводомъ для легенды. Если бы это была не позднѣйшая легенда, а дѣйствительное событіе, то оно, по своей необычайности, было бы занесено въ Сибирскія лѣтописи, тѣмъ болѣе, что онѣ составлялись по самымъ свѣжимъ воспоминаніямъ тутъ же, въ Тобольскѣ, и при участіи такихъ лицъ, какъ архіепископъ Кипріанъ (1624) и Савва Есиповъ. Страленбергъ, Спафарій и другіе просвѣщенные писатели, жившіе въ Тобольскѣ, или проѣзжавшіе черезъ него, также о ссыльномъ колоколѣ не упоминаютъ. О немъ особенно стали трубить послѣ того, какъ сдѣлана была вышеупомянутая надпись. Почему-то она пришлась по вкусу тоболякамъ, что они точно гордятся этимъ сомнительнымъ событіемъ. Каждаго туриста непремѣнно везутъ показать эту диковинку. Корнаухій колоколъ изображаютъ на разныхъ издѣліяхъ и на фотографіяхъ, о немъ трактуютъ во всякой книжкѣ, гдѣ только говорится о Тобольскѣ. На меня все это производитъ грустное впечатлѣніе. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, въ древней столицѣ Сибири нѣтъ болѣе симпатичныхъ воспоминаній, какъ кнутъ, ссылка, рваная ноздря и висѣлица. Неужели это должно служить эмблемою сибирскаго царства и радовать насъ, что даже звукъ перваго благовѣста въ первомъ сибирскомъ храмѣ раздавался не изъ освященнаго колокола, а изъ отверженнаго, наказаннаго и сосланнаго на заточеніе. При такомъ жалкомъ пессимизмѣ можно дѣйствительно подумать, что Сибирь проклятая страна, съ первыхъ дней осужденная для ссылки

и каторги, что въ ней нѣтъ ни свѣтлаго прошлаго, ни отраднаго будущаго.

Раздавшійся съ парохода первый свистокъ заставилъ насъ прекратить дальнѣйшій осмотръ кремля и соборовъ, и поторопиться къ пристани. Черезъ $^1/_4$ часа мы были уже на пароходѣ, а вскорѣ затѣмъ сняли сходни, зашумѣли колеса, и мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Оставляя городъ, въ первый разъ мною осмотрѣнный, но давно знакомый по историческимъ описаніямъ, я вышелъ на верхнюю палубу, чтобы еще разъ полюбоваться на красивую панораму Тобольска. Издали особенно хороша его верхняя часть, съ бѣлыми стѣнами кремля, соборами и правительственными зданіями, точно уходящими въ небо надъ высокимъ обрывистымъ берегомъ рѣки. И думалось мнѣ: когда въ первый разъ выходила Ермакова дружина изъ Тобола въ Иртышъ противъ этихъ самыхъ кручъ, не вспоминались ли кому-нибудь изъ нихъ слова начальной лѣтописи преподобнаго Нестора, вложенныя въ уста апостолу Андрею:—„видите ли горы сіи, на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія“! Идея этой благодати должна была воодушевить на подвигъ. Разбойникъ, внѣ закона, явился орудіемъ Промысла, указавшаго Россіи предѣльный ростъ ея могучаго организма, отъ западнаго моря до восточнаго. Какъ прежде, на берегахъ Днѣпра, на пути изъ Варягъ въ Греки, св. Софія приняла подъ свое покровительство южные предѣлы славянства, такъ и здѣсь, на берегахъ Иртыша, тоже св. Софія указывала невѣдомый путь въ полунощныя страны и въ области восходящаго солнца. На высотахъ Тобольска впервые было водружено ея святое знамя и отсюда свѣтъ христіанства долженъ былъ разливаться по далекой сѣверо-восточной Азіи [1]).

Въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ Тобольскъ, дѣйствительно, былъ „матерью городовъ сибирскихъ“, столицей сибирскаго царства. Отсюда началась сибирская исторія, ознаменовавшая себя не ссылкой и каторгой, а рядомъ изумительныхъ подвиговъ первыхъ піонеровъ русской народной силы, прорѣзавшихъ на утлыхъ ладьяхъ необозримыя пространства невиданныхъ земель, до устья Амура и до Камчатки включительно. Эти подвиги почти равносильны открытію Америки и доставили одной Россіи не меньшій запасъ территоріи, какой далъ Колумбъ всей Европѣ. Значеніе Сибири въ этомъ отно-

[1]) Первый каменный храмъ въ Тобольскѣ (и во всей Сибири) былъ построенъ митрополитомъ Павломъ въ 1683 г., освященъ во имя Софіи премудрости Божіей въ 1686 г. Это нынѣшній Софійскій соборъ. До него всѣ церкви были деревянныя, уничтоженныя впослѣдствіи пожарами. Первая деревянная церковь въ Тобольскомъ острогѣ была освящена во имя Всемилостивѣйшаго Спаса.

шеніи далеко еще не оцѣнено по достоинству. Только будущія наши поколѣнія поймутъ, какую услугу оказали Ермакъ и его послѣдователи русскому народу, обезпечивъ ему просторъ разселенія на много столѣтій впередъ и инстинктивно указавъ, что будущія историческія задачи Россіи должны быть связаны не съ классическимъ западомъ, а съ далекимъ востокомъ. Китай, Японія и Америка — вотъ наши взаимодѣйствующіе сосѣди. Центръ всемірной исторіи будущихъ столѣтій (можетъ быть скорѣе, чѣмъ намъ теперь кажется) долженъ перемѣститься съ европейскихъ морей на восточныя прибрежья Тихаго океана. При посредствѣ Сибири Россія, какъ ближайшая сосѣдка Китая и Японіи, должна занять въ отношеніи этихъ странъ то же руководящее положеніе, какому она подчиняется нынѣ въ отношеніи къ Западной Европѣ, а съ Америкой, черезъ Беринговъ проливъ, она должна вступить въ культурное общеніе, какъ равная съ равнымъ. Все это дѣло будущаго, но будущаго возможнаго. Для приближенія его Сибири нужно осуществить три грандіозныя задачи: 1) населить ея пустыри трудолюбивымъ народомъ изъ добровольныхъ переселенцевъ, 2) провести отъ Волги до Амура желѣзную дорогу и благоустроить водные пути сообщенія и 3) дать Сибири собственные центры просвѣщенія. Все это рано или поздно должно осуществиться. Хорошо, если бы это совершилось не поздно!

Замечтавшись о судьбахъ Сибири при прощальномъ взглядѣ на Тобольскъ, я невольно переношу свои мысли опять на этотъ обиженный городъ, золотыя маковки котораго все еще видны съ верхней палубы уходящаго парохода. Падающій городъ, все равно какъ заглохшій садъ или покосившійся домъ, какъ все, носящее признаки запустѣнія и приближающейся смерти, производитъ грустное впечатлѣніе. Когда переживаетъ свою славу человѣкъ, или мельчаетъ и вырождается нѣкогда знаменитый родъ, этому можно найти оправданіе въ ограниченности человѣческихъ силъ. Но когда медленной смертью умираетъ нѣкогда знаменитый городъ, дни котораго не ограничены, какъ дни человѣческой жизни, это служитъ признакомъ либо упадка народнаго духа, либо доказательствомъ исторической ошибки въ выборѣ пункта для основанія такихъ центральныхъ мѣстъ. Въ отношеніи къ Тобольску могла имѣть мѣсто и та и другая причина, но при всемъ томъ я думаю, что невзгода, нынѣ постигшая этотъ захудалый городъ, есть только временная. Правда, онъ не можетъ вернуть себѣ прежняго значенія столицы всей Сибири, но можетъ снова сдѣлаться богатымъ и многолюднымъ, торговымъ и промышленнымъ городомъ. Въ немъ существуетъ для этого достаточно благопріятствующихъ условій: 1) многоводная рѣка Иртышъ, связывающая Тобольскъ съ далекимъ югомъ и крайнимъ сѣверомъ. Только изъ

Тобольска, а никакъ не изъ Тюмени, можетъ современемъ развиться въ широкихъ размѣрахъ пароходство по рѣкамъ Западной Сибири. Здѣсь долженъ быть исходный пунктъ этого движенія и центръ судостроенія, а не на безводной Турѣ. Поэтому, 2) можно ожидать, что въ непродолжительномъ времени Тобольскъ будетъ непосредственно связанъ съ Уральскою желѣзною дорогою, изъ Тагила, или Кушвы, черезъ Ирбитъ, либо Туринскъ. Эта линія, соединяя кратчайшимъ путемъ Иртышъ съ Камою, сразу подняла бы Тобольскъ до степени первоклассnаго сибирскаго города. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, естественно, взялъ бы въ свои руки всѣ сѣверные и морскіе промыслы, которые, при благопріятныхъ условіяхъ, могли бы дать не только Тобольску, но и всей Россіи громадныя богатства. 3) Въ случаѣ осуществленія сѣвернаго морскаго пути, о которомъ теперь такъ хлопочутъ М. К. Сидоровъ и А. М. Сибиряковъ, не жалѣя личныхъ средствъ, наибольшая выгода отъ этого открытія досталась бы на долю Тобольска. Считать же этотъ проектъ неосуществимымъ, мнѣ кажется, нѣтъ основанія. Если не черезъ Обскую губу и Карское море, то черезъ Березовскую Сосву и Печору, хотя бы при посредствѣ конножелѣзной дороги на короткомъ уральскомъ перевалѣ, все же можно дать удобный выходъ съ Иртыша и Оби въ свободный Сѣверный океанъ. Все это дѣло близкаго будущаго.

При болѣе счастливыхъ временахъ и самъ Тобольскъ выработалъ бы въ себѣ болѣе благопріятныя условія жизни. Теперь его упрекаютъ въ томъ, что въ нагорной части онъ страдаетъ отъ недостатка воды, а въ подгорной отъ ея избытка. Но это дѣло легко поправимо: водопроводъ на горѣ, канализація и набережная въ нижней части,— вотъ и все, что ему нужно. По условіямъ мѣстоположенія это былъ бы второй Нижній-Новгородъ. Да, все это было бы возможно, если бы побольше ума, прозорливости и энергіи, еслибъ въ самомъ русскомъ человѣкѣ было поменьше пессимизма, духа вражды, противорѣчія и подчасъ какого-то непонятнаго злорадства при видѣ развѣнчанныхъ кумировъ.

Кромѣ воспоминаній о сибирской исторіи, Тобольскъ доставилъ мнѣ и другое удовольствіе: спустившись въ рубку, я узналъ, что значительная часть пассажировъ перваго класса сошла въ этомъ городѣ. Это обстоятельство имѣло не маловажное значеніе для тѣхъ, кто обреченъ былъ еще цѣлую недѣлю оставаться въ тѣсномъ пространствѣ пароходныхъ каютъ, или въ незнакомой толпѣ разнохарактерныхъ и не всегда пріятныхъ спутниковъ. Сошли большею частію купцы, вѣроятно, тюменскіе, либо тобольскіе обыватели. Въ общей каютѣ и рубкѣ сдѣлалось гораздо свободнѣе, а два отдѣльныхъ номера оказались совершенно пустыми, куда я и перебрался съ своимъ багажемъ

и письменными принадлежностями, зная, что до самаго Томска въ этихъ пустынныхъ краяхъ новыхъ пассажировъ ожидать нельзя. Это значительно облегчило дальнѣйшее путешествіе и сдѣлало его тѣмъ болѣе пріятнымъ, что въ числѣ оставшихся оказались большею частію люди интеллигентные, съ которыми мы и не замедлили познакомиться, составивъ впослѣдствіи тѣсный, почти неразлучный кружокъ. Въ числѣ ихъ находились: уже ранѣе извѣстный намъ Н. Г. Пермикинъ и двое молодыхъ людей, недавно окончившихъ курсъ въ Александровскомъ лицеѣ, графъ Стенбокъ и Колосовскій, рѣшившіеся предпринять кругосвѣтное путешествіе черезъ Сибирь. Пермикинъ, какъ горный инженеръ, владѣлецъ Абаканскаго желѣзодѣлательнаго завода въ Минусинскомъ краѣ, сибирскій старожилъ, много путешествовавшій по Сибири и много видѣвшій, оказался весьма поучительнымъ собесѣдникомъ. Стенбокъ и Колосовскій, богатые и образованные туристы, ѣдущіе теперь на Амуръ и въ Уссурійскій край, какъ любители сильныхъ ощущеній, также были весьма занимательными членами нашей компаніи. Кромѣ насъ, въ числѣ первоклассныхъ пассажировъ находились три или четыре купеческихъ семейства, занимавшихъ отдѣльныя каюты и рѣдко показывавшихся въ общей рубкѣ, которою мы, въ силу такихъ обстоятельствъ, завладѣли какъ собственною квартирою. По столамъ разложили справочныя и литературныя книги, по стѣнамъ развѣсили имѣвшіяся у насъ въ запасѣ географическія карты—и время пошло незамѣтно, день за днемъ, между разговоромъ и чтеніемъ.

Иртышъ по ширинѣ и красотѣ береговъ напоминаетъ Каму. У Тобольска ширина его до 300 саженъ въ меженную воду; далѣе, къ Демьянску и Самарову онъ увеличивается чуть не вдвое. Глубина рѣки, по разсказамъ нашего капитана, не меньше 3—5 саженъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 10 саженъ. Мелей и перекатовъ не встрѣчается. Дно всюду песчаное, или песчано-глинистое. Подводныхъ камней—ни одного. Также и въ берегахъ не видно ни одного прослойка какой-либо твердой каменистой породы,—одинъ песокъ и глина. Въ этомъ отношеніи плаваніе совершенно безопасно; развѣ карча (обвалившееся въ воду большое дерево) могла бы попасть подъ киль парохода, но по Иртышу и эта случайность безопасна, такъ какъ крупный лѣсъ близко подходитъ къ рѣкѣ только со стороны праваго берега, гдѣ глубина очень велика.

Правый берегъ на всемъ протяженіи высокъ и обрывистъ. Въ иныхъ мѣстахъ онъ представляетъ почти вертикальную стѣну въ 30—50 саженъ вышины, кое-гдѣ прорѣзанную глубокими оврагами. Какъ берегъ, такъ и овраги почти сплошь покрыты хвойнымъ лѣсомъ, большею частью сосной, пихтой и елью. Лѣвый берегъ, напро-

тивъ того, вездѣ низкій, отлогій, поросъ молодымъ тальникомъ въ видѣ островковъ. Въ полую воду онъ на большомъ пространствѣ заливается. Впрочемъ, и здѣсь нерѣдки мѣста болѣе возвышенныя, которыя вода не покрываетъ, пригодныя для большихъ поселеній. Большею частью Иртышъ течетъ однимъ русломъ, не дробясь на рукава и притоки и не образуя многочисленныхъ острововъ. Это придаетъ ему больше красоты и величія. Направленіе его также рѣдко дѣлаетъ большія отклоненія, или излучины. Все это даетъ Иртышу превосходныя навигаціонныя качества. По простору и обилію воды, здѣсь могли бы плавать огромные пароходы американскаго типа, если бы исходнымъ пунктомъ ихъ былъ Тобольскъ, а не Тюмень съ крайне извилистою и мелководною Турою. Благодаря этой послѣдней приходится сильно уменьшать размѣры судовъ сибирской флотиліи и не пользоваться въ полной мѣрѣ прекрасными качествами главныхъ сибирскихъ рѣкъ—Иртыша и Оби.

Сибирскія рѣки часто упрекаютъ въ томъ, что онѣ ведутъ въ страну полярныхъ льдовъ и мертвой природы и не даютъ свободнаго выхода въ океанъ. Въ извѣстной степени это дѣйствительно умаляетъ ихъ значеніе для внѣшней міровой торговли, но какъ пути внутренняго сообщенія онѣ имѣютъ громадную цѣну. Прорѣзая всю Сибирь съ юга на сѣверъ, отъ Алтайскихъ горъ и предѣловъ Китая до Ледовитаго океана, онѣ могутъ служить такую же службу для Сибири, какъ Кама и Волга для Европейской Россіи. Тѣ же бѣляны съ громаднымъ количествомъ лѣсныхъ матеріаловъ, которыя спускаются съ верхнихъ камскихъ пристаней къ Саратову, Царицыну и Астрахани, тѣ же милліоны пудовъ соли и рыбы, которые идутъ съ низовья Волги къ Нижнему, тотъ же хлѣбъ и вообще все хозяйственное сырье, которое даетъ работу сотнямъ пароходовъ на Волжскомъ бассейнѣ, можетъ со временемъ дать не меньшую работу сибирскому пароходству. И тамъ и здѣсь югъ и сѣверъ имѣютъ одинаковое свойство, одинаково нуждаются въ обмѣнѣ продуктовъ. Морскіе промыслы сѣверныхъ морей не могутъ быть бѣднѣе рыболовства Каспійскаго моря, тоже замкнутаго. Кавказъ и Персія, дающіе большіе грузы Волгѣ, въ примѣненіи къ Иртышу и Оби уравновѣшиваются до извѣстной степени торговлей съ западнымъ Китаемъ и Монголіей. Все это ставитъ сибирскія рѣки въ одинаковыя условія съ великорусскими, а между тѣмъ первыя пустынны и мертвы, послѣднія же кишатъ жизнью, богатствомъ и движеніемъ. Причина этому не въ природѣ страны, а въ ея малонаселенности и заброшенности. Дайте Сибири, вмѣсто нынѣшнихъ пяти милліоновъ, пятьдесятъ милліоновъ трудолюбиваго населенія, дайте ей, какъ и остальной Россіи, новые порядки, новые суды и такія же средства низшаго и

высшаго образованія, тогда явятся и промышленные центры и цвѣтущіе города. Обь и Иртышъ, какъ Кама и Волга, покроются сотнями пароходовъ, и не такихъ убогихъ посудинъ, какъ нашъ нынѣшній „Рейтернъ". Сѣверныя области Тобольской и Томской губерній, считающіяся нынѣ мало пригодными для осѣдлаго заселенія и предоставленныя пока бродячимъ остякамъ и самоѣдамъ, густо покроются промышленными русскими селами, и все будетъ жить и благословлять Бога за широкое приволье даже въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ нынѣ нѣтъ ни человѣческой души, ни человѣческихъ путей сообщенія. Скептики назовутъ эти мечты блаженною иллюзіей. Они скажутъ: этого можно ожидать развѣ черезъ 1000 лѣтъ, когда измѣнятся не только люди, но и климатъ Сибири. Нѣтъ, отвѣчу я: не черезъ 1000 лѣтъ, а спустя четверть вѣка, много—полстолѣтіе, мы не узнаемъ ни Россіи, ни Сибири, если только сами не подорвемъ своихъ силъ безплодными распрями и не заморимъ народной энергіи, съ одной стороны, на чиновномъ формализмѣ—съ другой, на безплодной и безсмысленной оппозиціи, въ родѣ нынѣшняго нигилизма и анархизма.

Въ жизни народовъ столѣтіе не малый срокъ. Въ такой періодъ творятся чудеса, выростаютъ государства. Сравните Россію Екатерины II и Александра II, Францію Людовика XVI и нынѣшнюю Францію: какая колоссальная разница въ народной жизни, въ государственномъ строѣ, въ просвѣщеніи и богатствѣ. Почему же не ожидать намъ отъ будущаго столѣтія того же культурнаго прогресса? Я смѣло ожидаю его, и для Россіи тѣмъ болѣе, такъ какъ она вступила нынѣ въ періодъ нормальнаго юношескаго возраста, когда физіологическіе процессы въ ея колоссальномъ организмѣ совершаются быстрѣе и замѣтнѣе. Будущее столѣтіе, по очереди, должно быть русскимъ столѣтіемъ, подобно тому, какъ XVIII вѣкъ принадлежалъ Франціи, а XIX—Германіи. Всему свое время и своя доля, если только мы не мертвые люди.

Жизнь государствъ и народовъ представляетъ собою такой же правильный органическій процессъ, какъ и всякая индивидуальная жизнь. Она слагается изъ двухъ факторовъ: изъ запаса внутреннихъ силъ и изъ физическихъ, географическихъ и экономическихъ условій окружающей среды. Слабая отъ природы или испорченная культурою раса вянетъ даже на самой благодатной почвѣ; равнымъ образомъ и сильная народность можетъ заглохнуть отъ недостатка физическаго простора. Примѣромъ перваго рода могутъ служить народы древняго классическаго міра и нѣкоторыя современныя намъ государства (Китай, Персія, Италія, Испанія); примѣромъ втораго—нынѣшнія мелкія государства Европы (Швеція, Данія, Голландія, Бельгія), потерявшія свой политическій вѣсъ вслѣдствіе географической тѣсноты. Они,

какъ ножки китаянокъ, съ дѣтства затянутыя въ узкую обувь, не доросли до нормальнаго роста, хотя и не утратили своей внутренней красоты и силы. Въ подобномъ же невыгодномъ географическомъ положеніи можетъ оказаться и вся германская раса, сдѣлавшая неудачный выборъ границъ для своихъ поселеній при первоначальномъ водвореніи въ Европѣ. Вмѣсто того, чтобы опереться на моря, или горные хребты, она волею или неволею заняла открытыя пространства между Рейномъ и Эльбою и этимъ самымъ поставила свой историческій ростъ въ вѣчную зависимость отъ силы и противодѣйствія сосѣднихъ племенъ (съ одной стороны галловъ, съ другой—славянъ). Было время, когда эти тиски давали трещины, живая стѣна подавалась подъ напоромъ разроставшейся Германіи; но это далеко не обезпечило ей желаннаго простора. Drang nach Osten до сихъ поръ осталось завѣтною нѣмецкою мечтой, вытекающею изъ жизненной необходимости, но для осуществленія такой мечты уже упущено время. Ни Франція, ни славянство даромъ не уступятъ своихъ земель равносильному сосѣду. Остается искать простора за океаномъ, въ Америкѣ и Африкѣ, что̀ равносильно дробленію и распаденію государства, какъ политической силы.

Такія мысли невольно приходятъ въ голову при видѣ необозримаго простора и пустоты сибирскихъ земель. Это кладъ, данный Россіи самою судьбою. Народный инстинктъ понялъ важность этого пріобрѣтенія триста лѣтъ тому назадъ, когда въ немъ не чувствовалось еще никакой надобности. Только теперь мы можемъ оцѣнить заботливую предусмотрительность нашихъ предковъ, когда небольшое Московское княжество разрослось почти во сто милліонное государство. Теперь почувствовали, что своевременное розысканіе „новыхъ землицъ“ даетъ намъ возможность рости и крѣпнуть въ своихъ предѣлахъ, вмѣсто того, чтобы выселяться въ другія части свѣта, за океанъ, какъ это вынуждены дѣлать остальныя европейскія народности.

Глядя на массы переселенцевъ, наполняющихъ палубу нашего парохода, я живо представляю себѣ, какіе результаты дастъ это народное движеніе. Несмотря на неустройство путей, на экономическія трудности и даже на прямые запреты переселенія, оно продолжается уже нѣсколько лѣтъ, и по сибирскимъ рѣкамъ, и прямо степью въ Акмолинскую область. Говорятъ, не меньше десяти тысячъ человѣкъ переселяется ежегодно въ этомъ направленіи. Что же будетъ, когда Западная Сибирь прорѣжется желѣзною дорогою, примѣрно, отъ Самары на Уфу, Челябинскъ и Омскъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда размѣры переселенія будутъ быстро возрастать, и не пройдетъ половины столѣтія, какъ Киргизскія степи будутъ покрыты селами, а

сѣверная тайга по берегамъ нынѣ пустынныхъ рѣкъ закипитъ промышленностью. Напрасно стращаютъ насъ, что переселеніе отнимаетъ рабочія руки изъ центральной Россіи. Это могутъ говорить только эгоисты помѣщики, да недальновидные администраторы, старающіеся всѣми мѣрами тормозить переселеніе. Нужно бояться не оскудѣнія рабочихъ рукъ, а чрезмѣрнаго ихъ избытка и связаннаго съ этимъ пролетаріата, порождающаго не мечтательный соціализмъ, которымъ заняты наши интеллигентные пролетаріи, а настоящій рабочій вопросъ, котораго, слава Богу, у насъ еще нѣтъ. Грозный въ Европѣ, онъ у насъ уравновѣшивается именно переселеніями, какъ предохранительнымъ клапаномъ, и долго еще будетъ уравновѣшиваться, несмотря на то, что приростъ русскаго населенія нисколько не меньше, чѣмъ въ остальной Европѣ.

Однако, тайга Иртышскихъ береговъ слишкомъ далеко увлекла мои мысли. Ничто такъ не располагаетъ къ мечтательному бреду, какъ путешествіе на пароходѣ по громаднымъ сибирскимъ рѣкамъ. Плавное движеніе, однообразный шумъ колесъ при окружающей тишинѣ, безконечная даль горизонта и пустыня кругомъ. Глазъ невольно ищетъ точки впереди, на которой можно было бы сосредоточить вниманіе. Однообразная природа не даетъ такой точки. Тотъ же хвойный лѣсъ по отвѣсной стѣнѣ праваго берега, та же широкая, безконечная лента воды. Рѣдко, рѣдко покажется дымокъ на далекомъ горизонтѣ. Воображеніе цѣпляется за него, желая угадать, не встрѣчный ли это пароходъ, или деревенька, скрытая въ дальней лощинѣ, или просто костеръ, разведенный на берегу какимъ-нибудь таежнымъ промышленникомъ. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ глуше и пустыннѣе. До Демьянска (250 верстъ отъ Тобольска), гдѣ былъ первый привалъ къ берегу для нагрузки дровъ, кое-гдѣ еще была видна жизнь: то маленькая деревенька, то изгородь, то вспаханный клочекъ земли, бродячій скотъ, либо лодка съ рыболовами, а дальше Демьянска—почти полное безлюдье, вплоть до устья Иртыша. При видѣ такихъ колоссальныхъ пустырей и при такомъ монотонномъ плаваніи, путникъ, привыкшій къ мышленію, невольно сосредоточивается на отвлеченныхъ представленіяхъ. Вмѣсто наблюденія дѣйствительной окружающей жизни, онъ вспоминаетъ исторію и мечтаетъ о будущемъ.

На всемъ протяженіи Иртыша самый красивый и грандіозный видъ представляетъ, при его устьѣ Самаровскій мысъ. Слившіяся воды двухъ могучихъ рѣкъ здѣсь образуютъ настоящее море. Узкимъ полуостровомъ выдается въ него высокая гора, покрытая, какъ зеленою коническою шапкою, густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Это и есть Самаровскій мысъ, который, постепенно понижаясь къ материку,

переходитъ въ отлогій скатъ, занятый большимъ и богатымъ селомъ Самаровымъ. По преданію, занесенному въ сибирскую лѣтопись, здѣсь было укрѣпленное становище остяцкаго князя, по имени Самара, отъ котораго и гора получила будто бы свое названіе. Вѣрно это, или нѣтъ, названіе во всякомъ случаѣ любопытное по сравненію съ русскими (скиѳскими) Самарами. Географическое положеніе Самаровской горы, господствующей надъ двумя величайшими рѣками Западной Сибири, должно было обращать на нее вниманіе во всѣ историческія и доисторическія времена. При отсутствіи сухопутныхъ дорогъ, въ мѣстностяхъ, покрытыхъ глухою тайгою или болотами, рѣки, какъ и до сихъ поръ на сѣверѣ Сибири, служили и служатъ единственными путями сообщенія. Кто владѣлъ рѣками, тотъ владѣлъ всею страной. Поэтому рѣчное судоходство и, по мѣстамъ, береговыя укрѣпленія на важнѣйшихъ пунктахъ въ старину замѣняли и нынѣшній броненосный флотъ, и стратегическія желѣзныя дороги съ крѣпостями. Той же системы придерживались и казаки Ермаковой дружины и ихъ послѣдователи, покоряя страну по теченію рѣкъ и намѣчая пункты береговой обороны. По Иртышу такихъ пунктовъ было ими основано три: Тобольскъ, Демьянскъ и Самарово. Они и до сихъ поръ составляютъ главнѣйшія населенныя мѣста этой области.

Пароходы К⁰ Курбатова пристаютъ почти у самаго Самаровскаго мыса, въ разстояніи около двухъ верстъ отъ села. На нижней терасѣ берега построено нѣсколько деревянныхъ клѣтушекъ для склада провизіи и товаровъ. Далѣе поднимается береговая круча, поросшая кедрами и пихтами. У пристани настоящій базаръ. Торгуютъ преимущественно самаровскія бабы съѣстными припасами и кедровыми орѣхами. По одеждѣ и лицамъ торговокъ и по выставленнымъ продуктамъ видно, что народъ живетъ въ полномъ довольствѣ и привольѣ. То же подтверждаютъ и сельскія постройки. Много домовъ такъ называемыхъ пятистѣнныхъ, съ крашеными тесовыми крышами. Есть даже крытые желѣзомъ. Красивая церковь и хорошій собственный домъ для сельскаго училища. По ту и другую сторону села большое пространство по косогору занято огородами и загонами для скота. Овощи растутъ здѣсь очень хорошо, особенно картофель, морковь, рѣпа и капуста. Кажется, были попытки и къ хлѣбопашеству (ячмень и овесъ). Молочнаго скота очень много; достаточно и лошадей, хотя потребность въ нихъ здѣсь довольно ограничена по причинѣ отсутствія сухопутныхъ дорогъ. Лѣтомъ всѣ мѣстныя передвиженія совершаются исключительно въ лодкахъ, по рѣкѣ. Главные промыслы жителей состоятъ въ рыболовствѣ, охотѣ на пушнаго звѣря и въ сборѣ кедровыхъ орѣховъ.

Цвѣтущее состояніе села Самарова служитъ явнымъ доказатель-

ствомъ того, что суровый сѣверный климатъ этихъ широтъ не можетъ препятствовать водворенію здѣсь осѣдлыхъ русскихъ поселеній въ широкихъ размѣрахъ. Слишкомъ слабое населеніе этихъ странъ въ настоящее время обусловливается не тѣмъ, что они непригодны для жизни, а избыткомъ простора на югѣ. Колонисты-землепашцы естественно тяготѣютъ къ черноземной полосѣ. Туда влечетъ переселенцевъ и привычка къ хлѣбопашеству, и любовь къ степному простору. Не менѣе прибыльные сѣверные промыслы требуютъ другихъ привычекъ и другой споровки. Колонисту изъ Курской или Полтавской губерніи трудно освоиться съ глухой тайгой и бездорожьемъ, плугъ замѣнить рыболовною снастью или охотничьей винтовкой, телѣгу—лодкой. Поэтому онъ равнодушно минуетъ эти, на его взглядъ, непривѣтливыя страны и тянетъ на югъ. Но дойдетъ очередь и до сѣвера. Когда переполнится югъ, а надвигающаяся культурная волна расчиститъ глухую тайгу и прорѣжетъ ее колесными дорогами, когда морскіе, рѣчные и лѣсные промыслы потребуютъ десятки тысячъ рабочихъ рукъ, тогда будутъ дорожить и сѣверной природой. Не одинъ милліонъ жителей она можетъ пропитать, одѣть и обогатить. Во всякомъ случаѣ этотъ запасъ необъятной территоріи будетъ гораздо полезнѣе для будущности единой и нераздѣльной Россіи, чѣмъ какія-либо африканскія или австралійскія колоніи, куда такъ неудержимо переливается переполненная Европа.

Такъ какъ нашъ пароходъ долженъ стоять у пристани больше двухъ часовъ, а погода была сухая и ясная, то мы воспользовались случаемъ подняться на самую вершину Самаровскаго мыса. Подъемъ хотя и очень крутъ, но довольно удобенъ по проложенной тропинкѣ (со стороны оврага и протекающаго по нему ручья). Поднявшись, мы не нашли тамъ никакихъ историческихъ или доисторическихъ слѣдовъ. Гора оканчивается довольно ровной площадкой въ сотню квадратныхъ саженъ, посрединѣ которой вырыта свѣжая коническая яма, сажени полторы или двѣ глубиной. Это самаровскіе крестьяне-археологи, отъ нечего дѣлать, искали здѣсь воображаемый кладъ, будто бы зарытый княземъ Самаромъ при осадѣ его укрѣпленія казаками Ермаковой дружины. Клада, конечно, никакого не оказалось. По разрѣзу вырытой траншеи мы убѣдились, что почва на вершинѣ горы—чистый, мелкій песокъ, вѣроятно, нанесенный сюда съ окрестныхъ дюнъ вѣтрами. Сверху песокъ покрытъ, какъ мягкимъ ковромъ, толстымъ слоемъ опавшей хвои. Никакихъ культурныхъ остатковъ, въ родѣ углей, черепковъ, или костей животныхъ, на этомъ пунктѣ мы не замѣтили.

Если бы площадка не заросла лѣсомъ, то видъ съ нея долженъ бы быть восхитительный. И теперь, впрочемъ, можно найти нѣ-

сколько пунктовъ, спустившись къ откосу, откуда, въ прогалинахъ между деревьями, можно обозрѣвать безграничную полосу воды двухъ величайшихъ рѣкъ Западной Сибири. Отъ Самарова до праваго высокаго берега Оби, или такъ называемаго Бѣлогорья, считаютъ 23 версты. Все это низменное пространство рѣчной долины весной сплошь покрывается разливомъ. И теперь, въ концѣ мая, оно представляло необъятную массу воды, изъ которой по мѣстамъ выдѣлялись небольшіе островки, покрытые молодымъ тальникомъ. Какая грандіозная картина должна представляться отсюда во время весенняго ледохода; какая гигантская разрушительная сила должна развиваться здѣсь при столкновеніи льдовъ обскаго и иртышскаго теченія!

Возвратившись къ пристани тѣмъ же путемъ, мы увидѣли, что пароходъ собирался уже отчаливать. Носка дровъ окончена. Торговки распродали почти всѣ свои незатѣйливые товары и съ пустыми ведрами и плетушками возвращаются въ деревню. Пароходная прислуга торопитъ переселенцевъ, расположившихся на берегу, снимать съ огня свои котелки и кончать кулинарную стряпню. По второму свистку всѣ торопливо бѣгутъ на пароходъ. Большинство пассажировъ всѣхъ классовъ запаслись кедровыми орѣхами и щелкаютъ ихъ безъ устали. Кто-то изъ нашихъ спутниковъ, повидимому, купеческій приказчикъ, или промышленникъ средней руки, суетится на берегу съ переноской своихъ пожитковъ въ почтовую лодку. По справкамъ оказалось, что онъ отсюда отправляется въ низовья Оби, кажется, въ Березовъ или Обдорскъ.

Почтовыя обскія лодки или каюки я увидѣлъ здѣсь въ первый разъ. Это нѣчто напоминающее венеціанскую гондолу съ крытымъ тесовымъ теремкомъ по срединѣ. Надъ теремкомъ мачта съ флажкомъ и колокольчикомъ. На такихъ лодкахъ совершаютъ свои передвиженія, отъ Самарова или Сургута до Березова и Обдорска, мѣстные чиновники и другіе казенные люди, платя прогоны поверстно, точно по почтовому тракту. Два гребца и рулевой соотвѣтствуютъ парѣ лошадей. Бываютъ лодки и съ четырьмя гребцами, для людей болѣе важныхъ, или богатыхъ. Гребцы смѣняются въ населенныхъ пунктахъ, а лодка можетъ быть проходная. Такимъ же способомъ попадаютъ въ сѣверныя бездорожныя страны и частные путешественники, нанимая гребцовъ по вольнымъ цѣнамъ. И сколько, подумаешь, невзгодъ, трудовъ и лишеній предстоитъ перенести такимъ злосчастнымъ путникамъ во время ихъ многонедѣльнаго плаванія по безлюдной пустынѣ. Мы жалуемся на утомительность почтовой ѣзды по грунтовымъ дорогамъ; жалѣемъ ямщиковъ, плетущихся по зимнимъ ухабамъ, въ морозъ и мятель, съ безконечными обозами, но врядъ ли кто вспоминаетъ тѣ невзгоды, какія выпадаютъ на долю лѣкаря, учителя,

или уѣзднаго чиновника, отправляемаго на службу въ Обдорскій или Березовскій округъ, куда зимой можно попасть только на оленяхъ или собакахъ, а лѣтомъ на почтовыхъ лодкахъ по безлюдной рѣкѣ. Скука и монотонность медленнаго движенія здѣсь уже не принимается въ разсчетъ. Нужно быть готовымъ встрѣтить и холодъ, и ненастье, и сильное волненіе на рѣкѣ, и всякія случайности. Нерѣдкія въ этихъ широтахъ бури часто заставляютъ приставать къ пустынному берегу и пережидать погоду по цѣлымъ суткамъ. Можно вообразить, какую агонію долженъ испытывать такой путешественникъ, плывущій многія сотни верстъ на утлой лодочкѣ по гигантской рѣкѣ, точно затерянный среди пустыни, отрѣзанный необъятными пространствами отъ всего культурнаго міра. Въ другихъ странахъ это считалось бы подвигомъ, а у насъ считается заурядnымъ дѣломъ. За какія-нибудь 200—300 руб. годоваго жалованья, чиновникъ, уѣздный учитель, или священникъ отправляется въ Березовъ, Обдорскъ, Пустозерскъ или Колымскъ съ такимъ же спокойнымъ равнодушіемъ, съ какимъ онъ принялъ бы назначеніе въ любой уѣздный захолустный городокъ. Правда, нерѣдко онъ погружается тамъ въ зимнюю спячку, или спивается среди мертвящаго холода, самоѣдовъ и медвѣдей, но зато онъ и не герой, а заурядный чиновникъ!

Глядя на почтовыя лодки, насильно уносишься воображеніемъ къ Березову и Обдорску. Дождется ли наше поколѣніе того счастливаго времени, когда и въ этихъ широтахъ будутъ совершаться правильные, по меньшей мѣрѣ еженедѣльные, пароходные рейсы, когда крайній сѣверъ будетъ такъ же доступенъ и промышленнику, и чиновнику, и любознательному туристу, какъ нынѣ доступны Тобольскъ или Томскъ. Трудно загадывать, когда это будетъ, но это неизбѣжно должно послѣдовать: сама жизнь къ тому приведетъ помимо нашей воли, или точнѣе нашей апатіи. Могучимъ толчкомъ къ оживленію сѣвера должна послужить необходимость изыскать для Сибири открытый выходъ въ океанъ. Эта давнишняя мечта не однихъ русскихъ людей, но и иностранцевъ, — мечта вполнѣ основательная и осуществимая, но еще не пришло время къ ея выполненію. Время это наступитъ тогда, когда сибирскіе пустыри населятся трудолюбивымъ народомъ, когда производительность страны удесятерится и потребуетъ удобнѣйшихъ путей для дешеваго вывоза продуктовъ за границу, или въ сѣверо-западную область Европейской Россіи. Законъ равновѣсія потребуетъ сбыта и обмѣна произведеній, при чемъ роковымъ образомъ будетъ устроенъ и соотвѣтствующій путь, указываемый самою природою.

При изысканіяхъ сѣвернаго пути мы не должны забывать, что Обская губа и Карское море съ ихъ полярными льдами всегда бу-

дутъ служить помѣхою правильному сѣверному мореходству; но эти препятствія не трудно обойти, устроивъ либо искусственный каналъ отъ Обдорска къ западному выходу Югорскаго шара, или при посредствѣ рѣки Усы на Печору, либо желѣзную дорогу съ Оби на Печору, какъ проектировалъ М. К. Сидоровъ. Планы его мнѣ представляются весьма практичными и осуществимыми. Транзитную линію онъ предполагаетъ начать отъ г. Березова, сначала по Березовской Сосвѣ и Сыгвѣ, рѣкамъ многоводнымъ и вполнѣ судоходнымъ, — потомъ для перевала черезъ Уралъ, предполагается построить желѣзную дорогу на протяженіи 150 верстъ, которая западнымъ концомъ должна примыкать къ печорской пристани Оранецъ, откуда опять по могучей рѣкѣ остается 700 в. до Печорской губы и открытаго моря, гдѣ не бываетъ полярныхъ льдовъ, задерживаемыхъ, какъ плотиной, Новою Землей. Не нужно быть пророкомъ, чтобы вѣрить въ близкую осуществимость подобнаго плана: онъ такъ простъ и доступенъ. Если до сего времени ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи, это объясняется только тѣмъ, что еще не назрѣлъ самый вопросъ, другими словами, что производительность Западной Сибири до сихъ поръ еще слишкомъ мала и Печорскій край слишкомъ пустыненъ. Но оживленіе того и другаго есть дѣло времени, которое и должно наступить въ недалекомъ будущемъ. Обь и Печера — это наша главная сѣверная дверь. Она оживитъ и обогатитъ сѣверныя тундры не только Обскихъ областей, но и всего Печорскаго края. Если бы современемъ также соединить желѣзною дорогою Чердынь или Соликамскъ (на Камѣ) съ Оранцемъ (на Печорѣ), то какой грандіозный водяной путь представлялся бы тогда между югомъ и сѣверомъ, востокомъ и западомъ. При посредствѣ Каспійскаго моря, Волги и Камы произведенія Персіи, Туркестана, можетъ быть даже Индіи, пошли бы въ сѣверную Европу чрезъ Печору и Сѣверный океанъ; произведенія Сибири, Монголіи и Западнаго Китая, при посредствѣ Иртыша, Оби и Сосвы, достигали бы тѣхъ же сѣверныхъ предѣловъ. Эти линіи непрерывныхъ сообщеній опоясывали бы почти половину нашего полушарія и Печорскій портъ со вновь устроенными соединительными линіями желѣзныхъ дорогъ отразился бы на всемірной торговлѣ такимъ же колоссальнымъ переворотомъ, какъ открытый недавно Суэцкій каналъ.

Болѣе дорогой и болѣе грандіозной кажется по настоящему времени мечта о морскомъ каналѣ, соединяющемъ Обь непосредственно съ открытымъ Сѣвернымъ моремъ, западнѣе южнаго и восточнаго моря, но и эту мечту нельзя считать неисполнимой. Съ технической стороны здѣсь нѣтъ непреодолимыхъ трудностей, если только будетъ соотвѣтствовать тому экономическій разсчетъ. А онъ окажется возможнымъ въ томъ лишь случаѣ, когда населеніе Сибири и ея про-

изводительность удвоится или утроится и явится насущная потребность въ крупныхъ международныхъ оборотахъ торговли. Допустимъ, что каналъ будетъ стоить не менѣе сотни милліоновъ, но зато какія широкія перспективы онъ далъ бы сибирской промышленности, какой грандіозный переворотъ онъ произвелъ бы въ торговыхъ сношеніяхъ востока съ западомъ. Минуя Обскую губу и Карское море, этотъ искусственный водный путь открывалъ бы безпрепятственный выходъ въ свободный отъ льдовъ Сѣверный океанъ, оживилъ бы все наше сѣверное прибрежье и былъ бы достойнымъ памятникомъ великой Россіи. Конечно, мы не доживемъ до этого памятника, но наши потомки, черезъ 50—70 лѣтъ, могутъ осуществить его и выполнить наши мечты о будущемъ нынѣшней безлюдной, бездорожной, сонной и убогой Сибири.

Вотъ какія мысли возбудили во мнѣ обскія почтовыя лодки. При настоящемъ положеніи вещей, многимъ это можетъ показаться бредомъ пылкаго воображенія. Можно ли, скажутъ мнѣ, отъ нашихъ сѣверныхъ пустынь и полярныхъ странъ, гдѣ царитъ холодъ и мракъ, ожидать такой жизни, какая свойственна южной природѣ съ ея благодатнымъ климатомъ. Можетъ ли развернуться человѣческій геній тамъ, гдѣ самая природа остается въ полугодовомъ оцѣпенѣніи. Можетъ ли, наконецъ, человѣческій организмъ вынести постоянную борьбу съ постоянною стужею и со скудостію живительныхъ солнечныхъ лучей. На это я отвѣчу, что климатъ крайняго сѣвера во всякомъ случаѣ легче переносится человѣкомъ, нежели знойный климатъ тропиковъ. Первый закаляетъ организмъ и укрѣпляетъ энергію физическихъ и духовныхъ силъ, послѣдній разслабляетъ, изнашиваетъ и разрушаетъ. Это подтверждаетъ намъ исторія древнихъ и новыхъ народовъ. Что же касается до скудости сѣверной природы въ смыслѣ комфорта для цивилизованной жизни, то въ наше время на это не обращаютъ большаго вниманія. Человѣкъ на каждомъ шагу обуздываетъ природу искусствомъ и эту борьбу приспособлены легче вести въ холодныхъ странахъ, чѣмъ въ знойныхъ. Умъ, энергія и капиталъ могутъ сдѣлать изъ Березова, Пустозерска и Колы такіе же удобообитаемые города, какъ и въ остальной сѣверной полосѣ Россіи, если только явятся обильныя средства для ихъ благоустройства.

Раздается третій пронзительный свистокъ, пробудившій меня отъ грезъ о далекомъ сѣверѣ. Всѣ пассажиры были уже на своихъ мѣстахъ. Берегъ опустѣлъ. Убрали сходни и нашъ пароходъ, медленно отчаливая, сталъ огибать Самаровскій мысъ и вступилъ въ еще болѣе широкія обскія воды. Впрочемъ, самое устье Иртыша приходится нынѣ не у Самаровской горы, а на 23 версты ниже. На этомъ пространствѣ Обь отступила къ сѣверо-востоку, оставивъ на своемъ прежнемъ ложѣ

низкую заливную долину. Въ маѣ она сплошь покрыта водой, и только гребни противулежащихъ береговъ—Самарова и Бѣлогорья—даютъ понятіе о прежнихъ рамкахъ этой гигантской рѣки. Въ высокую воду пароходы обыкновенно не доходятъ до устья, а на двѣнадцатой верстѣ сворачиваютъ вправо, направляясь т. н. Невлевской протокой, пересѣкающей низкую береговую долину и впадающей въ Обь около 70 верстъ выше устья Иртыша. Такимъ образомъ, говорятъ, сокращается разстояніе, а главное, — при разливахъ точнѣе опредѣляется фарватеръ и въ свѣжую погоду устраняется сильная качка отъ волненія, разводимаго на слишкомъ большой водной поверхности. Замѣчательно, что упомянутая протока, направляющаяся почти параллельно руслу Оби, течетъ навстрѣчу ей, т.-е. составляетъ рукавъ не Оби, а Иртыша. Вѣрно ли это, не знаю; передаю со словъ капитана нашего парохода.

Вступивъ въ настоящее русло Оби, я былъ пораженъ ея колоссальной шириной. Если бы эта рѣка имѣла крутые берега, подобно Иртышу или Волгѣ, и не дробилась бы на такое множество рукавовъ, она не имѣла бы соперницъ ни на Европейскомъ, ни на Азіатскомъ материкѣ. Но благодаря тому, что она протекаетъ по низкой долинѣ новѣйшихъ аллювіальныхъ осадковъ, а коренные берега ея большею частію такъ удалены отъ нынѣшняго русла, что едва различаются вдали, Обь, особенно весной, почти теряетъ общій характеръ обыкновенной рѣки. Она скорѣе походитъ на цѣпь широкихъ озеръ, перемѣшанныхъ съ безчисленными островами. Острова и берега едва поднимаются надъ зеркаломъ воды, покрытые сплошь молодымъ тальникомъ. Ширина такой долины во многихъ мѣстахъ простирается на 40—50 верстъ и въ высокую весеннюю воду все это пространство сплошь заливается. Это служитъ одною изъ причинъ, почему берега Оби представляются такими безжизненными. Это пустыня въ полномъ смыслѣ слова. Во второй половинѣ лѣта, когда вода спадаетъ и обнажаются прибрежные пески, здѣсь можно еще встрѣтить коегдѣ расположившіяся ватаги рыбопромышленниковъ, либо временныя становища остяковъ, но во время первыхъ пароходныхъ рейсовъ (въ концѣ мая), кромѣ необъятнаго горизонта воды, тальника и отдаленныхъ лѣсныхъ возвышенностей кореннаго берега, взору путешественника ничего не представляется. Даже жутко становится при видѣ такого мертваго пространства, гдѣ на сотни верстъ кругомъ нѣтъ ни дорогъ, ни живой души. Въ какомъ положеніи оказались бы путешественники, если бы случилось какое несчастіе съ одинокимъ пароходомъ? Помочь некому и выбраться некуда, хотя бы на сухую землю. Такія мысли невольно приходятъ въ голову, хотя о несчастьяхъ съ пассажирскими пароходами на Оби до сихъ поръ ни-

чего не было слышно. Тѣмъ не менѣе нельзя считать себя совершенно застрахованнымъ отъ нихъ. Правда, подводныхъ камней здѣсь нѣтъ, но зато очень много карчей, которыя въ состояніи пробить дно судна не хуже любаго камня. Отъ порчи машины, взрыва пароваго котла, или отъ пожара на пароходѣ также нельзя считать себя гарантированнымъ.

На другой день послѣ выхода изъ Самарова погода измѣнилась къ худшему. Стало гораздо холоднѣе. Выходя на палубу, пришлось надѣвать осеннее пальто, да еще прикрываться пледомъ. Нѣсколько разъ показывались даже хлопья снѣга, а по берегамъ видны были кое-гдѣ еще не растаявшія льдины изъ кучъ, нагроможденныхъ послѣ ледохода. Качка была тоже изрядная, особенно противъ т. н. Ляминъ-Сора [1]). Бѣдные переселенцы еле-еле укрываются отъ непогоды. Ребятишки ихъ начинаютъ болѣть.

Первую остановку по Оби пароходы дѣлаютъ у Сургута (250 в. отъ устья Иртыша), но не вблизи города, а у такъ называемаго Бѣлаго яра. Отсюда до города больше 8 верстъ, и онъ при томъ стоитъ не на самой Оби, а на рѣчкѣ Бардаковкѣ. Бѣлый яръ представляетъ собою возвышенный песчаный берегъ, на которомъ построено двѣ избушки и амбаръ для склада провизіи и товаровъ. Въ этомъ заключаются всѣ сооруженія пристани. По свистку подходящаго парохода потянулись сюда лодки съ сургутскими мѣщанками, разсчитывающими на сбытъ продуктовъ своего хозяйства. Когда положили сходни, нижняя терраса берега была уже оживлена рядами этихъ торговокъ. Товаръ былъ тотъ же, что и въ Самаровѣ—молоко, творогъ, сухія баранки, пшеничный хлѣбъ, сибирскіе шанежки, кедровые орѣхи, живая и вареная рыба и дичь. Пассажиры третьяго класса опять разставили свои котелки и стали варить уху, а мы отправились походить по твердой землѣ. Взобравшись на гору по сыпучему песку, мы тамъ не нашли ничего достопримѣчательнаго. Сухая и открытая площадка занимаетъ пространство не больше половины квадратной версты, а дальше идетъ густой пихтовый лѣсъ на торфяномъ болотѣ. Идти больше некуда. Ближе къ рѣкѣ площадка заставлена полѣнницами дровъ, а далѣе вглубь—пустыя остяцкія землянки, обитаемыя только зимой. По этимъ образчикамъ я въ первый разъ познакомился съ

---

[1]) Такъ называется обширный заливъ, соединяющійся съ Обью, по правую ея сторону, между Самаровомъ и Сургутомъ. Онъ имѣетъ видъ большаго, почти круглаго озера, верстъ 20—30 въ діаметрѣ. Говорятъ, что съ сѣверной стороны въ него впадаетъ рѣка значительной величины, но настолько заваленная карчами (упавшимъ лѣсомъ), что подняться по ней на пароходѣ невозможно. При вѣтрахъ на Лямин-Сорѣ разводится сильное волненіе, дающее себя чувствовать и на Оби.

жилищами неприхотливыхъ дѣтей сѣвера. Это нѣчто въ родѣ собачьей конуры, отчасти врытой въ землю. Внутрь землянки ведетъ маленькая дверь, подвѣшенная на петляхъ изъ ивовыхъ прутьевъ. Ни оконъ, ни пола, ни потолка нѣтъ. По краямъ землянки врыты два столбика, на которые положены перекладины, какъ основа для двух-скатной крыши изъ жердей. Поверхъ жердей крыша заметана торфомъ и отчасти поросла травой. Въ крышѣ вставлена деревянная труба противъ глинобитной возвышенной площадки на земляномъ полу, гдѣ раскладывается огонь. Высота внутренняго помѣщенія не больше $2^1/_2$ арш. противъ конька. Такихъ землянокъ мы насчитали шесть штукъ. При двухъ изъ нихъ были еще загородки изъ жердей, вѣроятно для оленей. Зимой все это должно сплошь заноситься сугробами снѣга, и можно себѣ вообразить, каково въ этой темной норѣ коротать шесть суровыхъ мѣсяцевъ при морозѣ въ 30—40° и почти ежедневныхъ буранахъ.

Спустившись на нижнюю террасу берега, къ пароходу, мы встрѣтили здѣсь и счастливыхъ владѣтелей этого унылаго поселенія—десятка два остяковъ, прибывшихъ къ пароходу на своихъ вертлявыхъ челнокахъ (обласкáхъ) для продажи рыбы. Между ними были и женщины и дѣти. Послѣднія въ рваныхъ, до-нельзя грязныхъ, короткихъ рубашонкахъ плескались у прибрежнаго песка. День былъ холодный и пасмурный. Сургутскіе мѣщане были закутаны по-осеннему, а многіе изъ нашихъ переселенцевъ были даже въ овчинныхъ полушубкахъ. Остякамъ же такая погода казалась нипочемъ: вотъ что значитъ привычка къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ!

По окончаніи ледохода группа остяковъ, которую мы теперь видимъ, перекочевала съ Бѣлаго яра на ближайшій островъ. Тамъ, на влажной низкой почвѣ, близъ самой воды, у нихъ поставлены лѣтніе шалаши, покрытые берестомъ. Главное, почти единственное занятіе ихъ здѣсь—рыболовство. Рыбою они питаются и зимою и лѣтомъ: въ первомъ случаѣ сырою, мерзлою, превращая ее въ тонкія стружки (струганина), во второмъ—варятъ ее въ чугунныхъ котелкахъ уральскаго издѣлія, безъ всякой приправы, крайне неопрятно. Кромѣ рыбы, лѣтомъ они промышляютъ также дичь, позднѣе—собираютъ лѣсныя ягоды (бруснику, клюкву) и съѣдобныя травы и коренья. Между послѣдними особеннымъ вниманіемъ пользуется у нихъ такъ называемая черемша, какъ испытанное средство отъ цынги. Русскіе крестьяне Сѣверной Сибири также очень любятъ это растеніе, дѣйствительно очень полезное. По вкусу и запаху оно напоминаетъ чеснокъ и растетъ здѣсь въ большомъ изобиліи.

По внѣшнему виду и образу жизни остяки — настоящіе дикари. Хотя большая часть ихъ считаютъ себя христіанами и носятъ мѣд-

ные крестики поверхъ рубашки, гордясь этимъ, какъ знакомъ отличія, но больше этого крестика у нихъ нѣтъ ничего христіанскаго: ни Божьяго храма, ни обрядовъ, ни идей. По существу они остаются язычниками-фетишами, грязными, грубыми, совершенно неразвитыми. Съ незапамятныхъ доисторическихъ временъ живутъ они въ этой сѣверной пустынѣ и до сихъ поръ не съумѣли выработать для себя ничего, похожаго на культуру. При обиліи лѣса остякъ не додумался до того, чтобы выстроить себѣ, хотя сколько-нибудь пригодное, зимнее жилище; при лютыхъ морозахъ онъ не догадался устроить хотя бы глинобитную печь, въ родѣ татарскаго чувала. Не имѣя другихъ потребностей, кромѣ утоленія голода, онъ тѣмъ не менѣе не научился варить пищи. Даже теперь, послѣ 300-лѣтняго общенія съ русскими, онъ не позаимствовалъ отъ нихъ почти ничего, что могло бы скрасить его житейскую обстановку. Остякъ не усвоилъ себѣ даже привычки вымыть свое лицо, или пріобрѣсти копѣечный гребень для чесанія вѣчно всклокоченныхъ волосъ, густымъ, сбитымъ войлокомъ покрывающихъ его голову. Одного онъ достигъ,—это сучить нитку изъ крапивнаго волокна. Она ему была необходима сперва для рыболовныхъ сѣтей, потомъ для приготовленія грубаго холста, чтобы прикрывать свое тѣло, да и это искусство не имъ придумано, а заимствовано отъ болѣе культурныхъ народовъ. Гончарныхъ издѣлій остяки тоже не знаютъ. Посуда ихъ либо деревянная (грубо выдолбленныя корытца), либо берестяная.

Съ бытомъ остяковъ мы еще болѣе познакомились на слѣдующей пристани, у такъ называемой Свѣтлой протоки. Здѣсь, на низкомъ берегу Оби, въ прогалинкахъ между тальникомъ, было разбито становище этихъ дѣтей природы,—пять или шесть берестяныхъ лѣтнихъ шалашей и нѣсколько землянокъ, какъ въ Сургутѣ. Хижины эти были населены обитателями и могли служить образчикомъ нормальнаго остяцкаго быта. Мы полюбопытствовали заглянуть въ эти жилища и нѣкоторыя изъ нихъ нашли достаточно уютными. Земляной полъ покрытъ сплетенными изъ камыша циновками, или сухимъ камышомъ; по стѣнкамъ на колышкахъ развѣшанъ убогій домашній скарбъ; случалось видѣть въ числѣ утвари некрашенный деревянный сундукъ, какъ доказательство особой зажиточности. Такія прибранныя хижины давали впечатлѣніе просторной землянки, но онѣ не отталкивали посѣтителя отвратительной грязью. Снаружи ихъ, какъ признакъ населеннаго мѣста, были развѣшаны рыболовныя сѣти, а у самаго берега находилось десятка полтора маленькихъ лодочекъ—однодеревокъ (обласковъ), какъ единственныхъ орудій лѣтняго передвиженія остяка. При нѣкоторыхъ хижинахъ были выстроены особыя бревенчатыя клѣтушки на высокихъ столбикахъ—это амбары для храненія про-

визіи (сушеной рыбы, кедровыхъ орѣховъ) и прочаго имущества. Они строятся на столбикахъ, высоко надъ землей, для того, чтобъ защитить съѣдобную кладь отъ звѣрей, отчасти и отъ собственныхъ собакъ, а также и отъ почвенной сырости. Чтобы попасть въ такую клѣтушку, хозяинъ приставляетъ къ ея единственному окну, замѣняющему дверь, толстую слегу съ насѣченными на ней глубокими зарубками, играющими роль ступенекъ.

Въ этомъ становищѣ оказалось около дюжины обитателей, преимущественно женщинъ и дѣтей. Взрослые мужчины почти всѣ были на пристани у парохода. Населеніе это производило еще болѣе удручающее впечатлѣніе, чѣмъ его жилища. Женщины съ непокрытыми, всклокоченными прядями волосъ, безобразныя лицомъ, въ грязномъ рубищѣ, напоминали настоящихъ дикарей. Но и слово дикарь не вполнѣ выражало бы характеристику остяка. Первобытные жители южныхъ странъ и острововъ, при всемъ отсутствіи культурнаго наслѣдства, обладаютъ, тѣмъ не менѣе, физическими и умственными качествами, дающими имъ надежду на лучшее будущее. Остякъ, повидимому, лишенъ этой надежды, и не потому, чтобы жизнь его была принижена и стѣснена господствующимъ русскимъ элементомъ, а вслѣдствіе его собственной слабости. Вѣковое вліяніе сѣверной тундры и мертвящей природы отразилось на его организаціи угнетающимъ образомъ. Заброшенный въ мертвыя пустыни сѣвера, остякъ упалъ духомъ, потерялъ энергію въ борьбѣ съ окружающей природой, пассивно подчинившись ей. До крайности умаливъ свои потребности, онъ, какъ дикій звѣрь, довольствуется берлогою и сырояденіемъ, охотно отказался бы и отъ одежды, если бы его не принуждала къ тому непомѣрная зимняя стужа.

Въ русской прессѣ нерѣдко высказывались предположенія, что наши сѣверные инородцы нѣкогда были многочисленны и могучи, но теперь они быстро вымираютъ подъ вліяніемъ господствующаго надъ ними племени. Въ такомъ мнѣніи, очевидно, кроется историческая ошибка. Какова была численность и сила финскихъ народностей Сѣверной Сибири до эпохи русскаго владѣнія, объ этомъ не сохранилось достаточныхъ историческихъ данныхъ. Но мы знаемъ, что въ началѣ XVII вѣка горсть русскихъ казаковъ была въ состояніи почти безпрепятственно подчинить себѣ всю обширнѣйшую сибирскую территорію вплоть до Камчатки и Берингова моря. Это показываетъ, что сѣверные инородцы были въ то время далеко не многочисленны, а культурный уровень ихъ стоялъ такъ же низко, какъ и нынѣ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что вымираніе, или, точнѣе сказать, крайне медленное размноженіе сѣверныхъ финскихъ племенъ не имѣетъ непосредственной связи съ вліяніемъ русской культуры. Крайне медлен-

ный приростъ ихъ естественно приписать суровому климату страны и низкому уровню развитія ея исконныхъ обитателей. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, скорѣе надобно удивляться тому, какъ сѣверные инородцы могли поддерживать здѣсь свой родъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, а не тому, что размноженіе ихъ почти не двигается впередъ [1]).

Слѣдующій переходъ отъ Свѣтлой протоки до Тымска представлялъ такую же пустыню, какъ и раньше отъ Самарова. Ни одного осѣдлаго пункта, ни одного живаго уголка мы не встрѣтили на этомъ пути. Кругомъ вода и молодой тальникъ, какъ густая шевелюра, покрывающій низменные острова и берега Оби. Гдѣ берегъ, гдѣ островъ, и понять трудно! Безчисленные рукава, на которые разбивается могучая рѣка, по ширинѣ не уступающая первоклассным рѣкамъ земнаго шара, превращаютъ Обь въ безпредѣльный архипелагъ острововъ и озеръ, наперекоръ общему понятію о текучихъ водахъ. Для непривычнаго глаза это представляетъ грандіозную, но удручающую картину какъ бы преддверія сѣвернаго „Студенаго моря“.

Но вотъ показался и Тымскъ, на правомъ, достаточно возвышенномъ берегу. Послѣ длиннаго перехода по пустынѣ, глазъ отдыхаетъ на первомъ осѣдломъ пунктѣ. Деревянная скромная церковь и десятка два довольно порядочныхъ домовъ съ тесовыми крышами придаютъ Тымску видъ настоящаго русскаго села. Мы прошли его изъ конца въ конецъ по единственной улицѣ, правильно распланированной и широкой. Попадавшіеся навстрѣчу крестьяне и крестьянки оказались рослыми, красивыми, хорошо одѣтыми, стало быть, зажиточными. Хлѣбопашества нѣтъ, но есть огороды и, кажется, достаточно рогатаго скота. Лошадей, повидимому, немного, да и ѣздить на нихъ некуда. Тотчасъ же за селомъ начинается глухая тайга. Лошадь пригодна здѣсь только зимой, когда морозъ закуетъ рѣки и болота и откроетъ путь въ тайгу. Поэтому у тымскихъ крестьянъ нѣтъ ни одной телѣги, а имѣются только сани и дровни. На саняхъ по голой землѣ привезли къ пристани небольшую кладь изъ села (корзины съ кедровыми орѣхами и сушеной рыбой), что̀ не мало удивило нашихъ пассажировъ-переселенцевъ, не предполагавшихъ, чтобы въ коренной, старой русской деревнѣ не нашлось для этого телѣги. Вообще же тымцы живутъ зажиточно. Мы заходили въ двѣ—три избы посмотрѣть на ихъ житье. Вездѣ оказалась чистота и опрятность; глино-

[1]) Финскіе инородцы Европейской Россіи находились сравнительно въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Они рано подчинились вліянію арійской культуры, усвоили осѣдлость и гражданственность. Принявъ христіанство, значительная доля ихъ совершенно слилась съ русскимъ населеніемъ (ассимилировалась). Эти культурные успѣхи спасли ихъ отъ вымиранія.

битныя печи выбѣлены мѣломъ, столы, скамьи и полы чисто выскоблены и покрыты самодѣльными скатертями и половиками; почти въ каждой избѣ есть самоваръ и шкафчикъ съ чайной и столовой посудой, а позади избъ обширный дворъ съ бревенчатыми службами, сараями и навѣсами, крытыми дранью, иногда и тесомъ. Судя по Тымску и Самарову, можно судить, что и въ сѣверной глуши смѣлый и домовитый крестьянинъ можетъ жить хорошо и привольно. Источникъ благосостоянія тымцевъ заключается въ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ, въ кедровыхъ орѣхахъ и въ торговлѣ этими продуктами, получаемыми также отъ мѣстныхъ инородцевъ. Тымское село принадлежитъ уже не Сургутскому, а Нарымскому округу, Томской губерніи. Отсюда до Нарыма считается 110 верстъ по теченію Оби. Береговыхъ дорогъ, какъ и на всемъ пути отъ Тобольска до Томска, здѣсь не существуетъ.

Областнаго города Нарыма мнѣ видѣть не удалось. Онъ расположенъ на берегу рѣки Кети въ трехъ верстахъ отъ пароходной пристани. Вся эта мѣстность болотистая, низменная, весной сплошь затопляется водой. Издали Нарымъ представляется убогимъ селомъ. Въ немъ двѣ церкви, изъ нихъ одна каменная; дома всѣ деревянные. Жителей считается около тысячи душъ, исключительно русскіе казаки и мѣщане. Представителей этого населенія мы видѣли на пристани. Они цѣлой ватагой, мужчины и женщины, прибыли сюда на многочисленныхъ лодкахъ, по свистку парохода, съ разными съѣстными продуктами. Это большею частью рослый, красивый и юркій народъ. Женщины въ ситцевыхъ платьяхъ, съ претензіей на щегольство, веселыя, расторопныя, настоящія торговки. Кромѣ этого подвижнаго базара, у пристани находится 2—3 деревянныя лавки, гдѣ можно найти сухія баранки, черствые деревенскіе пряники, даже конфекты и папиросы. Доступъ въ эти лавочки былъ не особенно удобенъ, такъ какъ низкій берегъ былъ частью залитъ водой. Приходилось пробираться по узкимъ дощечкамъ. Въ одной изъ этихъ лавочекъ мнѣ предлагали купить національный тунгузскій костюмъ изъ хорошо выдѣланной коричневой замши, красиво расшитый разноцвѣтнымъ бисеромъ и обвѣшанный металлическими фигурками и бляшками. Стоитъ онъ 25 р., что въ сущности не дорого. Здѣсь же продавались за сходную цѣну лебединыя шкурки и невыдѣланныя медвѣжьи шкуры.

Нарымъ славится коневодствомъ. Низкорослыя нарымскія лошади, въ родѣ вятокъ или шведокъ, отличаются бойкимъ бѣгомъ и выносливостью. Говорятъ, онѣ могутъ бѣжать сотню и болѣе верстъ не кормя. Пользуются ими главнымъ образомъ зимой, когда установится путь по рѣкамъ Въ концѣ зимы, передъ вскрытіемъ рѣкъ, лошадей

перегоняютъ по льду на одинъ изъ острововъ и тамъ оставляютъ на все лѣто на подножномъ корму безъ всякаго присмотра.

Рѣка Кеть, устье которой мы переѣхали близъ Нарыма, представляется съ парохода широкой и многоводной рѣкой; но это бываетъ только въ началѣ лѣта. Потомъ она вскорѣ мелѣетъ и пароходы могутъ ходить по ней не болѣе одного рейса (до Московскаго острога). Поэтому, плывшіе съ нами на пароходѣ томскіе купцы съ крайнимъ недовѣріемъ относились къ существующимъ предположеніямъ воспользоваться Кетью и ея притоками для искусственнаго соединенія бассейновъ Оби и Енисея посредствомъ Обь-Енисейскаго канала.

Слѣдующая послѣ Нарыма пристань—село Колпашево находится въ 130 верстахъ при другомъ устьѣ рѣки Кети. Это главный ея рукавъ, болѣе многоводный. Колпашево стоитъ на высокой горѣ, повидимому, довольно богато и многолюдно. Мы пробовали подняться на высокій берегъ, но бывшая передъ тѣмъ ненастная погода развела много грязи и не дала осуществить эту попытку. Кругомъ села много огородовъ и овиновъ, далѣе идутъ воздѣланныя поля. Очевидно, здѣсь хлѣбопашество уже въ полномъ ходу, и крестьянская жизнь подходитъ къ общимъ условіямъ русской деревни. Самая Обь здѣсь имѣетъ видъ не системы озеръ, а настоящей рѣки съ опредѣленнымъ ложемъ и высокими берегами, покрытыми старымъ хвойнымъ лѣсомъ. Удручающая пустыня съ бродячими остяками осталась позади. Мы быстро направляемся къ югу, въ живой край, и видимъ передъ собой расцвѣтающую природу. Еще сутки, и мы будемъ у цѣли нашего путешествія. Чѣмъ-то насъ обрадуетъ Томскъ?

II.

Первые дни въ будущемъ университетскомъ городѣ.

Въ пятницу, въ 11 часовъ утра, 30 мая 1880 г., пароходъ нашъ приближался къ Томску. Болѣе чѣмъ за 10 верстъ были уже видны шпицы многочисленныхъ церквей и темныя очертанія домовъ, расположенныхъ на высокомъ мысу Воскресенской горы. Пассажиры, утомленные девятидневнымъ плаваніемъ по пустыннымъ сибирскимъ рѣкамъ, высыпали на палубу въ ожиданіи скораго конца томительному плаванію. Многіе съ нетерпѣніемъ ждали встрѣчи съ родными и знакомыми, а люди, ѣдущіе въ первый разъ, стремились издали угадать, по неяснымъ очертаніямъ приближавшагося города, какое впечатлѣніе онъ можетъ произвести на новичковъ. Подъѣзжая къ большимъ горо-

дамъ Европейской Россіи, многолюдная жизнь обыкновенно чувствуется издали, по числу пригородныхъ деревень и по учащенному движенію. Здѣсь же ничто не говоритъ, что мы находимся вблизи крупнаго сибирскаго центра. Берега Томи такъ же почти безлюдны, какъ въ Нарымскомъ округѣ. Десятокъ убогихъ домиковъ деревни Бѣлобородовой, да мизерная архіерейская заимка вовсе не даютъ понятія о пригородныхъ мѣстахъ. Пасмурный день съ мелкимъ дождемъ еще болѣе затемняли и безъ того невеселую картину, производившую на новичка не отрадное впечатлѣніе.

Раздался пронзительно-хриплый свистокъ. Пароходъ подходилъ къ лѣтней пристани, представлявшей на берегу нѣсколько деревянныхъ домиковъ и сараевъ. Баржу съ арестантами оставили здѣсь, а пароходъ пошелъ дальше, къ самому городу, что дѣлается только во время первыхъ рейсовъ, до спада весеннихъ водъ. Весенняя пристань помѣщается не далеко отъ гостинаго двора, но, къ сожалѣнію, она остается здѣсь очень короткое время. Къ 8—10 іюня Томь уже настолько мелѣетъ, что пароходы должны останавливаться, верстъ за 5 не доходя до города.

Бросили якорь. Положили сходни. Глазамъ нашимъ представилось море грязи на берегу, десятка два извозчиковъ и ни одного крытаго экипажа. А между тѣмъ дождь усиливался больше и больше. Къ счастью З. М. Цибульскій позаботился выслать коляску, иначе мы промокли бы до костей. Здѣсь же на пристани меня отыскалъ Александръ Францевичъ Жилль, любезно предложившій свою квартиру (въ Духовской улицѣ, домъ Истомина), такъ какъ семья его въ это лѣто не жила въ Томскѣ. Я былъ очень радъ этому предложенію и съ удовольствіемъ согласился нанять меблированное помѣщеніе до сентября мѣсяца. Впослѣдствіи я вдвойнѣ оцѣнилъ эту услугу, ознакомившись съ отвратительнымъ состояніемъ томскихъ гостиницъ („Европейская гостиница“ и „Сибирское подворье“), напоминающихъ собою скорѣе постоялые дворы, или грязные трактиры, чѣмъ гостиницы. Квартира оказалась не дурна, въ пять комнатъ, съ приличной мебелью, но безъ всякихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Нѣсколько ночей пришлось спать безъ тюфяка, на голыхъ доскахъ, покрываясь пледомъ. Не было ни чайной, ни столовой посуды, негдѣ было достать обѣда. Тотъ же обязательный Александръ Францевичъ прислалъ намъ самоваръ и рекомендовалъ человѣка для прислуги. Имѣя теперь въ своемъ распоряженіи мѣстную силу, мы прежде всего освѣдомились, что въ Томскѣ существуетъ одна колбасная, открытая недавно ссыльнымъ полякомъ, гдѣ можно получить холодную закуску, и двѣ бакалейныхъ лавки (Сорокина и Карнакова), въ которыхъ можно купить привозныя московскія снѣди, какъ-то: икру, сыръ и т. п. Сдѣлавъ

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского совета
Одесса.

кое-какой запасъ провизіи и заручившись необходимѣйшей посудой, мы чувствовали уже почву подъ ногами.

Около трехъ часовъ насъ посѣтили пароходные спутники: Пермикинъ, графъ Стенбокъ и Колосовскій. Они остановились въ „Европейской гостиницѣ“ и повѣдали намъ о всѣхъ неурядицахъ этого несчастнаго притона. Оказалось, что тамъ сбѣжалъ поваръ, и потому обѣда не готовятъ. Чаю едва дождались, такъ какъ на всѣ номера имѣлось въ наличности не больше шести стакановъ и одинъ оборванный мальчишка для прислуги. Спутникамъ тоже пришлось обратиться для завтрака въ польскую колбасную, а для соображенія на счетъ обѣда они пріѣхали къ намъ на общее совѣщаніе. По общему совѣту мы рѣшили было отправиться на пароходъ, кухня котораго намъ была уже извѣстна, но оказалось, что пароходъ ушелъ отъ городской пристани на лѣтнюю, и мы остались въ полномъ разочарованіи на счетъ нашихъ желудковъ. Тогда Н. Г. Пермикинъ, какъ человѣкъ бывалый, подалъ мысль отправиться въ лагери, гдѣ, по его мнѣнію, можно было заказать обѣдъ въ офицерской столовой. Это предложеніе было охотно принято, тѣмъ болѣе, что дождь перемежился, а поѣздка въ лагери давала возможность познакомиться съ городомъ и его ближайшими окрестностями, что насъ, какъ новичковъ, интересовало въ особенности. Не долго думая, наняли четыре линейки на дрожинахъ (рессорныхъ извозчичьихъ экипажей въ Томскѣ не существуетъ) и отправились въ лагери.

Выѣхавъ на Большую или такъ называемую Милліонную улицу, мы увидали Томскъ во всей его красѣ. Здѣсь открылись нашему взору съ десятокъ каменныхъ домовъ довольно приличной архитектуры, напоминающихъ губернскій городъ средней руки. Односторонка набережной рѣчки Ушайки могла даже претендовать на красоту, если бы не убійственная грязь, покрывавшая улицы и площади и портившая впечатлѣніе. Томская грязь представляетъ собою нѣчто своеобразное. Во всю длину улицы и ширину площадей вы видите сплошное море жидкаго чернаго киселя, по которому приходится ѣхать въ бродъ. Здѣсь не видно ни колеи отъ колесъ, ни слѣдовъ отъ копытъ, все немедленно затягивается глянцовитою, какъ расплавленный асфальтъ, жижею, скрывающей подъ собою неровности твердой почвы. Пѣшеходы, которымъ нужно перейти съ одной стороны улицы на другую, снимаютъ сапоги и обнажаютъ ноги до колѣнъ. Болѣе зажиточные мѣщане ѣздятъ по городу верхомъ, или на телѣгахъ. Собственныхъ городскихъ, рессорныхъ экипажей встрѣчается весьма немного. Чиновники, учителя, купцы большею частію имѣютъ открытыя телѣжки на дрожинахъ, съ плетеннымъ изъ прутьевъ коробкомъ. По мѣстнымъ условіямъ, говорятъ, это гораздо практичнѣе и безопаснѣе. Какъ бы

то ни было, но такіе способы сообщенія не рекомендуютъ благоустройство города, а скорѣе напоминаютъ собою большое торговое село. Впослѣдствіи я убѣдился, что Томскъ и въ другихъ отношеніяхъ стоитъ не многимъ выше богатаго села: уличнаго освѣщенія въ немъ не полагается, за исключеніемъ десятка тусклыхъ фонарей по одной Милліонной улицѣ. Не существуетъ не только мостовыхъ, но на второстепенныхъ улицахъ нѣтъ даже мостиковъ черезъ болотинки и овраги. Улицы — это проселочныя грунтовыя дороги, проѣздъ по которымъ въ ненастное время предоставляется находчивости и изворотливости обывателя.

При видѣ ужасающей грязи и совершенно не приспособленныхъ для защиты отъ нея туземныхъ долгушъ (извозчичьихъ экипажей) дамы наши хотѣли уже отказаться отъ поѣздки въ лагери, но насъ увѣряли, что дальше, на томъ концѣ города, будетъ суше. Дѣйствительно, проѣхавъ шагомъ около полуверсты по прямой улицѣ, начинается подъемъ на первую возвышенную террасу, называемую Юрточной горой. Здѣсь мы ощутили подъ колесами нѣчто въ родѣ бывшей когда-то мостовой изъ наваленной гальки, хотя сверху была такая же глубокая, но не такая жидкая грязь. Въ этой части улицы встрѣтились три каменныхъ дома: почтовая контора, домъ бывшаго виннаго откупщика Сосулина, занимаемый контрольною палатою, и архіерейскій домъ съ духовною консисторіею, купленный въ прошломъ году духовнымъ вѣдомствомъ у наслѣдниковъ умершаго золотопромышленника Асташева. Остальные дома всѣ деревянные, изъ нихъ 3—4 довольно приличные, а остальные представляютъ собою полуразвалившуюся рухлядь. За архіерейскимъ домомъ начинается обширный пустырь, носящій громкое названіе соборной площади. Собора пока еще нѣтъ, но онъ начатъ былъ постройкою лѣтъ тридцать тому назадъ, доведенъ до купола и, по обыкновенію многихъ провинціальныхъ соборовъ, обрушился. Теперь стоятъ только красныя кирпичныя стѣны, на верху которыхъ уже выросли порядочной величины березки. Кругомъ этой руины кучи битаго кирпича и всякаго мусора, а площадь представляетъ голую и грязную степь. Далѣе за площадью опять кучка каменныхъ зданій: это лютеранская церковь, арестантскія роты съ домовою православною церковью, корпусъ присутственныхъ мѣстъ и небольшой домикъ юрточной части съ деревянной каланчей на крышѣ. Отсюда по правую сторону начинается березовая роща, предназначенная будущему университету, а по другую сторону дороги доживаютъ свой дряхлый вѣкъ десятокъ покосившихся на бокъ деревянныхъ домишекъ. Улица противъ университетскаго мѣста (рощи), огороженнаго полусгнившимъ и наполовину растасканнымъ частоколомъ, очень широка, но представляетъ собою изрытую котловину, въ которой стоитъ почти

не просыхающая грязь отъ стекающей сюда влаги со всѣхъ окрестныхъ высотъ. Отъ южной границы рощи опять начинается крутой подъемъ на вторую террасу, идущую до самаго берега Томи, на которомъ расположены лагери. Поднявшись на эту горку, направо и налѣво встрѣчается еще небольшой рядъ домиковъ, въ томъ числѣ деревянный военный лазаретъ, неуклюжій, выкрашенный желтою краскою. Не далеко за нимъ начинается ограда губернскаго острога, выдающагося на улицу въ видѣ сѣрой полосы стоймя поставленныхъ и заостренныхъ бревенъ (палей). За тюрьмой начинаются кирпичные сараи и безконечное число ямъ, изъ которыхъ брали глину для выдѣлки кирпичей.

Первое впечатлѣніе будущихъ университетскихъ окрестностей было поистинѣ удручающее. Тюрьма, арестантская рота, жалкіе покосившіеся домишки нищеты, пустыри, рытвины и овраги, однимъ словомъ—мерзость запустѣнія! Не знаю какъ-то будетъ дальше, но первый день знакомства съ Томскомъ въ конецъ разочаровалъ меня. Конечно, я и раньше не воображалъ его Москвой, или Казанью, но все же думалъ, что это болѣе или менѣе благоустроенный сибирскій центръ, своего рода столица Сибири. Вдвойнѣ тяжело это разочарованіе: во-первыхъ, потому, что съ нимъ связано закрадывающееся сомнѣніе въ успѣхѣ великаго дѣла—основанія Сибирскаго университета, такъ настойчиво пропагандированнаго мной, и, во вторыхъ, потому, что я волей-неволей надолго долженъ буду связать свою судьбу съ этимъ непривлекательнымъ и грязнымъ городомъ. Если я ошибся въ разсчетахъ на своевременность задуманнаго дѣла, если слишкомъ довѣрчиво отнесся къ идиллическимъ описаніямъ Сибири и разсказамъ людей, пріѣзжавшихъ отсюда въ Петербургъ и съ такимъ трогательнымъ увлеченіемъ говорившихъ о своей родинѣ, о ея неисчерпаемыхъ богатствахъ и неудержимомъ стремленіи къ просвѣщенію, если все это окажется мечтой и мистификаціей, то результаты этой ошибки прежде всего я понесу на самомъ себѣ. Однако жъ, не черезъ чуръ ли рано я впадаю въ пессимистическій тонъ? Не есть ли это хандра вслѣдствіе новой, непривычной обстановки? Грязь, пасмурное небо, убогая наружность города еще ничего не значатъ. Внѣшность Томска можетъ быть очень плоха, но могутъ быть хороши люди, съ которыми я еще совсѣмъ не знакомъ; даже если бы и люди были такъ же грязны, какъ улицы, но все же можетъ быть чиста и вѣрна идея, съ которою я сюда пріѣхалъ. Новое дѣло задумано не для настоящаго, а для будущаго, и чѣмъ убоже намъ представляется теперь Сибирь, тѣмъ нужнѣе употребить всѣ усилія, чтобы рано или поздно сбросить кору этого убожества.

Подъ словомъ „лагери“ здѣсь разумѣютъ десятокъ домиковъ ба-

рачной системы, выстроенныхъ за городомъ на высокомъ и крутомъ берегу р. Томи, для лѣтняго пребыванія солдатъ мѣстнаго баталіона. Домики разбросаны по луговой равнинѣ въ половину квадратной версты; здѣсь же находятся бараки для офицеровъ и общая офицерская столовая, она же и клубъ. Между постройками и рѣкой недавно разбитъ руками солдатъ довольно обширный садикъ съ дорожками и бесѣдками, обнесенный деревянною рѣшеткою. Сюда по вечерамъ пріѣзжаютъ городскіе жители, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, а по праздникамъ послушать военную музыку и солдатскія пѣсни. По этому случаю офицерская столовая одновременно играетъ роль загороднаго клуба. Потому ли, что въ день нашего пріѣзда была очень пасмурная погода, или потому, что этотъ день не былъ праздничнымъ, въ садикѣ и въ столовой было совершенно пусто. Едва доискались прислуги и къ великому удовольствію узнали, что обѣдъ заказать можно.

Пока готовили обѣдъ, мы пошли осматривать садъ. Самъ по себѣ онъ не представлялъ ничего особеннаго. Дорожки очень узки и по мѣстамъ грязны; деревья посажены слишкомъ густо, потому, несмотря на свою незначительную высоту (садъ недавно разбитъ), они настолько затѣняютъ проходъ, что при частыхъ въ Томскѣ дождяхъ дорожки не успѣваютъ просыхать. Впослѣдствіи, вѣроятно, придется вырубить половину деревьевъ, чтобы дать просторъ движенію воздуха. Лучшая сторона лагерей—это берегъ Томи. Высокій, обрывистый, онъ даетъ прекрасный видъ на заливную долину рѣки, простирающуюся не менѣе 8—10 верстъ. По окраинамъ этого широкаго пространства кое-гдѣ видны деревеньки. Внизу рѣка оживлена проходящими плотами и здѣсь же устроеннымъ перевозомъ, около котораго копошится не мало людей и животныхъ. Перевозъ устроенъ довольно оригинально. Нѣсколько лодокъ поставлены вдоль средины рѣки, по теченію, на якоряхъ; отъ нихъ проведенъ канатъ къ парому, который, такимъ образомъ, двигается въ родѣ маятника съ одного берега на другой. Эта замысловатая механика называется въ Сибири Самолетомъ. Ширина Томи въ этомъ мѣстѣ на глазомѣръ представляется около 60—70 саж., а высота берега около 30—40 саженъ. Этотъ пунктъ могъ бы быть отличнымъ мѣстомъ для отдохновенія городскихъ жителей отъ присущей городу духоты, пыли и грязи. Здѣсь устроены скамейки, но и это единственное хорошее мѣсто испорчено присутствіемъ нецивилизованнаго человѣка. Вмѣсто отличнаго воздуха, каковымъ бы ему слѣдовало быть, обоняніе поражается чѣмъ-то весьма непріятнымъ. Оглянувшись назадъ, мы увидѣли висящія надъ обрывомъ берега дощатыя будочки, — очевидно, укромныя мѣста нижнихъ чиновъ баталіона. Замѣтивъ это и опасаясь испортить аппетитъ, мы отправились поскорѣе въ столовую.

Обѣдъ былъ приготовленъ не дурно, можетъ быть въ силу пословицы, что голодъ есть самый лучшій поваръ. Окончили мы его около 6 часовъ вечера и отправились тѣмъ же путемъ по домамъ, съ удовлетвореннымъ желудкомъ, но далеко не съ веселыми мыслями отъ всего видѣннаго. Садясь на трясскую долгушу, графъ Стенбокъ, вѣроятно отъ избытка чувства, продекламировалъ вслухъ слова Некрасова:

„Здѣсь гробовая тишина, здѣсь безпросвѣтный мракъ,
Зачѣмъ, проклятая страна, нашелъ тебя Ермакъ"!

31 мая. Утромъ на другой день я спеціально отправился осматривать отведенное городскою думою университетское мѣсто. Оно раздѣляется довольно глубокимъ оврагомъ на два участка: первый участокъ (со стороны соборной площади и присутственныхъ мѣстъ) оказался на половину застроеннымъ дрянными зданіями. На самомъ углу стоитъ одноэтажный каменный домъ въ формѣ четыреугольнаго неуклюжаго ящика съ каланчей,—это юрточная городская часть. Рядомъ съ нею громоздятся разныя деревянныя пристройки для нижнихъ полицейскихъ чиновъ и для пожарнаго обоза. Въ общемъ они занимаютъ большое пространство, но представляютъ изъ себя деревянную полусгнившую рухлядь. За этими постройками, задаваясь внутрь университетской земли, стоитъ не то обширный сарай, не то деревянный баракъ, крытый полусгнившимъ тесомъ, — это оказывается городской театръ. Безобразнѣе этой хоромины трудно что-либо представить; Всѣ эти постройки городская дума предполагаетъ въ нынѣшнемъ, или будущемъ году продать на сломъ, какъ отжившія свой вѣкъ и болѣе ни на что не годныя, какъ на дрова [1]). Саженъ 40 далѣе за театромъ, университетское мѣсто пересѣкается поперекъ оврагомъ, черезъ который проложена грунтовая дорога съ довольно крутымъ подъемомъ и спускомъ. Моста нѣтъ, потому въ ненастную пору переѣхать этотъ оврагъ даже на простой долгушкѣ не такъ легко. По другую его сторону начинается второй участокъ предназначенной университету земли. Онъ весь покрытъ густымъ березовымъ лѣсомъ, потому называется городскою рощею. Площадь этого участка довольно значительная, около 150 саженъ въ длину, до слѣдующаго, еще болѣе глубокаго оврага, и столько же въ ширину, но поверхность его неровная, представляющая нѣсколько котловинъ и довольно значительный склонъ къ сторонѣ перваго, сѣвернаго оврага. Кромѣ того, въ эту сторону впадаетъ еще нѣсколько глубокихъ промоинъ, съ каждымъ годомъ размываемыхъ весенними водами все больше и больше,

[1]) Театръ былъ проданъ въ 1881 году, кажется за 200 р. Послѣ его сломки и свозки осталась одна безобразная сорная яма, заросшая бурьяномъ.

такъ что въ настоящее время они могутъ быть названы настоящими овражьими отрогами. Сама по себѣ роща довольно привлекательна, хотя она и не носитъ на себѣ никакихъ признаковъ культурной обработки, за исключеніемъ двухъ-трехъ просѣкъ, расчищенныхъ подъ грунтовыя дороги. Одна изъ такихъ просѣкъ ведетъ отъ театра къ юго-западному концу рощи, гдѣ на крутомъ мысу стоитъ археологическій памятникъ,— порядочной величины земляной курганъ. Съ его вершины открывается широкій кругозоръ на заливную долину рѣки Томи. Мысъ, на которомъ стоитъ курганъ, и вся западная окраина рощи представляютъ собою старый высокій берегъ Томи, у подошвы котораго лежитъ небольшое озеро, переходящее далѣе въ вязкое болото. Сюда открываются всѣ овраги, пересѣкающіе площадь университетскаго мѣста.

На восточной окраинѣ рощи, ближе къ улицѣ, стоитъ деревянный домъ съ досчатою террасою. Это лѣтнее помѣщеніе томскаго общественнаго собранія или клуба. Отъ улицы роща ограждена низкою деревянною рѣшеткою (палисадникомъ), тычинки которой на половину растасканы, а многіе столбы подгнили. По этой причинѣ роща посѣщается не только томскими жителями, но и городскимъ скотомъ, во всякое время свободно гуляющимъ по улицамъ и площадямъ.

При осмотрѣ университетскаго мѣста я замѣтилъ себѣ два обстоятельства: 1) лучшій его первый участокъ занятъ городскими постройками, отъ которыхъ едва-ли удастся скоро освободиться; 2) второй участокъ, собственно роща, по своей неровности и овражистости потребуетъ большихъ планировочныхъ работъ для того, чтобы помѣстить на немъ главный университетскій корпусъ, имѣющій по проекту 106 саженъ длины. Такой, болѣе или менѣе ровной площади, здѣсь совсѣмъ не оказывается. Придется ее создать искусственно, снявъ возвышенный откосъ съ одной (южной) стороны и переваливъ его на другую (сѣверную) сторону. Передняя часть этого мѣста, обращенная къ улицѣ, въ этомъ отношеніи еще болѣе неудобна. Она представляетъ собой низкую ложбину, въ которую стекаютъ всѣ дождевыя и снѣговыя воды съ окрестныхъ высотъ, направляясь отсюда въ боковые овраги. Помѣстить въ этой ямѣ университетское зданіе было бы крайне невыгодно. Его пришлось бы воздвигать на искусственной насыпи и ограждать отъ потопленія со стороны дороги. Поэтому придется отнести главный корпусъ въ глубину рощи, гдѣ мѣсто повыше и гдѣ можно выравнять требуемую площадь, сдѣлавъ подсыпку только въ одной сѣверной половинѣ зданія. Здѣсь была бы только одна невыгодная сторона, именно та, что зданіе было бы не на виду, по улицѣ, а скрыто въ глубинѣ, но съ другой стороны это имѣло бы и свои удобства: оно будетъ защищено отъ уличной пыли и болѣе обезопа-

сено въ пожарномъ отношеніи. При такомъ размѣщеніи передъ фасадомъ университета будетъ необходимо разбить довольно большой скверъ, а мѣсто съ улицы оградить приличною рѣшеткой, что при составленіи плановъ и смѣты не имѣлось въ виду, предполагая, что главный корпусъ будетъ поставленъ фасадомъ прямо на улицу.

Явилась было у меня и другая мысль. Съ западной стороны, противъ обвалившагося собора, цѣлый кварталъ занимаютъ пять или шесть дрянныхъ деревянныхъ домишекъ. Всѣ они въ совокупности едва-ли стоятъ болѣе 10.000 руб. Если бы ихъ купить на сломъ и университетъ поставить на этомъ мѣстѣ, лицомъ къ собору,—это было бы мѣсто самое подходящее. Оно значительно выше городской рощи. Университетскія зданія здѣсь много выиграли бы въ своей внѣшности и украсили бы будущую соборную площадь. Клиники въ такомъ случаѣ можно было бы поставить на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь юрточная часть и театръ, т. е. черезъ улицу отъ предполагаемаго къ покупкѣ квартала; а рощу тогда обратить въ ботаническій садъ. По моему мнѣнію эта комбинація не была бы даже убыточна для казны, такъ какъ планировка мѣстности подъ зданія въ рощѣ и устройство металлической рѣшетки на протяженіи болѣе 250 саженъ обойдется дороже, чѣмъ купить у частныхъ владѣльцевъ весь сосѣдній кварталъ съ мизернымн лачугами. Вся бѣда въ томъ, что наше дѣло не частное, а казенное. Поэтому для осуществленія помянутой комбинаціи пришлось бы начать длинную переписку съ министерствомъ и отложить закладку университета, по меньшей мѣрѣ, еще на годъ. Развѣ попробовать предложить Цибульскому: не скупитъ ли онъ участки вышеупомянутаго квартала на свое имя и за свой счетъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ подарить или продать ихъ университету. Надо объ этомъ переговорить.

Обойдя университетскіе участки во всѣхъ направленіяхъ и познакомившись съ ихъ окрестностями, у меня оставалось еще достаточно времени, чтобы сдѣлать бѣглый обзоръ этой половины города. Будучи въ Петербургѣ и Казани, я судилъ о Томскѣ по присланному мнѣ городскому плану. Но какая разительная разница оказалась между планомъ и самымъ дѣломъ. По плану, напримѣръ, значится, что университетъ выходитъ на Садовую улицу, а на дѣлѣ здѣсь не только нѣтъ ни одного сада (не считая нашей рощи), но и самое слово улицы съ трудомъ можетъ быть примѣнено къ этому грязному корыту. Далѣе показана Бульварная улица, на которой вмѣсто бульвара оказывается широкій пустырь, изрытый ямами, заросшій бурьяномъ и заваленный кучами навоза. Это опять не улица, а деревенскія задворки. Попробовалъ я подняться на пригорокъ, по переулку противъ самой городской рощи. На этомъ увалѣ оказался десятокъ мѣщанскихъ домиковъ,

расположенныхъ въ одну улицу, а затѣмъ опять пустырь, изрытый оврагами, кирпичными ямами и заваленный всякимъ мусоромъ. Вотъ каковы окрестности будущаго разсадника сибирскаго просвѣщенія. Конечно, со временемъ все это измѣнится, застроится и будетъ приведено въ благообразный городской видъ, но теперь это мерзость запустѣнія.

Приходилось мнѣ читать, что при постройкѣ новыхъ американскихъ городовъ сначала распланировываютъ улицы, проводятъ водостоки, устраиваютъ мостовыя и освѣщеніе, а потомъ уже, на подготовленномъ мѣстѣ, начинаютъ сооружать дома. У насъ, наоборотъ, сначала запакостятъ мѣсто до невозможности, изроютъ его, завалятъ падалью и навозомъ, испортятъ дороги, не устроивъ ни мостиковъ, ни стоковъ, а потомъ на грязномъ пустырѣ начинаютъ строиться. Мостовыя и освѣщеніе при этомъ откладываютъ на самый задній планъ. Такъ было и въ Томскѣ. Казалось бы, что окрестности университетскаго мѣста почти совсѣмъ за городомъ, гдѣ должна быть дѣвственная почва, а на самомъ дѣлѣ здѣсь все давно испорчено, какъ на задворкахъ. Прекрасную луговую площадь сначала изрыли кирпичными ямами (изъ которыхъ брали глину для кирпичныхъ сараевъ), потомъ начали сюда свозить навозъ и всякія нечистоты и затѣмъ уже селиться.

Возвратясь домой и позавтракавъ чѣмъ Богъ послалъ, отправился дѣлать первые визиты своимъ сослуживцамъ—членамъ строительнаго комитета, прежде всего къ губернатору. Губернаторъ, онъ же предсѣдатель нашего строительнаго комитета, Василій Ивановичъ Мерцаловъ, только съ нынѣшней весны назначенъ на этотъ постъ, вмѣсто оставившаго службу Супруненко. Онъ только-что пріѣхалъ въ Томскъ изъ Омска, гдѣ до того времени занималъ мѣсто управляющаго контрольною палатою. Раньше онъ служилъ въ Тобольскѣ чиновникомъ по губернскому управленію. Въ Европейской Россіи съ именемъ губернатора привыкли соединять представленіе о болѣе или менѣе внушительной особѣ, облеченной властью и должнымъ авторитетомъ. Въ Сибири этого нѣтъ. Здѣсь онъ не что иное, какъ чиновникъ, командированный генералъ-губернаторомъ, во всемъ отъ него зависящій и имъ же поставленный. Можетъ быть по этой причинѣ при выборѣ сибирскихъ губернаторовъ не требуется ни административнаго ценза, ни извѣстнаго престижа. Вчерашній исправникъ или заурядный контрольный чиновникъ, по желанію главнаго начальника края, можетъ быть сегодня назначенъ начальникомъ губерніи. Такъ вышло и съ Василіемъ Ивановичемъ, коему волею судебъ вручено было управленіе громадною губерніею. На видъ онъ лѣтъ не болѣе сорока, учился въ Харьковскомъ университетѣ, теперь имѣетъ чинъ статскаго

совѣтника и, повидимому, чувствуетъ себя по началу, что называется, не въ своей тарелкѣ. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе скромнаго чиновника, нерѣшительнаго и какъ бы подавленнаго новыми обязанностями. Этому соотвѣтствуетъ и его домашняя обстановка. Казеннаго губернаторскаго дома здѣсь нѣтъ, поэтому губернаторы странствуютъ по вольнонаемнымъ квартирамъ. Василію Ивановичу досталась скромная квартирка въ домѣ купца Чернядева (противъ реальнаго училища). Красный неоштукатуренный, двухъ-этажный домъ; внизу лавки; крылечко со двора; въ самой квартирѣ пять небольшихъ комнатъ съ выбѣленными известкой стѣнами и некрашенными полами. Семья Мерцалова состоитъ изъ жены и трехъ человѣкъ дѣтей.

Другое впечатлѣніе производитъ обстановка городскаго головы Цибульскаго. Онъ живетъ въ собственномъ домѣ съ зеркальными окнами. Лѣстница парадныхъ сѣней устлана коврами; въ прихожей торчатъ казачки, прислуга во фракахъ, дрессированная; внутренность дома также убрана довольно изящно, съ штофными драпировками, коврами и дорогой мебелью. Самъ Цибульскій лѣтъ около 65-ти, по происхожденію малороссъ. Дѣдъ его принадлежалъ къ добровольнымъ выходцамъ, переселившимся въ Сибирь въ прошломъ столѣтіи. Здѣсь онъ женился на сибирячкѣ и едва-ли не на калмычкѣ, такъ какъ въ чертахъ лица Захара Михайловича видны монгольскіе слѣды (выдающіяся скулы и слегка косые глаза). Учился Захаръ Михайловичъ въ уѣздномъ училищѣ, женился на владимірской купчихѣ, Ѳедосьѣ Емельяновнѣ, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, но дѣтей у нихъ не было. Старики очень добродушны, отличаются русскимъ хлѣбосольствомъ, и потому ихъ домъ весьма часто посѣщается. Въ праздникъ и будни съ 12-ти часовъ въ залѣ накрывается большой столъ, и кто бы ни пришелъ, первымъ дѣломъ начинается угощеніе. По этой ли причинѣ или по доброй молвѣ о радушныхъ старикахъ, но рѣдкій изъ проѣзжающихъ черезъ Томскъ путешественниковъ, или чиновниковъ не посѣтитъ Цибульскихъ; а томская знать бываетъ у нихъ чуть не каждый праздникъ.

Цибульскій не принадлежитъ къ числу крупныхъ капиталистовъ, подобно нѣкоторымъ золотопромышленникамъ Восточной Сибири. Его благосостояніе началось сравнительно недавно, лѣтъ 10—15 тому назадъ, когда онъ случайно напалъ на богатую золотую розсыпь (Веселый ключъ). До того времени онъ съ страстнымъ увлеченіемъ и долго занимался пріисками, но, какъ многіе другіе золотопромышленники, часто терпѣлъ неудачу и бывалъ иногда въ затруднительныхъ положеніяхъ, не зная, какъ удовлетворить своихъ кредиторовъ. Послѣдніе годы Захаръ Михайловичъ, говорятъ, получаетъ чистой прибыли отъ пріисковъ около 100 тысячъ рублей и удѣляетъ отъ своихъ достат-

ковъ значительную сумму на добрыя дѣла. Такъ, напр., онъ выстроилъ въ Томскѣ каменную церковь при исправительной арестантской ротѣ и снабдилъ ее всею необходимою утварью. Также на домъ реальнаго училища онъ положилъ не менѣе десятка тысячъ рублей и поддерживаетъ содержаніе Владимірскаго дѣтскаго пріюта, гдѣ жена его, Ѳедосья Емельяновна, состоитъ почетною попечительницею. На Сибирскій университетъ Захаръ Михайловичъ пожертвовалъ до 160 т. р. [1]) и по мѣрѣ силъ заботился о благосостояніи городскаго хозяйства, какъ городской голова. Но что особенно выдѣляетъ Захара Михайловича изъ среды томскаго богатаго купечества, это его безупречное прошлое. Про него никто не скажетъ, что онъ нажилъ состояніе путемъ неправеднымъ, какъ нѣкоторые изъ здѣшнихъ купцовъ, или ихъ предковъ, которымъ молва приписываетъ не только обманы и подлоги, но даже открытые грабежи и убійства по большимъ дорогамъ. Равнымъ образомъ, нельзя сказать, чтобы Цибульскій, разбогатѣвъ, сталъ злоупотреблять своимъ богатствомъ, обижая бѣдныхъ и дозволяя себѣ разныя самодурства, столь обычныя у сибирскихъ кулаковъ.

Третій членъ строительнаго комитета, Александръ Ипполитовичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, былъ мнѣ извѣстенъ еще раньше, въ Петербургѣ. Онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по естественному разряду физико-математическаго факультета, потомъ нѣкоторое время состоялъ чиновникомъ для командировокъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, откуда и получилъ назначеніе предсѣдателемъ губернскаго правленія въ Томскѣ (кажется, въ 1876 году).

Это человѣкъ еще молодой (лѣтъ 30-ти съ небольшимъ), хорошо воспитанный, съ нѣкоторыми привычками барства, унаслѣдованными, вѣроятно, отъ предковъ Мамоновыхъ, захудалымъ обломкомъ которыхъ онъ себя считаетъ. Женатъ онъ на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Львовой, большой музыкантшѣ, ученицѣ Рубинштейна, мечтающей создать въ Томскѣ отдѣленіе императорскаго музыкальнаго общества. Взгляды А. И. и Е. А. на Сибирь діаметрально противоположны. На сколько онъ увлекается и смотритъ на настоящее и будущее этого края черезъ розовыя очки, на столько она, не касаясь будущаго, рисуетъ настоящее мрачными красками. Не задаваясь отвлеченными мечтами, а анализируя все окружающее, она находитъ здѣсь и природу, и людей слишкомъ суровыми, грубыми, изуродованными. Такой взглядъ, можетъ быть, дѣйствительно вѣрнѣе и трезвѣе, нежели

---

[1]) За это пожертвованіе Цибульскій награжденъ по представленію графа Д. А. Толстаго орденомъ Владиміра 3-й степени и правомъ помѣстить его портретъ въ актовомъ залѣ университета.

составленная нами въ Петербургѣ идиллія. Въ своемъ мѣстѣ мнѣ придется еще коснуться этихъ данныхъ, по скольку они будутъ связаны съ ходомъ событій.

Мамоновы живутъ въ каменномъ нештукатуренномъ домѣ (Иваницкаго), недалеко отъ новой соборной площади. Это одна изъ лучшихъ наемныхъ квартиръ, конечно, по томскимъ понятіямъ. Здѣсь имѣется крылечко съ улицы, а не черный ходъ со двора, какъ обыкновенно. Въ квартирѣ пять комнатъ, размѣщенныхъ довольно толково. Двѣ изъ нихъ даже оклеены дешевенькими обоями, остальныя выбѣлены. Есть маленькая терраса, выходящая въ небольшой садикъ, проходъ въ которую устроенъ изъ комнаты черезъ окно по подставной лѣсенкѣ. Это нововведеніе придумано уже не хозяиномъ дома, а жильцами и чуть ли не устроено на ихъ счетъ. Я упоминаю о такихъ мелочахъ потому, что онѣ характеризуютъ складъ томской жизни въ 1880 году. Пройдетъ десятокъ лѣтъ, явятся другіе люди, разовьются другія привычки, и тогда никто не повѣритъ, чтобы въ Томскѣ, еще такъ недавно, галлерейка, наружный подъѣздъ и обои въ комнатахъ составляли выдающуюся новинку. Кто бы могъ подумать, что оштукатуренный, или обшитый тесомъ домъ здѣсь составляетъ рѣдкую роскошь, что въ городѣ совсѣмъ нѣтъ садовъ (за исключеніемъ березъ, захваченныхъ въ черту двора при новыхъ постройкахъ на окраинахъ), что досчатые тротуары (мостики) идутъ только по главной улицѣ, и то съ перерывами, что въ темныя ночи освѣщается только единственная улица и то сальными свѣчами, на разстояніи саженъ 70 фонарь отъ фонаря! Если сказать при этомъ, что городъ получаетъ ежегоднаго дохода до 170 т. руб. и не имѣетъ ни сносной полиціи, ни порядочнаго пожарнаго обоза, то дѣйствительно можно прійти въ недоумѣніе, почему городское управленіе до сихъ поръ не проявило никакихъ проблесковъ благоустройства. Виновато ли здѣсь неряшество и небреженіе городоваго самоуправленія, или грубость и неумѣлость уполномоченныхъ къ тому лицъ, объ этомъ можно составить мнѣніе тогда, когда удастся ближе познакомиться съ городскими порядками.

За этотъ день отмѣчу еще одинъ не безъинтересный фактъ. Отправились мы въ лавки купить кое-какія принадлежности домашняго хозяйства. Здѣсь насъ прежде всего поразило то обстоятельство, что большая часть магазиновъ не имѣетъ спеціальной торговли, а держатъ всего понемножку. Такъ, напр., въ одной и той же лавкѣ вы найдете и фарфоровую посуду, и желѣзныя издѣлія, и закуски, и мануфактуры, и свѣчи. Каждый торговецъ старается, по возможности, разнообразить товаръ, но имѣть всего понемножку. Этимъ, говорятъ, они больше привлекаютъ покупателей и конкуррируютъ другъ

съ другомъ. Лучшіе магазины помѣщаются по Милліонной улицѣ, именно: мануфактурные Стахѣева (елабужскаго купца, здѣсь не живущаго) и фирма Петрова и Михайлова (Петровъ московскій купецъ, а Михайловъ его бывшій приказчикъ въ Томскѣ). Здѣсь торгуютъ однообразнымъ товаромъ (въ одноэтажныхъ каменныхъ лавкахъ, довольно грязныхъ). Рядомъ съ ними магазинъ Сорокина торгуетъ колоніальными товарами и разными сластями, чаемъ и сахаромъ. Здѣсь же продаютъ мыло, свѣчи, табакъ, духи, канцелярскія принадлежности и многое другое. Далѣе по той же улицѣ находится магазинъ братьевъ Ненашевыхъ. Здѣсь можно найти всякую всячину, начиная отъ золотыхъ вещей и фаянсовой посуды и кончая грубыми желѣзными и мѣдными издѣліями, армяками и конской сбруей. На той же улицѣ существуетъ небольшая китайская лавочка съ природными китайцами, говорящими, впрочемъ, хорошо по-русски. Лавочка мизерная, но здѣсь можно найти, кромѣ чая и сахара, китайскія шелковыя ткани, фарфоръ (преимущественно вазы, блюда и чашки), тибетскіе бѣлые мѣха и китайскія бумажныя картины. Все это, сравнительно, недорого и очень оригинально. Гостиный дворъ пребезобразный и непомѣрно грязный. Со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ деревянными лавочками, сарайчиками и холщевыми шатрами, гдѣ торгуютъ по мелочи. Замѣчательно, что въ цѣломъ городѣ нельзя купить приличной городской обуви. Продаются только мужицкіе сапоги и бродни (кунгурской работы). Томская интеллигенція должна либо выписывать обувь, либо шить на заказъ у мѣстныхъ мѣщанъ. Нѣтъ также ни одной сносной булочной, ни одной кондитерской. Обыватели, обыкновенно, заготовляютъ эти продукты на собственной кухнѣ. Нѣтъ также ни одного перчаточнаго магазина и некому отдать вычистить перчатокъ. По знакомству сообщили намъ, что этимъ дѣломъ негласно занимается жена учителя французскаго языка мѣстной гимназіи, но она это дѣлаетъ въ видѣ одолженія, хотя и за плату по 40 к. за пару. Обратиться къ ней можно не прямо, а черезъ посредство ея знакомыхъ. Въ данномъ случаѣ мы воспользовались посредническими услугами Е. А. Мамоновой. Новыхъ лайковыхъ перчатокъ въ Томскѣ купить нельзя. Въ магазинахъ держатъ только вязанныя, нитяныя, или шелковыя.

Мебельныхъ магазиновъ въ Томскѣ тоже не существуетъ. Если кому понадобится столъ, шкафъ или стулья, нужно выжидать случая, либо присматриваться на толкучкѣ (по пятницамъ), или заказать кому-либо изъ мѣстныхъ столяровъ. Намъ нужно было пріобрѣсти для конторы строительнаго комитета столъ, шкафъ и полдюжины креселъ. Посовѣтовали обратиться къ лучшему здѣшнему мастеру: фамилія его Марсель, по національности французъ, сосланный сюда

изъ Одессы за какіе-то проступки. Когда мнѣ его прислали, онъ оказался съ виду настоящимъ томскимъ мѣщаниномъ: въ азямѣ, подпоясанъ краснымъ кушакомъ, въ мужицкихъ смазныхъ сапогахъ. Обѣщался сдѣлать мебель черезъ мѣсяцъ, кресла березовыя по 12 руб., столъ и шкафъ сосновые, первый 15 руб., второй 35 руб. Другаго столярнаго дерева кромѣ сосны, кедра и березы здѣсь нѣтъ. Хотѣлось обить кресла какой-нибудь матеріей, но Марсель за это не взялся, говоря, что въ Томскѣ обойщиковъ не имѣется. Хотѣлось повѣсить на окна сторы, мнѣ рекомендовали обратиться за этимъ къ гробовщику, такъ какъ ему приходится иногда обивать гробы глазетомъ и позументами, а другіе ремесленники обойнымъ дѣломъ не занимаются. Усумнившись въ правдивости такого отвѣта, я полюбопытствовалъ посмотрѣть мягкую мебель нашей гостиной, стоявшую подъ холщевыми чехлами. Оказалось, что на ней также нѣтъ обивки. Говорятъ, что въ томскихъ салонахъ это принято: подъ чехлами не видать, а сторы выписываютъ или покупаютъ готовыми, большею частью соломенныя или лощеныя коленкоровыя съ разными пестрыми рисунками. Примѣнялись къ обстоятельствамъ, и мы поступали также.

1-го іюня. Воскресенье. Обѣдали сегодня опять въ лагеряхъ, за невозможностью достать въ городѣ ничего горячаго. Утромъ хлопотали по хозяйству, сдѣлали необходимѣйшія покупки. Въ лавкахъ трудно что-либо выбрать, а что есть,—страшно дорого. Говорятъ, теперь такое неблагопріятное время: что было запасено съ прошлаго лѣта, уже распродано, а новые товары еще не получены. Отъ такого объясненія ничуть не легче. Купили небольшой чайный сервизъ на 6 персонъ, съ чайникомъ, сахарницей и полоскательной чашкой, изъ дряннаго фаянса, и нѣсколько глиняныхъ тарелокъ съ такими же судками, чтобы носить обѣдъ. Заплатили за эту дрянь 32 р. За пару дрянныхъ тюфяковъ, набитыхъ верблюжьей шерстью, пришлось дать 25 р., за двѣ желѣзныя складныя кровати 35 руб. (въ Казани онѣ стоили бы рублей 12—15). За мѣдные подсвѣчники, желѣзный подносъ и разный хозяйственный хламъ—15 руб. Стеариновыя свѣчи продаются здѣсь по 35—40 к. фунтъ, керосинъ 15—20 к., сахаръ 35 к. фунтъ. Я упоминаю объ этомъ потому, чтобы дать понятіе о томскихъ цѣнахъ. Обѣдъ въ лагеряхъ (изъ трехъ блюдъ на три персоны) намъ стоитъ каждый день пять рублей, да извозчикъ туда и обратно 3 руб. За квартиру въ четыре комнаты мы платимъ А. Ф. Жиллю за три лѣтнихъ мѣсяца 150 руб. Годовая цѣна ея 600 р. за голыя, выбѣленныя известкою стѣны, безъ всякихъ житейскихъ удобствъ. Изъ этого можно заключить, что жизнь въ Томскѣ далеко не дешева.

2-го іюня. Наконецъ, удалось намъ нѣсколько устроиться съ своимъ

хозяйствомъ. Нашелся такой антрепренеръ (мѣщанинъ Соколовъ), который взялся насъ кормить по-мѣсячно и предложилъ въ наше распоряженіе пару вороненькихъ нарымскихъ лошадокъ въ открытой телѣжкѣ и взялъ за все это по 210 руб. въ мѣсяцъ. Обѣдъ готовится у него на дому (по той же улицѣ, но въ другомъ кварталѣ). Приноситъ его будетъ въ судкахъ нашъ человѣкъ, Александръ, нанятый въ Томскѣ по 10 руб. въ мѣсяцъ. Каково будутъ готовить, еще не извѣстно, но сыты, вѣроятно, будемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ семейнаго архива графа Нессельроде.

III [1]).

Переговоры съ Лористономъ.—Отъѣздъ Александра I въ Вильно.—Переходъ Наполеона черезъ Вислу; сраженіе при Бородино и Тарутинѣ.—Бѣгство Наполеона.—Вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Пруссіи.—Сраженіе при Бауценѣ и Люценѣ.—Конгрессъ въ Прагѣ и свиданіе въ Трахтенбергѣ.—Сраженіе при Кульмѣ, Каухбахѣ, Гроссъ-Беренѣ; битва при Лейпцигѣ.—Преслѣдованіе Наполеона.—Вступленіе въ предѣлы Франціи.—Переговоры о сдачѣ Парижа.—Вступленіе въ Парижъ.—Назначеніе Нессельроде управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1812 г., тянулись переговоры графа Румянцева съ новымъ посланникомъ Наполеона I въ Петербургѣ, генераломъ Лористономъ, замѣнившимъ герцога Виченскаго. Переговоры эти преимущественно относились до заключенія трактата, долженствовавшаго обезпечить за Россіею и обладаніе провинціями, входившими нѣкогда въ составъ Польскаго королевства. Мы настаивали на томъ, чтобы было положительно выражено, что Польское королевство впредь никогда возстановлено не будетъ. Наполеонъ не желалъ брать на себя инаго обязательства, какъ только то, что онъ не будетъ содѣйствовать возстановленію этого королевства. Эти переговоры ни къ чему не привели. Наполеонъ, очевидно, поддерживалъ и тянулъ ихъ только съ цѣлью выиграть время, ему необходимое, для окончанія огромныхъ его вооруженій. Весною гроза медленно надвигалась, все увеличиваясь. Большія арміи подходили къ нашимъ границамъ и занимали владѣнія прусскаго короля. Союзные трактаты были заключены Наполеономъ съ Пруссіею и Австріею; война дѣлалась неизбѣжною. Вся континентальная Европа обрушилась на Россію, потому что даже испанцы, португальцы и итальянцы сражались въ рядахъ Наполеона противъ насъ.

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1906 г.

Въ мартѣ мѣсяцѣ императоръ Александръ I отправился въ армію и основалъ главную свою квартиру въ Вильнѣ. Я присоединился тамъ къ лицамъ свиты, сопровождавшимъ государя, число которыхъ было очень значительно. Тутъ находились, прежде всего, Н. П. Румянцевъ, князь В. П. Кочубей, графъ Армфельдтъ, маркизъ Паулуччи, графъ Аракчеевъ и А. С. Шишковъ, замѣстившій Сперанскаго, въ должности государственнаго секретаря. Чѣмъ многочисленнѣе была свита императора, тѣмъ значительнѣе и дѣятельнѣе были различныя интриги. Наши военныя силы были распредѣлены между двумя арміями; одною командовалъ Барклай-де-Толли, а второю князь Багратіонъ; онѣ обѣ заключали никакъ не болѣе 250.000 человѣкъ, между тѣмъ, какъ Наполеонъ явился съ арміею въ 400.000 человѣкъ. При нашемъ государѣ находился тогда старый прусскій офицеръ, генералъ Пфуль. Онъ предложилъ планъ кампаніи, вызвавшій сильную оппозицію со стороны большинства нашихъ генераловъ. По плану Пфуля армія Барклая должна была отходить къ берегамъ р. Двины и занять сильныя укрѣпленія у Дриссы [1]), тогда какъ, тѣмъ временемъ, армія Барклая дѣйствовала бы наступательно на флангѣ и въ тылу французской арміи. Планъ этотъ могъ бы быть приведенъ въ исполненіе только отчасти. Скоро убѣдились, что для достиженія предполагаемыхъ Пфулемъ успѣховъ необходимо имѣть значительно большія военныя силы, а потому были даны приказанія князю Багратіону присоединиться къ арміи генерала Барклая. Событія войны препятствовали осуществленію этого соединенія, которое воспослѣдовало очень поздно, у стѣнъ Смоленска.

Наполеонъ покинулъ Парижъ и направился въ Дрезденъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ новыми своими союзниками, монархами прусскимъ и австрійскимъ. Желая придать видъ, что онъ преисполненъ миролюбивыхъ намѣреній, Наполеонъ послалъ въ Вильну графа Нарбонна [2]) съ письмами къ императору. Я очень хорошо зналъ Нарбонна въ Парижѣ и имѣлъ съ нимъ теперь неоднократно конфиденціальные разговоры, доказавшіе мнѣ, что эта присылка Нарбонна не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Императоръ Александръ I принялъ его благосклонно, но уклонился высказаться рѣшительно. Въ обмѣнъ этой присылки государь отправилъ къ Наполеону генерала Балашева съ отвѣтомъ. Тѣмъ временемъ Наполеонъ прибылъ въ свою главную

---

[1]) У Нессельроде, т. II стр. 80 и 81, говорится: „camp. Drypa", что, безъ сомнѣнія, опечатка: должно быть Dryssa. Это лагерь у мѣстечка Дриссы на берегу Западной Двины.

[2]) Графъ Нарбоннъ-де-Лара род. въ 1755 г., служилъ въ рядахъ арміи, былъ генералъ-лейтенантъ, а позднѣе состоялъ по дипломатической части. Онъ умеръ въ 1815 году.

квартиру. Во время бала, даннаго генераломъ Беннигсеномъ, императоръ получилъ извѣстіе, что французская армія совершила переправу черезъ Нѣманъ. Было рѣшено, что мы немедленно покинемъ Вильну, и на другой день наша армія начала совершать отступленіе. Не хватило времени, чтобы составить окончательную редакцію манифеста, для котораго я подготовилъ уже все необходимое; между тѣмъ надлежало безусловно обнародовать какое-либо извѣщеніе. Императоръ Александръ I рѣшился обнародовать рескриптъ на имя князя Салтыкова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, на котораго, за отсутствіемъ государя, было возложено главное управленіе дѣлами въ Петербургѣ. Я наскоро написалъ рескриптъ; онъ былъ переведенъ на русскій языкъ и обнародованъ. Наше отступленіе продолжалось до Дриссы, при чемъ нѣкоторыя арріергардныя стычки съ французами не всегда были для насъ неблагопріятны. Разсмотрѣвъ въ подробности укрѣпленный лагерь при Дриссѣ, довольно скоро распознали всѣ его недостатки и усмотрѣли невозможность въ немъ удержаться. Было принято важное рѣшеніе. Генералъ Барклай долженъ былъ продолжать отступленіе, а государь—направиться въ Москву, чтобы ускорить формированіе ополченія, созваннаго со всѣхъ мѣстъ Россіи, и воодушевить населеніе патріотическимъ чувствомъ. Императоръ уѣхалъ въ сопровожденіи одного князя Волконскаго, своего начальника штаба, и нѣсколькихъ адъютантовъ. Императоръ приказалъ мнѣ оставаться при генералѣ Барклаѣ и взять на себя изложеніе извѣстій (бюллетеней) изъ арміи. Вся остальная, многочисленная свита была отправлена изъ Вильны въ Петербургъ. Я продолжалъ слѣдовать за арміею, присутствовалъ, между прочимъ, при сраженіи подъ Витебскомъ, гдѣ мой другъ, графъ Паленъ, отличился въ арріергардномъ дѣлѣ. Спустя нѣсколько дней, я получилъ съ курьеромъ приказаніе прибыть къ императору въ Петербургъ.

Въ началѣ кампаніи, главный штабъ арміи Барклая былъ составленъ очень страннымъ образомъ; генералъ Лавровъ, начальникъ главнаго штаба, и генералъ Мухинъ, генералъ-квартирмейстеръ, были лица изумительной неспособности. Уже въ Вильнѣ, генералъ Лавровъ былъ смѣщенъ; его замѣнилъ маркизъ Паулуччи, служившій ранѣе съ отличіемъ, но онъ не долго занималъ это важное мѣсто. Онъ сдѣлался невыносимымъ (violence) жестокостью своего характера, своею самоувѣренностью (présomption) и своимъ самомнѣніемъ. Онъ былъ уволенъ, но позднѣе назначенъ генералъ-губернаторомъ Риги. Начальникомъ же штаба былъ назначенъ генералъ Ермоловъ, а генералъ-квартирмейстеромъ—генералъ Толь. Нашего плана, состоявшаго въ продолжительномъ отступленіи, не понимала ни публика, ни армія, въ которой заключалось все наше спасеніе.

Александръ I, разставаясь съ Барклаемъ въ Полоцкѣ, сказалъ ему: „сохраните мнѣ армію; это единственная, которою я обладаю“. Проникнутый этимъ желаніемъ, храбрый генералъ, съ очень рѣдкимъ самопожертвованіемъ, пренебрегъ всѣми неудовольствіями народа, всею враждебностью генераловъ и съ достойною настойчивостью преслѣдовалъ исполненіе задачи, возложенной на него волею государя. Барклай былъ потомокъ шотландскаго семейства, водворившагося болѣе ста лѣтъ въ Лифляндіи. Онъ не былъ русскимъ по происхожденію, и это было, большею частью, источникомъ возникшихъ на него нареканій и неудовольствій, которыя были доведены до такой степени, что государь призналъ необходимымъ, для удовлетворенія народному чувству, поставить во главѣ арміи человѣка, носящаго русское имя. Онъ назначилъ фельдмаршала Кутузова главнокомандующимъ обѣими арміями, которыя, наконецъ, успѣли соединиться подъ стѣнами Смоленска.

Я оставался при арміи. Подъ Гжатскомъ, я получилъ съ курьеромъ приказаніе императора прибыть къ нему въ Петербургъ. Я немедленно отправился и дорогою встрѣтился съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, который остановилъ меня, чтобы разспросить о главномъ штабѣ арміи. Князь Кутузовъ совершилъ блистательное военное поприще. Побѣда, одержанная надъ великимъ визиремъ, на берегахъ Дуная, привела къ заключенію мира въ Бухарестѣ, мира, являвшагося для насъ благодѣяніемъ; въ то время, какъ Наполеонъ вторгался въ Россію во главѣ 400 тысячъ солдатъ, этотъ миръ давалъ въ наше распоряженіе всѣ войска наши, находившіяся въ Турціи. Этимъ мы были обязаны Кутузову, главнѣйшимъ образомъ. Извѣстіе о мирѣ было получено въ Вильнѣ до начала военныхъ дѣйствій съ французами. Графъ Румянцевъ былъ этимъ миромъ не доволенъ; онъ желалъ имѣть болѣе выгодный миръ, не обращая никакого вниманія на обстоятельства, при которыхъ этотъ миръ былъ заключенъ; условія мира едва не остались нератификованными. Это очень повліяло на личное положеніе фельдмаршала Кутузова. Оказанная имъ заслуга не была оцѣнена, и онъ присужденъ былъ, подъ бременемъ полунемилости, оставить армію, въ которой, немного ранѣе, онъ былъ замѣщенъ адмираломъ Чичаговымъ. Кутузовъ находился въ такомъ положеніи, когда былъ вновь призванъ къ командованію арміями скорѣе общественнымъ мнѣніемъ страны, нежели довѣріемъ къ нему императора.

Александръ I, впрочемъ, не безъ основанія сомнѣвался въ томъ, чтобы Кутузовъ могъ явиться достойнымъ соперникомъ Наполеона и съ успѣхомъ сразиться съ нимъ. Кутузовъ былъ уже старъ, болѣзненъ, разбитъ, его раны и недуги не дозволяли ему ѣздить верхомъ. Обладая, несомнѣнно, большою храбростью, умомъ, совмѣстно съ тон-

костью, вѣжливостью обращенія, Кутузовъ часто не обнаруживалъ достаточной твердости и отказывался отъ энергическихъ распоряженій и мѣропріятій. Онъ настигъ армію, когда, послѣ кровопролитной битвы подъ Смоленскомъ, она уже подходила къ предѣламъ Московской губерніи. Предстояло рѣшить, отдадутъ ли столицу Имперіи въ руки враговъ, не попытавъ еще разъ счастья новой битвы. Признали невозможность новаго сраженія и заняли позицію при Бородино, которую наскоро старались, по возможности, укрѣпить. Обѣ арміи Барклая и Багратіона сосредоточились и были усилены московскимъ ополченіемъ въ 10 тысячъ человѣкъ; все это довело наши силы до 110 т. солдатъ. Наполеонъ явился, и тутъ произошла одна изъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ исторіи. Фельдмаршалъ Кутузовъ руководилъ сраженіемъ на почтительномъ отъ него разстояніи; героемъ дня былъ фельдмаршалъ Барклай, который, доведенный до отчаянія несправедливыми обвиненіями, подвергалъ себя до того опасности, что полагали, что онъ ищетъ смерти. Князь Багратіонъ былъ убитъ почти въ самомъ началѣ сраженія. Потери непріятеля и наши были огромны; главнѣйшіе наши редуты были заняты французами, невозможно было долѣе держаться на этой позиціи, и фельдмаршалъ Кутузовъ рѣшилъ вечеромъ же, чтобы армія отступила. Французская армія была разстроена не менѣе нашей и не была въ состояніи насъ немедленно преслѣдовать. До входа въ Москву состоялся военный совѣтъ, въ которомъ обсуждался вопросъ, возможно ли для защиты столицы принять еще разъ сраженіе или надлежитъ сдать ее безъ боя врагу. На совѣтѣ было признано невозможнымъ оказать еще разъ сопротивленіе, и большинство членовъ совѣта высказалось за очищеніе столицы.

Армія совершила переходъ чрезъ Москву, но вмѣсто того, чтобы отступить или къ Петербургу или по направленію на сѣверъ, она направилась по дорогѣ въ Калугу и заняла позицію, которая представляла то преимущество, что наша армія становилась на флангъ французской арміи и при томъ обезпечивала себѣ сношеніе съ самыми плодородными губерніями Россіи. Эта мѣра и пожертвованіе Москвою спасли Россію и подготовили бѣдствіе французской арміи.

Многіе изъ окружавшихъ Наполеона, предчувствовали бѣдствія, которымъ они подвергались, переходя предѣлы древняго Польскаго королевства. Они тщетно приложили всѣ свои усилія, чтобы удержать Наполеона отъ похода въ Россію. Ласкавшая его надежда подписать миръ съ Россіею въ Москвѣ одержала верхъ. Онъ разсчитывалъ на слабость императора Александра I. Онъ полагалъ, что по занятіи столицы, нашъ государь, подобно другимъ монархамъ, согласится на заключеніе унизительнаго мира. Пожаръ Москвы долженъ

былъ бы разсѣять всѣ эти иллюзіи Наполеона. Въ ожиданіи прибытія лицъ, назначенныхъ для переговоровъ, и въ надеждѣ на благопріятный исходъ переговоровъ, начатыхъ съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, Наполеонъ безполезно продолжилъ свое пребываніе въ Москвѣ. По вступленіи въ Москву, онъ былъ нѣкоторое время въ заблужденіи о направленіи, принятомъ нашею арміею при отступленіи. Узнавъ наконецъ, по какому направленію она отступила, Наполеонъ выслалъ для наблюденія за нею особый отрядъ, подъ начальствомъ Мюрата, который расположился вблизи деревни Тарутино. Кутузовъ, видя, что Мюратъ занимаетъ съ своимъ отрядомъ очень большое протяженіе, воспользовался этою его ошибкою и приказалъ его атаковать съ значительными силами, подъ начальствомъ генерала Беннигсена. Эта атака имѣла полный успѣхъ. Мюратъ былъ отброшенъ, потерялъ 18 орудій и, кромѣ того, большое число убитыми и взятыми въ плѣнъ. Послѣдствія этого сраженія могли оказаться еще болѣе важными, если бы при началѣ сраженія не былъ убитъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ генераловъ. Это пріостановило движеніе одной дивизіи, направленной въ обходъ непріятельской позиціи. Извѣстіе объ одержанномъ успѣхѣ было доставлено въ Петербургъ полковникомъ Мишо; въ то же самое время было получено извѣстіе объ отъѣздѣ изъ Москвы Наполеона, который начиналъ свое отступленіе. Безполезно описывать впечатлѣніе, произведенное этими событіями на обывателей столицы и на императорскій дворъ. Государь спросилъ Мишо, можно ли надѣяться на то, что французская армія покинетъ Россію? Пьемонтскій полковникъ отвѣтилъ: „ваше величество, я такъ мало въ этомъ сомнѣваюсь, что явился умолять ваше величество, возстановить моего короля на престолѣ моихъ предковъ“. Императоръ Александръ I обѣщалъ удовлетворить его просьбу и на дѣлѣ исполнилъ оную позднѣе. Въ это время у меня было немного занятій; всѣ мои работы ограничивались составленіемъ нѣкоторыхъ бумагъ по приказанію государя.

Французская армія продолжала непрерывно свое, знаменитое по бѣдствіямъ, отступленіе. При переправѣ черезъ Березину, испытываемыя ею бѣдствія достигли крайнихъ предѣловъ. 29-й бюллетень Наполеона извѣстилъ объ этомъ Европу и Францію. Наполеонъ покинулъ армію въ Молодечномъ,—этимъ мѣстомъ помѣченъ бюллетень, и въ сопровожденіи только Коленкура и мамелюка Рустана уѣхалъ. Великая армія была истреблена; остались еще корпуса: князя Шварценберга и генерала Іорка (расположенный въ Курляндіи). Князь Шварценбергъ отступилъ въ Галицію; Іоркъ заключилъ съ Дибичемъ капитуляцію, по которой онъ покидалъ Наполеона со своимъ корпусомъ.

Россія была очищена отъ враговъ. Теперь возникалъ вопросъ:

должно ли довольствоваться освобожденіемъ родины отъ ига Наполеона, или же воспользоваться благопріятными условіями для освобожденія отъ того же всей Европы? У насъ не всѣ были одного мнѣнія въ этомъ отношеніи. Фельдмаршалъ Кутузовъ, столь вяло преслѣдовавшій французовъ, высказывался противъ дальнѣйшаго продолженія войны. Но императоръ Александръ I, вдохновленный болѣе возвышенными и благородными чувствами, отвергъ эти робкіе совѣты и рѣшился взять на себя лично командованіе арміею. Онъ покинулъ Петербургъ и приказалъ мнѣ сопровождать его. На этотъ разъ онъ имѣлъ счастливую мысль оставить въ Петербургѣ всю блестящую свиту, съ которою онъ весною направился въ Вильну. Только князь Волконскій, графъ Аракчеевъ и я сопровождали государя. Баронъ Штейнъ [1]) получилъ приказаніе присоединиться къ намъ, когда армія вступитъ въ предѣлы Пруссіи. Передъ отъѣздомъ, его величество приказалъ мнѣ написать воззваніе, обращенное къ пруссакамъ. Я прибылъ въ Вильно и остановился близъ собора, гдѣ содержатель гостиницы сообщилъ мнѣ, что у него останавливались иностранные дипломаты, находившіеся при герцогѣ Бассано. Въ числѣ ихъ былъ также одинъ изъ моихъ друзей, г. Фіоретти, съ которымъ я познакомился еще въ Гаагѣ и потомъ встрѣтилъ уже въ Парижѣ совѣтникомъ посольства, при князѣ Меттернихѣ. На другой день я занялъ комнаты, отведенныя мнѣ въ императорскомъ дворцѣ.

Съ этого времени начинается мое дѣятельное участіе во всѣхъ великихъ и блестящихъ дѣлахъ, ознаменовавшихъ знаменитое царствованіе императора Александра I. Скоро я былъ посланъ съ особымъ порученіемъ въ Константинополь. Надлежало увѣдомить Порту объ успѣхахъ, одержанныхъ нашими войсками надъ французами, и о громадныхъ результатахъ, являвшихся слѣдствіемъ оныхъ. Одинъ совершенно, безъ всякаго чиновника, я отправился въ Турцію и принужденъ былъ самъ и составлять бумаги, и переписывать ихъ. Я исполнялъ нѣкоторое время эту двойную работу, до тѣхъ поръ, пока счастливая случайность не доставила мнѣ Шредера, присланнаго курьеромъ отъ Алопеуса, который оставался въ Прагѣ и оттуда сообщалъ намъ

---

[1]) Штейнъ Генрихъ-Карлъ р. въ 1756 г. въ Пруссіи, одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, совершившій рядъ важнѣйшихъ преобразованій въ Пруссіи. Онъ отмѣнилъ крѣпостное право въ Пруссіи, ввелъ избирательныя городскія и земскія управленія и преобразовалъ армію вмѣстѣ съ Шарнгорстомъ. По приказанію Наполеона I онъ былъ удаленъ изъ Пруссіи и пребывалъ сперва въ Австріи, потомъ въ Россіи, дѣйствуя всячески противъ Наполеона. Онъ былъ главнымъ двигателемъ патріотическаго настроенія, охватившаго Германію въ 1813 году. Позднѣе, съ 1827 г., Штейнъ былъ членъ Государственнаго Совѣта въ Берлинѣ и умеръ въ 1831 году.

*

интересныя свѣдѣнія о жалкомъ состояніи остатковъ четырехсотъ-тысячной арміи, достигшихъ предѣловъ Германіи. Вліяніе, оказанное этими большими несчастіями Наполеона на умы, начинало ихъ возбуждать и вдохновлять; они стали предаваться надеждѣ свергнуть съ себя ненавистное иго.

Императору Александру I суждено было осуществить эту мечту на самомъ дѣлѣ.

1-го декабря 1812 г. наша армія перешла границу Россіи во многихъ мѣстахъ. Главная императорская квартира слѣдовала за колонною, которая двигалась по старой Пруссіи, оставляя Кенигсбергъ вправо и направляясь на Плоцкъ. Едва мы вступили въ Пруссію, какъ пріѣхалъ къ намъ баронъ Штейнъ, которому императоръ ввѣрилъ управленіе страною, подлежащею занятію нашими войсками. Штейнъ отправился въ Кенигсбергъ, чтобы устроить временное управленіе, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Шена. Мы еще не успѣли вступить въ герцогство Варшавское, какъ къ намъ присоединился графъ Бранденбургъ [1]). Онъ привезъ съ собою письмо прусскаго короля и долженъ былъ на словахъ изложить затруднительное его положеніе, такъ какъ Пруссія была еще окружена французскими войсками. Кромѣ того, онъ долженъ былъ доставить своему монарху свѣдѣнія о направленіяхъ, по которымъ будутъ слѣдовать наши войска. Не высказываясь положительно, король прусскій давалъ предчувствовать свое намѣреніе присоединиться къ намъ, при первой къ тому возможности. Это сообщеніе, конечно, должно было побудить государя двинуться впередъ. Мы останавливались очень короткое время въ Плоцкѣ, а также въ двухъ мѣстахъ, по которымъ должны были слѣдовать, и почти усиленными переходами старались скорѣе добраться до Калиша. Въ это время, наша лѣвая колонна постепенно занимала герцогство Варшавское, вслѣдствіе конвенціи, заключенной съ княземъ Шварценбергомъ, по которой мы согласились доставить ему возможность вступить въ Галицію, не преслѣдуя его и не подвергая его нападеніямъ съ нашей стороны. Занятіе герцогства Варшавскаго совершилось такимъ образомъ совершенно мирно, за исключеніемъ одного небольшаго сраженія, въ которомъ генералъ Винценгероде разбилъ французскій корпусъ генерала Ренье. Въ продолженіе этихъ событій король прусскій тайно покинулъ Берлинъ и

---

[1]) Бранденбургъ Фридрихъ-Вильгельмъ—сынъ отъ морганатическаго брака прусскаго Короля Фридриха-Вильгельма II, род. въ 1792 г., поступилъ въ ряды арміи прусской и дѣлалъ кампаніи 1813 и 1814 годовъ. Онъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ приверженцевъ союза Пруссіи съ Россіею при берлинскомъ дворѣ. Онъ умеръ въ 1850 году.

прибылъ въ Бреславль. По прибытіи нашемъ въ Калишъ мы находились уже въ небольшомъ отъ него разстояніи и имѣли частыя съ нимъ сношенія. Король прусскій прислалъ къ намъ генерала Кнезебека, поручивъ ему установить основныя начала будущаго союза. По заключеніи этого союза императоръ Александръ, чуждый тщеславія и ребячествъ придворнаго этикета, поѣхалъ въ Бреславль къ королю и взялъ меня съ собою. Мы были приняты съ восторгомъ, не поддающимся описанію. За большимъ обѣдомъ, даннымъ королемъ прусскимъ, я въ первый разъ увидѣлъ принцессу прусскую, Шарлотту, будущую супругу императора Николая I, Александру Ѳеодоровну, которая тогда исправляла обязанности хозяйки дома. Я сидѣлъ противъ ихъ величествъ, между фельдмаршаломъ Блюхеромъ и княземъ Гарденбергомъ, и имѣлъ продолжительный разговоръ съ фельдмаршаломъ, который, преисполненный пыла и рвенія, жаловался немного на составъ арміи, наполненной исключительно молодыми солдатами. Мы пробыли въ Бреславлѣ только сорокъ восемь часовъ. Это пребываніе въ Бреславлѣ закрѣпило прочно дружбу обоихъ монарховъ, дружбу, продолжавшуюся по самую кончину ихъ. Было рѣшено, что князь Гарденбергъ пріѣдетъ въ Калишъ, чтобы окончательно изложить и подписать союзный трактатъ. Онъ дѣйствительно немедленно пріѣхалъ послѣ насъ и вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ подписалъ трактатъ. Въ то же время былъ установленъ планъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, на основаніи котораго вся армія двинулась впередъ. Она направилась чрезъ Силезію къ Дрездену. Въ Бунцлау фельдмаршалъ Кутузовъ опасно занемогъ, принужденъ былъ остаться и вскорѣ скончался. Извѣстіе о его кончинѣ было получено нами уже въ Дрезденѣ. Императоръ поручилъ командованіе арміею графу Витгенштейну, который отличился ранѣе, въ войну 1812 года, въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ съ маршаломъ Удино и Макдональдомъ, около Полоцка. Къ несчастію, послѣдствія не оправдали этого выбора.

Присоединившаяся къ намъ, прусская армія находилась подъ начальствомъ фельдмаршала Блюхера, начальникомъ штаба былъ генералъ Шарнгорстъ, основатель системы ландвера, которая дала Пруссіи возможность выставить при началѣ кампаніи 100.000 человѣкъ, тогда какъ, по договорамъ съ Наполеономъ, она обязалась содержать только 40.000 солдатъ. Мы скоро, къ несчастью, принуждены были оплакивать потерю этого замѣчательнаго человѣка.

Наше пребываніе въ Дрезденѣ было ознаменовано переговорами съ Англіею относительно заключенія трактата о субсидіяхъ. Англійское министерство послало одного изъ своихъ финансистовъ, г. Гаррисса, для обсужденія этого дѣла, подъ главнымъ руководствомъ

посланника, лорда Наткарта, съ княземъ Гарденбергомъ и мною. Предложенія Англіи были слишкомъ выгодны, чтобы не быть принятыми, и очень скоро заключена была надлежащая конвенція. Въ то время, какъ мы занимались этимъ дѣломъ, было получено извѣстіе, что Наполеонъ, покинувъ Парижъ во главѣ новой арміи, которую успѣлъ сформировать въ теченіе зимы, направляется на соединеніе съ принцемъ Евгеніемъ, занимавшимъ еще Магдебургъ. Принцъ Евгеній со своей стороны собралъ также около 30 тыс. человѣкъ, избѣгшихъ гибели въ Россіи. Монархи немедленно разъѣхались, чтобы стать во главѣ своихъ армій и начать наступательныя движенія противъ Наполеона.

Планъ военныхъ дѣйствій былъ задуманъ очень хорошо. Наполеонъ двигался черезъ Эрфуртъ на Лейпцигъ: принцъ Евгеній долженъ былъ направиться также на Галле. Союзные монархи возымѣли мысль напасть на армію Наполеона, ранѣе соединенія его съ принцемъ Евгеніемъ. Дѣйствительно, имъ удалось атаковать французскую армію, во время ея движенія, близъ Люцена. Одержанные нами съ начала нѣкоторые успѣхи предвѣщали побѣду, но войска не были поддержаны вѣ-время, и этотъ прекрасный планъ, скверно выполненный, принудилъ монарховъ начать отступленіе къ вечеру, когда на полѣ сраженія появился принцъ Евгеній и угрожалъ зайти намъ во флангъ. Отступленіе было совершено въ большомъ порядкѣ. Союзная армія покинула Дрезденъ, отошла за Эльбу и заняла у Бауцена новую позицію, чтобы попытать вновь счастье во второй битвѣ. Это счастье не было значительнѣе перваго; мы были принуждены снова отступить. При этомъ представилось два плана отступленія. По одному мы направлялись на Калишъ, покинувъ нашу операціонную линію; по второму—мы вторгались въ Силезію, двигаясь вдоль границы Богеміи, чтобы обезпечить за нами важное преимущество, сохранить наши сообщенія съ Австріею. Первое направленіе было болѣе стратегическое, а второе—болѣе политическое. Это послѣднее, которое и было принято, дѣйствительно дозволило намъ продолжать наши переговоры съ Австріею. Графъ Стадіонъ, который находился при нашей главной квартирѣ представителемъ Австріи, удалился въ Гермецъ еще во время разгара Бауценскаго сраженія.

Вечеромъ, послѣ пораженія, императоръ Александръ потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ немедленно ѣхать къ графу Стадіону, чтобы сообщить ему о принятомъ имъ рѣшеніи продолжать войну, несмотря на испытанныя неудачи, а также изложить основанія подобнаго рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было поручено выразить ему надежду видѣть Австрію на нашей сторонѣ, потому что, если Наполеонъ и одержалъ теперь побѣды, то таковыя обошлись ему дорого,

что силы его значительно уменьшились и что такимъ образомъ Австрія призывается спасти Европу, если она формально примкнетъ къ коалиціи.

Наше отступленіе совершалось въ величайшемъ порядкѣ, и въ одномъ арьергардномъ дѣлѣ мы имѣли блестящій успѣхъ, стоившій Наполеону жизни маршала Дюрока и трехъ лучшихъ его генераловъ. Преслѣдованіе со стороны французовъ замедлилось, и мы имѣли возможность, не будучи ими тревожимы, достигнуть Швейдница въ Верхней Силезіи. Наша армія расположилась около этой крѣпости. Большая часть Силезіи и ея главный городъ, Бреславль, были постепенно заняты французскими войсками. Тогда возникли разговоры о заключеніи перемирія, которое и было въ скоромъ времени подписано. Самымъ важнымъ вопросомъ являлся тогда вопросъ: къ которой изъ сторонъ примкнетъ Австрія? Императоръ Францъ, чтобы быть ближе къ совершавшимся событіямъ, расположилъ свою главную квартиру въ Гичинѣ, въ замкѣ, принадлежавшемъ князю Траутмансдорфъ. Его сопровождалъ князь Меттернихъ и генералъ Дука, который, къ несчастью, являлся главнымъ его совѣтникомъ по военнымъ дѣламъ. Дука былъ уже старикъ, предпочитавшій покой всякому движенію и нейтралитетъ — войнѣ. Я нашелъ императора Франца въ сущности расположеннымъ примкнуть къ намъ, но его смущало время, потребное для приведенія на военное положеніе значительныхъ силъ, необходимыхъ для успѣха въ такомъ большомъ предпріятіи. Словомъ сказать, Австрія не выражала, что не приступитъ къ союзу и, чтобы уклониться отъ рѣшительнаго отвѣта, воспользовалась переговорами, недавно начатыми Наполеономъ съ Австріею. Кромѣ того, ссылались и на то, что Австрія на дѣлѣ находится пока въ союзѣ съ Франціею и, что до сихъ поръ послѣдняя не проявила какой-либо прямой обиды, которая могла бы послужить основаніемъ для объявленія войны. Князь Меттернихъ возымѣлъ мысль предложить Наполеону, въ видѣ интереса всей Европы, умѣренныя условія къ общему умиротворенію Европы. Непринятіе этого предложенія должно было доставить ему самое благовидное основаніе къ разрыву. Чтобы привести эту мысль въ исполненіе, Меттернихъ долженъ былъ немедленно ѣхать къ Наполеону въ Дрезденъ. Такимъ образомъ Меттернихъ являлся посредникомъ между Наполеономъ и союзными державами. Къ сожалѣнію, я не могъ добиться болѣе положительныхъ результатовъ и уѣхалъ изъ Гичина; я въ состояніи былъ только объяснить обоимъ союзнымъ монархамъ предположенія и виды князя Меттерниха. Легко было усмотрѣть, что эти мысли придутся не по вкусу монархамъ. Неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на нихъ этими соображеніями Меттерниха, было смягчено пріѣздомъ, почти одновременно со мною,

полковника Латура [1]), посланнаго императоромъ Францемъ въ нашу главную квартиру, чтобы условиться, на всякій случай, съ нами о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Генералъ Дука также пріѣхалъ, подъ предлогомъ навѣстить своего брата, находившагося у насъ на службѣ. Наполеонъ, какъ должно было ожидать, отвергъ всѣ предложенія князя Меттерниха; они имѣли между собою всемірно извѣстный разговоръ, въ окончательномъ результатѣ котораго Наполеонъ согласился только на предложеніе созвать конгрессъ въ Прагѣ, а потому и на предложеніе перемирія. Теперь князю Меттерниху предстояло убѣдить союзныхъ монарховъ согласиться на эти два предложенія, что́ было далеко не легко, тѣмъ болѣе, что наши арміи были вполнѣ устроены и уже значительно усилены свѣжими войсками; всякая отсрочка военныхъ дѣйствій обращалась только въ выгоду нашего непріятеля. Князь Меттернихъ предложилъ намъ собраться на конференцію въ Ратисборъ, владѣніе, принадлежащее герцогинѣ Саганъ. Я отправился туда съ княземъ Гарденбергомъ и барономъ Гумбольдтомъ. Это совѣщаніе было одно изъ самыхъ бурныхъ, на которыхъ я когда-либо присутствовалъ; но важность привлечь Австрію къ союзу была настолько велика, что необходимо было согласиться рѣшительно на всѣ, предложенныя ею, условія.

Не менѣе своихъ представителей въ Ратисборѣ, монархи были раздражены мыслью о конгрессѣ и замедленіемъ начатія военныхъ дѣйствій. Предстояло теперь обсудить, кого назначить уполномоченными на конгрессъ. Императоръ Александръ I избралъ Анштедта [2]); король прусскій — барона Гумбольдта, князь Меттернихъ вызвался самъ быть представителемъ Австріи. Ничего не могло быть страннѣе подобныхъ выборовъ, тогда какъ Наполеонъ назначилъ герцога Виченскаго и г. Нарбонна. Не было никогда конгресса болѣе смѣхотворнаго и мнимаго; уполномоченные не успѣли даже согласиться въ отношеніи своихъ предложеній князю Меттерниху, который, въ качествѣ посредника, сообщалъ таковыя противной сторонѣ. Все это происходило, потому что чистосердечно никто не желалъ мира. Послѣ нѣсколькихъ недѣль безполезныхъ и безсодержательныхъ разговоровъ,

---

[1]) Латуръ (La Tour Theodore), графъ, род. въ 1780 г. въ Австріи, находился въ военной службѣ, былъ произведенъ въ генералы и позднѣе въ фельдмаршалы австрійскіе. Въ 1848 г. онъ занималъ должность военнаго министра и во время вспыхнувшаго въ Вѣнѣ возстанія 1848 г. былъ убитъ мятежниками.

[2]) Анштедтъ, Іоаннъ Протъ, род. въ 1763 г. въ Стразбургѣ и, поступивъ въ 1789 г. на службу Россіи по дипломатической части, состоялъ одно время при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Въ 1811 г. онъ назначенъ директоромъ канцеляріи князя Кутузова, а затѣмъ онъ былъ полномочнымъ посланникомъ въ Франкфуртѣ. Онъ умеръ въ 1835 году.

конгрессъ былъ распущенъ; перемиріе объявлено прекратившимся и военныя дѣйствія открыты. Въ продолженіе перемирія императоръ Александръ I имѣлъ въ Трахтенбергѣ свиданіе съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ. Я сопровождалъ государя въ этой поѣздкѣ; при этомъ свиданіи былъ установленъ планъ военныхъ дѣйствій, котораго должно было держаться при возобновленіи войны. Силы союзниковъ были раздѣлены на три арміи. Первую составляли австрійскія войска, которыя одни находились въ полномъ составѣ сосредоточенными и не высылали отъ себя частей въ другія арміи. Кромѣ того въ составъ этой арміи входили, большею частью, русскія войска и два русскихъ корпуса. Вторая армія состояла преимущественно изъ прусскихъ войскъ, при чемъ къ ней были присоединены два русскихъ корпуса. Третья армія, подъ начальствомъ наслѣднаго шведскаго принца, заключала въ себѣ два русскихъ корпуса, два прусскихъ и довольно слабый корпусъ шведскій. Наши войска, предназначенныя для усиленія австрійской арміи, должны были покинуть Силезію и вступить въ Богемію. Вторая армія, подъ начальствомъ фельдмаршала Блюхера, оставалась въ Силезіи, а третья—въ маркахъ Бранденбургскихъ. Всѣ три арміи должны были перейти въ наступленіе въ одно время и направиться противъ Наполеона, который, занимая Саксонію, сосредоточивалъ свои войска около Дрездена. Было условлено, что каждая изъ этихъ армій будетъ отступать при нападеніи на нее Наполеона лично съ превосходными силами, чтобы этимъ дать время другимъ союзнымъ войскамъ направиться на тылъ французовъ и дѣйствовать по усмотрѣнію. Этотъ планъ дѣйствительно былъ приведенъ въ исполненіе, но не сопровождался въ началѣ тѣми счастливыми успѣхами, которыхъ надлежало ожидать. Начальство главною арміею было ввѣрено князю Шварценбергу; среди этой арміи находился также императоръ Александръ I. Не принимая командованіе ею номинально, онъ имѣлъ преобладающее вліяніе на всѣ стратегическія операціи войны, несмотря на присутствіе остальныхъ двухъ монарховъ.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ прекращенія перемирія, въ армію прибылъ генералъ Моро, который, по приглашенію съ нашей стороны, покинулъ Америку съ тѣмъ, чтобы предоставить въ распоряженіе монарха плоды своей боевой опытности и свои военныя дарованія. Императоръ Александръ, въ надеждѣ извлечь изъ него пользу во вредъ его сопернику, принялъ Моро въ свой совѣтъ. Я имѣлъ случай съ нимъ познакомиться и имѣть съ нимъ нѣсколько разговоровъ. Онъ не произвелъ на меня, однако, того впечатлѣнія, которое я ожидалъ; я не нашелъ его на высотѣ его репутаціи и извѣстности. Въ то же самое время обратились съ приглашеніемъ и къ генералу Жомини, извѣстному своими весьма цѣнными военными сочиненіями, котораго

мы уже нѣсколько лѣтъ добивались залучить въ нашу службу. Еще въ бытность мою при посольствѣ въ Парижѣ, мнѣ было дано порученіе сдѣлать ему надлежащія предложенія. Онъ ихъ благосклонно принялъ и былъ уже готовъ покинуть службу Франціи и пріѣхать въ Россію. Если бы онъ тогда же осуществилъ вполнѣ свое намѣреніе, онъ не находился бы въ положеніи, причинившемъ ему наибольшій вредъ, въ которомъ онъ очутился, покинувъ службу въ рядахъ французской арміи позднѣе, во время разгара войны. Императоръ принялъ его весьма благосклонно, назначилъ его генералъ-адъютантомъ и сообщилъ ему также планъ предстоящей войны; генералъ Жомини предложилъ сдѣлать въ этомъ планѣ нѣкоторыя измѣненія, польза которыхъ позднѣе вполнѣ оправдалась.

Императоръ Александръ прежде всего направился въ Прагу, пока войска достигали тѣхъ мѣстъ, изъ коихъ они должны были проникнуть въ Саксонію. Я его также сопровождалъ, и при этомъ мы догнали армію въ... [1]) и отсюда поѣхали впередъ. Въ два перехода мы дошли до высотъ, окружающихъ Дрезденъ. Наполеонъ, худо освѣдомленный своими лазутчиками, не ожидалъ сосредоточенія и соединенія арміи русской и австрійской въ Богеміи и переправился черезъ Эльбу, чтобы напасть на маршала Блюхера, стоявшаго въ Силезіи. Мы достигли, такимъ образомъ, Дрездена при наилучшихъ для насъ предзнаменованіяхъ. Къ несчастью колебанія и нерѣшительность князя Шварценберга, которыя мы неоднократно имѣли случай оплакивать, заставили насъ упустить время, благопріятное для нападенія на городъ. На это нападеніе, наконецъ, рѣшились спустя 24 часа, когда Наполеонъ, увѣдомленный о нашемъ появленіи, уже оставилъ свое движеніе противъ Блюхера и форсированными маршами, съ частью своей арміи, возвратился къ Дрездену, ввѣривъ командованіе войсками, оставленными въ Силезіи, маршалу Макдональду. Результатомъ этого оказалось, что наше нападеніе на Дрезденъ совершенно не удалось и что мы принуждены были возвратиться въ Богемію по дорогамъ, которыя отъ сильнаго проливнаго дождя, въ продолженіе всего сраженія, сдѣлались вполнѣ непроходимыми. Мы, кромѣ того, должны оплакивать потерю генерала Моро, которому, возлѣ самого государя, оторвало обѣ ноги ядромъ изъ орудія, наведеннаго, какъ разсказываютъ, самимъ Наполеономъ. Наше отступленіе совершилось съ нѣкоторымъ безпорядкомъ. Намъ предстояло перебираться черезъ высокія горы; единственною возможною дорогою оказалось прекрасное шоссе изъ Петерсвальдена въ Теплицѣ; по этой дорогѣ и двигался гвардейскій корпусъ. Если бы Наполеонъ преслѣдовалъ насъ болѣе рѣшительно,

[1]) Въ запискахъ Нессельроде это мѣсто не означено.

онъ прибылъ бы въ Теплицъ ранѣе насъ и отрѣзалъ бы намъ всякое отступленіе. Онъ довѣрилъ преслѣдованіе генералу Вандамму, не поддержавъ его достаточными силами. Гвардія, отступая, заняла позицію при Кульмѣ; она отразила первое нападеніе французовъ. Тѣмъ временемъ нѣсколько союзныхъ корпусовъ спускались съ горы; прусскій корпусъ Клейста направился на Ноллендорфъ и угрожалъ правому флангу отряда Вандамма и его сообщеніямъ. Встрѣченный повсюду превосходными силами, онъ былъ совершенно разбитъ и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ генераломъ Хаксо, однимъ изъ наиболѣе выдающихся офицеровъ по инженерной, части, и потерялъ всю свою артиллерію.

Этотъ блестящій успѣхъ вывелъ насъ изъ отчаянія, въ которое насъ ввергло пораженіе подъ Дрезденомъ, и отвратило возникавшее уже несогласіе между русскими и австрійцами, нѣкоторые горестные признаки котораго стали проявляться. Къ несчастью, мы имѣли нѣкоторыя основанія жаловаться на австрійцевъ, потому что въ сраженіи подъ Дрезденомъ австрійская дивизія въ 15 т. человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Мечко, положила оружіе, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Счастье снова переходило на сторону союзниковъ; въ то время, какъ мы побѣждали при Кульмѣ, фельдмаршалъ Блюхеръ одерживалъ побѣду надъ Макдональдомъ при Кацбахѣ, при чемъ очень смѣлою атакою отличилась наша гусарская дивизія, подъ начальствомъ князя Васильчикова. Два дня спустя мы получили извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ французамъ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, при Гросъ-беренѣ.

Всѣ эти достославныя событія совершились въ продолженіе августа мѣсяца 1813 года. 13—25 августа генералъ Бюловъ и Тауенцинъ, находившіеся въ арміи наслѣднаго шведскаго принца, одержали еще побѣду при Денневицѣ. Всякая армія, даже побѣдоносная, послѣ нѣсколькихъ недѣль военныхъ дѣйствій и сраженій, всегда будетъ находиться болѣе или менѣе въ состояніи разстройства; такъ было и съ нашею арміею. Послѣ несчастнаго сраженія при Дрезденѣ она всего болѣе пострадала отъ труднаго отступленія чрезъ Богемскія горы. Потому мы въ продолженіе всего сентября мѣсяца простояли въ долинѣ Тёплицѣ и пополняли наши потери, снабжали австрійскую армію новою обувью и получали подкрѣпленія людьми. Только въ началѣ октября мѣсяца наша армія оказалась въ состояніи перейти въ наступленіе. Въ первые дни октября она снова совершила переходъ чрезъ Богемскія горы, вступила въ Саксонію и направилась къ Лейпцигу. Тутъ произошла знаменитая трехдневная битва, 4 (16)—7 (19) октября, съ Наполеономъ, которая освободила Германію отъ его ига.

Во все время сраженія я находился при государѣ и вблизи видѣлъ атаку французской кавалеріи, которая, опрокинувъ дивизію нашей легкой кавалеріи, направилась на холмъ, гдѣ стоялъ императоръ Александръ, окруженный многочисленною свитою. Онъ далъ приказаніе стоявшему возлѣ него л.-гв. казачьему полку двинуться навстрѣчу непріятельской кавалеріи. Эта лихая атака, произведенная графомъ Орловымъ-Денисовымъ, немедленно остановила французовъ.

Вступленіе въ Лейпцигъ было весьма торжественно. Возлѣ императора Александра I ѣхали по сторонамъ два союзные монарха, а также наслѣдный шведскій принцъ. Въ Лейпцигѣ мы нашли саксонскаго короля; онъ былъ признанъ военно-плѣннымъ и отвезенъ въ Берлинъ. Французская армія отступила по большой дорогѣ на Эрфуртъ и Франкфуртъ, стараясь достичь береговъ Рейна. Къ несчастію, преслѣдованіе ея съ нашей стороны, которое могло бы сдѣлать послѣдствія побѣды еще болѣе важными, производилось довольно вяло. Авангардъ нашей арміи былъ ввѣренъ австрійскому генералу—Гіулаю, который, ускоривъ свое движеніе, могъ бы ранѣе Наполеона достичь высотъ около Крюзена и тѣмъ отрѣзать ему отступленіе.

8-го октября Баварія присоединилась къ коалиціи и армія ея, подъ начальствомъ Вреде, направилась на Ганау и подошла къ этому мѣсту въ то время, какъ Наполеонъ отступалъ по той же дорогѣ. Фельдмаршалъ Вреде сдѣлалъ столь дурныя распоряженія, что вмѣсто того, чтобы остановить Наполеона, былъ самъ разбитъ и допустилъ его достичь Майнца. Въ этомъ городѣ Наполеонъ покинулъ армію и возвратился въ Парижъ. Императоръ Александръ съ главною арміею двинулся на Веймаръ, Швейнфуртъ и Спессартъ и Франкфуртъ, гдѣ армія остановилась и простояла нѣсколько недѣль, такъ какъ особо важные вопросы требовали обсужденія и разъясненія. Слѣдовало ли предложить Наполеону миръ или же принять важное рѣшеніе—вступить во Францію и преслѣдовать Наполеона до послѣдней крайности? Мнѣнія союзниковъ раздѣлились по этому вопросу. Императоръ Александръ, поддерживаемый Пруссіею, желалъ продолжать войну. Австрійскій же кабинетъ предлагалъ начать переговоры о мирѣ. Было рѣшено начать переговоры съ Наполеономъ, но не прерывая военныхъ дѣйствій. Посланникъ Франціи при Веймарскомъ дворѣ, г. Сенъ-Аньянъ, былъ взятъ въ плѣнъ; рѣшено было возвратить ему свободу съ тѣмъ, чтобы поручить ему доставить Наполеону условія, на которыхъ союзники готовы начать переговоры о мирѣ, на особомъ конгрессѣ. Этотъ конгрессъ должно было созвать въ Маннгеймѣ, куда явились бы уполномоченные союзниковъ.

Большое число нѣмецкихъ принцевъ, и во главѣ ихъ король виртембергскій, прибыли во Франкфуртъ, чтобы присоединиться къ коа-

лиціи. Особые договоры были заключены съ каждымъ изъ принцевъ отдѣльно. Вступленіе арміи въ предѣлы Франціи было рѣшено; оставалось только выработать планъ предстоящей кампаніи. Этотъ планъ послужилъ поводомъ новыхъ объясненій и пререканій между императоромъ и княземъ Меттернихомъ, настаивавшимъ на вступленіе во Францію со стороны Швейцаріи, между тѣмъ, какъ императоръ Александръ I указывалъ, не безъ основанія, на выгоды, представляемыя нейтралитетомъ Швейцаріи, съ ходатайствомъ о которомъ явилась особая депутація. Планъ Австріи скрывалъ заднюю мысль, именно, намѣреніе поднять аристократическую партію въ Бернѣ и возстановить прежній порядокъ вещей. Подобное намѣреніе было совершенно несогласно съ воззрѣніями императора Александра I.

Чтобы вести переговоры съ гельветическимъ правительствомъ были посланы два уполномоченныхъ, баронъ Лебцельтернъ — со стороны Австріи, и графъ Капо д'Истріа съ нашей стороны, который при этомъ случаѣ выступилъ первый разъ на политическую арену. Было условлено съ гельветическимъ правленіемъ, что союзныя войска не имѣютъ права вступать во внутрь Швейцаріи, но что имъ будутъ предоставлены два прохода: одинъ чрезъ Базель для главной арміи, при которой будутъ находиться три монарха, и другой—чрезъ Женеву для австрійскаго корпуса, имѣющаго направиться на Ліонъ.

Наконецъ, мы тронулись съ мѣста. Императоръ остановился на два дня въ Карлсруэ и на три дня—въ Фрейбургѣ, гдѣ мнѣ предста вился счастливый случай быть помѣщеннымъ въ квартирѣ бывшей нѣкогда любовницы майнцскаго курфюрста г-жи F—, которая насъ очень гостепріимно и роскошно приняла и угостила знаменитымъ пуншемъ, который она одна умѣла готовить для своего возлюбленнаго, графа Эрталя [1]).

Нѣсколько дней спустя, мы переправились чрезъ Рейнъ, по мосту, въ Базелѣ и стали на французскую землю. Было бы слишкомъ продолжительно разсказывать всѣ подробности этой достопамятной кампаніи, въ которой судьба благопріятствовала долго, по очереди, то намъ, то Наполеону, пока она, наконецъ, явно склонилась на нашу сторону.

Приведу только одинъ фактъ, имѣвшій преобладающее вліяніе. Послѣ различныхъ сраженій Наполеона при Лаонѣ и Краонѣ съ войсками фельдмаршала Блюхера, онъ обратился на нашу армію, сосредоточенную у Арсиса на Обѣ, гдѣ находился императоръ Александръ. Въ это время я былъ отправленъ въ Шомонъ, чтобы присутствовать на конференціи князя Гарденберга, князя Меттерниха и лорда Ка-

[1]) Этотъ Эрталь былъ нѣмецкій прелатъ и послѣдній принцъ-епископъ и электоръ г. Майнца.

стельрэ. По окончаніи конференціи, графъ Гарденбергъ пригласилъ меня къ обѣду. Моя счастливая звѣзда побудила меня отказаться отъ этого приглашенія, подъ предлогомъ, что мнѣ необходимо возможно скорѣе прибыть къ императору Александру, которому я обязанъ былъ отдать, безъ малѣйшаго промедленія, отчетъ о рѣшеніяхъ, состоявшихся на этой конференціи. Этому отказу отъ обѣда я обязанъ былъ возможности для меня прибыть въ Арсисъ въ продолженіе вечера. Нѣсколько часовъ позже сообщеніе съ Шомономъ было прервано; я не могъ бы прибыть въ Арсисъ. Въ дѣйствительности были отрѣзаны отъ Арсиса всѣ члены конференціи и самъ императоръ Францъ. Это произошло потому, что французская армія, послѣ отбитой атаки ея, направилась на Витри (французское). Мнѣ, такимъ образомъ, представилась возможность присутствовать при нашемъ знаменитомъ движеніи къ Парижу и принять очень дѣятельное участіе въ послѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ.

Послѣ различныхъ происшедшихъ сраженій маршалы Мармонъ и Мортье предложили сдаться на капитуляцію. Государь послалъ меня съ полковникомъ Михаиломъ Орловымъ для переговоровъ съ нами. Мы всѣ сошлись въ небольшомъ домѣ у заставы Клиши. Установивъ главныя начала сдачи, я поручилъ Орлову отправиться въ домъ маршала Мармона, чтобы составить актъ сдачи и подписать его совмѣстно съ полковникомъ Фавье, назначеннымъ маршалами для этой цѣли. Послѣ этого я возвратился къ императору въ Бонди, чтобы дать ему отчетъ о всемъ происшедшемъ. Въ то время, какъ мы вели переговоры въ предмѣстьи Клиши, Наполеонъ покинулъ армію и приближался къ Фонтенебло, надѣясь по-прежнему спасти Парижъ своимъ присутствіемъ. Онъ послалъ впередъ Александра Жирардена къ упомянутымъ выше маршаламъ, съ приказаніемъ держаться во что бы то ни стало. Этотъ офицеръ прибылъ къ намъ во время нашихъ переговоровъ. Находясь съ давнихъ поръ въ дружбѣ со мною, онъ пытался смутить меня разсказомъ о побѣдѣ, одержанной Наполеономъ надъ корпусомъ генерала Винценгероде, выставленнымъ передъ нимъ, чтобы заслонить наше движеніе къ Парижу. Жирарденъ сообщилъ, между прочимъ, что въ этой вымышленной битвѣ была взята въ плѣнъ цѣлая пѣхотная дивизія. „Это немного трудновато“, возразилъ я, смѣясь, „такъ какъ весь отрядъ Винценгероде состоялъ только изъ 600 человѣкъ кавалеріи“.

Въ актѣ о капитуляціи Парижа было постановлено, что депутація отъ города Парижа прибудетъ въ Бонди къ императору, чтобы предложить сдачу города. Депутація прибыла въ 6 часовъ утра и состояла изъ многихъ личностей, позднѣе пріобрѣвшихъ извѣстность, какъ-то: Пакье, префектъ полиціи, де-Шебраль—префектъ департамента Сены,

Александръ Лабордъ, генералъ національной гвардіи, и много другихъ лицъ, фамиліи коихъ ускользаютъ изъ моей памяти. Я ихъ принялъ и потомъ представилъ его величеству. Нѣсколько минутъ ранѣе доложили его величеству, что только-что прибылъ герцогъ Виченскій, съ особымъ порученіемъ отъ Наполеона. Государь, не желая, чтобы онъ вступилъ въ какія-либо сношенія съ депутатами, приказалъ мнѣ отвести герцога въ конецъ сада и занимать его въ продолженіе его аудіенціи съ депутатами, по окончаніи которой, когда депутаты уже удалились и государь позвалъ меня немедленно, чтобы представить ему Коленкура. Прежде нежели его принять, государь приказалъ мнѣ немедленно ѣхать въ Парижъ и явиться къ Талейрану, чтобы переговорить съ нимъ о первыхъ мѣрахъ, которыя намъ предстояло принять. Опасаясь, чтобы Талейранъ не былъ вынужденъ оставить Парижъ, я просилъ одного изъ депутатовъ, г. Александра Лабордъ, пріѣхать ранѣе меня къ Талейрану и предупредить его о моемъ посѣщеніи.

Чтобы объяснить роль, которую Талейранъ сыгралъ въ этомъ великомъ событіи, необходимо коснуться событій болѣе раннихъ. Въ то время, когда наша главная квартира находилась въ Труа, ко мнѣ явился неизвѣстный господинъ, по имени Сенъ-Жоржъ. Онъ вынулъ изъ своего кармана листокъ (carnet) и проявилъ на немъ слѣдующія строки, написанныя особыми тайными чернилами: „Посылаемое мною къ вамъ лицо заслуживаетъ полнаго довѣрія; выслушайте оное и поблагодарите меня. Пора быть болѣе опредѣлительнымъ. Вы идете на костыляхъ; пользуйтесь вашими ногами и желайте то, что можете достичь“. Я узналъ по почерку, что это записка Дальберга [1]). Выдававшій себя за Сенъ-Жоржа [2]) былъ на дѣлѣ ни кто иной, какъ г. Витролль, игравшій позднѣе, при реставраціи, роль, которая вовсе не была полезна правительству. Талейранъ, ставшій во главѣ партіи, добивавшейся низверженія Наполеона, возымѣлъ мысль отправить Витролля въ главную квартиру, давъ ему надлежащія указанія. Витролль сообщилъ мнѣ о настроеніи умовъ въ Парижѣ, о предста-

---

[1]) Дальбергъ Эммерихъ-Іосифъ, герцогъ, род. въ 1775 г., былъ посланникомъ маркграфа Баденскаго въ Парижѣ и въ 1810 г. назначенъ Наполеономъ членомъ государственнаго совѣта. Онъ участвовалъ со стороны Франціи на вѣнскомъ конгрессѣ, а позднѣе былъ пэромъ Франціи при Бурбонахъ. Онъ умеръ въ 1833 году.

[2]) Сенъ-Жоржъ есть ни кто иной, какъ Витролль (Евгеній-Францъ-Августъ Арно), баронъ, род. въ 1774 году. Онъ состоялъ на гражданской службѣ и во время революціи 1789 г. эмигрировалъ изъ Франціи и, возвратясь на родину во времена консульства, сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и ретивыхъ агентовъ роялистской партіи. Онъ умеръ въ 1854 г.

вляющейся намъ легкости сдѣлаться обладателями Парижа, придавъ болѣе рѣшительности нашимъ военнымъ дѣйствіямъ, и о томъ пріемѣ, который насъ ожидаетъ въ Парижѣ. Витролль былъ представленъ императору и имѣлъ нѣсколько свиданій съ Меттернихомъ и лордомъ Кастльрэ. Послѣ этого Витролль отправился къ графу Артуа [1]), только-что прибывшему изъ Нанси.

Прибывъ во дворецъ улицы Сенъ-Флорентенъ, такимъ образомъ я находилъ въ Парижѣ почву совсѣмъ для насъ подготовленною. Это было воскресенье. Погода была прекрасная; я совершилъ въѣздъ въ Парижъ одинъ, въ сопровожденіи только одного казака и австрійскаго офицера, князя Лихтенштейна, встрѣченнаго мною дорогою, которому я и предложилъ ѣхать со мною. Всѣ бульвары были покрыты народомъ, одѣтымъ по-праздничному. Казалось съ вида, что эта толпа собралась на празднество, а не для встрѣчи непріятельской арміи. Талейранъ при моемъ прибытіи къ нему совершалъ свой туалетъ. Онъ устремился мнѣ навстрѣчу на половину причесанный, кинулся въ мои объятія и осыпалъ меня пудрою. Когда первое впечатлѣніе миновало, онъ приказалъ позвать лицъ, съ которыми былъ въ полномъ заговорѣ, а именно: герцога Дальберга, аббата Прадта [2]), барона Луи [3]). Пока мы съ ними обсуждали положеніе дѣлъ, императоръ Александръ свершалъ свое вступленіе въ Парижъ, во главѣ арміи. Я сообщилъ означеннымъ лицамъ о намѣреніяхъ Александра I, сказалъ имъ, что онъ пока имѣетъ одно точно опредѣленное намѣреніе, а именно: не оставлять Наполеона на тронѣ Франціи; что же касается новаго государственнаго порядка, долженствующаго замѣнить прежній, бывшій при Наполеонѣ, то рѣшеніе объ этомъ, съ его стороны, послѣдуетъ послѣ того, какъ онъ соберетъ мнѣнія просвѣщенныхъ лицъ, съ которыми будетъ находиться въ сношеніи.

Государь императоръ имѣлъ намѣреніе поселиться въ Елисейскомъ дворцѣ (Elysée Bourbon). Во время его шествія по Парижу, неиз-

---

[1]) Герцогъ д'Артуа—братъ казненнаго короля Людовика XVI, удалившійся изъ Франціи и затѣмъ возведенный на престолъ Франціи союзниками подъ именемъ Людовика XVIII.

[2]) Прадтъ (Доминикъ-Дюфуръ) род. въ 1759 г., былъ прелатомъ, а также французскимъ дипломатомъ и публицистомъ. Онъ явился депутатомъ духовенства на генеральное собраніе 1789 г., но скоро эмигрировалъ въ Гамбургъ и печаталъ политическія брошюры. Возвратясь въ Францію во времена консульства, Прадтъ сдѣлался духовникомъ (aumonier) Наполеона I, епископомъ въ Поатье и архіепископомъ въ Мехельнѣ. Онъ умеръ въ 1837 году.

[3]) Луи (Іосифъ-Доминикъ), баронъ, род. въ 1755 г., находился въ гражданской службѣ и при временномъ правительствѣ 1814 г., также при королѣ Людовикѣ XVIII, былъ министромъ финансовъ Франціи. Онъ умеръ въ 1837 году.

вѣстное лицо сунуло въ руку князя Волконскаго, бывшаго тогда начальникомъ штаба, записку, которою предупреждали, что дворецъ этотъ минированъ. Государь приказалъ переслать мнѣ эту записку, чрезъ молодаго Дурасова, бывшаго адъютантомъ при Волконскомъ. Я показалъ записку князю Талейрану, который не хотѣлъ придавать ей значенія и не вѣрилъ ея содержанію, но, впрочемъ, отъ избытка осторожности, поручилъ предложить его величеству остановиться у него во дворцѣ на время, пока не будетъ произведено надлежащее по этой запискѣ разслѣдованіе. Шествіе арміи должно было завершиться на площади Людовика XV, близъ улицы Сенъ-Флорентенъ. Государь черезъ часъ прибылъ во дворецъ Талейрана, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и княземъ Шварценбергомъ. Императоръ приказалъ пригласить въ салонъ также лицъ, съ которыми я имѣлъ совѣщаніе. Образовалось общее сужденіе дѣлъ. Остановились на томъ, что прежде всего необходимо издать воззваніе отъ имени союзныхъ монарховъ, которое возвѣщало бы, что они не вступятъ ни въ какіе переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ членовъ его семейства. Мнѣ вмѣстѣ съ герцогомъ Дальбергомъ было поручено составить подобное воззваніе. Мы заперлись въ кабинетѣ, прилегавшемъ къ салону, и чрезъ полчаса представили на усмотрѣніе ихъ величествъ проектъ воззванія, который былъ ими одобренъ и подписанъ императоромъ Александромъ I. Чрезъ нѣсколько часовъ оно было напечатано и расклеено по всему Парижу. Императоръ обѣдалъ у Талейрана.

Державные властители должны были быть вечеромъ въ театрѣ. Въ то время, какъ садились за столъ, Александръ I узналъ, что въ театрѣ назначена пьеса „Торжество Траяна“. Ничто не могло болѣе противорѣчить его природной скромности. Онъ выразилъ желаніе, чтобы эта опера была отмѣнена и взамѣнъ ея дали бы „Весталку“. Появленіе Александра I въ оперѣ вызвало восторженныя рукоплесканія. Обыватели Парижа не желали болѣе имѣть Наполеона; это было общее желаніе и чувство всей Франціи въ эту эпоху, что бы ни говорили историки, которые съ 1830 г. описываютъ это событіе. Въ совѣщаніи, происходившемъ утромъ, пришли къ соглашенію, что на другой день будетъ созванъ сенатъ и что Талейранъ сдѣлаетъ предложеніе о низложеніи Наполеона. Временное правительство было установлено въ тотъ же день; оно состояло, подъ предсѣдательствомъ Талейрана, изъ генерала Бернонвилля, герцога Дальберга, г. Жокура и аббата Монтескіэ, который, со времени возвращенія его во Францію, находился въ непрерывной перепискѣ съ королемъ Людовикомъ XVIII. Я также занималъ комнату во дворцѣ Талейрана и проводилъ весь день и часто большую часть ночи въ объясненіяхъ съ

государемъ и различными лицами, которымъ было ввѣрено руководство этими великими событіями. Низложеніе Наполеона не являлось уже вопросомъ; всѣ были на это согласны; оставалось только узнать, кто его замѣнитъ. Въ этомъ отношеніи стало проявляться разнорѣчіе въ мнѣніяхъ.

Наполеонъ изъ Фонтенебло прислалъ депутацію, въ составѣ четырехъ маршаловъ—Нея, Макдональда, Мармона и герцога Виченскаго, съ предложеніемъ своего отреченія отъ престола въ пользу сына римскаго короля, при чемъ страною управляло регентство, составленное изъ его супруги Маріи-Луизы. Противъ этого предложенія сильно возставалъ Талейранъ, который, со времени нашего прибытія, высказывался въ пользу возстановленія дома Бурбоновъ. Императоръ Александръ колебался. Объясненія затянулись далеко за полночь и, наконецъ, онъ присоединился къ предложенію Талейрана возстановить Бурбоновъ. Маршалы возвратились въ Фонтенебло, за исключеніемъ Мармона, который отправился къ корпусу, стоявшему въ Эссенѣ.

Въ послѣднихъ сочиненіяхъ Тьера и Віель Кастеля всѣ обстоятельства этой эпохи изложены съ достаточною точностью и безпристрастіемъ. Эти историки не скрыли отъ свѣдѣнія публики странное положеніе Людовика XVIII по отношенію къ императору Александру. Я сопровождалъ государя въ Компіеннъ, куда онъ направился навстрѣчу королю. Людовикъ XVIII при этомъ проявилъ совершенно неумѣренное чувство собственнаго достоинства по отношенію къ государю, которому былъ обязанъ водвореніемъ своимъ на престолѣ. Нашъ государь былъ очень оскорбленъ этимъ, и это отразилось на всѣхъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ этихъ двухъ монарховъ.

Когда императоръ австрійскій, князь Меттернихъ и лордъ Кастльрэ присоединились къ намъ, начались переговоры о мирѣ. Назначенный уполномоченнымъ, я принялъ дѣятельное участіе въ этихъ переговорахъ. 18 (30) мая былъ заключенъ миръ. Коронованныя особы вмѣстѣ съ ихъ посланниками уѣхали въ Англію, гдѣ были приняты съ живымъ восторгомъ. Однако, пребываніе въ Англіи не обошлось для императора Александра безъ нѣкоторой для него непріятности. Онъ сочувствовалъ принцу регенту (позднѣе королю Георгу IV). Великая княгиня Екатерина Павловна, позднѣе королева Виртембергская, прибыла въ Лондонъ ранѣе и сблизилась болѣе съ оппозиціею, нежели съ партіею тори, стоявшею во главѣ правленія. Она сумѣла окружить брата лицами этой же партіи, что́ очень не понравилось принцу регенту и было причиною многихъ недоразумѣній. Императоръ покинулъ Англію не совсѣмъ довольный своимъ пребываніемъ въ этой странѣ, но сохранивъ, впрочемъ, высокое понятіе о величіи и благосостояніи оной.

Спустя два мѣсяца должны были открыться засѣданія Вѣнскаго конгресса. Императоръ воспользовался этимъ временемъ, чтобы посѣтить Петербургъ, и взялъ меня съ собою. Во время этого пребыванія въ столицѣ, моя участь рѣшилась окончательно. Канцлеръ Румянцевъ, бывшій тогда только по имени министромъ иностранныхъ дѣлъ, глубоко оскорбленный тѣмъ, что не принималъ никакого участія въ великихъ событіяхъ, которыя обезсмертили царствованіе императора Александра I, и сдѣлавшійся къ тому же совсѣмъ глухимъ, вслѣдствіе двухъ апоплексическихъ ударовъ, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы, которое и было принято. Я занялъ его мѣсто, удостоенный званія статсъ-секретаря его величества, и сдѣлался управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ [1]). Этотъ титулъ я сохранилъ до царствованія императора Николая I, который послѣ Туркманчайскаго мира пожаловалъ меня вице-канцлеромъ [2]).

Мысль о возстановленіи Польскаго королевства, которую императоръ Александръ лелѣялъ въ продолженіе всей войны, становилась извѣстною въ высшихъ слояхъ петербургскаго общества и немного умѣрила восторженное впечатлѣніе, произведенное нашимъ вступленіемъ въ Парижъ. Нѣкоторыя лица пытались представить его величеству соображенія противъ его намѣренія, столь несочувственнаго для Россіи, но безъ малѣйшаго успѣха. Императоръ уѣхалъ въ Вѣну съ твердою рѣшимостью добиться осуществленія своей завѣтной мысли, вопреки противодѣйствія этому, которое ожидалъ встрѣтить въ Австріи и Англіи. Франція изъявила на этотъ проектъ свое согласіе, съ условіемъ быть вознагражденною за то возстановленіемъ Саксоніи.

Этимъ собственно заканчивается III томъ бумагъ и писемъ канцлера графа Нессельроде, вышедшій въ Парижѣ въ 1905 году. По мѣрѣ выхода остальныхъ томовъ мы не замедлимъ познакомить съ содержаніемъ оныхъ читателей „Русской Старины“.

П. Майковъ.

---

[1]) Это повелѣніе состоялось 9 августа 1816 г., при чемъ К. В. Нессельроде повелѣно было присутствовать въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Добавимъ при этомъ, что К. В. Нессельроде былъ произведенъ 17 февраля 1813 г. въ тайные совѣтники, а 15 сентября того же года награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2 степени. Ему были пожалованы также ордена прусскій—Краснаго Орла 1 степени, шведскій—Сѣверной Звѣзды и виртембергскій—Золотаго Орла. Въ 1814 г. марта 29 онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. За участіе на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года ему пожалованы ордена: австрійскій—Св. Стефана большого креста 1 класса и баденскій—за Вѣрность (см. формул. списокъ о службѣ К. В. Нессельроде въ архивѣ Государственнаго Совѣта).

Историческія замѣтки.

Князь Сергѣй Долгоруковъ при дворѣ Мюрата [1]).

1812 г.

Отношенія къ французской имперіи вновь созданныхъ въ 1806—1808 гг. королевствъ, въ которыхъ воцарились братья и ближайшіе родственники Наполеона I, были самыя неопредѣленныя; ихъ короли считались союзниками Франціи и, слѣдовательно, независимыми государями. И только благодаря этому Европа помирилась со смѣною династій, совершившеюся въ Голландіи, Испаніи и Неаполѣ почти безъ ея вѣдома.

Независимость этихъ новыхъ королевствъ, признанная Россіей по Тильзитскому и Австріей по Пресбургскому трактатамъ, давала ихъ правителямъ право поддерживать съ остальными державами непосредственныя сношенія, имѣть при нихъ своихъ дипломатическихъ представителей и даже заключать съ ними договоры и конвенціи, если они не противорѣчили трактатамъ, заключеннымъ европейскими дворами съ правительствомъ первой имперіи.

Такъ какъ дворы, связанные между собою узами родства, обмѣниваются, согласно установившемуся обычаю, послами, которые, считаясь представителями самой особы суверена, пользуются церемоніальнымъ преимуществомъ даже передъ послами великихъ державъ, то и Наполеону I было необходимо имѣть своихъ пословъ при тѣхъ дворахъ, гдѣ царствовали Бонапарты для того, чтобы обезпечить за Франціей при этихъ дворахъ первенствующее положеніе. Согласно съ этимъ въ Неаполь былъ назначенъ Обюссонъ, а въ Голландію Ларошфуко, но въ октябрѣ мѣсяцѣ 1809 г., вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ съ королемъ неаполитанскимъ, Наполеонъ рѣшилъ отозвать Обюссона, оставивъ въ Неаполѣ одного только повѣреннаго въ дѣлахъ. Однако, уже въ слѣдующемъ году, уступая настоятельнымъ просьбамъ Мюрата и королевы Каролины, онъ согласился возстановить

[1]) Partie carrée à Naples. Janvier 1812. Par Frédéric Masson. La Revue de Paris. 1-e Novembre 1905.

посольство, но посланный въ Неаполь баронъ Дюранъ не получилъ званія посла, а полномочнаго министра и чрезвычайнаго посланника. Это не имѣло значенія до тѣхъ поръ, пока прочія державы, одного ранга съ Франціей, имѣли при означенномъ дворѣ простыхъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, кои не могли претендовать на какія-либо преимущества по сравненію съ посланникомъ. Но положеніе могло сдѣлаться щекотливымъ и даже опаснымъ, коль скоро какая-либо изъ великихъ державъ вздумала бы, какъ это и случилось два года спустя, назначить къ этимъ дворамъ своихъ аккредитованныхъ посланниковъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1811 г., въ Неаполь прибыли вновь назначенные австрійскій посланникъ графъ Міеръ и русскій полномочный министръ, князь Сергѣй Долгоруковъ, и сразу возникъ вопросъ объ урегулированіи этикета между ними и Дюраномъ; на этой почвѣ легко могли возникнуть недоразумѣнія, если не съ Міеромъ, которому было предписано дѣйствовать съ величайшей осторожностью, то съ княземъ Долгорукимъ, который былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ величія своего монарха, относился съ величайшимъ презрѣніемъ ко всему, что соприкасалось съ Бонапартомъ, и пріѣхалъ въ Неаполь убѣжденный въ томъ, что война между Франціей и Россіей неизбѣжна. Человѣкъ колоссальнаго роста, сильный, сложенный, какъ Геркулесъ, онъ былъ способенъ по темпераменту къ насильственнымъ дѣйствіямъ, въ особенности, какъ гласила молва, послѣ обѣда, во время котораго онъ не соблюдалъ особенной воздержанности. Вообще, князь слылъ человѣкомъ храбрымъ, ненавидѣлъ Францію, революцію и Бонапарта; былъ высокаго мнѣнія о своемъ умѣ, любилъ иронизировать въ довольно грубой формѣ; въ его осанкѣ, манерахъ, выраженіи лица и манерѣ держать голову выражалось огромное самомнѣніе и самоувѣренность.

Мюратъ не только не былъ въ его глазахъ королевскимъ величествомъ, но даже простымъ маршаломъ, а былъ просто на просто Іоахимомъ. „Не имѣя ни малѣйшаго желанія пользоваться его особой благосклонностью“, Долгоруковъ вполнѣ одобрялъ сдержанность, съ какой держалъ себя съ ними неаполитанскій король, и относился презрительно къ возложенной на него миссіи и къ посылкѣ въ Петербургъ неаполитанскаго посланника.

„Принимая во вниманіе, писалъ князь, то огромное разстояніе, какое существуетъ между императоромъ россійскимъ и королемъ неаполитанскимъ, я полагаю, что императору, моему августѣйшему монарху, совершенно безразлично, будетъ ли при его дворѣ посланникъ Іоахима или нѣтъ“.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Неаполь, при первомъ же свиданіи съ

французскимъ посланникомъ, Долгоруковъ просилъ познакомить его съ принятымъ при Неаполитанскомъ дворѣ этикетомъ и указать ему, какимъ образомъ можно было бы, по точному смыслу XXVIII статьи Тильзитскаго договора, установить между ними „полную взаимность и равенство“. Этотъ вопросъ могъ вызвать споры, но Дюранъ не сталъ спорить; на заявленіе Долгорукова, что онъ сожалѣетъ о томъ, что Дюранъ не облеченъ званіемъ посла, такъ какъ это устранило бы всѣ затрудненія, посланникъ отвѣчалъ, что онъ будетъ очень радъ уладить этотъ вопросъ къ удовольствію своего коллеги, если только онъ получитъ на это соизволеніе императора Наполеона I, присовокупивъ, что король неаполитанскій вполнѣ естественно оказывалъ при своемъ дворѣ преимущества французскому посланнику, а такъ какъ при неаполитанскомъ дворѣ находятся полномочные министры трехъ императорскихъ дворовъ, то опредѣлить ихъ взаимныя отношенія будетъ трудно.

Разговоръ, происходившій въ самомъ любезномъ тонѣ, на этомъ прервался, и Дюранъ имѣлъ полное основаніе предполагать, что Долгоруковъ, высказавъ принципіально свой протестъ, готовъ также точно, какъ Міеръ, помириться съ существующимъ фактомъ.

Но русскій посланникъ на этомъ не успокоился. Чтобы вознаградить себя за то, что „французскій и австрійскій посланники вздумали стать впереди его на первой аудіенціи дипломатическаго корпуса“, онъ рѣшилъ на слѣдующемъ пріемѣ „возстановить попранныя свои права, и съ этой цѣлью, нарушивъ установленный уже порядокъ, онъ всталъ напротивъ французскаго посланника, т. е. по правую руку отъ короля, который, начавъ обходъ представлявшихся ему особъ слѣва, подошелъ къ нему послѣ того, какъ онъ поговорилъ съ барономъ Дюраномъ и графомъ Міеромъ“.

Доставленное себѣ княземъ Долгоруковымъ чисто платоническое удовлетвореніе успокоило его не надолго и когда, на охотѣ въ Кардителло князю было указано, за завтракомъ, „неподабавшее“ ему мѣсто, то онъ обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ, маркизу Галло, и потребовалъ отъ него категорическаго объясненія.

„Я отстаивалъ“, писалъ Долгоруковъ своему двору, „свои права съ горячностью, каковая приличествуетъ представителю великаго монарха; вмѣстѣ съ тѣмъ я далъ еще разъ доказательство той умѣренности, коей отмѣчены всѣ мои дѣйствія, удовлетворившись заявленіемъ маркиза Галло, что король не вмѣшивался въ распредѣленіе мѣстъ и даже выразилъ желаніе, чтобы при этомъ не соблюдалось никакого порядка, и что на послѣдующихъ аудіенціяхъ его величество обратится прежде всего къ тому изъ посланниковъ, который войдетъ въ зало первымъ. Маркизъ присовокупилъ, что король же-

лалъ бы, чтобы между ними установилось какое-либо соглашеніе, такъ какъ это дало бы ему возможность совершать обходъ дипломатовъ въ установленномъ порядкѣ и что, становясь на избранное мною мѣсто, я стѣсняю этимъ его величество".

Слова маркиза Галло, что „король обратится прежде всего къ тому, кто войдетъ въ зало первымъ", оказались чреваты послѣдствіями, но они были произнесены Мюратомъ вполнѣ обдуманно. Раздраженный тѣмъ, что его зять (Наполеонъ I) хотѣлъ пріобрѣсти надъ нимъ власть, онъ старался всѣми силами стряхнуть съ себя это иго, упрочить свою независимость и какъ бы доказать самому себѣ, что онъ тоже былъ „монархъ милостію Божіей", во всемъ равный императору.

Допустить, чтобы французскій посланникъ имѣлъ преимущество передъ другими министрами, аккредитованными при его дворѣ, значило признать его подчиненіе императору и, быть можетъ, отказаться отъ мысли имѣть при своемъ дворѣ дипломатическихъ представителей великихъ державъ, которые могли не желать, чтобы французскій посланникъ имѣлъ передъ ними преимущество. Дюранъ отлично понималъ тревогу Мюрата, ибо онъ писалъ, что „королю трудно освоиться съ мыслью, что его власть не такъ значительна, какъ онъ полагалъ, и признать сюзеренство великой имперіи. Онъ очень чувствителенъ къ этому вопросу по существу и по формѣ, въ какой онъ выражается".

Долгоруковъ истолковалъ слова Галло въ томъ смыслѣ, что Мюратъ предлагалъ ему „занять подобающее ему мѣсто", тѣмъ болѣе, что къ русскому посланнику явилось одно лицо, пользовавшееся особымъ благоволеніемъ короля, которое дало понять князю, что хотя въ инструкціяхъ Дюрана ему повелѣвалось занимать первое мѣсто всякій разъ, какъ къ тому представится возможность, но въ то же время ему было предписано уступить Долгорукову, если онъ увидитъ, что тотъ намѣренъ оспаривать у него это право".

Настало 1 января 1812 года.

По случаю новаго года король Іоахимъ принималъ, въ тронномъ залѣ, поздравленія отъ высшихъ сановниковъ и столичныхъ властей. Согласно этикету, утвержденному Наполеономъ и принятому къ руководству въ Іенѣ, Касселѣ и Мадридѣ, король былъ окруженъ высшими гражданскими и военными чинами и придворными дамами; послѣднія должны были присутствовать на пріемѣ, несмотря на то, что королева находилась въ Парижѣ. У дверей зала стоялъ придверникъ (huissier). Церемоніймейстеръ провозглашалъ имена входившихъ, а оберъ-церемоніймейстеръ представлялъ ихъ королю въ установленномъ порядкѣ.

Въ тотъ моментъ, когда церемоніймейстеръ возвѣстилъ о появле-

ніи дипломатическаго корпуса, подлѣ дверей произошло замѣшательство и въ зало вошелъ первымъ князь Сергѣй Долгоруковъ; за нимъ слѣдовали французскій и австрійскій посланники, баварскій посланникъ, повѣренные въ дѣлахъ Италіи и Испаніи, секретари французскаго, русскаго и австрійскаго посольства. Замѣтивъ смятеніе, происшедшее въ глубинѣ зала, Мюратъ произнесъ: „Господа, я приписываю это поспѣшности, съ какой вы стремитесь видѣть меня. Остальное меня не касается".

Затѣмъ, чтобы сказать что-либо, обходя всѣхъ, онъ заговорилъ объ изверженіи Везувія.

Что же было причиной происшедшаго замѣшательства?

Въ то время, когда дипломатическій корпусъ, собравшись въ залѣ посланниковъ, предшествуемый оберъ-церемоніймейстеромъ, направился въ тронное зало, Долгоруковъ поспѣшно обошелъ всѣхъ и направился къ дверямъ троннаго зала, куда онъ хотѣлъ войти первымъ.

Онъ уже былъ около дверей; но въ эту минуту Дюранъ съ силой толкнулъ его сзади, сказавъ: „ну, ужъ нѣтъ, этому не бывать!"

Долгоруковъ, въ свою очередь, толкнулъ его еще сильнѣе и прошелъ въ дверь. Такъ онъ самъ передавалъ этотъ фактъ, но Дюранъ, не отрицая того, что онъ хотѣлъ остановить Долгорукова, утверждалъ, что послѣдній оттолкнулъ придверника, ударилъ Дюрана кулакомъ, положилъ руку на эфесъ шпаги и, отстранивъ церемоніймейстера, вошелъ въ зало. Не отрицая того, что онъ взялся за шпагу, Долгоруковъ утверждалъ, что онъ „прижалъ къ себѣ шпагу только для того, чтобы высвободить ее изъ ногъ, въ которыхъ она запуталась въ то время, когда онъ проходилъ между дверей".

Міеръ, стоявшій ближе всего къ обоимъ посланникамъ, видѣлъ, какъ они тузили другъ друга кулаками.

„Князь Долгоруковъ, конечно, будетъ утверждать", писалъ онъ своему двору, „что онъ не брался за эфесъ шпаги, но я видѣлъ это своими собственными глазами; быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ показалось даже, что онъ вытащилъ ее изъ ноженъ на нѣсколько дюймовъ".

По разслѣдованіи происшедшаго оберъ-церемоніймейстеромъ, маркизъ Галло писалъ въ тотъ же день Долгорукову:

„Его величество никакъ не могъ себѣ представить, что бы вы, не ожидая момента, когда дипломатическій корпусъ будетъ приглашенъ въ аудіенцъ-зало и представленъ оберъ-церемоніймейстеромъ, съ соблюденіемъ обычныхъ правилъ, войдете въ дверь силою, оттолкнувъ стоявшаго тутъ придверника, и что, во время спора, возникшаго затѣмъ около дверей между вами и французскимъ посланникомъ отно-

сительно того, кому войти въ зало первымъ, вы забудетесь до того, чтобы взяться за эфесъ шпаги, угрожая французскому посланнику въ присутствіи его величества".

По окончаніи аудіенціи, Дюранъ подошелъ къ Долгорукову и заявилъ, что необходимо выяснить происшедшее, на что̀ князь отвѣчалъ, что, занявъ подобающее ему мѣсто, онъ не руководствовался при этомъ никакими личными счетами.

„Но вѣдь это похоже на начало непріязненныхъ отношеній", замѣтилъ Дюранъ, на что̀ Долгоруковъ возразилъ, сославшись на XXVIII статью Тильзитскаго договора, которой обезпечивалось за ними полное равенство.

„Этотъ принципъ можетъ соблюдаться всюду, но только не при дворѣ зятя императора Наполеона", сказалъ Дюранъ, на что̀ Долгоруковъ, со своей стороны, возразилъ, что родственные дворы бываютъ представлены послами, а отнюдь не полномочными министрами.

Объясненіе происходило въ самомъ вѣжливомъ тонѣ, но по окончаніи его Дюранъ отправился, въ сопровожденіи маршала Периньони, губернатора Неаполя, къ королю, и испросилъ у него немедленно аудіенцію и требовалъ, чтобы ему было дано удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное императору въ лицѣ его представителя.

Мюратъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи; онъ самъ поощрялъ претензіи Долгорукова и былъ бы готовъ одобрить его поступокъ, если бы князь дѣйствовалъ не такъ грубо; съ другой стороны, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія ссориться съ Наполеономъ, но въ то же время ему не хотѣлось признать за французскимъ посланникомъ преимущественныхъ правъ при его дворѣ. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, онъ рѣшилъ игнорировать оскорбленіе, нанесенное Дюрану, какъ представителю французскаго монарха, а тотъ фактъ, что Долгорукій толкнулъ во дворцѣ, въ его присутствіи, придверника и положилъ руку на эфесъ шпаги, принялъ за оскорбленіе, нанесенное его королевскому достоинству. Маркизу Галло было поручено заявить русскому посланнику, что король будетъ жаловаться на него императору Александру и воспрещаетъ ему пріѣздъ ко двору.

Возвратившись изъ дворца въ зданіе французскаго посольства, Дюранъ тотчасъ написалъ Долгорукову:

„Ваше сіятельство, какъ бы наши правительства ни взглянули на недоразумѣніе, происшедшее между нами сегодня утромъ, несомнѣнно, что, положивъ руку на эфесъ шпаги, вы позволили себѣ такой угрожающій жестъ по отношенію меня, за который я долженъ потребовать у васъ удовлетворенія, которое, я увѣренъ, вы поспѣшите дать мнѣ".

Этотъ вызовъ чрезвычайно удивилъ русскаго посланника; это былъ фактъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ дипломатическаго міра. Долгоруковъ никакъ не ожидалъ этого со стороны „маленькаго, тщедушнаго“ и уже не молодаго Дюрана.

Онъ попытался даже уклониться отъ дуэли, сославшись на то, что въ происшедшемъ столкновеніи не было ничего личнаго и „выразилъ сожалѣніе по поводу того, что онъ не въ состояніи дать Дюрану удовлетвореніе до тѣхъ поръ, пока онъ занимаетъ свой дипломатическій постъ“. Такъ обстояло дѣло, какъ вдругъ, 2 января, произошло новое осложненіе.

Долгоруковъ получилъ отъ генерала Эксельмана, временно исполнявшаго при неаполитанскомъ дворѣ обязанности оберъ-гофмаршала, письмо слѣдующаго содержанія:

„Ваше сіятельство, какъ французскій генералъ и какъ подданный императора Наполеона, я не могъ, безъ вполнѣ понятнаго негодованія, быть свидѣтелемъ вашего вчерашняго поступка по отношенію къ французскому посланнику и, если бы лежавшія на мнѣ служебныя обязанности не были помѣхою, то я имѣлъ бы честь немедленно просить у васъ удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное моему монарху въ лицѣ его посланника, но я надѣюсь, князь, что вы сдѣлаете честь дать мнѣ это удовлетвореніе сегодня въ Баньолѣ или въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ по вашему усмотрѣнію. Я явлюсь туда въ назначенный вами часъ съ однимъ изъ моихъ друзей, съ пистолетами и шпагою“.

Эксельманъ не зналъ, что Долгоруковъ еще ранѣе былъ вызванъ на дуэль Дюраномъ. Получивъ такимъ образомъ два вызова, Долгоруковъ рѣшилъ въ первый моментъ не принимать ни одного изъ нихъ, и отвѣчалъ Эксельману:

„Ваше превосходительство, я не думалъ, что мнѣ придется обсуждать съ вами вопросъ о томъ, кому изъ насъ, французскому посланнику или мнѣ, было нанесено вчера оскорбленіе при дворѣ его величества короля неаполитанскаго, тѣмъ менѣе я могъ предположить, что мнѣ придется давать вамъ отчетъ въ томъ, правильно ли я поступилъ, поддержавъ правила этикета, установленныя по Тильзитскому договору его величествомъ, моимъ августѣйшимъ монархомъ и его величествомъ императоромъ Наполеономъ для своихъ представителей. Тѣмъ не менѣе я не замедлилъ бы исполнить ваше желаніе, если бы препятствіемъ къ тому не служилъ, какъ это вамъ, вѣроятно, извѣстно, дипломатическій характеръ моей миссіи, который уважается всѣми по законамъ всѣхъ цивилизованныхъ націй. При томъ, я уже имѣю извѣстное обязательство по отношенію къ г. Дюрану, которое и будетъ мною выполнено, лишь только я получу отъ моего августѣйшаго монарха увольненіе, о чемъ мною послано прошеніе съ нарочнымъ. По-

этому прошу ваше превосходительсто позволить мнѣ принять вашъ вызовъ по полученіи этого увольненія и послѣ того, какъ я дамъ г. Дюрану требуемое имъ удовлетвореніе".

Несмотря на нѣсколько насмѣшливый тонъ этого отвѣта, Долгоруковъ, очевидно, рѣшилъ, что ему не избѣжать дуэли, такъ какъ онъ просилъ прислать ему его вѣрительныя грамоты, чтобы „онъ могъ имѣть неоцѣненное счастье выступить на поединокъ съ Дюранами, Эксельманами и всѣми тѣми, кои выступятъ противъ него, чтобы наказать его за точное соблюденіе трактатовъ и за его стараніе поддержать права своего законнаго монарха". Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о предстоящемъ поединкѣ, видимо, волновала его, такъ какъ онъ писалъ русскому канцлеру, что „вызовъ на поединокъ со стороны Эксельмана есть настоящая ловушка".

3 числа утромъ, Долгоруковъ получилъ отъ неаполитанскаго министра иностранныхъ дѣлъ оффиціальное извѣщеніе о результатѣ разслѣдованія, произведеннаго по повелѣнію короля. Маркизъ Галло сообщалъ ему, что „на основаніи показаній, данныхъ придворными, кои присутствовали при его столкновеніи съ Дюраномъ и „прочихъ чиновъ дипломатическаго корпуса, на его поведеніе должна быть принесена жалоба его императорскому величеству русскому императору" и что до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстно рѣшеніе государя, „король находитъ нужнымъ воспретить русскому посланнику пріѣздъ ко двору".

„Хотя его величествомъ королемъ и не установлено извѣстныхъ правилъ для церемоніальныхъ преимуществъ посланниковъ, аккредитованныхъ при его дворѣ", писалъ маркизъ, „тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ право признавать за французскимъ посланникомъ тѣ преимущества, кои всегда признавались за послами родственныхъ царствующихъ домовъ. Тѣсныя узы родства, связующія его величество и его страну съ Франціей, и драгоцѣнныя узы признательности, кои связываютъ его величество съ августѣйшей особой императора Наполеона I, оправдываютъ передъ лицомъ всѣхъ европейскихъ державъ тѣ преимущества, кои король оказываетъ посланнику французскаго императора".

Долгоруковъ тотчасъ воспользовался промахомъ, сдѣланнымъ маркизомъ Галло.

„Преимущества, признаваемыя за послами царскихъ особъ", отвѣчалъ онъ, „никогда не распространяются на простыхъ посланниковъ; королемъ не было обнародовано по этому поводу никакой декларації"; „поступая извѣстнымъ образомъ, онъ (Долгоруковъ) руководствовался XXVIII статьей Тильзитскаго договора", что же касается показаній чиновъ дипломатическаго корпуса, то Долгоруковъ указы-

валъ на то, что они заключали въ себѣ рядъ противорѣчій, а именно: Міеръ, австрійскій посланникъ, уклонился отъ какихъ-либо показаній, сославшись на то, что „посланникъ обязанъ давать отчетъ въ томъ, что онъ видитъ и слышитъ только своему двору"; баварскій посланникъ ничего не видѣлъ; точно такъ же, какъ и повѣренный въ дѣлахъ Италіи, а что касается испанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, то онъ былъ близорукъ. Слѣдовательно, ссылаясь на показанія этихъ лицъ, которыя не приведены при томъ до-словно, маркизъ Галло поступилъ неосмотрительно.

Побивъ министра его же доводами, Долгоруковъ, очевидно, все-таки не думалъ, что дѣло кончится для него благополучно, такъ какъ онъ а хотѣлъ узнать мнѣніе какого-нибудь авторитетнаго лица. Не имѣя возможности снестись съ Петербургомъ, на что̀ потребовалось бы нѣсколько мѣсяцевъ, онъ вздумалъ обратиться къ русскому посланнику въ Парижѣ, князю Куракину. Написавъ ему письмо, онъ собирался послать въ Парижъ—для личныхъ объясненій секретаря посольства Голланда. Но паспортъ его нужно было визировать во французскомъ посольствѣ, и князю пришлось обратиться къ Дюрану, коему онъ сообщилъ при этомъ, что посылаемыя имъ депеши касаются „принятаго имъ по отношенію къ Дюрану обязательства". Возвращая визированный паспортъ, Дюранъ писалъ, что „такъ какъ его превосходительство сообщилъ ему о томъ, какого предмета касается посылаемое имъ письмо, то онъ не можетъ не воспользоваться случаемъ, чтобы выразить ему свое сожалѣніе, по поводу того, что князь счелъ нужнымъ сдѣлать этотъ шагъ, чтобы уладить дѣло, которое уже слѣдовало окончить".

Это былъ новый вызовъ, сдѣланный въ деликатной формѣ, отъ котораго Долгоруковъ не счелъ на этотъ разъ возможнымъ уклониться, тѣмъ болѣе, что дуэль съ посланникомъ казалась ему дѣломъ менѣе серьезнымъ, нежели „ловушка", устроенная ему Эксельманомъ.

„Прежде, нежели принять вашъ вызовъ", писалъ Долгоруковъ Дюрану, „я счелъ нужнымъ обратить ваше вниманіе на оффиціальное положеніе, занимаемое нами обоими, но такъ какъ мы оба одинаково подлежимъ отвѣтственности, то, если это соображеніе не имѣетъ значенія въ вашихъ глазахъ, я послѣдую вашему примѣру и прошу васъ указать мнѣ день, мѣсто и подходящее для васъ оружіе".

На слѣдующій день, 4 числа, Дюранъ отвѣчалъ: „я долженъ поблагодарить ваше сіятельство за то, что вы ускорили моментъ нашего поединка, который сталъ, къ сожалѣнію, неизбѣжнымъ. Завтра, ровно въ девять часовъ утра, я буду у входа въ ущелье, ведущее къ Аньянскому озеру. Со мною будетъ шпага и два секунданта".

Дуэлью нельзя было долѣе медлить, такъ какъ, не принявъ вто-

ричнаго вызова Дюрана, Долгоруковъ могъ очутиться въ положеніи крайне неловкомъ для всякаго порядочнаго человѣка, ибо, 3-го января Константинъ Бенкендорфъ, исполнявшій въ Неаполѣ, до его пріѣзда, обязанности русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, и оставшійся тамъ до полученія новаго назначенія, вызвалъ „какъ русскій дворянинъ и помощникъ князя Долгорукова, на дуэль генерала Эксельмана". „Смѣю надѣяться, писалъ Бенкендорфъ Эксельману, что послѣ дуэли съ княземъ Долгоруковымъ вы дадите мнѣ возможность исполнить священную для меня обязанность", но Эксельманъ, предвидя, что онъ скоро уѣдетъ изъ Неаполя, отвѣчалъ, что „лучше покончить дѣло скорѣй". „Къ тому же, любезно присовокуплялъ онъ, я слишкомъ уважаю князя Долгорукова, чтобы думать, что его честь можетъ быть въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-либо запятнана".

Въ отвѣтъ на это письмо Бенкендорфъ послалъ сказать генералу, что онъ будетъ ждать его въ тотъ же день „въ три часа по полудни, у озера Аньяно, со шпагою въ рукахъ и однимъ секундантомъ".

Къ счастью, Долгоруковъ узналъ во-время о томъ, что Бенкендорфъ собирался, съ оружіемъ въ рукахъ, защищать его честь.

„Было крайне необходимо", писалъ Долгоруковъ графу Міеру, „чтобы дуэль, которая должна была, въ сущности, явиться послѣдствіемъ моей дуэли съ Дюраномъ, не произошла раньше ея". Въ виду этого онъ просилъ графа предупредить объ этомъ Дюрана, который тотчасъ послалъ къ Эксельману для переговоровъ своего адъютанта, барона Форбена, Долгоруковъ, со своей стороны, послалъ къ Бенкендорфу своего секунданта, барона Григорія Строганова, чтобы уговорить его отложить поединокъ.

Строгановъ, бывшій русскій посланникъ въ Мадридѣ, единственный русскій путешественникъ, находившійся въ то время въ Неаполѣ, не могъ отказать своему соотечественнику въ услугахъ, въ качествѣ секунданта, хотя онъ „былъ въ то время боленъ и ни во что не вмѣшивался".

Потребовавъ отъ Долгорукова и Бенкендорфа, чтобы они обязались „честнымъ словомъ подчиниться его рѣшенію", онъ отправился къ Форбену и рѣшилъ съ нимъ, что „вопросъ будетъ оконченъ двойнымъ поединкомъ".

Было рѣшено, что противники сойдутся на слѣдующій день, 5-го числа, въ семь часовъ утра, въ храмѣ Сераписа въ Пуццоли.

Первая дуэль должна была состояться между Дюраномъ и Долгоруковымъ; она произошла внутри храма. При первомъ выпадѣ Долгоруковъ ударилъ Дюрана въ грудь, но тотъ пожелалъ продолжать поединокъ; когда противники слегка коснулись другъ друга, то Дюранъ призналъ себя удовлетвореннымъ, пожалъ Долгорукову руку и

обнялъ его. Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ Форбеномъ и Строгановымъ рѣшилъ не допускать второй дуэли. Но у Бенкендорфа и Эксельмана не хватило терпѣнія выждать окончанія поединка, чтобы сразиться, какъ было условлено, „на томъ же мѣстѣ“; они сошлись на церковной паперти и яростно напали другъ на друга. Въ самомъ началѣ Бенкендорфъ былъ легко раненъ въ грудь; затѣмъ Эксельманъ пронзилъ ему шпагой плечо; самъ же Эксельманъ былъ раненъ въ шею, подлѣ уха и истекалъ кровью. Ихъ едва удалось рознять и примирить.

Тогда Эксельманъ, подойдя къ Долгорукову, сказалъ, что въ то время, когда онъ писалъ ему письмо, онъ упустилъ изъ вида его положеніе, какъ дипломата, и поэтому просилъ самъ его забыть о сдѣланномъ имъ вызовѣ. На это Долгорукій отвѣтилъ, что такъ какъ вызовъ сдѣланъ не имъ, то онъ будетъ всегда къ услугамъ генерала, какъ только онъ получитъ свои вѣрительныя граматы. Эксельманъ возразилъ, что дѣло нужно считать оконченнымъ и въ знакъ примиренія протянулъ Долгорукову руку.

Въ тотъ моментъ, когда все было кончено, появился комендантъ Неаполя, генералъ Караскоза, заявившій русскому и французскому посланникамъ отъ имени своего монарха, что „его величество король неаполитанскій не допуститъ, чтобы кто-либо дрался на дуэли въ предѣлахъ его королевства“.

Конечно, это была одна формальность.

Императоръ Александръ, извѣщенный о происшедшемъ своимъ посланникомъ въ Парижѣ и неаполитанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ, Бранчіо, поручилъ министру иностранныхъ дѣлъ, не ожидая донесенія отъ князя Долгорукова, выразить ему неудовольствіе государя.

„Императоръ, писалъ министръ Долгорукову, 11-го февраля выразилъ желаніе, чтобы вы были поставлены въ извѣстность о томъ, что онъ не одобряетъ вашего поведенія въ день новаго года. Е. в. убѣжденъ, что вы могли избѣжать всѣхъ послѣдствій этого поступка; онъ видитъ съ прискорбіемъ, что подобнаго рода фактъ могъ произойти въ то время, какъ его мудрыя предначертанія клонятся къ тому, чтобы устранить дипломатическія осложненія, и отнюдь не давать имъ новой пищи“.

Императоръ Александръ обошелъ молчаніемъ некорректный поступокъ короля неаполитанскаго, запретившаго русскому посланнику пріѣздъ ко двору, устранивъ его отъ исполненія его дипломатическихъ обязанностей, и повелѣлъ объявить повѣренному въ дѣлахъ Неаполя, что „если король имѣлъ поводъ быть недовольнымъ посланникомъ его императорскаго величества, то ему слѣдовало жаловаться на него е. в.“.

„Императоръ имѣлъ бы право поступить точно также“, писалъ министръ, по повелѣнію государя, „но онъ не сдѣлаетъ этого; поэтому онъ поручилъ канцлеру заявить г. Бранчіо, что онъ можетъ по-прежнему исполнять обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ и что онъ будетъ принятъ при дворѣ съ тѣми же почестями, какъ доселѣ“.

Съ тѣмъ же курьеромъ, который везъ Долгорукову письмо съ изъявленіемъ неудовольствія императора Александра I, министръ иностранныхъ дѣлъ послалъ маркизу Галло ноту, въ которой безъ всякихъ комментаріевъ просилъ его вручить паспорта князю Долгорукову, Бенкендорфу и ихъ свитѣ и доводилъ до его свѣдѣнія, что „его императорское величество повелѣлъ камергеру барону Будбергу отправиться въ Неаполь повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи“.

21-го марта курьеръ прибылъ въ Неаполь, 22-го числа повелѣніе императора было сообщено маркизу Галло, который поспѣшилъ вручить членамъ русскаго посольства паспорта, а 24-го Долгорукій и Бенкендорфъ завезли свои карточки Дюрану и всѣмъ чинамъ дипломатическаго корпуса и выѣхали изъ Неаполя.

Что касается Наполеона I, то онъ узналъ о случившемся довольно поздно, при томъ не изъ депешъ Дюрана, который старался придать событію характеръ личнаго столкновенія и изобразить дуэль съ Долгорукимъ какъ свое личное дѣло; императоръ узналъ объ этомъ изъ писемъ Долгорукова къ Куракину, который далъ ихъ прочесть Наполеону, и изъ депешъ маркиза Галло къ повѣренному въ дѣлахъ Неаполя въ Петербургѣ, которыя были перехвачены на почтѣ.

Наполеонъ не придалъ никакого значенія вопросу о церемоніальномъ этикетѣ, но очень порицалъ поступокъ русскаго посланника и опасался, чтобы императоръ Александръ не счелъ себя оскорбленнымъ Мюратомъ въ лицѣ своего посланника.

Такимъ образомъ, онъ не только не осуждалъ Дюрана, но даже похвалилъ его, зато герцогъ Бассано въ своемъ донесеніи императору французовъ строго осуждалъ поведеніе Эксельмана и написанное имъ письмо: „Побужденіе, коимъ онъ объясняетъ въ этомъ письмѣ свой поступокъ, писалъ Бассано, такъ же неумѣстно, какъ и сдѣланный имъ шагъ, такъ какъ генералъ выступилъ въ качествѣ француза, чтобы отомстить за оскорбленіе, нанесенное его монарху въ лицѣ его посланника“.

Но Наполеонъ взглянулъ на это дѣло иначе: Эксельманъ еще 24-го декабря былъ отозванъ изъ Неаполя и назначенъ маіоромъ л.-гв. конныхъ егерей. Въ тотъ моментъ, когда онъ вступился со шпагою въ рукахъ за честь императора, ему не было еще извѣстно объ оказанной ему милости, но онъ вскорѣ получилъ и другіе знаки отличія. Когда началась война, Наполеонъ перевелъ его тоже маіо-

ромъ въ конно-гренадерскій полкъ; а 6-го сентября, наканунѣ сраженія подъ Москвою, онъ былъ назначенъ дивизіоннымъ генераломъ и получилъ титулъ барона.

Образъ дѣйствій Дюрана былъ, какъ мы уже знаемъ, одобренъ Наполеономъ.

„Напишите моему посланнику въ Неаполѣ, писалъ онъ герцогу Бассано, что онъ хорошо сдѣлалъ, не уступивъ мѣста кн. Долгорукову, и что онъ не долженъ никому уступать его въ Неаполѣ. Напишите также маркизу Галло, что я одобряю рѣшеніе короля воспретить князю Долгорукову пріѣздъ ко двору и потребовать отозванія этого посланника; это дѣйствительно единственный отвѣтъ, какого заслуживало его смѣшное и оскорбительное поведеніе, такъ какъ онъ оттолкнулъ привратника и прошелъ мимо церемоніймейстера прежде, нежели тотъ доложилъ королю и т. д.“. Это письмо должно быть написано въ очень спокойномъ тонѣ.

„Если бы Мюратъ поступилъ иначе и Долгорукову не былъ бы воспрещенъ пріѣздъ ко двору, и онъ продолжалъ бы нести свои обязанности, то Дюрану пришлось бы немедленно оставить Неаполь“.

„Опишите вкратцѣ случившееся, продолжалъ императоръ, и разошлите это описаніе моимъ посланникамъ, чтобы оно могло служить имъ темою для разговора. Достаточно будетъ написать слѣдующее: „Посылаю вамъ отрывокъ изъ письма барона Дюрана, оставьте его у себя. Посылаю его вамъ съ тою цѣлью, чтобы вы знали, какъ было дѣло, если съ вами будутъ говорить объ этомъ“. Затѣмъ вы изложите вкратцѣ самый фактъ оскорбленія, нанесеннаго княземъ Долгорукимъ придверному въ тронномъ залѣ, и воспрещеніе князю Долгорукову появляться при дворѣ“.

„Князю Куракину мнѣ нечего отвѣчать“. „Я не хочу посылать курьера въ Петербургъ. Надобно только послать по почтѣ депешу маркиза Галло къ повѣренному въ дѣлахъ Неаполя, дабы она была прочтена русскимъ дворомъ. Не пишите объ этомъ ничего графу Лористону. Предоставьте дѣло его собственному теченію. Повѣренный въ дѣлахъ Неаполя получитъ письмо, покажетъ его графу Лористону и поступитъ съ нимъ такъ, какъ онъ пожелаетъ. По моему мнѣнію, въ этомъ случаѣ приличнѣе всего соблюдать полнѣйшее молчаніе“.

Что касалось повѣреннаго въ дѣлахъ Итальянскаго королевства въ Неаполѣ, Тассони, давшаго письменное заявленіе о томъ, что онъ не видѣлъ происшедшаго въ залѣ, то Наполеонъ вызвалъ его въ Парижъ, чтобы потребовать у него объясненія въ его поведеніи.

„Онъ велъ себя въ этомъ случаѣ такъ худо, сказалъ императоръ, что онъ долженъ быть смѣщенъ. Ему не слѣдовало уклоняться отъ участія въ дѣлѣ, касавшемся достоинства моей короны“. „Моимъ

посланникамъ, какъ представителямъ сюзеренаго государства, принадлежитъ первенствующее мѣсто какъ въ Неаполѣ, такъ равно и во всѣхъ союзныхъ государствахъ".

Но союзъ, на который ссылался императоръ французовъ, не былъ оформленъ никакимъ оффиціальнымъ актомъ, и его не признавали пока ни европейскія державы, ни сами заинтересованные вассальные короли; противъ этихъ сюзеренныхъ поползновеній энергично боролись Людовикъ Бонапартъ въ Голландіи, Іосифъ Бонапартъ въ Испаніи и Мюратъ въ Неаполѣ, и именно потому-то Наполеонъ I былъ доволенъ тѣмъ, что французскій посланникъ съумѣлъ такъ ловко вступиться за спорныя права, чѣмъ и заслужилъ его одобренія.

Масонство и французская революція [1]).

Какую роль играло, въ 1789, въ 1792 и въ 1793 годахъ, масонство во французской революціи? Подлинные документы, исходящіе отъ самого масонства, не могутъ, понятно, не быть рѣдкими по этому вопросу. Тайное общество не было бы тайнымъ, если бы оно не заботилось о сокрытіи всего, что можетъ освѣдомить о немъ, и положительныя свидѣтельства тамъ, гдѣ ихъ по принципу уничтожаютъ, не могутъ, конечно, изобиловать. Тѣмъ не менѣе, если прямое свидѣтельство часто отсутствуетъ, зато имѣются на-лицо нѣкоторые факты, особенно поразительные, которые, будучи сближены одни съ другими, производятъ свѣтъ, почти столь же убѣдительный, какъ и свѣтъ документовъ. Факты же эти безчисленны, и совокупность ихъ приводитъ къ заключенію, что изъ великихъ дней революціи, быть можетъ, нѣтъ ни одного, который не былъ бы напередъ, за болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, задуманъ и прорепетированъ въ масонскихъ ложахъ, какъ репетируютъ пьесу въ театрѣ... Прослѣдите же, съ небольшимъ вниманіемъ, представляемое вамъ изложеніе фактовъ, и вы увидите, какъ бы собственными глазами, всю великую страну превращенной явнымъ заговоромъ въ одну огромную масонскую ложу. Вы увидите ее ввергнутой въ полный послѣдовательный рядъ постепенно усиливаемыхъ масонскихъ испытаній, изъ которыхъ первыя тщательно скрывали конечный секретъ, но изъ которыхъ послѣднимъ всегда должно было быть убійство короля, для достиженія высшей и тайной цѣли, т.-е. разрушенія самой національности!

[1]) La Franc-maçonnerie et la révolution française p. Maurice Talmeyer.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію частныхъ фактовъ, отмѣтимъ сначала тотъ общій весьма важный фактъ, что исторія революціи всегда, до сихъ поръ, пользовалась особенной привилегіей быть принимаемой за исторію, хотя она никѣмъ не была, въ сущности, объяснена. По свидѣтельству безспорныхъ документовъ, и вопреки дерзко сфабрикованной легендѣ, французская нація, какъ народная масса, за исключеніемъ нѣкоторой части дворянства, духовенства и буржуазіи, была тогда глубоко католической и роялистской. Въ то самое время, когда избивали патеровъ, когда съ яростью истребляли все, относящееся къ традиціонной религіи, принуждены были отказаться отъ запрещенія церковныхъ процессій въ Парижѣ, гдѣ народъ, какъ это установлено теперь точными свидѣтельствами, заставлялъ, въ самый разгаръ террора, патрули революціонеровъ отдавать на улицѣ честь проносимымъ святымъ дарамъ [1]). Что касается культа монарха, то онъ доказывается самыми манифестаціями, направленными противъ его особы. Въ теченіе двухъ лѣтъ революція дѣлается при крикѣ: да здравствуетъ король! Затѣмъ, даже большинство мятежниковъ, мужчинъ и женщинъ, нанятыхъ для нанесенія оскорбленія королю, были вдругъ, предъ нимъ, вновь охвачены непреодолимой любовью своей расы къ потомку своихъ монарховъ [2]). Вся ихъ экзальтація, въ его присутствіи, обращается, какъ въ октябрѣ 1789 г., въ благоговѣніе и любовь. Что мы видимъ за обѣдомъ королевской семьи, при возвращеніи ея изъ Варенна? Мы видимъ революціоннаго депутата Барнава почтительно стоящимъ за стуломъ короля и прислуживающимъ ему, какъ лакей! И это католическое и роялистское чувство, почти общее въ ту эпоху, подтверждается самыми цифрами выборовъ. Въ 1790 г. враги религіи и монархіи уже повсюду избираются лишь десятой, затѣмъ пятнадцатой, потомъ двадцатой частью избирателей. Тэнъ констатируетъ, въ Парижѣ, въ первичныхъ собраніяхъ 1791 г.,

---

[1]) „Когда священникъ, неся Св. Дары, для причащенія умирающаго, проходитъ по улицѣ, всѣ встрѣчные, мужчины, женщины, молодые и старые, становятся на колѣни въ благоговѣйномъ поклоненіи. Въ день крестнаго хода на улицѣ Сенъ-Мартэнъ, всѣ повергаются передъ несомой ракой святаго: „я не видѣлъ, говоритъ одинъ внимательный зритель, ни одного мужчины, который бы не снялъ шляпы. На гауптвахтѣ участка Моконсейль вся вооруженная сила взяла на караулъ при прохожденіи процессіи. Въ то же время гражданки изъ торговыхъ рядовъ, собравшись, обсуждали вопросъ, нельзя ли устилать путь коврами. На слѣдующей недѣлѣ онѣ заставили мѣстный революціонный комитетъ разрѣшить другой крестный ходъ, который тоже всѣ встрѣчали съ колѣнопреклоненіемъ... (Taine, La Conquête jacobine, t. II. ch. III).

[2]) См. въ Histoire de la Révolution française Луи Блана разсказъ о приходѣ женщинъ къ королю и о покушеніи на жизнь Людовика XVI въ самомъ дворцѣ.

уже за годъ до 10 августа, слишкомъ 75.000 воздержавшихся отъ подачи голоса на 81.200 внесенныхъ въ списки [1])! Не слѣдуетъ ли изъ этого, что революція, разсматриваемая какъ національное движеніе, необъяснима? Мы понимаемъ націю, какъ Америка, у которой англійское господство не популярно, и которая избавляется отъ него. Но намъ непонятна нація, у которой религія и монархія въ крови, которая желаетъ ихъ и только ихъ, и которая ихъ яростно низвергаетъ. И революція эта до того необъяснима, что всѣ историки, въ дѣйствительности, отказываются объяснить ее, ибо объясненія, „фатальностью“, „промысломъ“, „силой вещей“, „карой небесной“ или „самопроизвольно анархіей“, единственныя предложенныя до сихъ поръ, ничего собственно не объясняютъ. Мы стоимъ, слѣдовательно, передъ „неизвѣстной“, передъ X, и что еще болѣе увеличиваетъ загадку, это сами революціонеры, ничтожные числомъ, не составляющіе даже десяти тысячъ избирателей на сто тысячъ, не представляющіе собой Франціи, и, несмотря на то, не только называющіе свою революцію великой французской революціей, но еще приписывающіе ей, сверхъ того, всемірный характеръ. Они даже не нація, которою называютъ себя, и тѣмъ не менѣе они претендуютъ на главенствованіе надъ всѣми другими народами именемъ этой присвоиваемой ими себѣ націи, и никто, однако, не подумаетъ спросить у нихъ, какимъ образомъ они являются представителями всѣхъ, не представляя никого!.. Ну, такъ мы предложимъ имъ этотъ вопросъ и, если они не всегда отвѣтятъ намъ сами, то рядъ фактовъ отвѣтитъ намъ за нихъ...

Какъ обстояло, въ XVIII столѣтіи, съ масонствомъ во Франціи? Оно возникло тамъ, какъ свидѣтельствуютъ его собственные ежегодники, ровно за 64 года до революціи, въ 1725 г., и два первые его гросмейстеры были англичане—лордъ Дервентватеръ и лордъ Гарнуэстеръ. Послѣ того въ немъ предсѣдательствовали одинъ французскій вельможа, герцогъ д'Антэнъ, затѣмъ одинъ принцъ крови, Людовикъ Бурбонъ, графъ Клермонскій, потомъ, съ 1771 по 1793 г., герцогъ Шартрскій, впослѣдствіи герцогъ Орлеанскій, и, еще позднѣе, Филиппъ-Эгалитэ [2]). Кромѣ того, мимоходомъ мы можемъ сдѣлать еще

[1]) Въ Шартрѣ, въ маѣ 1790 г., изъ 1.551 пользующихся избирательнымъ правомъ гражданъ 1.447 не пришли на первичныя собранія. Для выбора мэра и муниципальныхъ должностныхъ лицъ, въ Безансонѣ, на 3.200 внесенныхъ въ списки избирателей насчитываютъ 2.141 неявившихся въ январѣ и 2.900 въ ноябрѣ 1790 года. Въ Гренобле, въ августѣ и въ ноябрѣ того же года, на 2.500 внесенныхъ въ списки насчитываютъ свыше 2.000 отсутствующихъ. Въ Лиможѣ, на почти такое же число избирателей оказалось всего только 150 подавшихъ голоса, и т. д. (Taine, La Conquête jacobine, t. I, ch. II).

[2]) Annuaire du Grand Orient de France, за масонскій годъ, начинающійся 1 марта 1799 г., Парижъ, секретаріатъ Великаго Востока, ул. Cadet, № 16

нѣсколько интересныхъ замѣчаній. Извѣстно, что первой революціонной манифестаціей третьяго сословія, въ 1789 г., было провозглашеніе себя національнымъ собраніемъ и что пресловутая формула: „объявить отечество въ опасности“ должна была сдѣлаться сакраментальной въ 1792 г. Но уже гораздо ранѣе, въ 1771 г., вслѣдствіе серьезныхъ внутреннихъ кризисовъ, масонство... объявляетъ себя въ опасности. Оно призываетъ въ Парижъ делегатовъ со всѣхъ концовъ Франціи, и эти делегаты уже за 18 лѣтъ до 1789 г. соединяются... въ національное собраніе. Далѣе — первые масоны, водворившіеся во Франціи около 1723 года, были якобиты, и главный клубъ—заправило революціи, былъ клубъ якобинцевъ. Кондорсе въ „Седьмой эпохѣ успѣховъ человѣческаго ума“ указываетъ на масонство, какъ на таинственное продолженіе ордена тампліеровъ, и тюрьмой Людовику XVI служитъ... Тампль, бывшій пріютъ этихъ самыхъ храмовниковъ [1]). Большое годичное собраніе масоновъ называется конвентомъ (le Convent), также и знаменитѣйшее революціонное собраніе будетъ называться конвентомъ (la Convention). Масонство, когда ему нужно было подвергнуть проскрипціи адепта, объявляло его подозрительнымъ и, всѣмъ извѣстно, какъ, во времена террора, объявляли человѣка подозрительнымъ. По словамъ Луи Блана, вступающій въ масонство, надѣвалъ шапку, причемъ ему говорили: „этотъ головной уборъ лучше короны королей“. Такъ и въ клубѣ якобинцевъ ораторъ покрывалъ себѣ голову краснымъ колпакомъ. Наконецъ, одно изъ практиковавшихся въ масонствѣ до революціи испытаній состояло въ томъ, что масонскаго сановника заставляли произвести операцію казни короля Франціи надъ манекеномъ, изображавшимъ Филиппа Красиваго, того государя, который уничтожилъ орденъ тампліеровъ, и конечнымъ актомъ революціи также должна была быть казнь короля [2]). Слѣдуетъ ли, впро-

---

хронологич. списокъ гросмейстеровъ и президентовъ Ордена въ Франціи (Новая книгопечатня (рабочая ассоціація), ул. Cadet, 11).

[1]) „Изслѣдуемъ, не образовались ли, въ эпоху, когда философскій прозелитизмъ былъ такъ опасенъ, тайныя общества, съ цѣлью распространенія, между своими адептами, небольшаго числа простыхъ истинъ, какъ вѣрнаго предохранительнаго средства противъ господствующихъ предразсудковъ... Посмотримъ, не слѣдуетъ ли помѣстить въ число этихъ обществъ тотъ знаменитый орденъ, противъ котораго папы и короли конспирировали съ такой низостью, и который они уничтожили съ такимъ варварствомъ“... (Condorcet, Esquisse d'un tableau des progrès de l'ésprit humain: Septième époque).

[2]) „Здѣсь нужно еще возобновить испытаніе, въ которомъ посвящаемый превращается въ убійцу; но субъектъ, требующій отмщенія, въ этомъ случаѣ уже не Гирамъ, а Моле, гросмейстеръ тампліеровъ, убіенію же подлежитъ король, именно Филиппъ Красивый, по приказанію котораго былъ уничтоженъ орденъ рыцарей Храма. По выходѣ изъ пещеры, адептъ, держа въ рукахъ голову этого короля, восклицаетъ: Некомъ, я убилъ его!“

чемъ, придавать этимъ предварительнымъ замѣчаніямъ болѣе важное значеніе, чѣмъ какое имъ подобаетъ? Нѣтъ, конечно, и это быть можетъ простыя совпаденія. Но мы можемъ, однако, съ этими совпаденіями, уже чувствовать себя въ извѣстной атмосферѣ [1]).

Словомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ списокъ его гросмейстеровъ, масонство, въ періодъ, непосредственно предшествовавшій революціи, несмотря на свои кризисы, быстро идетъ въ гору. Оно входитъ въ моду, дѣлаетъ фуроръ, и „Великій Востокъ“ даже учреждаетъ у себя пресловутыя адоптивныя ложи, куда допускаются женщины. „Вступающія женщины“,—сообщаетъ намъ г. д'Альмерà, авторъ недавно вышедшей въ свѣтъ исторіи Каліостро, и, кажется, не относящійся враждебно ни къ Каліостро, ни къ ложамъ, — „это актрисы, танцовщицы, мѣщанки или знатныя дамы безъ предразсудковъ“.

Въ то время масонство, по крайней мѣрѣ, по наружности, состояло, главнымъ образомъ, въ балахъ, въ банкетахъ, въ показной благотворительности. Въ 1775 году, герцогиня Бурбонская получила титулъ гросмейстерины всѣхъ адоптивныхъ ложъ Франціи; герцогъ Шартрскій самъ водворилъ ее въ этомъ женскомъ понтификатѣ, среди великолѣпныхъ празднествъ, при чемъ, въ концѣ банкета, былъ устроенъ сборъ въ пользу „отцовъ и матерей, содержащихся въ тюрьмѣ за неплатежъ за мѣсяцы вскормленія ихъ дѣтей“.

Таковъ былъ, въ теченіе всего этого періода, фасадъ масонства. Онъ былъ, въ одно и то же время, пышный и забавный, съ обѣщаніемъ таинственности, вѣроятно, безвредный и, можетъ быть, даже пріятный,—внутри дома. Подъ предлогомъ филантропіи, тамъ веселятся безмѣрно. Участники вмѣшиваются тамъ между людьми хорошаго общества и менѣе хорошаго, въ иллюзіи соціальнаго равенства, всегда не лишенной пикантности; испытываютъ чувство двойственной жизни, гдѣ другъ друга называютъ боевыми именами, обмѣниваясь условными знаками и словами; доставляютъ себѣ удовольствіе легкаго волненія отъ ожиданія чего-нибудь секретнаго, которое, можетъ быть, будетъ запрещеннымъ, словомъ, играютъ въ тѣ невинныя игры, которыя не всегда бываютъ невинными, и безконечная веселость увлекаетъ все общество въ эту игру. Самые благомыслящіе люди принимаютъ участіе въ этихъ потѣхахъ, и Марія-Антуанета пишетъ, въ эту эпоху, г-жѣ де-Ламбаль: „Прочла съ большимъ интересомъ о томъ, что дѣлается въ масонскихъ ложахъ, въ которыхъ вы предсѣдательствовали, и описаніемъ которыхъ вы такъ позабавили меня. Я вижу, что тамъ пре-

---

[1]) „Свѣдѣнія о степени кадошей я не взялъ просто изъ книгъ Монжуа или Лефранка,—я получилъ ихъ отъ самихъ посвященныхъ“... (Barruel, Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme, t. II, p. 220, Hambourg, 1803).

даются только невиннымъ развлеченіямъ, и что тамъ дѣлаютъ также добро“ [1]).

Не существовало ли, однако, поводовъ остерегаться? Да, и нѣкоторыя государства, съ половины XVIII столѣтія, довольно безцеремонно изгоняли этихъ франкъ-масоновъ или „вольныхъ каменщиковъ“, которые во Франціи такъ усердно старались забавлять французовъ, заставлять ихъ плясать, щекотать ихъ суетность. Кромѣ того, папа Климентъ XII издалъ противъ нихъ довольно внушительную буллу, въ которой сравниваетъ ихъ съ „ворами, вламывающимися въ домъ“ [2]). Можно было, слѣдовательно, съ этого момента уже не видѣть въ масонскихъ ложахъ только увеселительныя мѣста, какъ видѣла несчастная Марія-Антуанета, и одно зрѣлище дававшихся тамъ баловъ вызывало, впрочемъ, у многихъ невыразимое непріятное чувство. Они не могли сказать, почему именно испытывали такое чувство, но они испытывали его, и чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть слѣдующее мѣсто въ мемуарахъ Баррюэля. Онъ эмигрировалъ въ Лондонъ послѣ 1792 г., а ранѣе, передъ революціей, былъ, какъ и всѣ, настойчиво приглашаемъ принять участіе въ масонскихъ собраніяхъ.

„За послѣднія лѣтъ двадцать, разсказываетъ онъ, трудно было встрѣтить во Франціи людей, не принадлежащихъ къ масонскому обществу. Были таковые и между моими знакомыми, въ томъ числѣ такіе, уваженіемъ и дружбой которыхъ я дорожилъ. Съ обычнымъ рвеніемъ молодыхъ адептовъ, они уговаривали меня записаться въ ихъ братство. На мой постоянный отказъ, они порѣшили завербовать меня противъ моей воли. Для исполненія этого плана, меня приглашаютъ на обѣдъ къ одному пріятелю, гдѣ я оказываюсь единственнымъ профаномъ среди масоновъ. Обѣдъ конченъ, слуги отосланы, предлагаютъ образовать изъ присутствующихъ ложу и посвятить меня. Я упорно отказываюсь и особенно рѣшительно отказываюсь дать клятву хранить секретъ, предметъ котораго мнѣ неизвѣстенъ. Отъ клятвы меня освобождаютъ. Я все-таки сопротивляюсь. Настойчиво упрашиваютъ. Я упорствую. Вмѣсто возраженій, присутствующіе составляютъ изъ себя ложу, и тогда начинаются всѣ тѣ обезьянства и дѣтскія церемоніи, описаніе которыхъ находимъ въ разныхъ масонскихъ книгахъ. Я стараюсь улизнуть; аппартаменты обширные, домъ уединенный, слугамъ данъ приказъ, всѣ двери заперты. Приходится покориться. Меня допрашиваютъ, я отвѣчаю на всѣ вопросы со смѣхомъ; и вотъ меня

---

[1]) Feuillet de Conches, цитируемый въ Souvenirs du comte de Virieu, par le marquis Costa de Beauregard.

[2]) См. Документы.

объявляютъ ученикомъ, а вслѣдъ затѣмъ и подмастерьемъ. Вскорѣ нужно возвести меня въ третью степень—въ степень мастера. Тутъ меня ведутъ въ обширную залу. До сихъ поръ я видѣлъ только шутку, ребячество, и не выказалъ неудовольствія ни однимъ отвѣтомъ. Наконецъ, вдругъ слышу слѣдующій вопросъ, который мнѣ задаетъ съ важнымъ видомъ „достопочтенный“: „расположены ли вы, мой братъ, исполнять всѣ приказанія гросмейстера масонства, хотя бы даже вы получили противные приказы отъ короля, императора или какого-либо другаго государя“? — Отвѣчаю: нѣтъ! — „Достопочтенный“ удивленъ: „Какъ! нѣтъ? Вы, значитъ, пришли къ намъ только за тѣмъ, чтобы выдать наши секреты? Вы, вѣрно, не знаете, что изъ всѣхъ нашихъ мечей нѣтъ ни одного, который бы не былъ готовъ пронзить сердце предателей“! Въ этомъ вопросѣ и сопровождавшихъ его угрозахъ я все еще видѣлъ только шутку, но тѣмъ не менѣе отвѣчалъ на него отрицательно. За исключеніемъ „достопочтеннаго“, вся братія хранила угрюмое молчаніе, хотя, въ глубинѣ души, они потѣшались этой сценой. Она становилась все серьезнѣе между „достопочтеннымъ“ и мной. Онъ не сдавался и все повторялъ свой вопросъ. Наконецъ, мнѣ надоѣло это. Глаза у меня были завязаны, я срываю повязку, бросаю ее на полъ, и, топнувъ ногой, отвѣчаю—нѣтъ! тономъ крайняго нетерпѣнія. Вся ложа рукоплещетъ мнѣ, въ знакъ одобренія; „достопочтенный“ восхваляетъ мое постоянство: „вотъ, говоритъ онъ, люди, какихъ намъ нужно, люди съ характеромъ, умѣющіе быть твердыми“!.. Какой былъ, однако, нѣсколько лѣтъ спустя, эпилогъ этой шутки? „Долженъ, прибавляетъ Баррюэль, отдать справедливость принявшимъ меня, что, во время революціи, всѣ они показали себя добрыми роялистами, за исключеніемъ „достопочтеннаго“, который бросился въ якобинство“.

Такимъ образомъ общество, непосредственно предшествовавшее революціи, было, такъ сказать, общество „масонизированное“.

Оно „омасонилось“ для забавы, но тѣмъ не менѣе „омасонилось“. Эта атмосфера, внѣ которой нельзя и пытаться разсматривать ту эпоху, подъ опасеніемъ не увидѣть въ ней ничего въ истинномъ свѣтѣ. Вездѣ есть, въ этотъ моментъ, какъ въ сценѣ, разсказанной Баррюэлемъ, два-три десятка масоновъ, которые сдѣлались таковыми подъ вліяніемъ моды, изъ снобизма, изъ потребности увеселеній, и между ними нѣкоторый „братъ“, по виду такой же, какъ и они, но въ дѣйствительности не такой, какъ они, и который явился туда, какъ выражается папская булла, для того, чтобы „произвести взломъ“, въ то время, когда другіе развлекаются играми и танцами. И уже за тридцать или сорокъ лѣтъ до революціи „масонизмомъ“ до того была пропитана окружающая атмосфера, что философы, въ

дѣйствительности, не распространяютъ свою философію просто посредствомъ своихъ сочиненій, а составляютъ по-масонски заговоры для ея распространенія... Послушайте Вольтера въ его корреспонденціи: „нужно“, пишетъ онъ, „дѣйствовать какъ заговорщики, а не какъ ревнители... Пусть истинные философы составятъ братство на манеръ масоновъ... Пусть тайны Митры не будутъ разглашаемы... Наносите удары и прячьте вашу руку...“ Маркграфиня Байрейтская, принцесса Вильгельмина, становится для него „сестрой Гильеметтой“, и сама она адресуетъ ему письма, начинающіяся словами: „сестра Гильеметта брату Вольтеру“. Онъ самъ сознается, въ письмахъ получившихъ громкую извѣстность, что „причащается“ лицемѣрно, чтобы лучше обманывать людей. Однажды онъ предпринимаетъ цѣлую интригу, направленную къ возстановленію Іерусалимскаго храма [1]). Другой разъ, онъ, вмѣстѣ съ д'Аламберомъ, ведетъ интригу, имѣющую цѣлью побудить Людовика XV основать во всемъ королевствѣ даровыя профессіональныя школы, гдѣ бы, подъ прикрытіемъ, якобы, профессіональнаго обученія, тайкомъ проповѣдывалось народу возмущеніе. Бертэнъ, управитель королевской шкатулки, рѣшился, наконецъ, разстроить этотъ замыселъ. Онъ произвелъ слѣдствіе, и что же открылъ? Цѣлый заговоръ книгоношъ, которые ходили по деревнямъ и продавали, по ничтожнымъ цѣнамъ, зажигательныя брошюры, которыя имъ доставляли даромъ въ огромныхъ количествахъ [2]). Къ этому заговору присоединились и многіе школьные учителя, особенно въ окрестностяхъ Льежа, гдѣ они читали дѣтямъ, въ тайныхъ собраніяхъ, книги, которыя имъ присылались цѣлыми тюками. И учителя эти были именно тѣ, которые публично, по примѣру Вольтера, и какъ бы по данному паролю, исполняли свои религіозныя обязанности съ самымъ демонстративнымъ благочестіемъ!

Слишкомъ двадцать лѣтъ спустя, въ 1789 г., въ промежутокъ времени между ужасами штурма Бастиліи и ужасами октябрьской рѣзни, нѣкто Леруа, лейтенантъ королевской охоты, говорилъ съ рыданіями на обѣдѣ, о которомъ разсказываетъ Баррюэль и который происходилъ у д'Анжевилье, смотрителя королевскихъ зданій:

„Я былъ секретаремъ комитета, которому вы обязаны этой революціей, и я умру отъ скорби и угрызеній совѣсти!... Засѣданія этого комитета происходили у барона Гольбаха... Наши главные члены были д'Аламберъ, Тюрго, Кондорсе, Дидро, Лагарпъ и Ла-

[1]) Письма къ д'Аламберу, 1761, 1763, 1768 гг., цитируемыя Баррюэлемъ въ Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme, и письма къ императрицѣ Екатеринѣ II, 1771 г.

[2]) Barruel, Mémoires, t. I, ch. XVII.

муаньонъ, который впослѣдствіи застрѣлился въ своемъ паркѣ!... Большая часть этихъ книгъ, которыя съ давняго времени появлялись противъ религіи, нравственности и правительства, были сочинены нами, и мы посылали ихъ книгоношамъ, которые получали ихъ даромъ или почти даромъ и продавали по самой низкой цѣнѣ... Вотъ что измѣнило этотъ народъ и привело его въ то состояніе, въ которомъ вы видите его теперь... Да, я умру отъ скорби и угрызеній совѣсти"...

Это свидѣтельство Баррюэля, эти угрызенія совѣсти Леруа за обѣдомъ у д'Анжвилье, можно ли оспаривать? Нѣтъ! Ибо вотъ датированныя мартомъ мѣсяцемъ 1763 г. письма Вольтера, которыя подтверждаютъ ихъ переднимъ числомъ:

„Почему поклонники разума, писалъ онъ тогда Гельвецію, пребываютъ въ молчаніи и въ боязни? Кто имъ мѣшаетъ обзавестись маленькой типографіей и давать полезныя и краткія сочиненія, которыхъ ихъ друзья были бы единственными хранителями? Такъ именно поступили тѣ, кто напечаталъ послѣднюю волю этого добраго и честнаго священника Мелье..." И онъ прибавляетъ: „Такимъ образомъ сочиненіямъ, Pedagogue chrétien и Pensez-y-bien противопоставляютъ небольшія книжки философскаго содержанія, которыя стараются ловко распространять повсюду. Ихъ не продаютъ, а даютъ надежнымъ людямъ, которые раздаютъ ихъ молодымъ людямъ и женщинамъ"...

Въ дѣйствительности, философскій заговоръ очень мало развратилъ народъ, по той простой причинѣ, что народъ не умѣлъ читать. Онъ особенно отравилъ высшіе классы. Но эта философія, обращающаяся въ заговоръ и замышляющая въ тайнѣ, съ масками и измѣнами, примѣненіе своихъ доктринъ, не есть ли уже полная характеристика для данной эпохи? И она, однако, еще только полу-заговоръ. Она представляетъ собой лишь прелиминаріи, и только съ иллюминизмомъ выступитъ на сцену настоящій заговоръ дикаго разрушенія, возвѣщающій заранѣе всѣ ужасы террора.

Иллюминизмъ мало или почти совсѣмъ не извѣстенъ, а между тѣмъ это онъ, въ весьма большой части, взволновалъ и и обагрилъ кровью міръ, немного болѣе столѣтія тому назадъ. И непосредственное продолженіе иллюминизма понынѣ потрясаетъ или угрожаетъ міру. Основателемъ иллюминизма былъ нѣмецъ, Вейсгауптъ, профессоръ каноническаго права въ ингольштадской коллегіи. Въ самомъ Ингольштадтѣ, гдѣ онъ преподавалъ, Вейсгауптъ, въ 1776 г., положилъ въ тайнѣ основы секты, и вотъ, какъ видно изъ его корреспонденціи, писаныхъ инструкцій и устава, что́ представляло изъ себя это сообщество.

Послушайте сначала изложеніе доктрины:

„Природа извлекла людей изъ дикаго состоянія и соединила ихъ въ гражданскія общества. Теперь новые союзы, т. е. тайныя общества представляются болѣе разумному выбору, и чрезъ нихъ мы возвращаемся въ то состояніе, изъ котораго вышли (т. е. въ дикое состояніе), не для того, чтобы снова проходить прежній кругъ, а для того, чтобы лучше пользоваться нашей судьбой...“ Цѣль и доктрина иллюминизма, слѣдовательно, совершенно ясны: это, собственно говоря, возвратъ въ дикое состояніе. Мы вышли изъ него, нужно вернуться туда и только установить новый дикій бытъ, среди этого усовершенствованнаго лѣса, какимъ можетъ сдѣлаться цивилизація. Теперь послушайте развитіе этого ученія: „Съ возникновеніемъ націй и народовъ міръ пересталъ быть большой семьей... великія узы природы были порваны... Національнизмъ или національная любовь заняла мѣсто общей любви. Тогда стало добродѣтелью расширяться на счетъ тѣхъ, кто не находился подъ нашей властью. Эта добродѣтель была названа патріотизмомъ, и патріотомъ назывался тотъ, кто, справедливый въ отношеніи своихъ, несправедливый въ отношеніи чужихъ, принималъ за совершенства пороки своего отечества...“

Такимъ образомъ, иллюминизмъ первымъ дѣломъ хочетъ разрушить отечество, но онъ не останавливается на этомъ и намѣчаетъ затѣмъ къ упраздненію то, что онъ называетъ локализмомъ, и, наконецъ, самую семью. „А тогда, продолжаетъ онъ, почему не дать этой любви къ отечеству еще болѣе тѣсные предѣлы? Почему не ограничить ее союзомъ гражданъ, живущихъ въ одномъ городѣ, или даже союзомъ членовъ одной и той же семьи?.. Оттого патріотизмъ породилъ локализмъ, затѣмъ семейный духъ. Такимъ образомъ, возникновеніе государствъ, правительствъ, гражданскаго общества было сѣменами раздора. Уменьшите, уничтожьте эту любовь къ отечеству, и люди снова научатся знать и любить другъ друга, какъ люди“... И иллюминизмъ благословляетъ по-масонски людей, которые не имѣютъ болѣе ни отечества, ни города, ни семьи, ни законовъ, и бродячія шайки которыхъ нигдѣ не поселяются осѣдло. Въ заключеніе онъ восклицаетъ, за десять лѣтъ до 1789 г.: „Да, государи и націи исчезнутъ съ лица земли! Да, настанетъ такое время, когда люди не будутъ болѣе имѣть другаго закона, кромѣ книги природы; переворотъ этотъ будетъ дѣломъ тайныхъ обществъ. Всѣ усилія государей помѣшать осуществленію нашихъ плановъ совершенно безполезны. Эта искра можетъ еще долго тлѣть подъ пепломъ, но день пожара придетъ!“ Какими же способами Вейсгауптъ предполагаетъ вести иллюминизмъ къ намѣченной цѣли? Какими путями и

какими средствами думаетъ онъ вернуть человѣчество въ дикое состояніе? Тутъ-то въ особенности и обнаруживается истинный характеръ иллюминизма: главное средство къ достиженію его цѣли, это— во всемъ и всегда глубокій секретъ, ложь и измѣна, точно предписываемыя или самое дикое насиліе, когда оно становится возможнымъ. Иллюминатъ можетъ имѣть всѣ пороки, но никогда не долженъ показываться иначе, какъ подъ самой безукоризненной наружностью добродѣтели. „Старайтесь, предписываетъ Вейсгауптъ въ своемъ кодексѣ, о совершенствѣ внутреннемъ и внѣшнемъ". А что онъ понимаетъ подъ этимъ двойнымъ совершенствомъ? Это достаточно объясняетъ слѣдующее предписываемое имъ тройное правило: „молчи, будь совершененъ, носи личину". Онъ организуетъ такимъ образомъ цѣлую систему тайной вербовки, возлагая исполненіе ея на „братьевъ", которыхъ называетъ многозначительнымъ именемъ „вкрадчивыхъ братьевъ". Онъ проектируетъ также женскій орденъ и формулируетъ его слѣдующимъ образомъ: „орденъ этотъ подраздѣляется на два класса, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особый секретъ: первый классъ состоитъ изъ женщинъ добродѣтельныхъ, а второй изъ женщинъ легкомысленныхъ". Точно также онъ тщательно опредѣляетъ роль адептовъ, по роду ихъ спеціальности. „Старайтесь вербовать, предписываетъ онъ „вкрадчивымъ братьямъ", мужчинъ статныхъ, красивыхъ молодыхъ людей; при умѣлой подготовкѣ ихъ, они болѣе пригодны для переговоровъ. Они не изъ тѣхъ, которымъ можно поручить вызвать мятежъ или поднять народъ, для чего нужно умѣть выбирать подходящихъ людей". Гдѣ же онъ будетъ вербовать своихъ адептовъ? Вездѣ, но особенно въ тѣхъ кругахъ, гдѣ не подозрѣваютъ, что онъ можетъ имѣть ихъ тамъ, и онъ приказываетъ: „вы должны безпрестанно составлять новые планы для того, чтобы видѣть какимъ образомъ можно въ вашихъ провинціяхъ, овладѣть общественнымъ воспитаніемъ, церковнымъ управленіемъ, каѳедрами преподаванія и проповѣди". Вновь завербованный адептъ прежде всего принимаетъ секретное прозвище, приноровленное къ его характеру, и которое онъ будетъ носить въ орденѣ. Затѣмъ отъ него требуютъ подробнаго описанія всей его жизни, и эта письменная исповѣдь всегда хранится, какъ средство удерживать его въ орденѣ на будущее время. Затѣмъ новопосвященнаго, незамѣтно для него, окружаютъ шпіонами, называемыми „братьями испытателями", при чемъ Вейсгауптъ указываетъ этимъ „испытателямъ", какъ программу, около полутора тысячъ вопросовъ относительно вкусовъ, связей, образа жизни, пороковъ и малѣйшихъ привычекъ испытуемаго. Такъ, между прочимъ, имъ вмѣняется въ обязанность узнать „любитъ ли онъ поспать, бываютъ ли у него сновидѣнія, говоритъ ли онъ во снѣ, легко или трудно раз-

будить его, и какое впечатлѣніе производитъ на него внезапное пробужденіе". Какую роль можетъ играть въ жизни иллюминатъ, выдержавшій всѣ эти испытанія? „Онъ можетъ установлять кодексъ, казаться исполняющимъ какую-либо общественную функцію, въ пользу тѣхъ самыхъ властей, низверженіе которыхъ должно быть его единственной цѣлью". И Вейсгауптъ заключаетъ слѣдующими словами: „Такимъ образомъ, всѣ члены этихъ обществъ, стремящіеся къ одной и той же цѣли, поддерживающіе другъ друга и проникнутые желаніемъ всемірной революціи, должны стараться господствовать невидимо, и безъ явнаго употребленія насильственныхъ средствъ, надъ людьми всякаго состоянія, всякой національности, всякой религіи, вдыхать повсюду одинъ и тотъ же духъ, въ величайшемъ молчаніи и съ проявленіемъ всевозможной дѣятельности". Затѣмъ, онъ прибавляетъ: „Разъ это господство установлено единеніемъ и многочисленностью адептовъ, пусть сила смѣнитъ невидимое господство! Свяжите руки всѣмъ сопротивляющимся! Покоряйте, подавляйте злобу въ самомъ зародышѣ! Раздавите всѣхъ остальныхъ людей, которыхъ вы не могли убѣдить!" Какую же физіономію хочетъ Вейсгауптъ придать въ свѣтѣ и обществѣ этому иллюминату, который долженъ такъ дико работать надъ ихъ разрушеніемъ? На этотъ счетъ инструкція гласитъ такъ: „онъ (иллюминатъ) долженъ казаться человѣкомъ, ищущимъ только покоя и удалившимся отъ дѣлъ [1])"...

Иллюминизмъ до такой степени соотвѣтствовалъ въ эпоху его появленія всему, что составляло основу всего масонства, что онъ поглотилъ и растворилъ въ себѣ съ 1780 по 1789 годъ, почти всѣ ложи, и уже въ 1782 г. насчитывалъ около трехъ милліоновъ адептовъ. Огромное большинство, впрочемъ, совершенно не знало всѣхъ этихъ инструкцій и всего этого разбойничьяго кодекса. Еще болѣе, конечно, оставалось ему неизвѣстнымъ то, что даже не было тамъ написано. Но обширное иллюминистское движеніе, тѣмъ не менѣе, увлекало ложи всѣхъ странъ, какъ прежде масонское движеніе увлекало общество, и Вейсгауптъ въ 1781 г. созвалъ на слѣдующій годъ въ Вильгельмсбадѣ большой конгрессъ всемірнаго масонства, куда прибыли делегаты массами изъ Франціи, Бельгіи, Швеціи, Италіи, Англіи, Испаніи, Америки, со всѣхъ концовъ земнаго шара! Правда ли, что на этомъ съѣздѣ, какъ говорили, была рѣшена, за десять лѣтъ впередъ, казнь Людовика XVI и предрѣшенъ почти весь терроръ? Можно утверждать во всякомъ случаѣ, что, три года спустя, въ 1785 г. на франкфуртскомъ съѣздѣ были рѣшены смерть короля шведскаго и Людовика XVI, какъ о томъ свидѣтельствуетъ письмо кардинала

[1]) См. въ Документахъ кодексъ и инструкціи Вейсгаупта.

Матье, архіепископа безансонскаго, цитируемое въ книгѣ Дрюмона „La France juive“.

„Въ здѣшнемъ краю, говоритъ кардиналъ Матье въ письмѣ отъ 7 апрѣля 1785 г., извѣстно одно обстоятельство, которое могу передать вамъ, какъ достовѣрное. Въ 1785 г. во Франкфуртѣ происходило собраніе масоновъ, на которое были приглашены два важныхъ человѣка, принадлежавшихъ къ тому обществу,—де-Реймонъ, инспекторъ почтъ и Мэръ-де-Булинье, президентъ парламента. На этомъ собраніи была рѣшена смерть короля шведскаго и Людовика XVI. Реймонъ и Булинье вернулись глубоко опечаленные, давъ себѣ слово никогда больше не заглядывать въ ложу и хранить секретъ про себя. Послѣдній пережившій сказалъ этотъ секретъ г. Бургону... Вы могли слышать разговоры о немъ здѣсь, ибо онъ оставилъ между нами добрую память, какъ о человѣкѣ честномъ, прямомъ и съ твердыми правилами. Я хорошо зналъ его и очень долгое время, ибо живу въ Безансонѣ уже сорокъ два года“.

Извѣстно также, какъ достовѣрный фактъ, что вильгельмсбадское собраніе въ 1782 г. имѣло эпилогъ въ родѣ печальныхъ откровеній несчастнаго Леруа. Графъ де-Вирье, на котораго иллюминаты разсчитывали, и который входилъ въ составъ французской делегаціи, вернулся съ конгресса пораженный ужасомъ, объявилъ, что покидаетъ секту, и говорилъ барону де-Жилье:

„Не открою вамъ, что произошло; могу только сказать, что все это гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы думаете. Заговоръ такъ хорошо составленъ, что монархіи и церкви невозможно будетъ избѣгнуть грозящей имъ опасности [1])“.

И не одинъ графъ де-Вирье вернулся съ конгресса, пораженный ужасомъ, и удалился изъ общества масоновъ. Были и другіе, поступившіе такъ же, и маркизъ Коста-де-Борегаръ разсказываетъ, въ Le roman d'un royaliste, трагическій конецъ одного изъ такихъ, виконта де-Валь, друга фамилій де-Вирье и Роганъ-Шабо. Виконтъ де-Валь получаетъ однажды письмо, очень смутившее его, говоритъ, что дѣло идетъ о какомъ-то свиданіи въ Фонтенебло, уѣзжаетъ туда, и дѣйствительно встрѣчается тамъ съ какими-то субъектами, въ которыхъ угадываютъ нѣмцевъ, судя по ихъ выговору. Затѣмъ они завтракаютъ вмѣстѣ, послѣ завтрака отправляются въ лѣсъ, и никто не возвращается оттуда. Прождавъ понапрасну четыре дня, кучеръ виконта возвращается одинъ въ Парижъ, и собака сторожа, нѣсколько недѣль спустя, открыла подъ кучей сухихъ листьевъ, во рву лѣса, мертвое тѣло, завернутое въ плащъ... Это былъ трупъ виконта де-Валь!

[1]) Marquis Costa de Beauregard, Le Roman d'un Royaliste: Souvenirs du comte de Virieu, p. 44.

Наконецъ, около того же времени, писатель Казотъ, принадлежавшій къ французскимъ иллюминатамъ, произнесъ на одномъ обѣдѣ слѣдующее якобы пророчество, осуществленіе котораго, очевидно, заключало въ себѣ отчасти совпаденіе, но которое прежде всего было, какъ и предсказанія Каліостро, основано, безъ всякаго сомнѣнія, на освѣдомленности предрѣшенныхъ будущихъ событіяхъ. Онъ говорилъ присутствовавшимъ на обѣдѣ, которыхъ очень забавляли эти прорицанія, за три или четыре года до 1789 г.: „вы, господинъ Бальи, и вы, господинъ де-Мальзербъ, вы оба умрете на эшафотѣ... Васъ, сударыня, отвезутъ въ телѣгѣ, со связанными на спинѣ руками, на мѣсто казни.—Но, господинъ пророкъ,—спросила у него, смѣясь, герцогиня де-Грамонъ,—не позволите ли вы мнѣ, по крайней мѣрѣ, исповѣдаться передъ смертью? — Нѣтъ, сударыня,—отвѣчалъ загадочный Казотъ,—нѣтъ, вамъ не дадутъ духовника, и послѣдній казнимый, который будетъ имѣть духовника, это будетъ король!“ [1])...

Вотъ мы и дошли до самой революціи, до того ряда трагическихъ дней, объясненія котораго не даютъ намъ историки, но который теперь, можетъ быть, станетъ для насъ яснымъ при свѣтѣ масонскихъ ложъ...

Каково было во Франціи и въ Парижѣ наканунѣ 1789 г. состояніе масонства? Мы констатируемъ здѣсь нѣсколько фактовъ капитальной важности. Первый фактъ—это самая статистика ложъ въ 1787 г., которую даетъ намъ аббатъ Баррюэль, и которая представляетъ слѣдующія цифры: „въ одной только Франціи таблица корреспонденціи гросмейстра, герцога Филиппа Орлеанскаго, показываетъ намъ не менѣе 282 городовъ, имѣющихъ каждый правильно организованныя ложи. Въ одномъ Парижѣ ихъ насчитывали 81, въ Ліонѣ—16, въ Бордо—7, въ Нантѣ—5, въ Марсели—6, въ Монпелье—10, въ Тулузѣ—10. Та же таблица корреспонденцій, напечатанная для употребленія братьями, показываетъ намъ управляемыя тѣмъ же гросмейстеромъ ложи въ Шамбери (Савойя), въ Локлѣ (Швейцарія), въ Брюсселѣ (Брабантъ), въ Кельнѣ, въ Льежѣ, въ Спа [2]). И всѣ эти ложи связаны между собой. Лозунгъ, пущенный изъ Парижа, несется во всѣ ложи, гдѣ каждый „достопочтенный“ обязанъ, по данной имъ клятвѣ, принять мѣры къ его исполненію. Это — масонская централизація, предшествующая централизаціи революціонной и дѣйствующая уже какъ огромный механизмъ... Второй фактъ: мы находимъ въ ложахъ Парижа всѣхъ тѣхъ дѣятелей, которыхъ встрѣтимъ, че-

---

[1]) Louis Blanc, Histoire de la Révolution française, liv. I, chap. III: Le révolutionnaires mystiques.

[2]) Barruel. Mémoires, t. V, chap. XI.

резъ два—три года, въ клубахъ, комитетахъ, бунтахъ, газетахъ и собраніяхъ. Такъ, въ ложѣ Девяти сестеръ мы видимъ Кондорсе, Бриссо, Гара, Бальи, Камилла Демулена, Фуркуа, Дантона, Шенье, Ламетри, Шанфора, Рабо-Сентъ-Этьена. Въ ложѣ la Candeur (непорочность) встрѣчаемъ Лафайета, братьевъ Ламбетъ, Лакло, Сильери, герцога д'Эгильонъ, пресловутаго д-ра Гильотена. Въ разныхъ другихъ ложахъ находимъ Фоше, Сійсса, дона-Герль, Карра, Шабо, Петіона, Барнава, Гаде, Мирабо, Дюпора, Пасторе, Марата, Робеспьера и вмѣстѣ съ ними значительное число аристократовъ, герцога Ларошфуко, князя де-Брольи, графа де-Кастелланъ, графа д'Омонъ, виконта де-Ноайль, графа де-Праленъ, маркиза де-Монталамберъ, виконта Дама, графа де-Монморенъ... Всѣ они, немного позднѣе, будутъ играть очень видную роль при началѣ революціонной драмы... Третій фактъ: всѣ эти ложи были иллюминизированы чрезъ посредство ложи Соединенныхъ друзей, помѣщавшейся въ улицѣ Сурдьеръ и состоявшей подъ предсѣдательствомъ Савалетъ-де-Ланжа. Этотъ Савалетъ-де-Ланжъ былъ хранителемъ королевской казны Людовика XVI, но потомъ, когда насталъ удобный моментъ, вдругъ объявился террористомъ [1]). Всѣ эти ложи имѣли, слѣдовательно, лозунгомъ одно изъ главныхъ предписаній иллюминистскаго кодекса: „Братъ-иллюминатъ можетъ для вида исполнять какую-нибудь общественную функцію, въ пользу тѣхъ самыхъ властей, низверженіе которыхъ должно быть его

---

[1]) „... Въ этомъ „Великомъ Востокѣ“ иностранной корреспонденціей болѣе спеціально завѣдывала, въ Парижѣ, ложа, называвшаяся ложей Соединенныхъ друзей, въ которой особенно отличался извѣстный революціонеръ Савалетъ-де-Ланжъ. Этотъ адептъ, занимавшій должность хранителя королевской казны, т. е. почтенный всѣмъ довѣріемъ, какого могъ заслуживать самый вѣрный подданный, былъ въ то же время человѣкъ, участвовавшій во всѣхъ тайнахъ, во всѣхъ ложахъ и во всѣхъ заговорахъ. Чтобы соединить ихъ, онъ сдѣлалъ изъ своей ложи смѣсь всѣхъ системъ софистическихъ, мартинистскихъ и масонскихъ. Но чтобы больше импонировать публикѣ, онъ обратилъ свою ложу въ увеселительное мѣсто аристократіи. Мелодичная музыка, концерты и балы привлекали туда „братьевъ“ изъ высшаго общества; они пріѣзжали въ своихъ роскошныхъ экипажахъ. Вокругъ зданія ложи были разставлены сторожа для предупрежденія безпорядка отъ большаго скопленія каретъ и колясокъ. Празднества эти справлялись, такъ сказать, подъ покровительствомъ самого короля. Ложа была блестящая; крезы масонства доставляли средства на содержаніе оркестра, на освѣщеніе, на прохладительные напитки и на всѣ увеселенія, которыя они считали единственной цѣлью ихъ собраній; но въ то время, какъ „братья“, вмѣстѣ съ своими адептами прекраснаго пола, танцовали или воспѣвали, въ общей залѣ, сладости своей свободы и равенства, они не знали, что надъ ними засѣдаетъ тайный комитетъ, гдѣ все подготовлялось къ тому, чтобы распространить въ скоромъ времени это равенство за предѣлы ложи, на знатныхъ и богатыхъ, на замки и хижины, на маркизовъ и мѣщанъ...“ (Barruel, Mémoires, t. V, ch. XI).

единственной цѣлью...“ Четвертый фактъ, едва-ли не самый поразительный: это — капитальная перемѣна, введенная, въ это время, въ масонской вербовкѣ новыхъ членовъ. До этого времени ложи принимали въ свою среду только людей извѣстнаго общественнаго положенія, дворянъ, писателей, художниковъ, крупныхъ буржуа, или даже мелкихъ буржуа, но никогда не спускались ниже. Вдругъ, въ 1787 г., они начинаютъ принимать въ число своихъ членовъ дрягилей, носильщиковъ, бродягъ, плотовщиковъ, всякаго сорта грабителей и разбойниковъ, убійцъ и злодѣевъ по профессіи. Такъ же внезапно, по приказу гросмейстера, герцога Орлеанскаго, стали принимать массами солдатъ, такъ что ихъ офицеры, давніе масоны, покидаютъ ложи, чтобы не встрѣчаться тамъ, на равной ногѣ, со своими подчиненными [1]).

Такимъ образомъ, масонство, достигшее высшей степени распространенія, могущества и централизаціи; ложи Парижа, соединяющія въ себѣ людей, которые всѣ будутъ дѣятелями революціи; эти ложи, присоединившіяся къ иллюминизму, который преслѣдуетъ, путемъ заговора, возвратъ въ дикое состояніе и уничтоженіе національностей; наконецъ, бандиты и убійцы по ремеслу, вдругъ признанные достойными быть принятыми въ число „братьевъ“, такъ же, какъ и большое число солдатъ: вотъ что мы видимъ въ тотъ моментъ, когда начнется рядъ слѣдующихъ одно за другимъ, съ безпримѣрной стремительностью и быстротой, какъ быстрая смѣна картинъ оперы, революціонныхъ событій: появленіе клуба якобинцевъ, штурмъ Бастиліи, разгромы замковъ, паника, охватившая провинцію, октябрьскіе кровавые дни, 20 іюня, 10 августа, сентябрьскія избіенія, затѣмъ заточеніе короля, его осужденіе и казнь.

Сначала о клубѣ якобинцевъ... Что такое, собственно говоря, этотъ клубъ? Клубъ якобинцевъ, съ его центральнымъ клубомъ въ Парижѣ и его филіальными клубами въ провинціи, это—само масонство, съ его 282 городами, уже соединившимися въ ложи. Дѣйствительно ли клубъ этотъ непремѣнно хотѣлъ, съ какимъ-то тайнымъ умысломъ, называться клубомъ якобинцевъ, и для этой цѣли избралъ мѣстомъ своихъ собраній бывшій доминиканскій монастырь св. Іакова, потому что первые масоны Франціи были якобиты? Можетъ быть, и тутъ простое совпаденіе, но совпаденіе существуетъ: якобиты, якобинцы. Что касается уставовъ, регламентовъ, обычаевъ, какъ и нѣкоторыхъ особенностей словаря, то клубъ якобинцевъ въ точности воспроизводитъ масонство. Это тотъ же способъ допущенія въ число членовъ, та же внутренняя организація, тѣ же внѣшнія развѣтвленія, тѣ же обязательства, налагаемыя и принимаемыя, та же механическая система

[1]) Barruel, Mémoires, t. V, chap. II, p. 97.

передачи приказовъ и лозунгомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, масонство объявляло васъ подозрительнымъ, и это страшное слово „подозрительный", во время революціи, будетъ исходить отъ якобинцевъ. Другой обычай ложъ, какъ мы тоже видѣли, состоялъ въ томъ, что масонство объявляли въ опасности, и якобинцы будутъ объявлять отечество въ опасности... Еще въ масонствѣ былъ обычай вступающему въ общество накрывать голову шапкой, и у якобинцевъ тотъ же обычай надѣвать красную шапку.

Вотъ, слѣдовательно, уже якобинцы объяснены иначе, чѣмъ силой вещей и самопроизвольнымъ возникновеніемъ... Перейдемъ теперь къ 14 іюля, къ паникѣ, къ избіеніямъ и къ казни короля.

„14 іюля, разсказываетъ Луи Бланъ, какой-то незнакомецъ, на разсвѣтѣ, явился къ барону Безанваль. „Господинъ баронъ", сказалъ онъ ему коротко, „сегодня заставы будутъ сожжены... Не пытайтесь помѣшать этому. Вы только принесли бы въ жертву людей, не потушивъ пожара... [1])". Такъ и случилось, какъ сказалъ незнакомецъ. Вдругъ всѣ заставы запылали, банды выходятъ съ разныхъ сторонъ, всѣ съ одинаковой кокардой, солдаты покидаютъ свои гарнизоны, и всѣ кричатъ: къ Бастиліи! Въ то же время Парижъ покрывается баррикадами, опоясывается кольцомъ пожаровъ, и Бастилія взята приступомъ, ея защитники перебиты, ея комендантъ умерщвленъ,—все это къ великому удивленію публики, огромное большинство которой не понимало тогда рѣшительно ничего въ этомъ громовомъ сюрпризѣ.

Послѣ 14 іюля вдругъ и одновременно все королевство, изъ конца въ конецъ, на востокѣ, на западѣ, на сѣверѣ, на югѣ, въ мѣстностяхъ, отстоящихъ одна отъ другой, на полтораста, на двѣсти лье, было охвачено странной эпидеміей страха, о которой самый обстоятельный и драматическій разсказъ даетъ намъ Функъ-Брентано въ своей книгѣ „Les brigands" (Разбойники): „ужасный слухъ, разсказываетъ этотъ авторъ, распространился на всѣхъ пунктахъ территоріи: разбойники, говорили, внезапно появляются, грабятъ жилища, сжигаютъ посѣвы, убиваютъ женщинъ и дѣтей... Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ запада, омываемыхъ моремъ, возвѣщается не прибытіе разбойниковъ, а британское нашествіе... Англичане, говорили, идутъ вглубь страны, все истребляя на пути, грабя имущество, убивая жителей... Въ Дофинэ разсказывали о вторженіи савояровъ; въ Лотарингіи и въ Шампани говорили о нѣмецкихъ рейтарахъ и ландскнехтахъ, которые, будто бы, перешли границу, свирѣпые, какъ во времена религіозныхъ войнъ..." [2]). Въ Ангулемѣ возвѣщаютъ при-

[1]) Louis Blanc, Histoire de la Révolution française.
[2]) Frantz Funck—Brentano, Les Brigands.

бытіе пятнадцати тысячъ бандитовъ. Въ Сентъ-Этьенъ-де-Форе молва трубитъ, о вторженіи будто бы, четырехъ тысячъ разбойниковъ. Въ Либурнѣ подобныя розсказни вызвали такую тревогу, что была усилена милиція. Въ Лимузенѣ вдругъ былъ пущенъ слухъ, что всѣ мѣстечки и города пылаютъ въ огнѣ. Въ Орлеанѣ обезумѣвшіе отъ страха крестьяне вооружаются косами вилами и бѣгутъ, куда глаза глядятъ... И не было ни одной области, ни одного города, ни одной мѣстности, которые бы избѣгли этого внезапнаго крика ужаса, пронесшагося, въ теченіе тридцати шести часовъ, по всѣмъ пунктамъ территоріи: разбойники! или: англичане! или: савояры! или: нѣмцы! Повсюду, въ одинъ и тотъ же моментъ, вся Франція была напугана, устрашена крикомъ, исходящимъ какъ бы изъ однихъ устъ, распространяемымъ совершенно одинаковымъ способомъ на всемъ пространствѣ. государства.

А убійство Фуллона и Бертье!...

Послушаемъ еще Луи Блана: „20 іюля Фуллонъ находился въ деревнѣ, у г. де-Сартинъ, въ Вири, близъ Фонтенебло. Уѣзжая туда, онъ распорядился, чтобы получаемыя на его имя письма пересылали ему... Но ненависть, преслѣдовавшая Фуллона, была такъ распространена, что вмѣсто того, чтобы отдать ему присланныя письма, ихъ отнесли сельскому старшинѣ. Тотчасъ же звонятъ въ набатный колоколъ; крестьяне сбѣгаются; Фуллонъ открытъ и арестованъ“... Тутъ невольно приходитъ на умъ слѣдующее соображеніе. Вѣдь, даже въ 1789 г. для того, чтобы арестовать такъ рѣшительно, съ такимъ спокойствіемъ и усердіемъ, человѣка, противъ котораго не издано никакого распоряженія о личномъ задержаніи, нужно немного больше, чѣмъ неопредѣленная ненависть, какъ бы сильна она нибыла; нуженъ былъ тайный приказъ. Существовалъ ли такой тайный приказъ противъ Фуллона? И кѣмъ онъ былъ отданъ?... Но продолжаемъ. Фуллона, которому было семьдесятъ четыре года, привязали сзади телѣги и отвели въ Парижъ; „тамъ“, продолжаетъ Луи Бланъ, „около шести часовъ утра, его привели въ городскую ратушу, гдѣ появленіе его привело въ большое смущеніе членовъ постояннаго комитета“... Комитетъ рѣшилъ, „что онъ будетъ тайно отвезенъ, съ наступленіемъ ночи, въ тюрьму Сенъ-Жерменскаго аббатства“. Но—обстоятельство, заслуживающее быть отмѣченнымъ, арестъ Фуллона мгновенно сталъ извѣстенъ всему Парижу. И Луи Бланъ продолжаетъ: „Гревская площадь тотчасъ же наполнилась группами, которыя, повидимому, подстрекались какими-то субъектами элегантной наружности, свѣтскими людьми. Принялись кричать: „Фуллонъ! Фуллонъ! Мы хотимъ видѣть Фуллона“!... При видѣ этого лица, на которое старость наложила свою печать, толпа

успокоилась, и уже, казалось, склонялась къ жалости, какъ вдругъ раздался крикъ: пусть его приведутъ и подвергнутъ суду! Въ то же мгновеніе шайка бѣшеныхъ проникаетъ въ ратушу, опрокидываетъ часовыхъ, ломаетъ барьеры и врывается въ залу засѣданій постояннаго комитета“ [1])... И Фуллонъ подвергается мученію, затѣмъ повѣшенію, затѣмъ, уже мертвый, гнусному изуродованію, подвергается не толпой, напротивъ, вопреки волѣ толпы, а маленькой группой разъяренныхъ людей, которые по всѣмъ признакамъ были профессіональными убійцами...

А Бертье?... Его арестовали, мучили и умертвили въ тотъ же день, и обстоятельства его гибели даютъ, можетъ быть, еще болѣе убѣдительное доказательство. Онъ былъ въ Компьенѣ и спокойно переходилъ черезъ улицу, какъ вдругъ два каменщика соскакиваютъ съ лѣсовъ, на которыхъ работали, хватаютъ его и объявляютъ, что имѣютъ приказъ арестовать его. Затѣмъ онъ тоже былъ отведенъ въ Парижъ, гдѣ у заставы его ожидала приготовленная заранѣе телѣга, съ позорящими надписями. Потомъ онъ былъ убитъ въ условіяхъ еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ Фуллонъ... [2]).

Въ этомъ штурмѣ Бастиліи, въ этихъ тревожныхъ слухахъ, распространяемыхъ одновременно и какъ бы механически повсюду въ провинціи, въ арестѣ и казни несчастныхъ Фуллона и Бертье, не чувствуемъ ли мы чего-то непонятнаго, но что могло бы быть объяснено при свѣтѣ какого-нибудь косвеннаго указанія? Да, и дѣло объясняется просто, относительно паники, охватившей провинцію, когда мы только припомнимъ 282 города, соединенные въ масонскія ложи, на всѣхъ пунктахъ территоріи. Затѣмъ, что касается всего остальнаго, какъ и этой самой паники, то загадка раскрывается совершенно, когда прочтешь воспоминанія Бертрана де-Моллевиль, бывшаго министра Людовика XVI. Больше намъ абсолютно нечего узнавать послѣ слѣдующей все раскрывающей страницы этого автора: „Мирабо тоже былъ посвященъ въ секретъ второстепенныхъ махинацій, и всѣ эти тайны, знаніе которыхъ даетъ ключъ ко многимъ важнымъ событіямъ, которыя до того времени приписывали случаю, были открыты не только г. де-Монморену, но также королю и королевѣ, во многихъ секретныхъ бесѣдахъ, которыя ихъ величества имѣли съ самимъ Мирабо. Онъ разсказалъ имъ, что система террора, которая, собственно, и произвела революцію, получила начало въ филантропической партіи. Засѣданія этихъ комитетовъ происходили то у герцога Ла-Рошфуко, то въ небольшомъ домѣ герцога д'Омонъ,

[1]) Louis Blanc, Histoire de la Révolution française.
[2]) Ibidem.

близъ Версаля... Адріанъ Дюпоръ былъ допущенъ въ самыя секретныя собранія этой философской партіи; онъ взялъ на себя редактированіе плановъ и прочелъ свой докладъ... Послѣ продолжительныхъ дебатовъ по поводу этого доклада, Лафайетъ попросилъ слова и сказалъ Дюпору: „Вотъ, безъ сомнѣнія, очень большой планъ, но какія ваши средства къ исполненію его? Знаете ли вы такія средства, при помощи которыхъ можно бы было побѣдить всѣ сопротивленія, которыхъ нужно ожидать? Вы не указываете ни одного. Правда, я еще не говорилъ о нихъ, отвѣтилъ Дюпоръ, испустивъ глубокій вздохъ; я много размышлялъ объ этомъ, знаю вѣрныя средства, но они таковы, что я самъ содрогаюсь при мысли о нихъ“... Послѣ того, какъ собраніе, любопытство котораго онъ такимъ образомъ возбудилъ, дало ему всѣ завѣренія, какихъ онъ желалъ, онъ все еще притворялся не рѣшающимся объясниться. „Никогда не дерзну, возразилъ онъ самымъ лицемѣрнымъ тономъ, предложить вамъ средства, которыя оскорбятъ ваше чувство человѣколюбія... Однако, если вы рѣшительно требуете этого...—Да, да, мы требуемъ!—Въ такомъ случаѣ, милостивые государи, я повинуюсь вамъ... Непредвидѣнныя событія ввергли насъ, противъ нашей воли, въ революцію, которая произведетъ величайшія преступленія... Она слишкомъ далеко ушла впередъ, чтобы можно было вернуться вспять... Стать же во главѣ революціи можно только при помощи террористическихъ средствъ... Надо, слѣдовательно, несмотря на все наше отвращеніе къ подобнымъ средствамъ, покориться необходимости принести въ жертву нѣкоторыхъ видныхъ лицъ“... И онъ далъ понять, что Фуллонъ, разумѣется, долженъ быть первой жертвой, потому-де, что съ нѣкотораго времени много говорятъ о немъ, какъ о кандидатѣ на постъ министра финансовъ, и что всѣ убѣждены, что первымъ его дѣйствіемъ по назначеніи на эту должность будетъ объявленіе государственнаго банкротства... Затѣмъ онъ указалъ на парижскаго интенданта (губернатора) Бертье. „Всѣ, говорилъ онъ, вооружены противъ интендантовъ: они могутъ сильно препятствовать революціи въ провинціяхъ. Бертье всѣми ненавидимъ; нельзя помѣшать его убіенію: участь его испугаетъ его собратовъ, они сдѣлаются гибкими, какъ перчатки“... Герцогъ Ла-Рошфуко былъ пораженъ соображеніями Дюпора и въ концѣ концовъ принялъ, какъ и всѣ другіе члены комитета, предложенный имъ планъ и средства исполненія. Соотвѣтственныя этому плану инструкціи были даны главнымъ агентамъ департамента инсуррекцій, который уже былъ организованъ“ [1])... И нѣсколько дней спустя, послѣдовали одно за другимъ упомянутыя

[1]) Bertrand de Molleville, Histoire de la Révolution, t. IV.

выше событія: пожары парижскихъ заставъ, штурмъ Бастиліи, убіеніе де-Лоне, убіеніе Флесселя, убіеніе Фуллона, убіеніе Бертье, распространеніе, въ одну недѣлю, паники во всей Франціи [1]).

А что это за партія, о которой упоминаетъ Бертранъ-де-Молльвиль подъ именемъ филантропической? Партія эта сама входила въ составъ клуба, который титуловалъ себя „клубомъ пропаганды", и о которомъ приведена въ сочиненіи о. Дешана Sociétés secrètes et la Société слѣдующая замѣтка, найденная нѣкогда въ бумагахъ кардинала де-Берни: „Списокъ почтенныхъ членовъ, оставляющихъ клубъ Пропаганды. Клубъ этотъ имѣетъ цѣлью, какъ всѣмъ извѣстно, не только утвердить революцію во Франціи, но и ввести ее у всѣхъ другихъ народовъ Европы и низвергнуть всѣ нынѣ существующія правительства". И замѣтка даетъ длинный рядъ именъ, гдѣ фигурируютъ, между прочимъ: герцогъ Ла-Рошфуко, герцогъ д'Омонъ, Лафайетъ, Мирабо, Адріанъ Дюпоръ, Гара, Кондорсе, Клавьеръ, Барнавъ, Шапелье, Петіонъ, братья Ламетъ, Геро-де-Сешель, Робеспьеръ, Фурнье—американецъ, Бойль—ирландецъ, де-Санъ-Севаранда—испанецъ; Вернъ—швейцарецъ; аббатъ Грегуаръ, Барреръ, аббатъ Фоше, Жерменъ, шуринъ Неккера [2]). И всѣ эти имена—это имена ложъ всего свѣта, отъ ложъ Парижа до ложъ Америки, проходя черезъ ложи Испаніи, Ирландіи и Швейцаріи. Это парижскій синдикатъ всемірнаго масонства, осуществляющій на практикѣ, посредствомъ террора, иллюминистское предписаніе: „Пусть сила смѣнитъ невидимое господство! Раздавите весь остатокъ людей, которыхъ вамъ не удалось убѣдить!... Искра можетъ долго тлѣть подъ пепломъ, но день пожара настанетъ"!... День пожара наступилъ, и если послѣ всего сказаннаго можетъ еще оставаться хотя малѣйшее сомнѣніе на счетъ правильнаго сотрудничества вождей масонскаго заговора съ поджигателями и профессіональными убійцами, то оно совершенно исчезнетъ, когда прочтешь слѣдующія строки воспоминаній Баррюэля: „Мнѣ очень непріятно, но не могу умолчать объ этомъ; честные масоны содрогнутся, но нужно, чтобы они знали, какимъ извергамъ

[1]) Справедливость требуетъ припомнить здѣсь, что герцогъ Ла-Рошфуко, очевидно, обманутый, какъ и всѣ вельможи той эпохи, насчетъ того, что ложи предоставляли себѣ сдѣлать въ своихъ „заднихъ секретахъ", противился, съ рѣдкимъ мужествомъ, съ 1791 г., всѣмъ злодѣяніямъ, слѣдовавшимъ за первыми насиліями 1789 г. Извѣстно, какъ онъ былъ убитъ въ провинціи, послѣ его ухода изъ законодательнаго собранія. Онъ умеръ, очевидно, жертвой тѣхъ самыхъ ложъ, къ которымъ принадлежалъ, и которыя поразили въ немъ адепта, отказавшагося слѣдовать за ними до конца. См. Les gentilshommes démocrats, par le marquis de Castillane. Paris, Plon Nourrit.

[2]) Le P. Deschamps, Les Sociétés secrètes et la Société, t. I, p. 546 et suiv. См. Документы.

были открыты ихъ ложи. Во всякій моментъ мятежа, въ ратушѣ ли или въ другомъ мѣстѣ, вѣрными знаками союза, вѣрнымъ средствомъ брататься съ разбойниками были знаки масонскіе. Въ самый моментъ избіеній, палачи протягивали по-масонски руку тѣмъ изъ простыхъ зрителей, которые близко подходили къ нимъ. Я видѣлъ одного простолюдина, который показывалъ мнѣ масонскую манеру, съ какой палачи подавали ему руку, и который былъ оттолкнутъ ими съ презрѣніемъ, потому что онъ не умѣлъ отвѣтить, какъ слѣдовало, тогда какъ другіе, болѣе знающіе, были по тому же знаку встрѣчаемы улыбкой посреди кровавой расправы"... [1]).

Нужно сократить... Но вся или почти вся революція и, въ самой революціи, почти всякій революціонный день объясняется, такимъ образомъ, постояннымъ заговоромъ ложъ, гдѣ два средства махинаціи, согласно точнымъ предписаніямъ Вейсгаупта, никогда, ни на одну минуту не перестаютъ дѣйствовать,—широко распространенная измѣна и самое дикое насиліе. Факты измѣны наполнили бы цѣлые томы. Король и королева, хотя имѣвшіе еще около себя нѣсколько вѣрныхъ и преданныхъ слугъ,—какъ, напримѣръ, де-Мандата, впослѣдствіи убитаго только за эту свою вѣрность,—были, въ дѣйствительности, сплошь окружены измѣнниками. Таковъ этотъ Савалетъ-де-Ланжъ, такъ умно приставленный къ храненію королевской казны! Таковъ министръ Некеръ, котораго путемъ правильнаго заговора навязали Людовику XVI, только затѣмъ, чтобы погубить его! Такова эта дама Рошрейль, которая разыгрываетъ комедію преданности королевѣ, для того, чтобы быть приближенной къ ея особѣ, и которая затѣмъ тайно доноситъ комитету розысковъ о всѣхъ приготовленіяхъ къ бѣгству въ Варенны!

---

[1]) „... Я видѣлъ даже одного аббата, котораго этотъ масонскій знакъ спасъ отъ разбойниковъ въ ратушѣ. Правда, что его масонская наука мало помогла бы ему безъ переодѣванья, ибо разбойники, отъ которыхъ ему удалось ускользнуть, разыскавали его потомъ, когда имъ сказали, что это былъ аббатъ! Правда также, что масонскій знакъ былъ бы совершенно безполезенъ „братьямъ", признаннымъ за такъ называемыхъ „аристократовъ"; но масонскіе аббаты и аристократы могли уже по одному этому обстоятельству понять, какъ они обманывались насчетъ братства держателей скрываемыхъ отъ нихъ болѣе важныхъ секретовъ... (Barruel, Mémoires, t. V, ch. XII).

„... Нѣкоторые изъ этихъ разбойниковъ, обыкновенно нанимаемыхъ на мятежъ дня, возвращались съ работы домой въ одиннадцатомъ часу вечера; мнѣ случалось слышать ихъ прощанье, которое происходило громко, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „сегодня было не дурно; прощай; но мы разсчитываемъ на тебя завтра.—Хорошо, завтра; въ которомъ часу?—Къ открытію Законодательнаго Собранія.—У кого лозунгъ? — Да, по обыкновенію, у Мирабо, Шапелье или Барнава"... До этого момента я не подозрѣвалъ объ аудіенціи, которую эти законодатели давали каждый день разбойникамъ"... (Barruel, тамъ же).

Такова же сама г-жа Неккеръ, жена министра финансовъ, которая пишетъ своему брату, масону Жерменъ, въ моментъ октябрьскихъ избіеній, когда шайки убійцъ врываются въ Версальскій замокъ съ намѣреніемъ умертвить короля и королеву: „Будь спокоенъ, все пойдетъ хорошо“ [1]).

И дѣйствительно, дѣло идетъ объ убійствѣ короля; но пока дѣло это еще не легкое: онъ еще, такъ сказать, слишкомъ хорошо защищенъ самимъ воздухомъ и землей королевства. Тѣмъ не менѣе цѣль будетъ достигнута, это только вопросъ времени, и ложи позаботятся о скорѣйшемъ ея достиженіи. Онѣ всегда все устраивали, начиная съ 1789 года, съ памятнаго дня 17 іюля, когда Людовикъ XVI, по прибытіи въ ратушу, уже видѣлъ батальонъ простирающимъ надъ его головой то, что масонскій ритуалъ называлъ стальнымъ сводомъ; и онѣ же устроятъ все, вплоть до казни, которая и сама будетъ исполненіемъ другаго обряда! Онѣ дѣйствуютъ, такимъ образомъ, въ дни 5 и 6 октября, когда король избѣгнулъ опасности, затѣмъ въ день 20 іюня, когда онъ еще разъ избѣгнулъ, затѣмъ въ день 10 августа, когда онъ уже не избѣгнулъ, но чуть было не избѣгнулъ! И даже такъ мало нужно было для того, чтобы избѣгнуть тогда грозившей опасности, что революція, въ концѣ концовъ раздавившая короля, въ этотъ день чуть сама не была сокрушена имъ, какъ о томъ имѣется положительное свидѣтельство, о которомъ до сихъ поръ не упоминалъ ни одинъ историкъ, но которое, повидимому, должно считать вполнѣ серьезнымъ. Если бы Людовикъ XVI не послалъ, изъ Законодательнаго Собранія, приказа защитникамъ Тюильрійскаго дворца прекратить огонь, то теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что революція была бы сокрушена: она обратилась бы въ простой кризисъ, какіе уже не разъ переживала монархія. Что Людовикъ XVI, впрочемъ, могъ послать этотъ приказъ, бывшій для него роковымъ, послать въ ту самую минуту, когда его побѣда не могла уже возбуждать никакого сомнѣнія,—этого никто никогда не могъ понять, даже зная, до чего могла доходить его слабохарактерность! Наполеонъ, присутствовавшій при дѣлѣ, еще на островѣ св. Елены, выражалъ крайнее изумленіе, когда думалъ объ этомъ; а историки тутъ, въ особенности, чтобы объяснить необъяснимое, всѣ взываютъ къ мистическимъ причинамъ. Между тѣмъ, на основаніи свидѣтельства депутата Шудье, впослѣдствіи члена конвента и цареубійцы, свидѣтельства, которое содержатъ его мемуары, недавно вышедшіе въ свѣтъ, позволительно думать, что Людовикъ XVI никогда не давалъ приказа, который нанесъ въ этотъ день смертельный ударъ французской монархіи, и что

[1]) Barruel, Mémoires, t. V, p. 125.

онъ не только не давалъ такого приказа, но, напротивъ, отказался даже, своимъ жестомъ, приказать что-либо иное, кромѣ сопротивленія до послѣдней крайности. И Шудье, въ самомъ дѣлѣ, торжественно объявляетъ: „Король не сказалъ, услышавъ первый пушечный выстрѣлъ: „Я запретилъ стрѣлять“, напротивъ, могу засвидѣтельствовать, что видѣлъ, какъ онъ выхватилъ ружье у одного изъ нашихъ гренадеровъ, стоявшаго на часахъ у дверей ложи Логографа (скорописца). Онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ!.. Я только-что передъ тѣмъ вернулся въ собраніе и помѣстился близъ трибуны, напротивъ ложи Логографа; могу увѣрить, что никто не подходилъ къ королю, и что ни д'Эрвильи, ни кто-либо другой не могъ получить приказа прекратить огонь“ [1])!..

Но вѣдь этотъ приказъ „о прекращеніи огня“,—могутъ намъ возразить,—находится въ музеѣ Карнавале, написанный собственноручно королемъ? Въ томъ-то и дѣло, что его тамъ нѣтъ, и единственный приказъ, который можно тамъ видѣть, не написанный рукой Людовика XVI, а лишь подписанный имъ, это—приказъ, данный оставшимся въ живыхъ швейцарцамъ, разъ дѣло кончено и больше не на что было надѣяться, „положить оружіе“ и „удалиться въ свои казармы“ [2]).

Кто же, въ такомъ случаѣ, приходилъ, въ самый разгаръ борьбы, съ приказомъ перестать стрѣлять, кто принесъ этотъ приказъ, будто бы отъ имени короля, защитникамъ, которые, слушая его, не вѣрили своимъ ушамъ? Кто же, въ такой моментъ, и когда подобному приказу, въ виду его неправдоподобія, можно было повѣрить только при условіи, чтобы его принесъ одинъ изъ тѣхъ слугъ, которыхъ невозможно было подозрѣвать въ какой-либо измѣнѣ,—кто могъ быть этотъ вѣрный слуга?.. Былъ ли это д'Эрвильи, или кто-то другой? Ничего нельзя сказать! Но, зная уже Савалетъ-де-Ланжа во главѣ королевской казны, какъ не предположить, что были и другіе, ему подобные на другихъ постахъ, и что приказъ, отъ котораго погибла монархія, былъ измѣнически и обманно данъ однимъ изъ этихъ предателей? Во всякомъ случаѣ, такъ какъ мы имѣемъ подписанный королемъ приказъ о сложеніи оружія послѣ борьбы, то какъ объяснить, что у насъ нѣтъ приказа о томъ, чтобы перестать защищаться, отданнаго въ самый разгаръ дѣйствія?

И что произойдетъ затѣмъ для самой особы короля? Законодательное собраніе доминируется масонствомъ, но оно не масонство, и никогда не вотировало, какъ полагаютъ и какъ насъ всегда ложно учили, заточенія короля въ Тамплѣ! Нѣтъ, оно вотировало, что онъ

---

[1]) Victor Barrucand, Mémoires et notes de Choudieu, p. 148, Paris, Plon Nourrit, 1897.

[2]) См. въ Документахъ все, что относится къ этому подписанному Людовикомъ XVI приказу, находящемуся въ музеѣ Карнавале.

будетъ жить въ Люксембургскомъ дворцѣ. Но тутъ тотчасъ же вмѣшивается инсуррекціонная коммуна, тайно назначенная ложами въ ту же ночь. Она объявляетъ Люксембургъ трудно охранимымъ, предлагаетъ дворецъ Тампль, и куда же помѣщаетъ короля по прибытіи въ Тампль? Во дворецъ, который представлялъ изъ себя княжескія палаты и былъ одной изъ резиденцій графа д'Артуа? Нѣтъ, въ башню! Такимъ образомъ Законодательное Собраніе вотировало дворецъ, но тайная власть, болѣе сильная, чѣмъ оно, смѣется надъ его постановленіемъ и, вопреки этому постановленію, помѣщаетъ короля въ тюрьму, и при томъ въ тюрьму бывшихъ тампліеровъ [1])! А что происходитъ въ этотъ самый моментъ? Происходитъ слѣдующая странная вещь, о чемъ разсказываетъ намъ Баррюэль: какъ только пребываніе короля въ Тамплѣ было рѣшено, тотчасъ же большое число масоновъ разсыпаются по Парижу и повсюду кричатъ, къ общему изумленію, предаваясь восторгамъ радости: „король арестованъ, всѣ люди теперь равны и свободны! Мы не имѣемъ больше секретовъ! Наши тайны исполнены! Вся Франція обратилась въ одну большую ложу! Французы всѣ стали масонами и скоро весь міръ будетъ масонскимъ [2])"! Самое убійство короля, однако, еще не совершено, но оно скоро совершится, при томъ въ такихъ же точно условіяхъ, какъ и заключеніе въ тюрьму. Ибо никогда, опять таки вопреки всему, чему насъ всегда учили, никогда конвентъ самъ не вотировалъ смерти Людовика XVI! Въ статьѣ, напечатанной въ Revue de la Révolution и, къ сожалѣнію, оставшейся слишкомъ мало распространенной, какъ и все, что сторонники порядка должны бы были, напротивъ, распространять какъ можно обильнѣе, человѣкъ, серьезные труды и изслѣдованія котораго по этому вопросу появились въ печати уже двадцать лѣтъ тому назадъ, Густавъ Боръ, подробно разбираетъ, одинъ за другимъ, всѣ голоса членовъ собранія, и смертный приговоръ, произнесенный яко бы по большинству голосовъ, оказывается, даже по цифрамъ „Монитера", чистѣйшей ложью [3])! Король Франціи въ дѣйствительности былъ осужденъ на смерть не въ Парижѣ, а во Франкфуртѣ-на Майнѣ. Никогда, какъ это ни поразительно, этотъ смертный приговоръ не существовалъ въ дѣйствительности! На самомъ дѣлѣ это былъ лишь вымышленный, сфабрикованный вотумъ, и вотъ тому безспорное доказательство. Для того, чтобы засѣдать и вотировать въ конвентѣ, чтобы войти въ составъ образованнаго имъ изъ своей среды трибунала, необходимы были три условія: имѣть не менѣе двадцати-пяти лѣтъ отъ роду,

[1]) G. Lenôtre, Marie-Antoinette, p. 31 et suiv. Paris, Perrin.

[2]) Barruel, Mémoires.

[3]) Bord et d'Héricault, Revue de la Révolution, t. III, 1885. La Verité sur la condamnation de Louis XVI (article de Gustave Bord).

быть французомъ и быть внесеннымъ въ списокъ представителей. Но между членами, вотировавшими смертную казнь, мы находимъ одного, не достигшаго двадцатипятилѣтняго возраста, другаго, не принадлежащаго къ французской націи, пятерыхъ другихъ не значащихся въ спискѣ представителей. Сенъ-Жюстъ родился 25 августа 1769 г., и, слѣдовательно, имѣетъ, въ то время, только двадцать три года съ половиной отъ роду. Журналистъ Роберъ — бельгіецъ, не натурализованный, а вотировавшіе Гурье-Элуа и Дюфестель, изъ департамента Соммы, Бертранъ-де-Госдіесньеръ, изъ департамента Орны, и Лекиніо, изъ департамента Морбиганъ, не записаны, какъ депутаты. Кромѣ того, и обманъ становится тутъ еще болѣе грубымъ, департаменты, въ ту эпоху, одновременно съ выборомъ депутатовъ назначали также кандидатовъ къ нимъ, какъ заступающихъ ихъ мѣсто, но эти кандидаты, само собой разумѣется, не могли и не должны были подавать голосъ, кромѣ того случая, когда сами депутаты не вотировали. Между тѣмъ депутатъ Лантена, выбранный департаментомъ Верхней Луары, вотируетъ какъ представитель департамента Роны и Луары. Зачѣмъ? Единственно за тѣмъ, чтобы дать своему замѣстителю возможность вотировать, вмѣсто него, какъ представителю департамента Верхней Луары и, такимъ образомъ, присвоить себѣ, для вотированія казни, два голоса, вмѣсто одного, безъ всякаго права, безъ всякаго повода! Точно также Барра вотируетъ смерть королю, какъ замѣститель Дюбуа-Крансе, внесеннаго въ списокъ какъ депутатъ отъ департамента Варъ. Между тѣмъ, Дюбуа-Крансе въ то время не былъ еще депутатомъ этого департамента и, слѣдовательно, Барра вотируетъ какъ замѣститель не существующаго депутата! И это не единственный примѣръ. Кандидатъ Пине, отъ департамента Дордони, и кандидатъ Моно, отъ департамента Дубса, вотируютъ такимъ же манеромъ. Они подаютъ голосъ сами отъ себя, а не въ качествѣ чьихъ-либо замѣстителей.

Наконецъ, три члена конвента Дюко, Саличетти и Гарнье въ началѣ процесса отказались отъ участія въ качествѣ судей. Но вотъ насталъ часъ голосованія, результатъ голосованія начинаетъ казаться сомнительнымъ, и тогда они приходятъ все-таки вотировать, приходятъ вотировать смерть! Сколько же,—не говоря уже о многихъ другихъ нарушеніяхъ процессуальныхъ правилъ,—констатируемъ мы голосовъ, попросту ложныхъ? Мы констатируемъ ни болѣе, ни менѣе, какъ четырнадцать такихъ голосовъ! Сколькими же голосами была оффиціально вотирована смертная казнь? Большинствомъ одного голоса! Абсолютное большинство было триста шестьдесятъ одинъ голосъ, и вотумъ за смертную казнь собралъ триста шестьдесятъ одинъ голосъ! Конвентъ, въ дѣйствительности, самъ отвергъ этотъ смертный приговоръ, именно большинствомъ тринадцати голосовъ, но такъ же не

осмѣлился протестовать противъ не произнесеннаго имъ осужденія Людовика XVI, какъ ранѣе Законодательное Собраніе не дерзнуло возражать противъ не вотированнаго имъ заключенія короля въ тюрьму. И такимъ образомъ, какъ приказъ прекратить огонь принесенъ защитникамъ Тюильри, не бывъ никогда данъ; какъ заключеніе короля въ тюрьму рѣшено властью, которая никогда не была Законодательнымъ Собраніемъ, и вопреки голосованію Законодательнаго Собранія, какъ точно и смертная казнь рѣшена властью, которая никогда не была конвентомъ, и вопреки голосованію конвента. Какая же это власть? Одинъ членъ инсуррекціонной коммуны скажетъ намъ это,—муниципалъ Горетъ, объявляющій въ одномъ письменномъ показаніи: „Кто приказалъ принять всѣ эти предосторожности? Этого я не знаю, я не слыхалъ, чтобы онѣ обсуждались въ совѣтѣ, и мнѣ всегда казалось, что какая-то тайная и могущественная партія орудуетъ всѣмъ безъ вѣдома этого совѣта и даже безъ предсѣдательствующаго въ немъ мэра [1])". И такъ, мы пришли къ 21-му января 1793 г., когда, среди невиданнаго дотолѣ развертыванія вооруженной силы, въ городѣ, гдѣ на восемьдесятъ тысячъ полноправныхъ гражданъ нѣтъ и двухъ тысячъ, желающихъ смерти короля, отрубаютъ голову Людовику XVI, какъ уже за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ казнили символически въ масонскихъ ложахъ—манекенъ Филиппа Красиваго!

Не напрашивается ли само собой заключеніе послѣ этихъ фактовъ? Если революція, которую никто не смѣшиваетъ съ эволюціей, не есть великое человѣческое движеніе, въ которое много честныхъ людей вѣрили и еще вѣрятъ; если она не есть этотъ великій соціальный фактъ, происходящій естественно изъ глубокихъ интересовъ и потребностей; и если, напротивъ, она всегда была не что иное, какъ огромный bluff, направленный противъ всемірнаго христіанства, то все наше смущеніе, все наше душевное безпокойство становятся понятными и легко объясняются. Или революція есть движеніе естественное, провиденціальное, и тревога не можетъ всегда усиливаться вмѣстѣ съ увеличеніемъ успѣха революціонныхъ идей! Или революція есть лишь коварство и злоумышленіе громилъ, „посредствомъ взлома проникающихъ въ домъ", и тогда тревога становится понятной. Все объясняется. Наконецъ, и это будетъ мое послѣднее слово, теперь мы, можетъ быть, видимъ также, что исторію революціи нужно еще создать, и что мы совсѣмъ не знаемъ ея. Мы имѣемъ, слѣдовательно, передъ собой ясно указываемую задачу—изучить исторію революціи, во-первыхъ, для того, чтобы знать ее, а затѣмъ для того, чтобы быть въ состояніи преподавать ее Франціи.

---

[1]) G. Lenôtre, Marie-Antoinette, Relation du municipal Goret. Paris, Perrin.

Документы.

Отлучительная булла папы Климента XII противъ масоновъ.
„Такъ какъ божественное Провидѣніе поставило насъ, несмотря на нашу недостойность, на высшую каѳедру апостольской церкви, дабы непрестанно пещись о безопасности ввѣреннаго намъ стада Христова, то мы прилагали всѣ наши заботы, на сколько то позволяла помощь свыше, и употребляли все наше стараніе къ противоположенію пороку и заблужденію преграды, задерживающей ихъ распространеніе, особенно къ охраненію неприкосновенности правовѣрной религіи, и къ удаленію отъ вѣрующихъ, въ эти трудныя времена, всего, что могло бы породить смуту въ ихъ умахъ.

Мы узнали, и народная молва не позволяла въ этомъ сомнѣваться, что образовалось нѣкое общество, собраніе или товарищество, подъ именемъ „франкъ-масоновъ“ или „liberi muratori“, „вольныхъ каменщиковъ“, или подъ инымъ равнозначущимъ наименованіемъ, смотря по различію языковъ, общество, въ которое принимаются безразлично люди всякой религіи и всякой секты, которые подъ притворной внѣшностью естественной честности, которая отъ нихъ требуется и которою довольствуются, установили у себя нѣкоторые законы и статуты, связывающіе ихъ другъ съ другомъ, и въ особенности, обязывающіе ихъ, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, въ силу клятвы, данной на Св. Писаніи, хранить ненарушимый секретъ обо всемъ, что происходитъ въ ихъ собраніяхъ.

Но, какъ преступленіе само обнаруживается и выдаетъ себя, несмотря на всѣ принимаемыя предосторожности, чтобы скрыться, это сообщество, эти собранія сдѣлались столь подозрительными вѣрующимъ, что всякій благомыслящій человѣкъ смотритъ нынѣ на вступленіе туда, какъ на вѣрный признакъ нравственной испорченности вступающаго. Если бы ихъ дѣйствія были безупречны, они не прятались бы такъ старательно отъ свѣта. Оттого уже съ давняго времени большинство государей благоразумно изгоняли эти сообщества изъ своихъ владѣній. Они смотрѣли на людей этого сорта, какъ на враговъ общественной безопасности.

Вслѣдствіе сего, по зрѣломъ размышленіи о великомъ злѣ, происходящемъ обыкновенно отъ этихъ сообществъ, всегда вредныхъ для спокойствія государства, и которыя поэтому не могутъ согласоваться съ законами гражданскими и каноническими; наставляемые при томъ словомъ Божіимъ, что, въ качествѣ благоразумнаго и вѣрнаго служителя, выбраннаго для управленія стадомъ Христовымъ, мы должны быть постоянно на-сторожѣ противъ людей этого рода, изъ

опасенія, чтобы, по примѣру вора, они не вломились въ домъ, и чтобы, подобно лисицамъ, они не вторглись въ виноградникъ и не разнесли повсюду пагубу, т. е. не соблазнили простодушныхъ и не ранили тайно своими стрѣлами невинныя души.

Наконецъ, желая остановить теченіе этой порчи и воспретить путь, по которому можно бы было дойти безнаказанно до многихъ беззаконій, и по многимъ другимъ извѣстнымъ намъ и вполнѣ основательнымъ причинамъ, по обсужденіи дѣла вмѣстѣ съ нашими досточтимыми братьями кардиналами святой римской церкви, и согласно ихъ заключенію, а также по нашему собственному побужденію и по данной намъ апостольской власти, мы рѣшили осудить и запретить, какъ дѣйствительно осуждаемъ и запрещаемъ настоящимъ нашимъ постановленіемъ и навсегда, вышесказанныя общества и собранія масоновъ или называемыхъ какимъ-либо другимъ именемъ.

Посему мы категорически запрещаемъ всѣмъ вѣрующимъ, какъ мірянамъ, такъ и клирикамъ бѣлаго и монашествующаго духовенства, включая тѣхъ, которые должны быть особо поименованы, какого бы званія, состоянія или чина они ни были, вступать по какой бы то ни было причинѣ и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ въ вышеупомянутыя общества франкъ-масоновъ; благопріятствовать ихъ возрастанію; принимать или скрывать ихъ у себя или въ иномъ мѣстѣ; присутствовать въ ихъ собраніяхъ, облегчать устройство таковыхъ, доставлять имъ что бы то ни было; помогать имъ совѣтами; оказывать имъ благорасположеніе явно или тайно; уговаривать, склонять, побуждать кого-либо къ поступленію въ эти общества, къ посѣщенію ихъ собраній, къ оказанію имъ какой бы то ни было помощи и поддержки.

Мы приказываемъ имъ, напротивъ, устраняться отъ всякаго участія въ этихъ сообществахъ или собраніяхъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, которому будутъ подвергаемы нарушители, о коихъ идетъ рѣчь; отъ каковаго отлученія они могутъ быть впослѣдствіи разрѣшаемы не иначе, какъ нами или царствующимъ тогда первосвятителемъ, развѣ только передъ самой кончиной отлученнаго.

Хотимъ и приказываемъ, чтобы епископы, прелаты, настоятели монастырей и другія мѣстныя высшія духовныя лица выступали противъ нарушителей какого бы званія, состоянія, чина или сана таковые ни были; чтобы они старались обуздывать ихъ и чтобы они наказывали ихъ карами, какихъ они заслуживаютъ, какъ люди, очень подозрительные по ереси.

Для этой цѣли мы даемъ всѣмъ и каждому изъ нихъ полномочіе преслѣдовать и наказывать ихъ судебнымъ порядкомъ и прибѣгать, въ случаѣ надобности, къ свѣтской власти.

Мы хотимъ также, чтобы копіи настоящей буллы имѣли ту же силу, какъ и подлинникъ, если онѣ будутъ снабжены подписью публичнаго нотаріуса и печатью какого-либо духовнаго лица.

Да не дерзнетъ никто возражать противъ настоящаго объявленія, осужденія и запрещенія; осмѣлившійся сдѣлать это пусть знаетъ, что онъ навлечетъ на себя гнѣвъ Бога и его блаженныхъ апостоловъ св. Петра и св. Павла.

Дано въ Римѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1738, мая 4, нашего же первосвятительства восьмое".

Вейсгауптъ и иллюминизмъ. Извлеченія изъ „Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme, par l'abbé Barruel. Hambourg, chez P. Fauché, 1803":

„Считая долгомъ передъ читающей публикой дать отчетъ о сочиненіяхъ, изъ которыхъ я извлекалъ свои доказательства, представляю здѣсь списокъ главныхъ источниковъ, сопровождая ихъ замѣткой, достаточной для того, чтобы судить объ ихъ достовѣрности.

1. Первое изъ этихъ произведеній есть сборникъ, озаглавленный: „Часть подлинныхъ записокъ иллюминистской секты, открытыхъ въ Ландсгутѣ, во время обыска, произведеннаго у бывшаго надворнаго совѣтника, г. Цвахъ, 11 и 12 октября 1786 г., и напечатанная по приказанію его электоральнаго высочества. Мюнхенъ, у Ант. Франсуа придворнаго типографа" [1]).

2. Второй источникъ составляетъ дополненіе къ этимъ „Подлиннымъ запискамъ", содержащее въ особенности бумаги, найденныя во время обыска, произведеннаго въ замкѣ Зандерсдорфъ, извѣстномъ притонѣ иллюминатовъ, по приказанію его электоральнаго высочества. Мюнхенъ, 1787 г.

Въ этихъ двухъ томахъ находимъ собраннымъ все, что доказываетъ до очевидности существованіе вполнѣ опредѣленнаго заговора... Во главѣ перваго тома и на заглавномъ листѣ втораго помѣщено слѣдующее замѣчательное предувѣдомленіе, напечатанное по приказанію курфюрста: „тѣ, кто усомнился бы въ подлинности этого сборника, могутъ справиться въ мюнхенскихъ секретныхъ архивахъ, гдѣ приказано показывать желающимъ подлинные документы".

3. „Истинный иллюминатъ", содержащій рубрики: подготовка, новиціатъ, степень Минерваль, степени малый и большой иллюминатъ.

. . . . . .

---

[1]) Вейсгауптъ и его приверженцы были суждены въ Мюнхенѣ за нѣсколько лѣтъ до французской революціи, и въ документахъ ихъ процессовъ Баррюэль и почерпнулъ свои доказательства.

5. Послѣдніе труды Спартака и Филона [1]). Послѣ „Подлинныхъ записокъ", это самое важное изъ появившихся до сихъ поръ сочиненій объ иллюминизмѣ. Оно содержитъ двѣ степени самыя замѣчательныя по таинственнымъ обрядамъ, которыми онѣ обставлены, и по законамъ, которые секта устанавливаетъ для адепта этихъ степеней.

6. Тотъ же издатель составилъ „Критическую исторію степеней иллюминизма", трудъ тоже цѣнный, гдѣ все раскрывается изъ самыхъ писемъ главныхъ адептовъ.

. . . . . .

8. Замѣчательныя показанія объ иллюминатахъ. Существуетъ три такихъ показанія, данныхъ на судѣ подъ присягой. Они подписаны: 1) Козандеемъ, каноникомъ и профессоромъ въ Мюнхенѣ; 2) Реннеромъ, священникомъ и профессоромъ въ той же академіи; 3) Уцшмидеромъ, совѣтникомъ электоральной палаты; 4) Георгомъ Грюмбергомъ, членомъ академіи наукъ и профессоромъ математики..." (т. III, предварительныя замѣчанія).

Эпизодъ изъ жизни Вейсаупта. „... Прочтите сначала слѣдующее письмо Вейсаупта къ своему приверженцу Гертелю, третье по счету во второмъ томѣ Подлинныхъ Записокъ баварскихъ иллюминатовъ. „Теперь, пишетъ Вейсауптъ этому адепту, долженъ сказать вамъ, подъ величайшимъ секретомъ, о состояніи моего сердца... Мнѣ грозитъ опасность потерять мою честь и ту репутацію, которая давала мнѣ столько авторитета надъ нашимъ міромъ. Моя свояченица беременна. Я послалъ ее въ Мюнхенъ, чтобы выхлопотать разрѣшеніе на бракъ и жениться на ней. Но если разрѣшеніе не придетъ,—что мнѣ дѣлать? Какъ возстановлю я честь особы, относительно которой я виновникъ всего преступленія? Мы уже пробовали многое, чтобы вырвать ребенка; она сама рѣшалась на все; но Эврифонъ (?) слишкомъ боязливъ, а другого средства я не вижу. Если бы я былъ увѣренъ въ молчаніи Цельса (фонъ-Будеръ, профессоръ въ Мюнхенѣ), онъ могъ бы помочь мнѣ; онъ обѣщалъ мнѣ это уже три года тому назадъ. Не знаю, какой демонъ..." Тутъ скромность не позволяетъ намъ перевести выраженія, показывающія у Вейсаупта гнуснѣйшую привычку. Онъ продолжаетъ свое признаніе, говоря: „до этой минуты никто ничего не знаетъ объ этомъ, кромѣ Эврифона"... Несмотря на свое крайнее нежеланіе сдѣлать Катону такія же признанія, Вейсауптъ видитъ себя вынужденнымъ написать ему, и послѣ выраженія, указывающаго на ту же гнусную привычку, вотъ точныя слова этого чудовищнаго лицемѣра: „Всего досаднѣе во всемъ этомъ то,

[1]) Spartacus было масонское имя самого Вейсаупта, а Philon—имя одного изъ главныхъ его намѣстниковъ, барона Книгге.

что я потеряю въ большой части мой авторитетъ надъ нашими, то, что имъ обнаружена слабая сторона, за которую они не преминутъ укрыться, когда я буду проповѣдывать имъ мораль и увѣщевать ихъ идти по стезѣ добродѣтели и честности...“ (Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme, t. III, ch. 1).

Кодексъ, система, тайны и инструкціи Вейсгаупта. „... Подъ именемъ „вкрадчиваго брата“ слѣдуетъ понимать здѣсь иллюмината, работающаго надъ залученіемъ новыхъ членовъ въ свой орденъ... Чтобы научиться узнавать субъектовъ, которыхъ можно завербовать, всякій иллюминатъ долженъ прежде всего обзавестись записной книжкой, въ формѣ дневника, Diarium. Усердный соглядатай всего окружающаго, онъ долженъ постоянно наблюдать лицъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе; друзья, родственники, враги, индифференты—всѣ безъ исключенія, должны быть предметомъ его изслѣдованій; онъ долженъ стараться обнаруживать ихъ сильныя и слабыя стороны, ихъ страсти, ихъ предразсудки, ихъ связи, особенно ихъ дѣйствія, ихъ интересы, ихъ состояніе, словомъ — все, что можетъ дать о нихъ самыя подробныя свѣдѣнія; каждый день онъ долженъ отмѣчать въ своей книжкѣ результатъ своихъ наблюденій въ этомъ родѣ.

Это шпіонство, составляющее постоянную и усердно исполняемую задачу всякаго иллюмината, будетъ имѣть двоякую выгоду: одну общую для ордена и его старшихъ, и другую—для самого адепта. Каждый мѣсяцъ онъ долженъ дважды дѣлать сводъ своихъ наблюденій и представлять таковой своимъ старшимъ; и орденъ такимъ образомъ будетъ освѣдомляемъ о людяхъ, въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ, отъ которыхъ можно ожидать покровительства или опасаться оппозиціи. Онъ будетъ знать, какія мѣры нужно принять, чтобы привлечь на свою сторону однихъ или устранить другихъ. Что касается адепта-вербовщика, то онъ лучше узнаетъ лицъ, которыхъ можно предложить къ принятію, и тѣхъ, которыхъ, по его мнѣнію, должно исключить. Въ представляемыхъ имъ ежемѣсячно замѣткахъ онъ долженъ указывать мотивы того и другаго...“ (Ecrits originaux, реформа уставовъ, ст. 9, 13 и слѣд.; Instruction pour les Insinuants, отдѣлъ XI, № 1; для завербованныхъ, №№ 1, 3, 5 и т. д. Письмо къ Аяксу).

Стараясь такимъ образомъ узнать другихъ, братъ-вербовщикъ долженъ остерегаться обнаружить свою принадлежность къ обществу иллюминатовъ. Законъ этотъ обязателенъ для всѣхъ братьевъ, но соблюденіе его особенно необходимо для успѣха вербовщиковъ. Имъ же преимущественно законодатель рекомендуетъ всю эту внѣшность добродѣтели, совершенства и заботу избѣгать скандаловъ, послѣдствіемъ

которыхъ была бы утрата ими своего авторитета надъ умами. Ecrits originaux, t. II, письма 1-е и 9-е).

Это въ особенности для братьевъ-вербовщиковъ законъ содержитъ слѣдующее правило: „практикуйтесь въ искусствѣ притворяться, скрывать свои цѣли и намѣренія, носить личину, наблюдая другихъ, чтобы проникнуть въ ихъ душу...“ (Ecrits originaux, t. I, p. 40, нумера 5, 6 и 8).

Планъ женскаго ордена. „Орденъ этотъ будетъ подраздѣляться на два класса, образующіе каждый отдѣльное общество и даже имѣющіе каждый свой особый секретъ. Первый классъ будетъ состоять изъ добродѣтельныхъ женщинъ; второй—изъ женщинъ вѣтреныхъ, легкомысленныхъ, сладострастныхъ.

Братья, которымъ будетъ поручено управлять ими, сообщатъ имъ свои наставленія, не открывая себя. Они должны руководить первыми посредствомъ чтенія хорошихъ книгъ, а вторыми—развивая ихъ въ искусствѣ удовлетворять секретно свои страсти“.

Этому проекту предпослано вступленіе, такъ объясняющее цѣль и пользу ордена сестеръ-иллюминатокъ: „Выгода, ожидаемая отъ этого ордена, состояла бы въ доставленіи настоящему ордену, вопервыхъ, всѣхъ денегъ, внесенныхъ сестрами, въ видѣ вступной платы, и затѣмъ всѣхъ денегъ, которыя они платили бы за открываемые имъ секреты. Учрежденіе это, сверхъ того, служило бы къ удовлетворенію тѣхъ изъ братьевъ, которые имѣютъ склонность къ удовольствіямъ“. (Ecrits originaux, t. I, отдѣлъ V).

Разныя инструкціи и правила. „...Братъ-вербовщикъ извѣщается еще, что ордену нужны артисты, мастера всякаго рода, живописцы, граверы, ювелиры, слесаря, но особенно книгопродавцы, почтмейстера [1]) и школьные учителя. Онъ узнаетъ впослѣдствіи, какое употребленіе долженъ сдѣлать иллюминизмъ изъ всего этого люда. (Instructions, № 4).

Въ этомъ множествѣ людей надо дѣлать выборъ, часто указываемый законодателемъ. „Ищите мнѣ, напримѣръ, говоритъ онъ своимъ вербовщикамъ, молодыхъ людей ловкихъ, развязныхъ. Намъ нужны адепты вкрадчивые, интриганы, находчивые, смѣлые, предпріимчивые. Намъ нужно, чтобы они были непреклонны, послушны, общительны. Ищите мнѣ еще людей могучихъ, знатныхъ [2]), богатыхъ, ученыхъ. Не ща-

[1]) Когда подумаешь объ арестѣ королевской семьи въ Вареннѣ,—совпаденіе довольно любопытное!...

[2]) Масонство во Франціи, въ моментъ революціи, въ самомъ дѣлѣ насчитывало въ своихъ рядахъ большую часть дворянства.

дите ничего, чтобы завербовать мнѣ такихъ людей. Если небо не помогаетъ, пустите въ ходъ адъ!“ (Письмо 3-е, Аяксу).

. . . . . .

„Наконецъ, тѣ въ особенности, кто испыталъ несчастіе, не отъ простой случайности, а вслѣдствіе какой-либо несправедливости, т. е. тѣ, кого можно съ наибольшей вѣроятностью считать въ числѣ недовольныхъ; вотъ люди, которыхъ нужно звать въ лоно иллюминизма, какъ въ надежное убѣжище“... (Инструкція мѣстныхъ настоятелей).

. . . . . .

„Несчастенъ, сугубо несчастенъ молодой человѣкъ, котораго иллюминаты тщетно пытались увлечь въ свою секту! Если онъ избѣгъ ихъ сѣтей, пусть, по крайней мѣрѣ, не льститъ себя надеждой избѣгнуть ихъ ненависти. Месть тайныхъ обществъ—это не то, что обыкновенная месть. Это подземный огонь ярости. Она неумолима; рѣдко перестаетъ она преслѣдовать свои жертвы до конца, т. е. до тѣхъ поръ, пока не будетъ имѣть удовольствіе увидѣть ихъ закланными“... (Гофманъ, Avis importants, t. II, предисловіе).

„Законъ ордена непреложенъ, особенно въ отношеніи людей, опасныхъ для иллюминизма своими талантами. Надо или залучить ихъ или погубить ихъ въ общественномъ мнѣніи“. (Кодексъ, инструкція для правителя-иллюмината, № 15).

. . . . . .

„...Готовы ли вы дѣлать то, что орденъ требуетъ отъ братьевъ въ этой степени, установляя, чтобы каждый изъ насъ принялъ на себя обязательство ежемѣсячно извѣщать нашихъ начальниковъ о мѣстахъ на службѣ, бенефиціяхъ и другихъ подобныхъ должностяхъ, которыми мы можемъ располагать или добыть посредствомъ нашей рекомендаціи, для того, чтобы наши начальники, получивъ такое извѣщеніе, имѣли случай представлять на эти должности достойныхъ членовъ нашего ордена?.. Вы видите, братъ, что такимъ образомъ, испытавъ лучшихъ изъ людей, мы стараемся мало-по-малу награждать ихъ, служить имъ поддержкой, для того, чтобы нечувствительно дать міру новую форму... О, мой другъ! О, братъ! О, мой сынъ! Когда, собравшись здѣсь, вдали отъ профановъ, мы видимъ, до какой степени міръ преданъ злымъ, сколько гоненій и бѣдъ составляютъ удѣлъ честнаго человѣка, можемъ ли мы, при этомъ зрѣлищѣ, молчать, довольствоваться одними вздохами? Не будемъ ли мы стараться свергнуть иго?—Нѣтъ, братъ, положитесь на насъ! Ищите вѣрныхъ содѣйствователей не въ шумной сутолокѣ и въ городахъ; они скрыты во мракѣ. Защищенные тѣнями ночи, тамъ они, одинокіе, молчаливые или соединенные въ немногочисленные кружки, послушныя дѣти, дѣлаютъ великое дѣло подъ руководствомъ своего главы!

„...Но, въ этомъ великомъ проектѣ, духовенство и государи оказываютъ намъ сопротивленіе; мы имѣемъ противъ себя политическія учрежденія народовъ. Что дѣлать въ этомъ положеніи вещей?.. Надо нечувствительно связать руки защитникамъ безпорядка и управлять ими, не показывая вида, что господствуешь надъ ними. Словомъ—нужно установить всемірный господствующій режимъ... Вокругъ властей земли нужно собрать легіонъ неутомимыхъ людей и повсюду руководить ихъ работой, по плану ордена, ко благу человѣчества... Но все это должно дѣлать втихомолку; наши братья должны взаимно поддерживать другъ друга, помогать добрымъ въ угнетеніи и стараться пріобрѣтать всѣ мѣста, дающія могущество, для успѣха дѣла... Вы видите, братья, обширное поле, открывающееся для вашей дѣятельности. Сдѣлайтесь нашими достойными сотрудниками, содѣйствуя намъ всѣми вашими силами. У насъ нѣтъ труда, который бы остался безъ вознагражденія...

„...Но, наконецъ, знаешь ли ты, что такое тайныя общества, какое мѣсто они занимаютъ и какую роль играютъ въ событіяхъ этого свѣта? Не принимаешь ли ты ихъ за явленія незначительныя и мимолетныя? О, братъ! Богъ и природа, располагая каждую вещь для надлежащаго времени и мѣста, имѣютъ свою удивительную цѣль, и пользуются этими тайными обществами, какъ единственнымъ необходимымъ средствомъ, чтобы вести насъ къ ней! Слушай и исполнись удивленія! Здѣсь та точка зрѣнія, къ которой стремится вся мораль, и отъ которой зависитъ пониманіе права тайныхъ обществъ и всей нашей доктрины, всѣхъ нашихъ понятій о добрѣ и злѣ, о правдѣ и кривдѣ. Вотъ ты между міромъ прошлымъ и міромъ грядущимъ. Брось смѣлый взглядъ на прошлое: въ мигъ десять тысячъ запоровъ, скрывающихъ будущее, падаютъ, и всѣ его двери открываются передъ тобой! Ты увидишь неистощимое богатство Бога и природы, униженіе и достоинство человѣка. Ты увидишь міръ и родъ человѣческій въ его юности, если не въ дѣтствѣ, тамъ, гдѣ ты думалъ найти его въ состояніи дряхлости, близкимъ къ разрушенію и позору!..

„Первый вѣкъ человѣческаго рода есть вѣкъ дикой, грубой природы. Семья составляетъ единственное общество; голодъ и жажда, легко удовлетворимые, да кровъ отъ непогоды—вотъ единственныя потребности этого періода. Въ этомъ состояніи человѣкъ пользовался двумя самыми цѣнными благами—равенствомъ и свободой; онъ пользовался ими во всей ихъ полнотѣ; онъ пользовался бы ими вѣчно, если бы пошелъ по дорогѣ, которую ему указывала природа... Вскорѣ у людей развивается злополучный зародышъ; и первоначальные ихъ покой и счастье исчезаютъ. По мѣрѣ того, какъ семьи размножались, средства пропитанія становились все болѣе и болѣе недостаточными;

кочевая или бродячая жизнь прекратилась, возникла собственность. Люди выбрали себѣ постоянное мѣсто жительства... Языкъ развился. Живя вмѣстѣ, люди начали измѣрять и сравнивать силы другъ друга, начали различать слабыхъ и сильныхъ. Тутъ, безъ сомнѣнія, они увидали, какъ можно бы было помогать другъ другу, какъ умъ и сила одного индивида могли бы управлять многими соединенными въ общество семействами и охранять ихъ поля отъ нападеній врага; но тутъ свобода была разрушена въ самомъ ея основаніи, и равенство исчезло...

„Вотъ почему дикари—самые просвѣщенные изъ людей, и, быть можетъ, также единственные свободные... Мы имѣли свободу и утратили ее, чтобы вновь найти ее и уже болѣе не терять, чтобы изъ самаго лишенія ея научиться впредь лучше пользоваться ею...

„...Предоставьте людямъ съ ограниченнымъ кругозоромъ разсуждать и заключать по-своему; они все будутъ выводить заключенія, а природа будетъ неустанно дѣйствовать. Неумолимая къ ихъ корыстнымъ притязаніямъ, она идетъ впередъ, и ничто не можетъ остановить ея величественное шествіе...

„Кто хочетъ сдѣлать людей свободными, тотъ научаетъ ихъ обходиться безъ вещей, пріобрѣтеніе которыхъ не въ ихъ власти. Онъ просвѣщаетъ ихъ, онъ придаетъ имъ смѣлости. Если вы не можете дать разомъ эту степень свѣта всѣмъ людямъ, начинайте, по крайней мѣрѣ, сами просвѣщаться, дѣлаться лучшими. Оказывайте помощь и поддержку взаимно другъ другу, увеличивайте ваше число, дѣлайтесь, по крайней мѣрѣ, сами независимыми. Сдѣлались ли вы довольно многочисленными? Усилились ли вы отъ вашего соединенія? Не колеблитесь болѣе; начинайте дѣлаться могучими и грозными злымъ! Отъ одного того, что вы достаточно многочисленны, чтобы говорить сильнымъ языкомъ, злые профаны начинаютъ дрожать. Чтобы не пасть въ неравной борьбѣ съ болѣе многочисленнымъ противникомъ, многіе сдѣлаются добрыми сами собой и станутъ подъ ваши знамена. Вскорѣ вы будете достаточно сильными, чтобы связать руки другимъ, чтобы покорить и задавить злобу въ самомъ ея зародышѣ! Начни съ самого себя; затѣмъ повернись къ сосѣду; вы двое просвѣтите третьяго, четвертаго, и эти пусть также умножаютъ дѣтей свѣта, до тѣхъ поръ, пока число и сила не дадутъ намъ могущества“!.. (Кодексъ иллюминизма, 5, 6 и 7 части; цитированный и переведенный Баррюэлемъ, т. III, гл. IV, V, VI, VII, VIII и IX).

. . . . . .

„Истинная мораль есть не что иное, какъ искусство научить людей сдѣлаться совершеннолѣтними, свергнуть иго опеки, войти въ возрастъ возмужалости, обходиться безъ государей или правителей“...

(Рѣчь Іерофанта къ посвященному о малыхъ тайнахъ иллюминизма Баррюэль, t. III).

. . . . . .

„Эти тайныя общества, хотя бы даже они не достигали нашей цѣли, подготовляютъ намъ пути. Они дѣлаютъ людей болѣе индифферентными къ интересамъ правительствъ; они отнимаютъ у церкви и государства лучшихъ и самыхъ трудолюбивыхъ людей. Уже однимъ этимъ они подкапываютъ основы государствъ, хотя бы даже не умышленно". (Рѣчь Іерофанта. Баррюэль).

. . . . . .

„Можетъ быть, думаютъ, что эта степень (степень Эпопта-иллюмината) есть высшая, важнѣйшая; у меня, однако, имѣются еще три безконечно болѣе важныя степени, которыя я оставлю для нашихъ великихъ тайнъ. Но я храню ихъ у себя.

„Надъ степенью регента я сочинилъ четыре другія степени, и даже рядомъ съ меньшей изъ этихъ четырехъ наша степень жрецовъ будетъ не болѣе, какъ дѣтская игра". (Подлинныя записки, т. II, письма 15, 16 и 24, къ Катону. Баррюэль).

. . . . . .

„Надо, чтобы наша машина была такъ совершенна въ своей простотѣ, чтобы даже ребенокъ могъ управлять ею". (Письма къ Катону, февраль и мартъ 1781 г. Баррюэль).

. . . . . .

„Въ этомъ мірѣ литературы, тѣ или другіе роды господствуютъ въ свое время и вызываютъ восхищеніе слабыхъ голосовъ. Иногда это—произведенія религіознаго энтузіазма, иногда—сантиментализмъ, другой разъ — философскій духъ, иной разъ — пасторали, рыцарскіе романы, поэмы, оды, наводняютъ книжный рынокъ. Надо стараться ввести также въ моду тѣ принципы нашего ордена, которые стремятся къ достиженію счастія рода человѣческаго.

„Надо завоевать нашимъ принципамъ благосклонность моды, для того, чтобы молодые писатели распространяли ихъ въ народѣ и служили нашимъ цѣлямъ, хотя бы и не хотѣли этого".

„Надо также, чтобы разгорячить головы, проповѣдывать съ величайшимъ жаромъ общій интересъ Человѣчества".

„Вы должны заботиться о томъ, чтобы писанія нашихъ адептовъ расхвалялись въ публикѣ, чтобы о нихъ протрубили въ газетахъ, и принять мѣры къ тому, чтобы журналисты не выставляли нашихъ писателей людьми подозрительными". (Инструкція для степени, „Просвѣщеннаго Эпопта", Barruel, t. III).

. . . . . .

„Когда какой-либо писатель возвѣщаетъ принципы, которые сами

по себѣ истинны, но которые еще не входятъ въ нашъ планъ воспитанія для міра; или же принципы, оглашеніе которыхъ еще преждевременно,—надо стараться привлечь этого автора на нашу сторону. Если намъ не удастся залучить его и сдѣлать его нашимъ адептомъ, то надо уронить его въ мнѣніи публики".

„Если бы какой-либо правитель задумалъ упразднить монастыри и дать ихъ имуществу назначеніе, соотвѣтствующее нашей цѣли, напримѣръ, употребить его на содержаніе школьныхъ учителей, годныхъ для деревни, проекты этого рода были бы очень желательны для нашихъ начальниковъ".

Когда между нашими адептами находится человѣкъ ученый и талантливый, но мало извѣстный, или даже совсѣмъ не извѣстный публикѣ, употребимъ всѣ средства, чтобы возвысить его, доставить ему громкую извѣстность. Пусть наши неизвѣстные братья повсюду прославляютъ его". (Instruction du Régent, ou Prince Illuminé. Cité par Barruel, t. III, chap. XV).

„Тотъ будетъ подлецомъ, кто нарушитъ клятву, данную на честь моего общества. Какого бы ранга онъ ни былъ, онъ будетъ объявленъ безчестнымъ во всемъ орденѣ, будетъ объявленъ безъ пощады и надежды! Я хочу, чтобы они были предупреждены; пусть они зрѣло взвѣсятъ, насколько страшна эта клятва честью моего ордена; хочу, чтобы имъ представили ясно и живо всѣ послѣдствія этого клятвопреступленія". (Ecrits originaux, t. II, письмо 8-е, къ Кантону).

Извлеченія изъ сочиненія о. Дешана „Les Sociétés secrétes et la Société" (т. I, стр. 546 и слѣд.):

„Общіе конвенты масонства, созываемые въ Парижѣ распорядительнымъ комитетомъ Филалетовъ (друзья истины), настоятелей почтеннѣйшихъ ложъ соединенныхъ друзей въ Парижскомъ „Востокѣ", собирались тамъ. Ихъ тайные комитеты обсуждали какъ дѣла, опредѣленно указанныя въ циркулярѣ о созывѣ конвента, такъ и тѣ, о которыхъ циркуляръ упоминалъ, какъ о болѣе важныхъ работахъ, которыя благоразуміе не дозволяло довѣрять бумагѣ и еще менѣе типографскому станку. Въ качествѣ исполнительнаго органа образовался особый клубъ или ложа пропаганды. Изъ предыдущей главы мы уже знаемъ, что разсказываетъ объ этомъ Бертранъ-де-Молевиль въ своей исторіи революціи; знаемъ, что его комитетъ рѣшилъ терроръ, какъ средство къ достиженію цѣли. Предметъ дѣятельности этого комитета и списокъ его главныхъ членовъ указаны въ бумагахъ, найденныхъ у кардинала де-Берни".

Списокъ почтенныхъ членовъ клуба пропаганды, собранія котораго происходятъ въ улицѣ Ришелье, 26, въ Парижѣ:

„Клубъ этотъ, какъ всѣмъ извѣстно, имѣетъ цѣлью не только

утвержденіе революціи во Франціи, но также введеніе ея у всѣхъ другихъ народовъ Европы и низверженіе всѣхъ нынѣ установленныхъ правительствъ. Статуты были отпечатаны отдѣльно. Къ 23 марта 1799 г. въ кассѣ находилось 1.500.000 франковъ, изъ которыхъ 400.000 фр. были доставлены герцогомъ Орлеанскимъ; остальная сумма образовалась изъ взносовъ почтенныхъ членовъ, при ихъ пріемѣ. Фондъ этотъ предназначенъ на расходы по поѣздкамъ миссіонеровъ, называемыхъ апостолами, и на изданіе зажигательныхъ брошюръ, которыя сочиняются для достиженія столь спасительной цѣли. Всѣ дѣла, какъ внутреннія, такъ и иностранныя, подготовляются и вносятся на разсмотрѣніе клуба комитетомъ изъ пятнадцати членовъ, подъ предсѣдательствомъ аббата Сійесъ".

Послѣ главныхъ именъ, оставленъ большой пробѣлъ, — были ли это имена членовъ обыкновенныхъ комитетовъ?—Затѣмъ, съ начала слѣдующей страницы, списокъ продолжается:

Всѣ эти имена, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, уже фигурировали въ ложахъ Парижа, провинцій и заграницы, и носители ихъ во Франціи вскорѣ выступили дѣятельно и во французской революціи, и въ большинствѣ членовъ ея собраній.

Редакторъ-Издател

Открыта подписка на 1906 годъ

(двадцать седьмой годъ)

на ежемѣсячное литературно-политич. изданіе

„Русская Мысль."

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. и перес.	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу:	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ годовой цѣны журнала.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

Москва, Ваганьковскій переул., домъ Куманина.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ:

книжный магазинъ Н. П. Карбасникова.

Редакторъ ***В. М. Лавровъ.***

Редакторъ-издатель ***В. А. Гольцевъ.***

рахъ, о выборахъ индивидуальныхъ и коллективныхъ, о кандидатурахъ, о подачѣ голосовъ явной или тайной и о срокѣ выборовъ. Подъ прямыми выборами разумѣется такой порядокъ, когда избиратели непосредственно выбираютъ представителей; подъ косвенными,—когда они выбираютъ сперва особыхъ выборщиковъ, а уже эти послѣдніе—депутатовъ. Въ четвертой главѣ г. Григорьевъ разсматриваетъ положеніе депутатовъ,—вопросъ, который, не стоя въ прямой зависимости отъ выборной организаціи, тѣмъ не менѣе оказываетъ весьма существенное вліяніе на самые выборы. Мало знать, кто, кого, какъ и когда будетъ выбирать. Необходимо знать также и то, въ какомъ положеніи будутъ тѣ, кого выберутъ; этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ до выборовъ, такъ какъ иначе невольно возникнетъ мысль,—да стоитъ ли вообще-то кого-нибудь выбирать. Прежде всего, депутатъ считается представителемъ не избравшей его группы населенія, а всего государства; депутату гарантируется неприкосновенность личности и свобода слова. За свои рѣчи и участіе въ рѣшеніяхъ палаты депутатъ ни передъ кѣмъ не отвѣчаетъ и за свои мнѣнія не можетъ подвергнуться никакому преслѣдованію. Неприкосновенность личности депутата имѣетъ цѣлью оградить народное представительство отъ воздѣйствій со стороны правительства.

Наиболѣе существеннымъ для населенія вопросомъ въ положеніи представителей является вопросъ о вознагражденіи. Если депутаты не получаютъ жалованья, это будетъ косвенное ограниченіе избирательнаго права, такъ какъ тогда только экономически состоятельные граждане будутъ въ состояніи принять на себя депутатскія полномочія. У насъ членамъ Государственной Думы установлено суточное вознагражденіе по 10 руб. въ день и путевыя издержки по 5 к. съ версты. Но, конечно, лучше и проще, если депутаты получаютъ напередъ опредѣленное жалованье. Размѣръ жалованья, разумѣется, зависитъ отъ финансовъ страны. Франція платитъ своимъ депутатамъ въ сущности мало: около 3.600 руб.; Германія и Англія—ничего.

Еще одно косвенное ограниченіе для избирательнаго права заключается въ присягѣ. Если для участія въ засѣданіяхъ палаты требуется присяга по обряду какого-либо одного вѣроисповѣданія,—очевидно, иновѣрцы быть депутатами не могутъ. Въ Англіи, гдѣ присяга не имѣетъ вѣроисповѣдной окраски, а состоитъ только въ обѣщаніи именемъ Бога, возникъ вопросъ даже объ исключеніи этихъ словъ, по поводу заявленія одного депутата, что онъ атеистъ. Во Франціи присяга вообще не требуется; въ большинствѣ другихъ странъ она признается и носитъ вообще религіозный характеръ.

Вопросъ этотъ у насъ удачно разрѣшенъ Учрежденіемъ Государственной Думы: по ст. 13-й, члены ея даютъ за своею подписью торжественное обѣщаніе Именемъ Бога, безъ всякой вѣроисповѣдной окраски.

Таково содержаніе интересной книги г. Григорьева.

Картины родины—типичные ландшафты Россіи въ связи съ геологическимъ прошлымъ. А. П. Нечаева. Съ 62 рисунками. Цѣна 1 руб.

Разсматриваемая нами книга представляетъ воспроизведеніе лекцій, читанныхъ ученикамъ старшихъ классовъ петербургскихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Видя, съ какою отзывчивостью и интересомъ относилась учащаяся молодежь къ этимъ лекціямъ, авторъ счелъ не безполезнымъ сдѣлать свои чтенія доступными для болѣе широкаго круга читателей.

По содержанію своему книга представляетъ популярный очеркъ морфологіи европейско-русской равнины. Вопросы морфологіи совершенно игнорируются многими учебниками и программами, даже въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, между тѣмъ этотъ отдѣлъ физическаго землевѣдѣнія, несомнѣнно, имѣетъ важное образовательное значеніе.

Не входя въ подробное теоретическое разсмотрѣніе вопроса, А. П. Нечаевъ даетъ яркія картины типичныхъ областей Европейской Россіи. Факты, излагаемые въ этой книгѣ, не представляются научно новыми; многіе изъ нихъ впервые появляются въ общедоступной разработкѣ. То, что было разбросано въ огромномъ множествѣ спеціальныхъ статей и сочиненій нашихъ изслѣдователей-ученыхъ,—изложено г. Нечаевымъ въ связной картинѣ и пополнено новыми данными, пріобрѣтенными во время многочисленныхъ поѣздокъ его по Европейской Россіи. Но не факты—самое главное въ этой книгѣ; важно освѣщеніе, которое имъ дано. Безспорно, книга эта будетъ имѣть распространеніе и за предѣлами школы, такъ какъ вопросы, затронутые въ ней, — представляютъ значительный интересъ и для широкаго круга читателей. Въ особенности она цѣнна для художниковъ-пейзажистовъ.

Главное назначеніе книги—служить учащемуся поколѣнію. А. П. Нечаевъ съ любовью набрасываетъ и истолковываетъ родные ландшафты; и, несомнѣнно, книга его заложитъ въ юныя сердца зерна любви къ нашей странѣ, къ ея природѣ,—на первый взглядъ невзрачной и унылой, но проникнутой глубокой поэзіей.

Книга снабжена прекрасными иллюстраціями, и ей нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1906 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о дѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1905 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

2 06
50
40
21
12
20
25
20
15
15
15
469

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

~~371 - 23/~~ XII				
~~188 - 8/~~ III				
61 - 13/IX				
383 - ~~25/~~ 5				